T8 3/18.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СССР

Ун 8 3/18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПИСЬМЕННОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Сборник I

(К VI пленуму ВЦК НА)

Под редакцией: Д. Коркмасова (ответств. редактор),
К. Алавердова, С. Диманштейна, А. Нухрат

ИЗДАНИЕ ВЦК НА
МОСКВА · 1933 · ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 3990
13. "а" VI 1934 г.

Редактор издания Д. Коркмасов

Технический редактор Н. Лихачев — Ученые корректоры М. Севастьянов и Н. Редько

Слано в набор 25 июня 1933 г. — Подписано к печати 2 августа 1933 г.

Формат бумаги 72 × 110 см. — 14 3/4 печ. листов — 56816 тип. зн. — тираж 2000

Главлит № В. 58500. — АНИ № 216. — Заказ № 1434

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., 12

ВПЕРЕД К ДАЛЬНЕЙШИМ ПОБЕДАМ НА ФРОНТЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Октябрьская революция вызвала грандиозный, невиданный в мире порыв трудящихся масс Союза к знанию.

Вся история послеоктябрьского периода с исключительной убедительностью показала, что рабочий класс, руководимый своей ленинской партией, ведя за собой миллионные массы трудящихся, может достигнуть на фронте просвещения таких успехов, которые совершенно невозможны в буржуазном государстве.

Эти успехи особенно разительны на фронте национального просвещения. На протяжении всего послеоктябрьского периода трудящиеся многонационального Советского союза, на основе ленинской национальной политики, под руководством коммунистической партии, преодолевая сопротивление классового врага, показывали образцы героической настойчивости и революционного натиска в борьбе за изживание своей отсталости, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима.

И теперь, в начале второй социалистической пятилетки, мы имеем все основания гордиться достигнутыми успехами. Однако, ни на минуту не должны мы забывать о больших недочетах в нашей работе и о тех громадных задачах, выполнение которых требует от нас дальнейшей мобилизации сил, большевистской бдительности и упорства.

Совершенно бесспорно, что в деле культурного подъема народов СССР громадную положительную роль сыграл латинизированный алфавит, сменивший старые, архаичные, клерикальные формы письменностей. Он, как технически более совершенный и легко доступный массам, явился мощным орудием проведения ленинской национальной политики, подлинным революционным массовым алфавитом трудящихся не только у нас в Союзе, но и за рубежом.

Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита, в результате многолетней борьбы за новый алфавит, может внести в свой актив тот факт, что 70 народов СССР пользуются уже этим алфавитом. На этом алфавите десятки миллионов трудящихся ликвидировали свою неграмотность и строят пролетарскую по содержанию, национальную по форме культуру.

Благодаря этому алфавиту в десятки раз убыстрились темпы ликвидации неграмотности. Ряд республик и автономных областей вплотную подошли к сплошной грамотности на основе нового алфавита.

И сегодня мы можем сказать, что вчерне работа по линии латинизации закончена. Ближайшая задача заключается в закреплении и в дальнейшем развитии достигнутых успехов.

VI Пленум ВЦК НА должен наметить те конкретные мероприятия, которые должны будут обеспечить закрепление и внедрение имеющихся результатов.

Новый этап на фронте национально-культурного и, в частности, языкового строительства, выдвигает иные задачи, неимоверно более сложные, более ответственные. Эти задачи неизбежно должны были быть выдвинуты всем ходом социалистического строительства. Обусловленный правильным проведением ленинской национальной политики и созданием в национальных республиках и районах мощных индустриальных баз, бурный рост национальных по форме и пролетарских по содержанию культур закономерно связывается с тем, что трудящиеся в процессе своего культурного развития выдвигают новые, более сложные требования.

В связи с этим одна из основных и серьезнейших задач, стоящих перед VI Пленумом, заключается именно в том, чтобы во всей сумме вопросов, встающих перед ВЦК НА на данном этапе определить основное звено.

Таким звеном явятся вопросы создания и регулирования национальных терминологий, орфографий литературных языков, словарей и грамматик.

Вопросы эти сейчас — коренные вопросы и они должны быть поставлены Пленумом со всей остротой.

С точки зрения именно этих вопросов должны быть определены как дальнейшие методы работы ВЦК НА, так и те изменения, которые может быть потребуется провести в его организационной структуре.

Чтобы оценить всю политическую важность правильного разрешения, например терминологической проблемы, достаточно посмотреть, как часто из-за господствующей кустарщины в этом отношении, отсебятины, а иногда и непроходимого политического невежества переводчиков приносится неисчислимый вред делу усвоения трудящимися учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Неразрешенность терминологической проблемы сплошь и рядом приводит к безобразным, граничащим с вредительством, искажениям партийных лозунгов и партийных документов, что, разумеется, старается использовать в своих целях классовый враг.

Совершенно несомненно, что наблюдающиеся в строительстве национальных терминологий, орфографий литературных языков — прорывы и недочеты являются болезнями нашего бурного культурного роста, но именно поэтому необходима мобилизация всех наших сил на разрешение этих задач. Было бы преступлением в дальнейшем предоставлять это дело хоть в какой-либо степени самотеку.

Необходимо в самом срочном порядке исчерпывающе изучить все то, что делается сейчас и в центре и на местах по разработке терминологии, орфографии и литературных языков. Необходимо внести четкую плановость в эту работу, создать крепкий научный центр и сосредоточить в нем лучшие силы и по-настоящему руководить этим делом.

Практика национально-культурного строительства в послереволюционные годы вырастила значительные кадры национальных работников, располагающих ценнейшим опытом. Необходимо серьезнейшим образом заняться учетом этих кадров, подытоживанием их опыта.

Наконец, следует отметить, что советская лингвистика в лице нашего крупнейшего ученого с мировым именем — акад. Н. Я. Марра пролила свет на целый ряд актуальнейших лингвистических проблем, которые буржуазным языкознанием или намеренно обходились или попросту не могли быть решены, поскольку исходные позиции буржуазного языкознания являются порочными. Научные работы Н. Я. Марра и его личное участие оказывали громадную помощь ВЦК НА.

При разрешении труднейших задач, которые ныне встали перед ВЦК НА, яфетическая теория — ее теоретические основы и колоссальный фактический материал, разработанный ею — должна быть максимально использована.

Исполняющийся 45-летний юбилей славной научной деятельности Н. Я. Марра является прежде всего нашим праздником.

Наряду с указанными выше вопросами предстоящему пленуму ВЦК НА придется разрешить и ряд других вопросов, приобретающих сейчас большое значение. Сюда следует отнести вопросы применения нового алфавита в технике (на телеграфе, в машинописи, полиграфии), вопросы подготовки кадров, изучения языков мелких по численности народностей и т. д.

Для успешного разрешения вставших перед нами задач требуется коренной перелом в самих методах нашей работы.

Но мы с уверенностью говорим, что как ни трудны, как ни сложны задачи, стоящие перед ВЦК НА, — они будут разрешены. Порукой этому — неопровержимая сила ленинской национальной политики, проверенной опытом многомиллионных многонациональных трудящихся масс на огромной территории, порукой тому учение Маркса-Ленина-Сталина, порукой тому большевистское руководство нашей партии, ее Ленинского ЦК во главе с вождем пролетариата — т. Сталиным.

К. АЛАВЕРДОВ

К ИТОГАМ ПЕРВОГО ПЛЕНУМА НАУЧНОГО СОВЕТА ВЦК НА

(16—20 февраля 1933 г.)

Созыв Первого Пленума Научного Совета совпал с пятилетним юбилеем Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита и началом второй социалистической пятилетки.

Это обстоятельство обязывает нас, с одной стороны, подвести итоги пройденного этапа научной деятельности ВЦК НА, а с другой, — дать оценку работы Первого Пленума Научного Совета под углом тех грандиозных задач, которые выдвигаются всем ходом социалистического строительства во второй пятилетке.

Дело латинизации архаических форм письма и создание латинизированной письменности для бесписьменных народов нашего многонационального Союза имеет десятилетнюю историю.

Можно и нужно говорить о значительных недочетах и ошибках, имевших место в деле латинизации за это время. Можно и нужно говорить о значительном отставании дела латинизации в течение прошедших десяти лет от запросов бурно развивающихся национальных языков. Наконец, нетрудно было бы указать на ряд явных идеологических прорывов на отдельных участках этого фронта.

Но совершенно бесспорно следующее. Факт замены кастовых, клерикальных, архаичных алфавитов — алфавитом латинизированным, равно как и факт разработки латинизированной письменности для десятков бесписьменных народов, — является блестящей иллюстрацией того, как социалистическое содержание, играя решающую роль в культурном строительстве многомиллионных масс Советского Союза, предопределяет направление развития национальной формы.

Нельзя недооценивать исключительного значения и того факта, что с самого начала деятельности Центрального Комитета Нового Алфавита был взят курс на унификацию новых алфавитов, что является фактором громадной интернациональной значимости.

Наконец, эффективность приобщения многомиллионных масс к пролетарской культуре через более доступную легкую форму латинизированного письма выбило из рук представителей эксплоататорских классов наиболее «убедительные», пропитанные ядом национал-шовинизма, аргументы за сохранение в неприкосновенности кастовых письменностей. Развернувшаяся же вокруг нового алфавита острейшая классовая борьба явилась прекрасной школой политического воспитания для трудящихся

наших национальных республик и районов. Здесь трудящиеся под руководством нашей партии научились распознавать новые приемы, особую тактику классового врага и бить его со всей большевистской силой и беспощадностью.

Но было бы неверно, вредно думать, что дело латинизации в настоящий момент можно считать завершенным и что указанные выше достижения достаточно закреплены и освоены.

Прежде всего в области самой латинизации остается непочатый круг вопросов, порой чрезвычайно сложных, требующих срочного разрешения. Сюда нужно отнести вопросы уточнения и дальнейшего упрощения отдельных алфавитов, унификации еще не унифицированных алфавитов, вопросы усовершенствования букв нового алфавита с точки зрения графической, полиграфической, педагогической и т. д.

Следует помнить, что на протяжении всех десяти лет в области латинизации дело не ограничивалось вопросами только алфавитного порядка. И при переходе отдельных национальностей с отсталых форм письма на новый алфавит, как и при создании алфавитов для ранее бесписьменных народов, неизменно вставал и не мог не встать целый ряд других вопросов, без разрешения которых разработка нового алфавита являлась невозможной. Здесь неизбежно приходилось иметь дело со сложнейшей проблемой литературного языка в его отношении к диалектам. От разрешения этой проблемы зависело установление системы фонем данного языка. И лишь после правильного разрешения этой последней задачи мог быть поставлен вопрос о количестве графем в данном конкретном алфавите.

Далее, разработка алфавитов теснейшим образом связывалась с другим, не менее важным вопросом — орфографией, который неизбежно вставал сейчас же после разработки алфавита. А вопросы орфографии неизбежно требовали детального изучения грамматической структуры данного языка.

Наконец, параллельно с развитием национальной письменности необходимо было начать работу по созданию терминологии.

Ясно, что с самого своего возникновения, латинизация не могла замыкаться в узкие рамки разработки алфавитов. Тем не менее следует сказать, что в плане работ ВЦК НА до самого последнего времени основной упор делался именно на вопросы алфавитного порядка.

Тем самым предрешался вопрос о неполноценности, с научной стороны, той работы, которая была проделана как ВЦК НА, так и его местными комитетами. Именно недоучет всей громадной принципиальной и политической важности предварительного разрешения указанных выше основных проблем привел к тому, что, во-первых, некоторая часть алфавитов оказалась качественно недостаточно высокой с точки зрения научных требований, а, во-вторых, самые вопросы литературного языка, терминологии, грамматики, орфографии и т. д. до настоящего времени все еще ждут своего разрешения. Отсюда значительный самотек, кустарщина и большие идеологические прорывы, которыми нередко характеризовалась алфавитная, орфографическая и терминологическая практика центра и мест. Эти ошибки и недочеты проистекали и из целого ряда других обстоятельств.

Прежде всего наша языковедная наука по целому ряду основных вопросов не давала достаточно четких ответов. Буржуазная же лингвистика по вполне понятным причинам кардинальнейшие вопросы национального языкового строительства просто оставляла без внимания, да она и не могла их разрешить, будучи в своих исходных позициях порочной.

К этому следует прибавить, что наши наиболее мощные лингвистические учреждения меньше всего занимались вопросами языкового строительства. Производственные планы этих учреждений даже за последние годы ясно говорят об этом. Такое положение приводило к тому, что и центр, и места для разрешения актуальнейших вопросов, выдвигаемых в ходе строительства национальных языков и письменностей, не имели нужных квалифицированных кадров. Последнее в конечном счете определяло недостаточно высокое качество научной работы центральных и местных органов латинизации.

Наконец, необходимо отметить недостаточное внимание и недооценку со стороны ВЦК НА важности вопросов учета. За истекшие десять лет практика латинизационной работы в центре и на местах выростила большое число работников, которые фактически на своих плечах несли всю тяжесть разработки сложных вопросов языкового строительства. Работники эти накопили ценнейший опыт, который по существу ни одним учреждением не был учтен, проанализирован и в достаточной мере использован.

Между тем на основе правильного проведения ленинской национальной политики и хозяйственного роста наших национальных республик и областей, обусловленного успехами социалистического строительства, происходил бурный рост национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов Союза ССР. Этот рост неизбежно был связан с тем, что национальности, вышедшие на широкую дорогу культурного развития, в ходе этого развития предъявляли более повышенные требования к своему руководящему центру — ВЦК НА, научный орган которого (Научный Совет) перед лицом новых и значительно более сложных запросов оказался недостаточно вооруженным. И совсем не случаен тот бесспорный факт, что за последние годы вопросы научного порядка стали стержневыми, ведущими вопросами в работе Центрального Комитета Нового Алфавита. Именно поэтому не случаен и самый факт созыва расширенного пленума Научного Совета впервые за все годы существования ВЦК НА. Необходимость этого пленума подготовлялась всем ходом культурного развития народов СССР и задачами, выдвигаемыми второй социалистической пятилеткой в области культурного строительства.

Задача изживания в период второй пятилетки культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима, требовала от ВЦК НА постановки на этом участке всех основных вопросов, разрешение которых могло бы обеспечить продвижение вперед культуры народов СССР в соответствии со всем ходом социалистического строительства.

Необходимо было: 1) изучить, обобщить и использовать в дальнейшей работе тот огромный опыт, который за истекшее время накопился на местах, 2) оглянуться на пройденный этап и развернуть со всей большевистской силой критику допущенных в прошлом ошибок, 3) привлечь к разработке вопросов национальных письменностей выросшие в после-октябрьский период национальные лингвистические кадры, а также научно-исследовательские институты центра и мест и отдельные организации, связанные в своей работе с проблемами национальной письменности, 4) коллективными усилиями наметить те принципиальные положения и конкретные пути и мероприятия, которые могли бы направить дело развития национальных языков и письменностей большевистскими темпами по правильному руслу.

Эти задачи стояли перед первым Пленумом Научного Совета и определили содержание его работы.

Прежде всего следует отметить, что за последние два года удалось создать вокруг научных вопросов, прорабатываемых в ВЦК НА, значительный актив из научных работников центра и мест. К выполнению производственного плана Научного Совета за 1932 г. был привлечен ряд научно-исследовательских организаций. Это обстоятельство облегчило привлечение к работе Пленума значительного числа лингвистических учреждений.

Активное участие в работах Пленума приняли следующие институты и организации: Институт языка и мышления Академии Наук (ИЯМ), Институт востоковедения Академии Наук (ИВАН), Ассоциация востоковедения Коммунистической Академии, Ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП), Институт Литературы Комакадемии, Ленинградский историко-лингвистический институт, Институт Психотехники, педагогики и педологии, Институт языка (НИЯЗ), Институт национальностей, Педагогический институт им. т. Бубнова, Институт национальной педагогики, Центральный Институт подготовки кадров народного образования, Кафедра языка коммунистического университета им. т. Сталина (КУТВ), Кафедра языка коммунистического университета народов Запада (КУНМЗ), Краснодарский, Осетинский, Дагестанский и Бурят-Монгольский научно-исследовательские институты, Сектор науки Наркомпроса РСФСР, Национальный сектор ОГИЗ'а, Партиздат, Национальное отделение Профиздата, редакция иностранных словарей, Центральный Совет Союза Воинствующих безбожников, издательство «Иностранный рабочий», Издательство «Советское законодательство», редакции «Революция и Национальности», «Коммунист», представители ТАСС и ряд других учреждений и организаций.

Факт объединения представителей такого количества авторитетных учреждений и организаций вокруг актуальных проблем языкового строительства говорит сам за себя. Собственно говоря, за все истекшие годы мы имеем первую попытку осуществить такое объединение, и она не могла не быть эффективной и в значительной мере гарантировала продуктивность работы Пленума. Выступление акад. Н. Я. Марра с методологическим докладом по вопросам письма и языка и участие, принятое им в обсуждении отдельных вопросов, определило в целом направление теоретической работы Пленума. Основной вывод, напрашивающийся из создавшейся обстановки и работы Пленума заключается в том, что Центральный Комитет Нового Алфавита без твердой достаточной научной базы в дальнейшем не может справиться с теми научными задачами, которые уже сейчас выдвинуты жизнью и в дальнейшем будут выдвигаться с еще большей настойчивостью. Создание такой базы — неотложная задача, которую нужно разрешить в ближайшее время. До создания же такой базы необходимо добиться координации работы научно-исследовательских учреждений вокруг вопросов национальной письменности.

Пленум заслушал отчетный доклад Научного Совета и в связи с этим обсудил производственный план научной работы ВЦК НА на 1933 г. Указывая на наметившийся перелом в работе Научного Совета и на определенные успехи, имеющиеся на отдельных участках его деятельности, выступавшие товарищи справедливо заостряли внимание на бесспорном отставании Научного Совета от запросов мест, в частности в вопросах терминологии и орфографии. Научный Совет не проявил достаточной бдительности к тем идеологическим извращениям, которые имели место в терминологической работе комитетов и научно-исследовательских учреждений республик.

Особо выдвигался вопрос о недостаточной организационной четкости внутри самого Научного Совета. До последнего времени не было разработано специального положения о Научном Совете, которое отвечало бы но-

вым задачам, вставшим перед ВЦК НА. И только на Пленуме впервые было принято такое положение. Оно предусматривает организацию в рамках Научного Совета трех основных комиссий: унификационной, терминологической и орфографической. Учитывая возросшую потребность в разрешении вопросов техники, связанных с новым алфавитом, Пленум счел необходимым организовать в составе унификационной комиссии специальную техническую подкомиссию.

Рассмотрение плана НС на 1933 г. вызывало у отдельных товарищей сомнение в реальности его. Большой круг вопросов, охваченных планом, дал повод некоторым ораторам назвать его «энциклопедией», но в то же время эти ораторы затруднялись что либо выкинуть из него. И основной вывод, который должен был сделать Пленум в отношении производственного плана Научного Совета, сводился не к тому, чтобы путем изъятия того или иного пункта сократить план, ибо все вопросы, внесенные в план, являются актуальными, а к тому, что необходимо мобилизовать все силы на выполнение его, что к максимальному напряжению сил, к широкому развертыванию работы на началах соцсоревнования и ударничества обязывает нас грандиозный размах социалистического строительства в нашей стране.

После отчетного доклада Научного Совета Пленум заслушал доклады по итогам латинизации и унификации алфавитов, по терминологии и орфографии.

По первому докладу (итоги латинизации и унификации) Пленум отметил громадную работу, которую проделал ВЦК НА и его Научный Совет за истекшие годы, преодолевая ожесточенное сопротивление классового врага и его агентуры. Из примерно 150 национальностей Союза в настоящее время свыше 100 народов имеют свою национальную письменность. Из них латинизованной письменностью пользуются 70 народов. Под влиянием этих успехов латинизации приняли латинизованный алфавит дружественные нам республики — Монгольская и Тувинская. «Преимущества латинизированного алфавита, — говорится в принятой Пленумом резолюции, — перед архаическим арабским подтверждены фактом перехода на него Турецкой республики». Наконец, движение за латинизацию развивается в ряде других зарубежных восточных стран (Персия, Индия, Египет, Китай и т. д.). Указав далее на огромные, невозможные в условиях капитализма, успехи в области поднятия грамотности национальных масс, на основе вооружения их более совершенным и доступным алфавитом, Пленум развернул критику допущенных ошибок и недочетов, имеющихся в работе по латинизации и унификации алфавитов. Критика в основном была справедливо направлена против имевшего место самотека, проистекавшего от недостаточно твердого руководства со стороны Научного Совета и от отсутствия правильных установок в отношении так называемых дополнительных букв. Если можно говорить о более или менее полной унификации по отношению к основным буквам НТА, хотя и в этом пункте имеется ряд ничем не обоснованных расхождений между отдельными алфавитами, то значительный разнобой следует констатировать по линии дополнительных букв. Поскольку этот разнобой снижает значение унификации, как момента, содействующего культурно-политическому сближению народов СССР, а отсутствие графической унификации создает значительные препятствия в деле использования нового алфавита в технике, — Пленум наметил ряд принципиальных положений и конкретных мероприятий, которые должны ликвидировать дезунификационные моменты.

В связи с докладом об итогах латинизации и унификации Пленум заслушал сообщение Института психологии, педагогики и психотехники

о техноrрафическом анализе букв нового алфавита. Предварительная работа, проделанная Институтом в этом направлении, показала необычайную сложность проблемы, разрешение которой приходится искать на стыке ряда наук — лингвистики, психологии, психотехники, искусствознания, педагогики и т. д.

Одна лишь работа по анализу седиля, используемого в дополнительных буквах нового алфавита,[1] требует длительных и очень сложных экспериментов. Придавая большое значение этой работе, Пленум признал необходимой дальнейшую разработку этого вопроса и дал в своей резолюции по этому докладу ряд директивных указаний.

Наибольший интерес вызвали доклады по терминологии и орфографии.

Терминологическая работа с самого начала протекала как индивидуальное творчество отдельных работников. В этой области менее всего велась со стороны Научного Совета регулирующая работа, хотя именно на этом участке положение было наименее благополучным. С одной стороны, это обстоятельство, а с другой — отсутствие принципиальных установок в терминологическом творчестве, привело к тому, что в работе по терминологии был допущен ряд трубейших идеологических ошибок. Практика терминологической работы показала (это ярко иллюстрировалось и на Пленуме), что наибольшая путаница до сих пор существует в вопросе о том, откуда, из каких источников брать новую терминологию. Здесь, с одной стороны, очень часто недооценивались, а порой сознательно игнорировались бытующие в Советском Союзе интернациональные политические и научные термины, хотя, по существу, этот источник в условиях социалистического строительства являлся одним из важнейших в деле создания новых терминов. С другой стороны, сторонники пуризма, как выражения местного национализма, не менее часто переоценивали роль «национально- чистых» элементов данного национального языка. Практика терминологической работы знает многочисленные случаи проявления великодержавного шовинизма, выражающиеся в засорении языка большим количеством национально неоформленных заимствований, перенесенных туда в «чистом виде» чаще всего из русского или из каких-либо других, культурно влияющих языков. Наконец, разработка терминологии, конечно, не обходилась без панисламизмов (арабизмов) и пантюркизмов.

Пленум со всей остротой большевистской критики отметил, что все эти искажения и уклоны от генеральной линии партии в национальном вопросе не были Научным Советом и местными Комитетами Нового Алфавита своевременно разоблачены и пресечены. Этот факт справедливо квалифицировался, как недооценка громадной важности терминологии, являющейся составной частью вопроса о формировании национальных литературных языков, которые играют решающую роль в приобщении многомиллионных масс национальных республик к пролетарской культуре. Перевод классиков марксизма, важнейших решений партии и правительства, издание массовой политической, научной, производственной, технической и т. д. литературы на национальные языки является насущнейшей задачей. Между тем неурегулированность, неразработанность терминологии давала и ежедневно продолжает давать вреднейшую макулатуру, вреднейшим образом искажающую работы классиков марксизма и партийные документы.

[1] Около 20% суммарных букв НА имеют в качестве диакритического знака седиль. К тому же в полиграфической практике национальной печати имеет хождение несколько весьма разнообразных форм седиля.

В связи с докладом по терминологии Пленум с достаточной полнотой выявил состояние терминологической работы на данном этапе,[1] а также направление развития и степень разработанности терминологий у отдельных национальностей (см. п. 9 тезисов т. Диманштейна).

На основе этого и исходя из задач, поставленных XVII партийной конференцией во второй пятилетке и из указаний январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), пленум НС сформулировал те методологические и политические установки и практические мероприятия, которые должны направить терминологическую работу по правильному пути и поднять ее на должную высоту.

Резолюция Пленума вносит ясность прежде всего в вопрос об источниках создания новой терминологии (п. 1). Резолюция предостерегает от механического подхода к созданию терминологии, рекомендуя «дифференцированный подход к отдельным языкам и к отдельным видам создаваемой литературы в зависимости от конкретных условий развития данной национальной культуры с учетом тенденций ее развития в направлении сближения с другими языками». Достаточную ясность постановление Пленума вносит в наиболее острый вопрос об оформлении заимствуемых интернациональных терминов.

При заимствовании терминов предлагается по возможности придерживаться интернационального оригинала с учетом динамики развития как данного языка, так и языков народов СССР вообще. В частности, в отношении формы основ имен существительных и собственных имен (географических, фамилий и т. д.) резолюция настаивает на их сохранении, предлагая давать национальное оформление окончаниям отглагольных слов и имен прилагательных.

Специальный тезис в постановлениях Пленума посвящен вопросу о регулировании уже существующих терминологий. Это регулирование должно итти, во-первых, по линии отсева руссицизмов и арабизмов, искажающих в угоду классовому врагу понятия, отражающие советскую действительность; во-вторых, в направлении уточнения и разграничения терминов, долженствующих выражать хотя и смежные, но совершенно различные по содержанию понятия (цена — стоимость, аграрный — крестьянский и т. д.) и, наконец, по линии сохранения тех иноязычных терминов, которые в своем смысловом значении соответствуют требованиям советской действительности.

В заключительной части резолюции Пленума намечены методы регулирования существующей терминологии и создания новой: укрепление руководства, идущего от центральных и местных организаций, широкое привлечение трудящихся масс (терминологические совещания, конференции, проработка отраслевых терминологий на совещаниях рабочих, колхозников, служащих определенных профессий, организация терминологических конкурсов, методы соцсоревнования между отраслевыми работниками и т. д.).

Последний доклад на Пленуме был посвящен вопросам национальной орфографии (доклад т. Пальмбах). Вопрос о разработке принципов построения национальных орфографий получил особенную остроту в связи с последними решениями партии и правительства о школе, а также в связи с задачами всеобщего обучения. Между тем действующие национальные орфографии и орфографическая практика в национальных письменностях страдают рядом недостатков, происходящих от неразработанности отдельных

[1] До начала работ Пленума Научный Совет собрал материалы по состоянию терминологической работы на 15 языках.

орфографических вопросов и от непоследовательности применения на практике установленных правил.

Обсуждение доклада по орфографии преследовало в основном цель установления тех принципов, которые должны быть положены в основу разработки орфографической системы. Пленум решительно отверг традиционно-исторический принцип орфографии, поскольку он идет вразрез с развитием национальных языков. По мнению Пленума, должно быть снято и противоречие между морфологическим и фонетическим принципами и заменено таким соотношением между морфологизмом и фонетизмом, которое обеспечивало бы, с одной стороны, выражение орфографии морфологических особенностей данного языка и, с другой стороны, дальнейшее применение орфографии к этому языку путем максимального использования фонетических написаний в рамках данной морфологической системы языка.

На основе учета состояния орфографической работы на местах, Пленум определил наиболее актуальные вопросы национальных орфографий:

а) соотношение морфологических и фонетических написаний внутри слова (в основах и аффиксах);

б) слитное и раздельное написание слов и их частей и употребление дефиса (определение и определяемое, дополнение и дополняемое, служебные слова, частицы и т. д.);

в) обозначение общих фонетических явлений в границах слова (сингармонизм гласных и согласных и долгота, последовательность обозначения фонем путем устранения излишнего обозначения вариантов и т. д.);

г) разработка орфографии интернациональных и других заимствованных слов.

Пленум с удовлетворением отметил, что в разрешении этих вопросов ряд национальных республик и областей достиг определенных успехов, не только разработав достаточно удовлетворительные системы орфографий (казакская, орфография ряда кавказских языков и т. д.), но и проводя последовательно массовую орфографическую практику, обеспечивающую достижение сплошной грамотности и высокое качество обучения.

Наконец, по линии орфографии резолюция Пленума намечает ряд конкретных мероприятий для изжития недостатков, имеющихся в орфографической практике мест.

И руководство Научного Совета, и основное ядро участников Пленума отдавали себе достаточный отчет в том, что целый ряд обстоятельств и в частности отставание теории языковедной науки от текущей практики, новизна и сложность самих проблем, стоявших в порядке дня Пленума, недостаточный учет опыта мест и т. д. и т. п. — все это в значительной мере суживало размах работы Пленума и затрудняло возможность дать достаточно исчерпывающие конкретные указания по всем вопросам национальной письменности. Но, несомненно, проделанная Пленумом работа, как первая концентрированная попытка внести известную ясность в ряд наболевших вопросов языка и письменности и наметить основные пути развития национальных письменностей — сыграет положительную роль.

ПИСЬМО и ЯЗЫК[1]

Товарищи, сегодняшний день — отчетный день Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита на первом пленуме — исторический день социалистического строительства на культурно-просветительном фронте. Происходит штурм всех идеологических участков как на требующих предельной осторожности высотах научной мысли и художественного творчества, так и на решающих полях массового интереса трудящихся всех наций нашего Союза. Эти вопросы захватывают всех — от совершенно неграмотных до Октября низов — до сложившихся уже в республиках Союза ССР слоев советской трудовой интеллигенции, куда вошли и старые работники, живое наследие прежней культуры, за совесть, а не за страх работающие с пролетариатом. О «полях» я сказал лишь аллегорически, в действительности же надо говорить на ухабах, да в ущельях, вообще в самых заброшенных при старом режиме «медвежьих углах»; везде идет жесточайшая борьба тончайшего, порой материально неуловимого порядка, и потому она требует исключительной бдительности; нередко более, чем трудящиеся массы, изощренный в науках враг, не лишенный уменья эксплоатировать чужой труд и его продукцию, старается использовать наши новые формы организации, а то и технику их.

Язык, однако, не является только предметом массового интереса, массовой жажды знаний по языку и теории познания языка; интерес и жажда трудовых слоев национальностей нашего Союза направлены на стройку литературного языка, которого у них раньше не было, и на перестройку литературного языка, процветавшего до Октября, но который по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс.

Раз дело касается пролетарского мышления, нельзя не помянуть в первую голову Маркса, как нельзя умолчать и об Энгельсе (тем более, что говорить о нем приходится по неизданной доселе рукописи, хранящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина), где он писал о конкретном языке — франкском. Энгельс, работавший, как и Маркс, в эпоху «Sturm und Drang'a» молодой тогда индо-европейской (у немцев индо-германской) лингвистики, чувствовал себя тем не менее еще тогда, в дни расцвета Гриммов и их последователей, чрезвычайно стесненным в собственной (бесспорно лингвистической) работе непосредственно над рукописным материалом. Энгельса удивляет «растерянность исследователей перед франкским языком». Все дело в том, что Энгельс, несомненно, имеет ввиду конкретный краевой язык интересующего его мира, а в крае он видит и заставляет видеть ряд языков, в том числе германский лишь как один из них, чего не видели или не хотели видеть ученые, занятые поисками милой их чувствам истины. Потому он говорит о «кощунственных» вещах, например, о скрещении языков; он высказывает еще более ужасавшую тогда (хотя для всех нас самую простую) мысль: если пишет франк, то это отнюдь не доказывает еще, что памятник написан на франкском языке. Он доказывает это с акрибиею, точнейшим и уточненным пониманием чтений и вариантов (разночтений) самих текстов памятника (Псалмы), который цитировался всеми тогдашними лингвистами, как несокрушимая опора их построений. Меня спросят, какое отношение имеет это к нашей теме — письму, да еще в социалистическом строитель-

[1] Доклад на Первом Пленуме Научного Совета.

стве? А разве не актуально сегодня создание письма для Крыма, где, между прочим, в числе множества других языков народностей, сошедших с политической сцены или по сей день наличных, был язык готский? Эти народности в целом представляют не конгломерат случайно скопившихся неизменчивых самородков-жемчужин, а совершенно историческую категорию, органически сложившуюся в этом крае, да и еще из разных стадий материального и культурного бытия и художественного, в первую очередь языкового, призводства. В крае, как в древности, так в наши дни, имелись не только наезжие греки и варвары, римляне и варвары, еще до римлян — этруски и варвары, но и аборигены, ни откуда не приходившие: кимеры-крымчаки, караимы, скифы-готы (кельты), ионы, до появления где либо на Черноморье ионян или других пришлых греков, свои греки, крымские армяне, появившиеся до XIV века, когда европейцы вынуждены были в силу своих жизненных потребностей составить карты Крыма под названием «Arménie Maritime» (Морская Армения), свои хазы-хазары, или касы-каспы, свои дарги, турки-терки, свои русы, германы, оставившие такие памятники древнейшего городского строительства, как Эски или древний Кермен. По своим грандиозным в условиях края водопроводным сооружениям эти памятники связаны с халдами Ванской Армении и др.

Но оставим эти далекие времена. Те же народы или социально перестроенные из них, так сработались, сжились, на сегодня переплелись в своих взаимоотношениях, точно они нарочно подготовляли свою межнациональную идеологию для социалистического строительства. И вот теперь, когда создается для них письмо, то перед нами вырастает ответственнейшая проблема о культурном наследии. Не учесть этого социального достижения Крымской республики, не подумать о единой системе письма для ее коренных, давно оседлых трудящихся слоев населения — значит возвращать дело культурного, в частности языкового строительства к давно пережитым народами этой страны стадиям исторического развития.

Тема моего доклада не «язык и письмо», а «письмо и язык». Еще точнее «письмо-язык». Дело не в том, что у меня имеется работа «Язык и письмо», где трактуются оба названных предмета, и повторяться, мол, нечего, да и заниматься устаревшими за давностью издания высказываниями и неуместно здесь.[1]

В «Языке и Письме» ударение делалось на то, что когда просвещение обращалось в орудие идеологического усыпления жизненных движений трудящихся — письмо (раньше собственность одних господствующих классов) было пущено в массы, демократизировано именно для усыпления проблесков классового самосознания трудящихся и идеологического порабощения угнетенных, для предупреждения или ликвидации нарождавшихся революционных движений эксплоатируемых социальных слоев. В связи с этим «было время, когда письмо и вообще письменность заслоняла [подлинную] жизнь».[2] И тогда «живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку, да еще в особой высокой степени к тому или иному мертвому литературному, по возможности языку «народа» мирового значения или хотя бы к попавшему, как пятая спица в колеснице, в переплет взаимоотношений таких мировых литературных языков. Отдельные крупиночки речи, казавшиеся ее первичными элементами, даже и те назывались не звуками или фонемами, а буквами

[1] Н. Я. Марр, Язык и письмо. Известия ГАИМК, т. VI, вып. 6, второе изд. 1931 г. лишь перепечатка первого, вышедшего в 1930 г.

[2] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 2.

или по-латыни «littera».[1] Это определение языка «народа», так называемого национального языка, только недавно данное классовому языку, сейчас нам представляется не вполне точным по формулировке в отношении некоторых деталей. Неточности эти зависели от момента, когда борьба с изжитым теоретически, но в практике крепко, как костоед, засевшим в молодой советской общественности старым языковедным учением — вынуждала нас бить это учение. Борьба нынуждала нас обнажать его бесплодие сухой смоковницы, обнажать отвратительный запах мертвечины, который буржуазная лингвистика навязывала языку вообще и живым его говорам. Этой мертвечиной несло особенно от письменного языка в результате формалистического подхода к нему и способа его изучения. На самом же деле, хотя национальный письменный язык и был буржуазным или феодально-буржуазным, он в период своего роста и расцета вовсе не был мертвым и стабилизированным, он был живым стандартизованным языком господствующего общественного слоя. Иным он и не мог быть: его созидали когда-то молодые еще общественные слои, черпавшие свои творческие организаторские силы в завоеванных ими средствах новой высокой техники. Эти слои выносили язык в более широкую и творческую общественность, борясь с идеологической ограниченностью и косностью обреченных историей на крушение социальных слоев.

Это множество, притом растущее, письменных языков производит нередко ошеломляющее, а затем (с искренней сознательностью переживаемое) самое гнетущее впечатление, казалось бы, независимо от политических и общественных взглядов. Появляется боязнь не осилить, мол, материально никакими средствами колоссальных потребностей столь быстро и широко развивающегося дела, захватившего все народы и племена до предельных глубин массового населения.

Несколько десятков народностей из населения шестой части мира, осознавшие настоятельную потребность роста культуры, реализуют одно из основных требований ленинской национальной политики, нашедшее место в конституции Союза советских социалистических республик и успевшее получить дальнейшее четкое оформление в памятном выступлении т. Сталина на XVI партийном съезде. Это могущее быть реализуемым везде и фактически реализуемое у нас положение мирового значения о росте национальных по форме и социалистических по содержанию культур (я говорю со всей ответственностью за языковедно вскрываемую историческую правильность утверждения) должно быть поставлено рядом с четким и вразумительным советским предложением о военном разоружении. Это — как бы две половинки одного яблока, две неразлучных стороны одного единственного пути водворения прочного мира всех наций и за пределами Советского Союза. Вот почему имеет место такой неприкрытый интерес у зарубежных друзей и даже у врагов к языковедной работе, колоссально развернувшейся среди всех национальностей Союза, и к находящим объяснение лишь в ней теоретическим достижениям нового учения об языке. Наследственная косность — присуща каждой профессиональной, даже широкой, организации; еще более она присуща каждому замкнутому в своих специальных интересах узкому коллективу, и тем более — одиночным исследователям, стоящим вне контроля компетентного, ответственного руководства. Этой косности представляется утопической сама мысль о возможности преодолеть многочисленные и разнообразные трудности беспримерной массовой языковедной работы, подлинной по существу новостройки лите-

[1] Там же.

ратурного языка, да еще в столь разнообразной среде. Эти трудности увеличивают число людей, ошеломленных и искренне угнетенных нарастанием колоссальных потребностей масс, развернувшейся колоссальными темпами языковедной работы. Эта работа смущает своими успехами врагов. Враги наметили было в ней ахиллесову пяту, залог нашего провала на идеологическом фронте классовой борьбы; теперь они пытаются нашу технику, наши организации использовать для борьбы с нами — и внутри, и за пределами Советского Союза. За рубежом не только друзья наши, но и враги организуют языковедные совещания и съезды в государственном масштабе для обсуждения теоретических проблем истории языково-литературного и материально-культурного строительства, уже решенных и реализуемых в СССР; друзья становятся открыто на нашу сторону, враги действуют смотря по обстоятельствам — то открыто, то тайно. Страх перед колоссальными потребностями и трудностями теряет внутри Союза всякую почву, ибо мы находим силу для преодоления трудностей именно в общности интересов всех национальностей, старых и новых, в разрешении одной проблемы, проблемы языков наций, идеологически — языка и мышления, технически по идеологии — языка и письма, проблемы в целом языковедной.

Снижение античного общества с фантастической ступени, как и Востока с положения экзотического мира, не аннулирует, само собою понятно, действительной ценности греко-римской и специально греческой, эллинской культуры, как не аннулирует на мнимо экзотическом Востоке ряда, казалось бы, в корне расходящихся восточных культур (от средиземноморской с передне-азиатской до дальне-восточной северной); наоборот, это обстоятельство усиливает действенность всех их. Не подлежащий уже спору, этот факт ныне дает возможность (у нас необходимость) вести практические и исследовательские работы далее в глубину до дна, снятием вводящих в заблуждение терминов, как, например, «асианский» (asianique) для отличия западно-азиатского на материке (малоазийского) от восточного азиатского или немого термина «до-греческий» в отличие от «греческого». Известные и раньше предшественники римлян — расены и этруски, вместе с иберами — пробили уже дорогу историкам не в одном западном Средиземномории до исконного социального родства самих низовых слоев населения забывшей свою историю Европы; неизвестный доселе третий «этнический элемент», не индо-европейский, не семитический, не египетско-хамитический, выступает все более и более ярко, как носитель творческих начал эксплоатировавшихся социальных слоев такой глубочайшей древности, что нельзя найти для них, этих слоев, исторического имени, разве назвать каким-либо мифологическим именем, как, например, «яфетический».

Во всяком случае сама история, при всех противоположностях, объединяется диалектически в разрезе времени; нет более «истории» и «доистории», нет раздельной истории Запада и Востока, нет удушливой атмосферы групповой изолированности семитов, хамитов, славян, арийцев или индо-германцев, хотя бы германцев, и одиночек, раскинутых повсеместно среди этих групп — самих греков, а в особенности армян и евреев. Последние являются предметом давно назревшей и серьезнейшей проблемы о категории их национальности, ибо техника языка и техника мышления говорят по этому поводу изумительные вещи. Что же это за изумительные вещи? А те, что давно известны из марксистско-ленинской теории познания. Назову основную и решающую. Из темного подполья, куда она загнана была афревразийским феодально-буржуазным обществом, самодовольным в своем расовом ожесточении и просвещенном бытии европейским классовым обществом, — подлинно древние народы, современные нам, вырва-

вшиеся из-под его гнета и культурно-морального порабощения нации Советского Союза выводят на свет всю подлинную до сих пор замолчанную историю, освещают начальные стадии становления человечества. Смена носителей материалистически разъясняемой культуры — не только различные классы, но различные массы, каждый раз более древние, чем предшествующие. Каждая смена выявляет стабилизацию, вернее переходящую стандартизацию лучших достижений, и одновременно — приобщение к ним больших масс.

Романская культура — выявление также незатронутых «яфетических» слоев; такие же новые слои выступают с германцами-варварами и славянами-рабами, да и с самой Русью — не только географической, но и сложной социально-производственной и социально-экономической категорией. Пора же специалистам по языку, языку и мышлению, языку и письму, взяться за культурные интересы слоев, бывших в загоне!

Все сказанное, товарищи, укрепляет нас в осознании и практической, и теоретической необходимости реального, т. е. диалектико-материалистического историзма. С этим связаны темпы социалистического строительства и система сокращений сложных выражений. Она повторяет систему сложения слов в первобытном обществе, но повторяет ее с подъемом на новую предельную высоту (имеем в виду язык у нас в СССР, и, соответственно темпы современного строительства и нашего бытия). Наше бытие еще во многих деталях, нередко существенных — старое, своего рода отголосок ветхой жизни. Но социалистическое строительство и современное, с ним связанное бытие наше, вторгаются в темпы жизни и не позволяют оставаться индивидуально в нормах старого режима; они давно вторглись, чуть ли не первыми, в советскую речь и вначале словно бы стихийно. Это — совершенно правильные с точки зрения истории языка сокращения слов по элементам, такие как «Совнарком», «ЦИК», «нарком», «цека» и т. п. Уже в перечисленных примерах есть образования различного порядка: есть случай трехэлементный с сохранением лишь начальных звуков каждого слова, входящего в состав новообразования (как «ЦИК»); бывает пользование двухэлементной частью для выражения, состоявшего из четырех, даже пяти слов, напр., «цека», без недоразумения используемое в смысле «Центрального комитета коммунистической партии» или полнее «Центрального комитета коммунистической партии (большевиков)». И каждое из этих образований получает полное и научное оправдание с точки зрения новой языковедной теории, ее учения о четырех лингвистических элементах, и на нем обоснованной палеонтологии речи, как это обнаруживается анализом любого слова, даже служебной частицы любого языка, в частности русского.

На заре человечества, при первобытном еще мышлении, из-за отсутствия адекватной техники, многоязычие, как то выражено в столпотворении или башнестроительстве, завершилось, мол, смешением языков, разноязычием. У нас же — в условиях диалектического использования и усовершенствования, согласно нашим колоссальным потребностям и возможностям, лучших достижений зарубежной техники материального производства, распределенных диалектически в отношении предельной качественности по различным странам — и у нас трудности и сложность многоязычия встали на исторически уже испытанный путь разрешения. Мы это видим по истории языка-общества, где в языковом мире, при созидании частей речи, впереди всех и раньше всех по выявлению себя как в звуковом, так органически связанном с ним письменном оформлении, проскочили числительные, беспримерно совершеннейшая категория. Это поразительное двусто-

роннее достижение и в языке, и в письме, произошло в результате исключительной всеобщей потребности в этом и материального производства, и неразлучного с ним надстроечного производства — теоретических исканий в области учения о небе, древнейшей и ныне точнейшей теоретически-практической науки, и учения о подземном мире, древнейшей по охвату исследования исторической науки, геологии и палеонтологии. Бездна-прорыв между этими науками по истории всего мира, включая человечество, заполняется путем опыта всеми физическими, физиологическими, химическими, физико-химическими науками, и вся тяжесть задачи исторического исследования выпадает на биологические и обществоведческие науки. Из них наиболее загнанная и эксплоатируемая до Октября наука о языке, обществоведческая, как никакая другая, во всех своих моментах и в технике их выявления отражает охватом всех времен и проникновением внутрь себя наиболее полно и наиболее четко объективную и субъективную историю всего мира. Эта языковедная наука в целом представляет собою в корне новую установку, имея предметом изучения язык неразлучно с мышлением, в их диалектическом единстве, и используя при прослеживании сложнейших взаимоотношений надстройки и базиса результаты изучения памятников материальной культуры за все, наличные в вещественных выявлениях идеологии, стадии. Она изучает, во-первых, изначальную стадию, когда материальная культура выступала исключительно как материальное производство подлинно первобытного общества (которого и признаков нет в непочатости в самых отсталых народностях, так наз. диких, примитивных племенах и народностях Африки, Океании, северных и дальневосточных палеазиатах, в Австралии и Америке); она изучает, во-вторых, и завенчающую стадию высшего развития искусств и изящной литературы, корни которых всегда находятся в материальном базисе.

Во всех стадиях изучения корни памятников — материально-производственные. Они таковы и тогда, когда изящество продукции представляется не «от мира сего», ощущается свободным созданием духа, так и тогда, понятно, когда надстройка так близка к базису, так соприкосновенна или лишь моментами отрывна от него (это в первобытном обществе со включением стадии становления элементов мысли-языка, впоследствии материально-образного мышления), — что налицо неразрывное выявление надстройки материального производства и базиса, без особой активности самостоятельно стимулирующего накопления культурных факторов с их самостоятельной системой.

Эта новая в корне установка языковедческой работы, исследуя язык вообще или любой конкретный язык, выяснила и продолжает все больше уточнять выяснение техники языка в обоих его моментах, формальном и идеологическом, уточнять технику выявления идеологии в материале, какой бы он ни был, технику оформления всех частей и категорий языка, и технику содержания, смысла самого построения мысли в действии, мышления как отражения материального базиса, материального производства, орудия и способа трудового процесса, его техники.

Формалистический отбор средств и способов выявления смысла речи в целом, а с ним частей, представлений и понятий, — исключает в построении графики не только идеологический момент, мышление, но и полноту отображения в нем формального момента, учет всего того, что графически содействует наиболее совершенному выявлению функции письма — передать наиболее адекватно содержание и силу воздействия, передать, следовательно, не только мысль, понятную лишь в обрамлении определенного мировоззре-

ния, как воспроизведения механики трудового процесса материального производства, но и способ его действия, механику мышления.

Формалистический отбор использует и средства графики лишь для выявления в письме отдельных звуков, как самодовлеющих величин, допуская за их пределами письменное выражение качественного порядка, однако лишь формального момента, как-то: знаки препинания, ударений и долгот. Он захватывает область мышления лишь восклицательными и вопросительными знаками, да и то по восприятию его элементов как выразителей эмоции или связанного с ними внешнего, зримого движения. Мы обходим сейчас молчанием относящуюся сюда музыкальную графику, отмечающую так же, как нотные знаки, в наиболее древних алфавитных письменах музыкальные движения, внешние выявления голоса — вибрации и тому подобное.

Язык становится на ступень, где единица речи, элемент уже лингвистический, становится из элемента языка — элементом языка и письма. Письмо, в частности элемент его, становится элементом языка и мышления, категорией мышления, изначальной увязки языка-письма, в частности элемента исторически обращающегося в единый звук-букву. Буква письма, как и звук речи, фонема, повышается на ступень общественной и политической значимости. С неучетом этой истории получается замкнутый мир графики с произволом действия в создании письма. Возникающий произвол (по недоразумению принимаемый за свободу) урезывает коренные сдвиги движения и прогресса всей азбуки в целом, как системы, отвечающей системе языка и диалектически увязанной с ним по единству функций полной возможностью продвижения вперед.

Проблема письма, таким образом, не есть самодовлеющая задача; ее нельзя разрешать независимо от проблемы построения языка; нельзя ее разрешать, например, без учета особых потребностей социальной среды. Нельзя в СССР строить письмо без учета не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и без учета их качественных признаков, притом не одних общих, но и частных, дающих лицо. Чему? Языку? Мы сказали бы «да», если бы сегодняшняя аудитория состояла из спецов-лингвистов, марксистски мыслящих, располагающих знанием мелочей и глубин языка, хотя бы не всех языков, но овладевших ими в причинности. Последнее достигается тогда, когда овладевают знанием природы языка, пониманием сложнейших функций и еще более сложной техники отправления этих функций, доводящей знание до того предельного развития, когда специалист, в данном случае лингвист, марксистски мыслил бы в пределах своей научной компетенции, а не только говорил марксистски. Можно бы тогда ответить на вопрос, кому должно дать лицо требуемый для построения письма учет не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и качественных признаков, причем не только общих, но и частных. Мы бы ответили тогда «да, языку», «любому языку»; мы бы сказали решительно и по русски, ибо «язык» по русски обозначает (и преимущественно обозначал в древности) не анатомическую часть, а общественную речь, и, во-вторых, «язык» значил 'народность' 'племя' 'народ' (напомню сочетание — «все языци»), изначально же означал 'производственный коллектив', и язык-надстройка в наши дни — это нация, т. е. наличная в нем, в языке, как в зеркале отображенная нация со всеми ее новыми и историческими достижениями. И в СССР, где все нации раскрепощены не только политически, но и социально, и экономически, не может быть двух мнений не о путях, а об единственном пути построения

письма без отрыва от языка. Но язык развивается диалектически. Следовательно, стройка и перестройка письма может и должна происходить также диалектически. Следовательно, унификация должна быть проводима также диалектически.

Идя в своей исторически-исследовательской работе не от неизвестных начал к современности, а от современности к этим началам с учетом письма-языка в целом и в подробностях, во всех фактических мелочах, в увязке сначала с историею литературы, а затем материальной культуры, мы в результате многолетних изысканий выявили поразительные смены в письме, языке, литературе, мировоззрении и искусствах, в самих вещественных памятниках, как выразителях, лишь при первом взгляде национальных, раньше племенных-этнических с родовыми образованиями на самой глубинной стадии, представлявшейся прежде бездонной. Тогда для исследователя изменилось все: в вещественных памятниках вместо материальной культуры выступило непосредственно материальное производство; мы оказались в обществе с мышлением без логики, в обществе — без индивидуального мышления; в мировоззрении без бога и религиозного культа; в литературе — без письма; в языке — без фонем. Была лишь ручная речь, а звуковые элементы, выделившие из себя впоследствии фонемы идеологически наличные, входили в состав производства, как его категории. В то же время письмо, тогда без графем, имело функцию выявления 'чудовища', 'знамения', 'поучения', что нас приводит к совершенно иному пониманию 'письма', 'буквы', по-гречески «gramma». В связи с этим мы переходим к актуальнейшей части в обучении и языку, и письму, именно к грамматике, обращенной с ростом классовой эксплоатации в орудие формалистического учения, тогда как обучение грамматике должно учить раскрепощающей истории и исключительно присущим речевой технике самого отсталого языка общеобразовательным знаниям любого языка, в обоих его моментах, и формальном, и идеологическом. Мы тут имеем в виду не употребление у самих греков термина «ἡ γραμματικὴ» в смысле 'эрудиции', 'критического познавания' (ἐπιστήμη), как у Эрастотена Киренского, математика, географа и грамматика (II в. до н. э.), но то, что вскрыла палеонтология речи анализом языка по элементам. С греч. «gramma» стоит только снять конечное -ma, элемент B, с его служебной функцией, придать основе действенность отвлеченного понятия, как -ma ↗ -ba → -va у грузин во множестве имен действия и глаголов, как у русских -ba в термине действия «борьба», -va в «клятва», да и -mo, во множ. -ma «письмо», «письма», как в остатке перед нами от греческого термина выступает двухэлементное AB образование gra-m, наличное в разновидности gra-φ- в глаголе gra-+-φ-ō 'пишу'. У армян эта же основа представлена лишь одним первым элементом A-gir в значении 'письма' в феодальном языке еще от стадии исключительно коллективного мышления в оформлении множественного числа, gir-q, при новом содержании — 'книга'. Эта основа прослеживается на всем протяжении Советского Союза с армянского юга до финского севера, Карелии, переходя в зарубежные Финляндию-Суомию (kir-ya, kir-yayn, kir-ye) и Эстонию (kir-i); в Коми области (gi-+-j-) в глаголе-действии gi-+-j-ni с тем же или со всеми теми же значениями различных стадий, как 'книга', 'письмо', 'буква', 'письмо-послание', 'эпистолия'. От древнейшей стадии у русских она сохранилась со значением тотема, производственно-хозяйственного предмета, и животного, лишь впоследствии с рабовладельческо-феодальных эпох 'беса' и 'бога', 'одержимого бесом', 'безумного', 'страшилища', 'пугала' и 'знамения', 'поучения', как то уже установлено в соотношениях лат. littera 'письмо', 'буква' и греч. τέρας

'чудовище', груз. ṫer-a 'писать', у мегрелов ṭar-u + a 'писать' и ṭar-a 'судьба', у лазов on-ṭar-u 'писать', ṭar-u 'буква', 'наука', 'учение', у арм. ṭar 'буква' и т. д. и, как в самом русском четко наблюдается в истории термина «буква»—с оформлением до-индоевропейским на -va, как в слове «клятва». Правда, прекрасный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, даже под редакцией предельно свободомыслящего лингвиста Бодуэна де Куртене (1903 г.) ограничивается следующим разъяснением: «Один из начальных знаков грамоты, письменности, из коих составляются слоги и слова письма. Буквы гласные, согласные, губные, немые, гортанные и пр. Строчные буквы, рядовые... красные, прописные» и т. д. и т. п. Но этим толкованием, без намека на идеологию и без малейшего признака историзма, Даль, и особенно Бодуэн де Куртене (казалось бы, противник шовинизма и национализма) мало того, что дают извращенное представление о живой русской речи; Бодуэн де Куртене, подставляя «грамоту» вместо «грамотности» своей классовой ограниченностью загоняет науку о языке в тупик и клевещет, сам того не сознавая, на русский язык. В связи с этим, разлучая с «буквой» русское слово «бука», он разъясняет последний термин, коренной русский, лишь формально с некоторым колебанием (с вопросительным знаком), но все-таки, как татарский, по созвучию с тат. именем «Бука», «Букай». Между тем, сам материал живого русского языка дает прямо драгоценные функции этого слова, затерянные по обыкновению во всех научных словарях в хаотическом их распределении и до наивности простецких толкованиях. Имеем в виду такие тотемического порядка значимости как 'медведь', 'пугало' или 'страшилище', равно такие, приводимые в том же Словаре, драгоценнейшие случаи употребления в более раннем оформлении, множественном числе, 'буки' в смысле 'гадательного', 'загадочного', как «это еще буки» или «когда-то еще буки будут» и т. п. Между тем стоило лишь навести справку, обязательную для лексикографа с мало-мальским историзмом, в труде И. И. Срезневского «Материалы для словаря древне-русского языка», чтобы воочию увидеть неразрывную связь не только трехэлементного и двухэлементного «буква», «букѣвь» и «букъі», но и одноэлементного «буй» во всех основных его значениях 'дикий', 'дерзкий', 'глупый', 'смелый', 'доблестный', 'сильный', или живой еще 'буйный' в приложении к народу при старом режиме 'самовольный' и т. п. Что касается основного для работы над письмом термина, мы обращаем внимание на него в оформлении «букѣı» со значением 'буквы', 'письмена' в житии Мефодия около 1200 г. «Недостоить ни которому жу юзыкоу имѣти боуковъ своих развѣ Евреи и Грькъ и Латин», отсюда «букарь» — γραμματευς 'грамотой' в оформлении множ. числа «буковь» со значением 'письма', 'послания', 'эпистолии' в житии Феклы XI в.: «Жена же его напьсавши бо боукъви (моужеви) са тъщанием, призъва і», в оформлении мн. числа от «буквы» у Георгия Амартолы»: Юкоже и в е҃ульских (евангельских) буквах напи҃се».

После сказанного снимается в корне случайность таких функциональных встреч в стадиальном нарастании значимостей, как армянское массовое, да и грузинское слово живой среды gı-jı 1) 'сумасшедший' ← 'беснующийся', 2) 'глупый', 'дурак' и 3) 'резвый', 'шалун' и основа коми глаголата действия 'писать' также gı-j. После сказанного становится понятным, что разновидность армянского gır↓gər 'буква', 'письмо', звучащая ğər, в сванском оформлении lı-ğr-ā̈l значит по мышлению первобытного общества без четкой диференциации и 'игру', 'игру на музыкальном инструменте', также, как любую вообще 'игру', и 'пение' и 'пляску', а у русских сюда же с префиксом ı-, закономерным идеологическим диференциалом, у сванов

и с ними у феодальных грузин, обычно si- (vhi-) — i + gr-a, в прилагательном «и + горный», первично i-gor-e — последняя разновидность дала древней Руси личное имя «Игорь» (ğir у русских i-gr-a), в дославянском (доиндоевропейском) еще состоянии русского языка служившее тотемом. Вся же двухэлементная основа gra + φ- греческого gr-a + φ-o 'пишу' сохранилась с восстановлением губной огласовки в Закфедерации у мегрелов, у которых она, звуча gur-a + φa, значит 'учение', 'учить', 'учиться'.

И на сегодня является совершенно актуальным по замыслу, когда идя в ногу с массовым движением, исторически закономерно требующим освобождения от классовоугнетавшей формалистики старой школы, ленинградские методологи [1] в коллективном труде «Русский язык и литература в средней школе», используя достижения нового учения о языке, конкретизацию на языковом материале марксизма-ленинизма, отстаивают грамматику, разъясняя (стр. 4), что ее «нельзя сводить к кодексу правил — синтаксических и орфографических, что в практике формалистического преподавания обычно [я бы сказал «всегда»] и имело место. Нельзя изучать только формы языка и представлять эти формы, как искони присущие данному языку, являющиеся неприкосновенными и вечными». Потому программе, указывающей практическое значение грамматики для навыков грамоты устной и письменной речи, правильно ставится задача «четко говорить и об общеобразовательном значении языка», но четкость должна быть доведена в своей конкретизации до выявления не только содержания изучаемой в школе литературной продукции, но и до выявления техники самого языка и техники неразлучимого с ним содержания, разумеется, в порядке укрепления тяги учащихся к образованию, к овладению конкретным знанием по предмету преподавания, и тогда можно уверенно утверждать, что (стр. 11) «выдвижение содержания, значения (семантики)», будет яснее сказать — техники языка и техники мышления — «ни в какой мере не означает хоть какого-нибудь пренебрежения к форме». Обладая наибольшим удельным весом каждого из двух неразлучимых моментов языка, формального и идеологического, — «программа действительно стоит, — пользуясь вразумительным выражением т. Бубнова, — на страже формальных знаний».

И формальный момент в языке отнюдь не может трактоваться вне идеологии, увязывающей его через общественность с производством. И именно на конкретном материале этого порядка, когда дело касается даже отдельных букв, наиболее ярко выступает значимость исторического подхода, причем не нужно смущаться давностью самых отдаленных эпох в жизни человечества. Скачек, например, немцев, с той стадии, на какой обретаются сейчас в горах Кавказа сваны (ныне все-таки обладающие достижениями позднейшего мышления в порядке социального приобщения), объясняет одну, отнюдь не случайную, лишь формальную подробность, именно то, что все имена, даже нарицательные, в немецком письме выделяются заглавными буквами, ибо эти имена были тотемами. Естественно, что сам термин 'понятие', возникший по зарождении зачатков права групповой собственности, воспринимался как предмет 'захвата', 'овладения производством'. Этот термин происходит от первого природного инструмента — 'руки', основы одновременно и действия руки, т. е. глагола: Griff и greifen 'хватать', с придачей префикса be-, на деле элемента с функцией идеологического диференциала — Begriff 'понятие' и begreifen 'понимать', собственно

[1] Методологические материалы на второе полугодие 1932—1933 уч. г. Составители Е. Н. Петрова, проф. Н. П. Андреев, В. А. Моденская, О. В. Вейспал под ред. О. А. Моденской. Программно-методический сектор ЛООНО. Изд. Леноблоно. 1933 г.

в основе тут 'хватать', 'овладевать', но позднее при технологическом восприятии этого акта, в различных языках с различными ступенями стадиального развития, раньше и без всякого начального придатка — как у армян im 'мой' при отсутствии права собственности еще не лицо, единичное или групповое, а сам тотем производственного коллектива. Потому, хотя в древне-литературном ı-ma только 'ум' в основе ı-mı+n-ıl 'понимать' и ı-ma-stun 'философ', 'мудрец', 'мудрый', в массовой низовой речи ı+ma-n-al без предлога и 'понимать', и 'знать', и 'узнавать', не так, как у римлян с предлогом com.— com-pre-hend-e+re 'схватить', 'понять', да и у французов com-pren+d-re только 'понять' (от prendre- только 'брать'), но у французов с одним и тем же предлогом ap- (собственно идеологическим дифференциалом) никогда не 'брать' и не 'понимать', а 'учиться' apprendre и 'учить', так как, казалось бы потому основа pren+d ← л. pre+hen-d (трехэлементное ВСС образование) означало 'руку', а от 'руки' происходило действие и 'брать', 'хватать', 'учиться' и 'давать', 'вовлекать' — в свою производственно-общественную 'учебу', 'учить'. Так было со времени установления права собственности хотя бы групповой, а дотоле еще в первобытном обществе с тотемическим мышлением совершенно иное соответствие членов звукового комплекса, но также диалектически по идеологической функции, именно 'быть захвачену', 'одержиму' тотемом, и в смысле 'быть умным', 'мудрым' и 'быть безумным', 'глупым'. Такова же история арм. ı-ma еще без идеологического диференциала ma- в глаголе ma+n-ʒan-ō 'учусь', во времени раньше возникшем, аористе, также с так наз. префиксом e-ma+ʒ-oʊ 'выучился я', элемент которого ma- при классовом технологическом восприятии — 'рука' в первобытном обществе — тотем. С таким стадиально историческим подходом анализируется научный термин μα-θη-μα 'учение', сначала магическое в материальном производстве, без осознания значимости трудовой руки, потом и математики, когда, наоборот, воспринимается только техническая функция трудовой руки, как инструмента. Когда же берем лат.-франц. pre-hen+d-ere и pren+d-re, то у немцев-германцев нет еще начального члена pre-, идеологического дифференциала, от остального комплекса без конечного лат. e+re ← франц. -re налицо у них лишь hen-d, но в двух социально различно огласованных разновидностях: han-d, женск. род 'рука', и с губной огласовкой hun-d 'собака' от первобытного общества с конкретным тотемом — 'псом', без выявления в слове какого-либо признака рода: нынешнее восприятие hun-d как слова мужского рода — позднейшее явление, и потому род выражен лишь впоследствии возникшим членом — der Hund.

Таким образом, торопясь закончить наш доклад, лишь констатируем факт: палеонтологическим анализом и на примере языка выявляются единство противоположностей, социальное родство различных стадий, от первичной вплоть до сегодняшней. Замкнутость индо-европейцев в отношении не индо-европейского мира и внутри его между группами есть фикция. Так термин 'собака', будучи некогда тотемом, следовательно так наз. этническим названием первичного производственного коллектива, по установленной теперь истории языка отложил в немецком языке в числе прочих свойств своей коллективности в линии исчисления 'все', 'много'; уточнение 'многого' на определенной стадии развития, когда это было уже 'сто', дало образование hun+dert 'сто'. С соответственной частью этого комплекса, имеющего опять-таки свою историю, именно hun+d, рядом с франко-латинским hen-d имеются две латинско-греческие разновидности, именно греч. ken+t-um/om и лат. «cent+um» ʒent+um со значением также 'сто'. Это формальное различение их ставится во главу угла двух частей языкового мира

индо-европейцев, стоящих в особой замкнутости от всех остальных языковых систем и групп мира. Между тем, как выяснила современная лингвистика, исходя из диалектической противоположности 'многого', каковым только и служит у индо-европейцев kent-u+m || ǯent-u+m и 'одного', по отвлечении от позднейшего морфологического придатка om ⟷ um более древний вид ken-t значит 'один только', 'нечет' в массовом низовом языке трудящихся Грузии и др.

При наличии таких тесных связей языков различных (скажу всех) систем языков мира, можно ли предпринять какое-либо дело, входящее в область языкового строительства, без учета истории языка вообще и перспектив его движения к единству? Можно ли строить терминологию без такого подхода, не считаясь с перспективами не только советских, но и зарубежных языков, идущих, как надстройки, к единству вслед за социализмом, у нас уже строющимся — и везде в конечном счете к коммунистическому обществу с единым языком? Можно ли строить письмо, вести его далее к унификации, отрывая от только что изложенной суммарно истории, вскрытой и окончательно сложившейся после Октября? Можно ли вести в этих условиях работу и над терминологиею, и над унификациею письма без диалектического подхода не только к зарубежным конкретным языкам капиталистического мира, но и к многочисленным старым и новым национальным языкам Советского Союза с их достижениями и особенностями вообще?

Нет надобности отвечать на это. Отрицательный ответ ясен.

Нет надобности также в моем вступительном докладе говорить обо всем этом подробнее и делать выводы о практических шагах и дальнейшем ходе блестяще оправдавшей себя латинизации, блестящего опыта создания письмен как в самых передовых, так и в самых отсталых и угнетавшихся до Октября по языку районах. Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита при условии тесной связи и учета колоссальной массовой творческой лингвистической работы по всем районам, по всем национальностям Союза, и в объединении со всеми исследовательскими лингвистическими учреждениями и организациями, при всемерной поддержке работников-специалистов нового учения о языке, входящего органически в марксистскую теорию познания — я высказываю в этом полную уверенность — ВЦК НА славно продолжит и завершит славно начатое грандиозное дело регулирования и повышения строительства и познания той категории надстройки, — письма, а следовательно, языка и мышления, какая явилась гранью между животным миром и человечеством. В результате первого Пленума Научного Совета — я уверен — работа пойдет более быстрыми темпами к резрешению первоочередной ныне задачи — к унификации нового алфавита, причем со всей осторожностью, которая присуща этому ответственнейшему делу. Пожелаем всякого успеха и в дальнейшем Всесоюзному Центральному Комитету Нового Алфавита. От нового учения о языке, как старейший и слабеющий его представитель, выражаю самые горячие пожелания успешности и плодотворности работы этого Первого Пленума.

С. М. ДИМАНШТЕЙН

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ[1]

Пленум Научного Совета естественно должен был уделить самое серьезное внимание вопросам терминологии в национальных языках. Вопросы терминологии являются сейчас для национальных языков решающими вопросами. Если терминология вообще имеет для языка огромное значение, то для языков молодых, мало разработанных, она имеет еще большее значение, если учесть, что эти языки по существу делают сейчас скачек в культурную революцию.

Если мы возьмем хотя бы количественные показатели, то увидим, что во многих отсталых языках имеется по 10—12 тысяч слов. Некоторые языки имеют даже меньшее количество слов. И по существу для того, чтобы эти языки могли целиком обслужить все потребности новой жизни, вызванные социалистической революцией, запас их слов приходится удваивать или еще больше. Это проделывает сама жизнь — новые понятия, новые термины изо-дня в день вливаются в эти языки, и не так далеко то время, когда старые понятия в языке окажутся количественно в меньшинстве.

Значит вопрос терминологии — это вопрос о понятиях, вопрос об установках языков, вопрос о словообразованиях, о создании новых языков на почве тех старых слов и языков, которые имелись у народов при совершенно иных условиях существования.

Мы являемся свидетелями и участниками культурной революции среди национальностей. В то же время надо указать, что нигде в Союзе эта культурная революция так ярко не выявляется, как именно у отсталых национальностей, которые на тысячи процентов шагнули вперед в деле строительства своих национальных по форме и социалистических по содержанию культур. Приблизительно та же картина имеется и в языке. Уже одно это положение показывает, насколько решающим в наших условиях является вопрос терминологии по отношению к национальным языкам. При этом надо еще учитывать, что все эти языковые сдвиги происходят на протяжении 15 лет пролетарской революции, а это для исторического периода развития языка сравнительно немного, потому что языки обычно развивались в течение тысячелетий. С другой стороны, эти 15 лет стоят исторически совершенно особняком, ибо они имеют другую политическую ситуацию, когда творцами своей культуры, своего языка стали доподлинно трудящиеся массы народов, а не их эксплоататорские верхушки. Этот классовый момент сильно сказывается на языкотворчестве народа, придает ему другой колорит, другие темпы развития. Но в то же время надо констатировать, что в смысле развития культуры, развития литературы и литературного языка, появления нового языка, мы находимся все-таки в стадии младенчества. И надо помнить, что если мы допустим сейчас неправильность, невыдержанность с политической, классовой или лингвистической точки зрения, несоответствие с интересами широких трудящихся масс, то дальше будет труднее это исправлять, потому что ошибки в образовании языков прививаются и делаются достоянием миллионных масс, а привычки миллионов, как указал Ленин, являются огромной силой, которую преодолеть очень трудно. С этой точки зрения мы должны сугубо осторожно и внимательно подходить

[1] Доклад на Первом Пленуме Научного Совета ВЦК НА

к вопросам разработки терминологии, к вопросам создания языка, к тем установкам, которые мы должны дать по этой линии.

С точки зрения марксизма язык не является самостоятельным явлением, он отражает всю жизнь народа, его экономику, весь ход развития того или иного общества; по развитию данного языка можно судить об истории создавшего его народа. И поэтому, если мы хотим правильно понимать развитие языка, надо изучать его на базе развития экономики, развития хозяйства, развития производительных сил и взаимоотношений одного народа с другим, влияния экономики соседних народов, их культур и языков друг на друга. Язык, как таковой, — одна из надстроек на материальном базисе. И марксизм-ленинизм неоднократно указывает на это.

Мы знаем по целому ряду работ Маркса, Энгельса, Ленина, что наука о языке была одной из тех наук, которая подверглась специальному их анализу. Разрабатывая, обосновывая, анализируя строение общества, его базы и всех надстроек, они естественно не могли не остановиться на вопросах языка. Они должны были в каждом отдельном случае в связи со всем развитием общества давать указания, установки, связанные с вопросами терминологии, филологии и т. д. Кроме того язык, как таковой, в том числе и терминология, имеет огромное политическое значение, используемое классами в их борьбе. Язык строится, как строится и все общество, на почве классовых взаимоотношений, на почве классовой борьбы. И понятно, язык, его терминология в частности, имеет огромное значение в той борьбе, которую ведет теперь пролетариат за свержение капиталистического общества, за социализм.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин указывают, что происхождение и развитие языка по-существу являются полным отражением развития всего общества. В моих тезисах к Пленуму были даны небольшие выдержки из трудов классиков марксизма об этом. Их можно было бы значительно умножить. Остановлюсь здесь лишь на одной-двух таких выдержках, показывающих сущность того, как развитие общества влияет на развитие языка, и наоборот, развитие языка впоследствии отражается на развитии общества.

Это обратное воздействие языка, воздействие терминологии на политические вопросы является совершенно естественным в условиях борьбы и развития современного общества.

Я привел один пример в тезисах, показывающий, что вопрос о языке играл огромнейшую, чуть-ли не решающую роль на одном видном участке борьбы во время революции 1848 года, когда шла борьба между общественными силами; поднимавшаяся тогда буржуазия стремилась притти к полноте власти, а остатки феодализма сопротивлялись революции. Этот пример показывает те методы и формы борьбы, которые были тогда применены помещиками и дворянством в австрийской монархии, стремившейся создать общий фронт австрийских славянских народов, путем объединения разных славянских племен (болгары, сербы, чехи и целый ряд других народов, которые как будто имеют довольно много национально общего с точки зрения диалекта), причем это не удавалось потому, что когда объединяемые народы собрались на конгресс, то оказалось, что у них нет общего языка, что их разделяет язык, так же как и другие национальности.

«В Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для того, чтобы проповедывать учение о славянском единстве и создать политическую партию, очевидной целью которой являлось изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее самой в большое славянское государство... Единства не было, потому что ее принцип единства был часто идеальным, который при первой попытке

осуществления потерпел крушение благодаря различию в языках» (К. Маркс и Ф. Энгельс — соч. т. XI, стр. 262—263. Разр. моя — *С. Д.*).

Тот факт, что им это объединение не удалось, показывает, что в столь решающем периоде, как революция 1848 г., вопрос о языке оказался настолько значительным, что он помешал провести определенную политическую и стратегическую линию, выработанную дворянством и помещиками очень влиятельной тогда Австрии, и колесо истории повернулось не так, как они того хотели.

Вопрос о большом политическом значении языка можно было бы проследить во всей истории человечества, начиная с древнейших времен, но это не входит в мои задачи, я только привел один наглядный пример.

Но для нас важны те выводы, которые можно сделать о влиянии языка в наших условиях. Ленин неоднократно останавливался на вопросах языка. Ленин отмечал значение языка, как экономического фактора, отмечал, что основной задачей господствующих классов в области языка и его развития является использование языка в целях расширения своего экономического влияния, своих рынков сбыта и усиления своего политического господства. Образование наций было всегда связано с тем, что из разных наречий, из разных частей населения одного и того же государства или разных государств создавалось единое целое государство с единым языком.

Совершенно ясно, что эти марксистские установки по отношению к вопросу — язык и нация — остаются в основном в силе и в наше время. Но необходимо учесть те громадные изменения, которые вносятся новой системой пролетарского государства, когда диктатура пролетариата меняет форму и степень влияния экономики на общественные взаимоотношения, когда вопрос о базисе и надстройке ставится в ином аспекте. Я не могу тут вдаваться в разбор этого вопроса, — это особая тема. У нас и экономика, и политика иначе переплетены во всей нашей системе, которая умеет направлять отдельные факторы и использовать их не так, как это было раньше — в интересах эксплоатации, — а в интересах большинства, в интересах массы трудящегося населения. Поэтому вопросы нового строения языка в СССР принимают иной характер, к ним имеется иной подход.

В чем заключается это изменение? Прежде всего, в вопросах развития языка совершенно отпадает элемент голого насилия, специфического капиталистического насилия, политического давления, которое мы имели в лице великодержавности, руссификации, германофикации и т. д.

Наша национальная политика, наш принципиальный подход совершенно устранил этот метод навязывания чужого языка и его терминов. Мы проводим в жизнь указания Маркса-Ленина, которые были особенно развиты т. Сталиным по вопросу о праве нации на самоопределение и о развитии их культур, национальных по форме и социалистических по содержанию.

Эту мысль мы находим еще у Маркса в «Критике Готской программы», где он поставил вопрос о роли языка и культуры, о возможности и целесообразности рассмотрения этих вопросов со стороны их содержания и со стороны национальной формы. Эту мысль мы находим и у Ленина, но точная и ясная обработка этого вопроса целиком принадлежит вождю нашей партии и рабочего класса т. Сталину, неоднократно доказывавшему, начиная с 1925 г. в его речи в КУТВ, когда он эти принципы обосновал, классовую сущность культурного, языкового строительства и то значение, которое имеет для нас его национальная форма.

Ленин указал, что еще довольно долго и после победы коммунизма мы будем иметь существование наций и их развитие к исчезновению наций.

Мы будем, значит, еще долго иметь и отдельное языковое развитие до тех пор, когда коммунизм войдет в быт; только тогда мы будем иметь слияние культур и по форме и по языку. Это общая установка марксизма по вопросам языка. Она, понятно, применима в общем и к нашим национальным языкам, которые только теперь начинают по настоящему развиваться. Эти общие установки должны находить специфическое преломление в отношении разных типов языков и по отношению к разным национальностям.

Исходя из существующего факта огромного социалистического строительства, мы не можем подходить к вопросу о языке и терминологии вообще, только с точки зрения будущего, нам приходится разрабатывать вопросы терминологии, устанавливать законы развития языка для каждой отдельной группы языков на данном этапе, учитывая конкретную обстановку их развития и роста.

Высказывались спорные мнения насчет того, есть ли бедные и богатые языки? Кое-кто указывал, что раз имеется в языке много терминов, например, о лошадях, овцах и т. д., то это доказывает богатство языка. Есть языки, имеющие 60 000 слов и есть языки, которые имеют 10 000 слов, и сторонники этого мнения считают, что это ничего не значит, что тут количество не переходит в качество. Другие считают, что основное именно в количестве слов. Но этот спор недостаточно конкретный, ибо нельзя подходить к языку только с точки зрения количества слов. Бывает иногда, что при рациональном использовании сравнительно небольшого запаса слов, можно добиться охвата широкого круга понятий и вообще свободно маневрировать этим языком с его запасом слов во всех областях знаний и во всех отраслях практической жизни.

В то же время никак нельзя согласиться с мнением о том, что вопрос о количестве слов в языке вообще никакой роли не играет, и обилие слов в языке ничего не значит. Это перегиб в другую крайность. Имеются, хотя не точно установленные, но все-таки какие то границы, когда язык бывает беден и не в состоянии дать точное выражение окружающей его жизни из-за недостатка слов, терминов. Мы должны стараться сделать так, чтобы не было бедных языков. Существующую бедность данного языка не нужно скрывать. Мы не должны говорить, что, мол, если у тебя бедный язык по общим вопросам, зато он богат, например, по животноводству и успокоиться на этом. Надо говорить так: если у тебя язык бедный, то надо постараться обогатить его, чтобы он был в состоянии выразить все богатство человеческой культуры, человеческих достижений в нынешнее время. Уничтожая отсталость вообще мы должны также уничтожить и отсталость в языке.

Если народ на своем языке не может получить всего, что ему нужно, это значит, что он по существу является известным образом отстающим. Мы должны уничтожить эксплоатацию и добиться возможного равенства и здесь. И надо сказать, что мы идем по этому пути и довольно много уже сделали. В то же время следует указать, что если мы говорим об отсталости в разработке основ имеющейся науки по отношению к практике социалистического строительства, что разработка теории у нас не поспевает за огромным ростом практики социалистического строительства — то в отношении языкового строительства и образования терминов мы сугубо отстали.

Это особенно сказывается потому, что преодоление косности отсталых масс в вопросах идеологии, в вопросах, связанных с устройством человеческих понятий у миллионов людей, встречается больше трудностей, чем в вопросах применения новой техники. Трактор или комбайн, например,

можно отправить в отсталую страну — и на север, и в Таджикистан, и скоро научить массы употреблять их, а вопросы науки, вопросы идеологии — они не столь ощутимы, они не так быстро вытесняют старые понятия, как трактор вытесняет деревянный омач. Поэтому надо во что бы то ни стало стараться более усиленно воздействовать на психологию, мышление, убеждения, в общем на мозг человека, в то время, когда над ним, в результате классового устройства общества, тяготеют тысячелетия.

Поэтому приходится с большевистской настойчивостью обрабатывать эти отсталые участки, чтобы они не были отсталыми, чтобы они шли в ногу со всем социалистическим строительством страны.

В вопросы терминологии бурный рост социалистического строительства внаосит без конца новые понятия в связи с развитием индустриализации, а также с развитием сельского хозяйства, народного образования и т. д. Имеются народности в СССР, которые переходят в своей экономике от феодальных элементов, от элементов патриархальных, минуя капиталистический путь развития, прямо к социализму. Мы должны постараться, чтобы этот огромный переход нашел соответствующее отражение и в вопросах развития терминологии, в вопросахсоздания языка для младописьменных и вообще бесписьменных языков, получивших впервые письменность в СССР. Им приходится сразу от состояния бесписьменности, от бедного языка сразу перейти в такой язык, который имеет огромное количество понятий, огромное количество терминов; им приходится догонять еще более быстрыми темпами другие народы. Ведь если мы в вопросах экономики имеем решения съездов нашей партии, о том, чтобы экономика отсталых народов двигалась более быстрыми темпами, чем движутся более передовые народы, — то мы должны проводить это и в отношении к языкам, терминологии и т. п.

И передовые языки сейчас невероятно обогащаются. Если взять русский язык, и посмотреть, каким он был до 1917 г. и каков он теперь, в 1933 г., то мы увидим, что он в огромной степени обогатился за это время в связи с приходом в движение широких масс, которые сами строят свою культуру на основе более расширенной экономики, индустриализации, колхозного движения и т. п. В украинском языке и других мы также имеем огромные сдвиги за время революции и социалистической стройки. И надо, чтобы языки отсталых национальностей догнали передовые языки, иначе у нас опять получится большое расхождение, невероятное отставание роста культуры от роста техники, от социалистического строительства.

Значит, национальные республики СССР обязаны теперь взять исключительно большевистские темпы, более быстрые чем те, которыми мы работаем в центре. Понятно, какие огромные задачи это возлагает на пролетариат передовых национальностей и на специальные учреждения, обслуживающие эту отрасль работы, — как ВЦК НА. В порядке самокритики надо сказать, что Всесоюзный Комитет Нового Алфавита еще очень мало по этому поводу сделал. В центре только кое-что делается, люди собираются, обсуждают и т. п. За последние годы мы имеем некоторый сдвиг в этой работе в разных республиках. Но если сравнить сделанное с тем, что требуется сделать, то увидим недостаточность настойчивости, отсутствие того размаха, того разворота этой работы, которых требуют самые насущные задачи сегодняшнего дня.

Надо упомянуть, что нам теперь приходится не только создавать новое, нам приходится еще преодолевать ошибки прошлого. Эти ошибки прошлого еще довлеют над многими, они еще не изжиты окончательно. Я не говорю уже о том, что нам еще вообще не удалось полностью изжить все наследие

национальной политики царизма, все остатки национальной отсталости, угнетения. Во второй пятилетке мы примем все меры, чтобы ликвидировать отсталость на культурном фронте среди национальностей.

В вопросах языка, терминологии имели место довольно серьезные блуждания и ошибки, о которых особенно полезно здесь вспомнить и раскритиковать их, для того, чтобы, во-первых, их больше не повторять и, во-вторых для того, чтобы на основе раскрытия этих ошибок научиться работать как следует. Я не могу останавливаться на всех ошибках по этой линии. Но нельзя все-таки пройти мимо такого важного этапа, как тюркологический съезд 1926 г. Это было своего рода «учредительное собрание» нового тюркского алфавита. Несмотря на то, что съезд имел огромное положительное значение в смысле отхода восточных народов от арабизма, от иранистских направлений, от исламизма, съезд носил на себе очень много «родимых пятен» старого, очень много имел установок вредных, чисто националистических, пантюркистских. И нельзя об этом не сказать сейчас, когда по существу после тюркологического съезда — это первый пленум Научного Совета Комитета Нового Алфавита, который поставил основные вопросы терминологии на широком собрании, где имеются представители многих народов.

Самым ярким выразителем вредных уклонов по терминологии на тюркологическом съезде был Чобан-Заде. Впрочем, надо сказать, что правильных и выдержанных выступлений по этим вопросам мы почти не имели на съезде. Тогда еще не были достаточно разработаны вопросы, не было нового подросшего научного советского актива, работающего над этими вопросами, не была еще достаточно развита специальная работа по языковому творчеству и имелось известное засилие на этом фронте тех националистических элементов прошлого, которые подошли к вопросам нового алфавита не с точки зрения потребностей широких масс, не с точки зрения строительства социализма, не с точки зрения пролетарской революции, а с точки зрения создания единой великой тюркской или тюрко-татарской нации, единого тюркского языка, восстановления былого величия Востока.

Этого, понятно, нельзя сказать обо всем съезде в целом, но среди руководителей этого съезда были такие, как Байтурсун и ему подобные, и в постановлениях съезда было очень много отрыжек вредных установок, которые, понятно, надо подвергнуть серьезной критике.

Чобан-Заде, скажем, указывал, что Венгрия представляет собой идеальный пример, раз там в науке и литературе сумели обходиться совершенно без иностранных терминов, переведя все иностранные термины на венгерский язык; что там нет никакой надобности знать другие языки для того, чтобы быть по-настоящему образованным человеком. Характерен такой пример, приводимый Чобан-Заде, что термины «конституция», «интернационал» уже полностью имеются в венгерском оформлении, поэтому нет никакой надобности употреблять в венгерском языке иностранные слова, как «конституция», «интернационал» и т. п., что все можно выразить коренными венгерскими словами. Между прочим, это указание, что никакого слова «интернационал» не нужно в тюркской терминологии — по существу символично; это значит, что, по Чобан-Заде, нам не нужен «интернационал», а только что-то свое, в венгерском или тюркском понимании, но не нужен общий интернационал. Вот к чему дело клонилось в этом толковании языкового строительства! Достаточно указать еще на то, что Чобан-Заде хотел создать один общий комитет по вопросам языка и терминологии, с отделениями в Константинополе и т. д. Увязка с Константинополем в этих вопросах в то время является весьма характерной.

Об употреблении европейских терминов на съезде говорилось, во-первых, только крайне ограничительно, а во-вторых, лишь об их корнях, которые целиком перерабатываются, целиком тюркизируются и ничего европейского в них не остается. Значит, был совершенно определенный уклон в установках, которые были приняты тогда тюркологическим съездом.

Правда, в решениях этого съезда было не так много вредного, как в выступлениях на нем некоторых отдельных лиц. Надо, понятно, приветствовать основную установку этого съезда об отказе от арабизма, от иранизма. Это вытекало из установок тогдашних основных руководителей — коммунистов, взявших правильную линию о переходе на тюркский алфавит, настоявших на том, чтобы отделаться от арабизма не только в смысле письменных значков, но отделаться от самого духа старого арабизма, от его влияния. Большинство делегатов съезда было также настроено вести антирелигиозную работу, и тогда было вполне своевременно отделаться от терминов, каждый из которых напоминает коран, ислам и т. д. В 1926 г. это, разумеется, было прогрессивным явлением. Но это было далеко не все то, что диктовалось интересами пролетарской революции, к чему надо было итти, что нужно было дать широким массам, как более понятное, более доступное и более необходимое. Иначе говоря, надо было бы ставить на первое место интересы интернационализма в подлинном смысле этого слова, приобщения масс к социалистической революции, к ленинизму, марксизму, к конечной цели, которую ставит перед собой пролетариат — это не было заострено в решениях съезда, эти вопросы там не ставились. Сказалась национальная ограниченность, влияние буржуазии, кулаков, националистов, баев — в лице Байтурсунова и других, которые пытались вести массы за собой, отрывая их от пролетариата, мешая поднять массы над старыми понятиями, стараясь не довести их сознания до понятия пролетарской революции. Это обстоятельство сказалось в постановлениях тюркологического съезда. Понятно, что еще довольно долго после тюркологического съезда эти решения давали себя знать и в работе ВЦК НА; они и теперь еще дают себя чувствовать в той борьбе, которая ведется вокруг вопросов языка в национальных республиках.

После XVI съезда партии, после исторического выступления т. Сталина, который дал более развернуто основные установки в подходе к вопросам национальной культуры, работники национальных республик и областей получили более ясную ориентировку, очень многие из них лучше выяснили себе вопросы строительства языка, вопросы терминологической работы, шагнули вперед на высшую ступень. Надо указать, что немалое значение имел тот факт, что с переходом на новый алфавит облегчилось выдвижение новых кадров из низов, которые в значительной степени облегчили возможность создания новой терминологии, облегчили возможность отрываться от арабизма и иранизма.

Но, без сомнения, наряду с уклонами к местному национализму, которые вредно влияли на работу тюркологического съезда и на дальнейшую работу, являвшуюся своего рода продолжением этого съезда, немалое значение имело наличие великодержавного национализма, который питал и местный национализм. Мы имели и имеем и проявления великодержавного национализма в вопросах строительства языков, в разработке терминологии. Встречалось немало сторонников оголтелого руссицизма в области лингвистики, пытавшихся совершенно не считаться со свойствами и особенностями языка, вливая туда русские слова, русские термины, даже тогда, когда легко можно было обходиться без них.

Это явление чрезвычайно вредное, и вот почему. Уклон к великодержавному шовинизму является самым опасным уклоном в национальном вопросе; в вопросах терминологии — это еще вдобавок есть ставка на самотек в образовании языков, стремление пойти по линии наименьшего сопротивления. И действительно, тот автор, который пишет книгу или ее переводит, затрудняясь подобрать необходимое слово на родном языке, рассуждает: зачем копаться и искать в запасах родного языка, — легче взять известное мне русское слово. Между тем именно это наводнение родного языка русскими словами приводит к тому, что в текст вставляются слова и термины, непонятные массе, которая не знает русского языка, делая книгу недоступной для этой массы. С другой стороны, это приводит еще к такому вредному явлению. Дело в том, что среди широких кругов населения существуют элементы националистические, боязнь старой руссификации еще не исчезла. На этих настроениях продолжают играть до сих пор кулацкие и контрреволюционные элементы, националистическая интеллигенция, и порою небезуспешно. Они начинают в таких случаях доказывать массе, что и теперь проводится та же руссификация, только другим способом, под другими лозунгами и т. д. В дальнейшей работе по терминологии нужно учесть указанные моменты и избежать наводнения русскими словами.

В то же время в подходе к русскому языку мы не можем ограничиться одним принципиальным утверждением о необходимости борьбы с великодержавностью, не изучая всей динамики вопроса, всех изменений в языках и положительных моментов влияния русского языка.

Помимо упомянутых уклонов имеется и такой уклон, как стремление всячески, во что бы то ни стало, избегать русских терминов; утверждение, что лучше давать какие угодно другие иностранные слова и термины, но никак не русские. Имелось такое движение — так называемый «пуризм», борьба особенно за очищение национального языка от русских терминов. Этот пуризм сказался у некоторых народов и в стремлении не заимствовать никаких терминов вообще у народов Востока, т. е. главным образом из русского языка. Например, ссылаются на Китай, который скорее берет французские слова, чем русские, хотя Китай ближе к России, чем к Франции. Это хотят применять и к народам, живущим в пределах СССР.

Русский язык был одним из главных жупелов в устах националистов, не допускавших использования его языковых богатств для народов, живущих на территориях, куда влияние русского языка не может не проникать, даже без всякого искусственного давления. И отсюда продолжает иногда оставаться старое отношение к русскому языку.

В настоящих условиях пугаться этого жупела не следует. Мы должны только иметь здесь правильный подход, правильную установку.

Совершенно неверно думать, будто язык Октябрьской революции — это только русский язык. Октябрьская революция сделана на языках всех национальностей по всему СССР. Октябрьскую революцию сделал не один русский пролетариат, хотя он был ведущим в этой революции, ибо не один только авангард делает революцию. Авангард может сделать революцию только тогда, когда широкая многомиллионная масса его поддерживает. Языком Октябрьской революции являются языки основных пролетарских и других революционных элементов всей нашей страны.

В то же время нельзя не учесть простых жизненных явлений. Во-первых, того, что фактически очень многие народы живут поблизости с русскими, сближаются культурно с русскими, закон взаимодействия языков говорит нам, что люди, живущие друг возле друга, влияют друг на друга, перенимают если не язык, то перенимают те или иные слова, термины.

Если поискать, то можно найти и в русском языке немало терминов, взятых из тюркского языка и других соседних, и наоборот. Влияние русского языка в этом отношении несомненно сказывается на языке соседних народов.

Другой момент — это момент влияния революции. Надо сказать, что основные установки Ленина по вопросу об отношении к русскому языку со стороны нерусских национальностей вполне оправдались. Ленин очень резко боролся против навязывания нерусскому населению русского языка.

Надо сказать, что наша национальная политика доказала очень ясно, что мы против вколачивания русского языка и против руссификации.

Возьмите любую страну в мире, возьмите французов, англичан и т. д., которые являются господствующей нацией у себя в стране. Если бы встал там вопрос о введении какого-либо алфавита для народов, связанных с ними — они наверное настаивали бы на том, чтобы взять их алфавит — французский или английский и т. д. Мы же отказались от навязывания русского алфавита нерусскому национальному населению Союза, и всячески помогали и помогаем им научиться латинскому алфавиту. Это — огромный показатель национальной политики нашей страны, который мало кто отмечает, но о котором не нужно забывать.

Однако сейчас нас интересует другая сторона дела. Остался ли русский язык для нерусского населения нашего Союза за время революции тем, чем он был до нее? Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские национальности приобретают добровольно очень много для себя полезного, чего пока они часто не могут приобрести на родном языке. Это, быть может, временное явление. Но есть и такой важный момент, что оригиналы произведений Ленина и Сталина и все основные документы революции появились на русском языке, на других же языках имеются только переводы. Как бы ни были хорошо сделаны переводы (что бывает далеко не всегда) — оригинал всегда лучше перевода. Стремление все узнавать из оригинала — вполне здоровое стремление. Основные руководящие печатные органы партии и правительства — согласно естественно сложившейся исторической обстановке в стране — также выходят на русском языке, и стремление читать их в подлиннике вполне законно у любого национала. Кроме того, сейчас русский язык стал другим по своему классовому содержанию.

С другой стороны, если мы перейдем от качества к количеству и посмотрим, сколько было раньше в России людей, говорящих на обязательном государственном языке и сколько людей теперь добровольно говорит на нем, то выяснится, что когда русский язык стал не обязательным, а добровольным, — количество националов, научившихся русскому языку, стало в сотни раз больше. Это явление мы должны приветствовать. И, разумеется, мы стоим за то, чтобы каждый гражданин Союза имел возможность научиться и русскому языку: это явление продуктивное и полезное.

Как же в такой обстановке подходить к выбору терминов? Если стоит вопрос о том, взять ли нам термины в латинских корнях или во французских, или взять их так, как мы имеем эти термины в русском языке, например: взять ли нам «женеральная» или «генеральная», то понятно, мы выскажемся за «генеральная», потому что слово «генеральная» уже стало общепонятным и общепринятым, также как слово «социализм» и др. Мы никак не можем рекомендовать искать термины непременно из источников глубокой старины народа, в давно забытых временах; мы также не можем рекомендовать непременно обращаться к турецким языковым источникам и т. п.; мы не можем и рекомендовать настолько «национализировать» иностранные термины, чтобы они стали неузнаваемы. Мы должны каждый раз при образовании нового термина учитывать, как обстоит дело в этом

отношении в русском языке, прикидывать, и брать русское слово, если уже убедимся, что нет подходящего слова, доступного массам, в родном языке. Само собою разумеется, что русский язык не может быть единственным источником для введения новых слов и терминов, но игнорировать его нельзя, особенно там, где имеется решающее влияние русского языка. Этот момент нельзя не учитывать при выработке всех основных терминов.

Несомненно, мы не можем иметь совершенно одинаковых принципов, установленных для всех языков. В СССР много языков разнообразных, имеющих свои специфические особенности и установки, с которыми нельзя не считаться. Весь вопрос в том, чтобы найти своего рода диалектическую границу, после которой начинается искажение языка. Трудно дать какой-либо общий подход для всех языков, но мы можем установить основные моменты в этом деле.

Прежде всего надо помнить указание Энгельса, что термины международные, интернациональные и т. д. существуют не потому, что это дело модное, что красивее, приличнее выражаться иностранными словами, а происходит это потому, что есть много терминов, по существу непереводимых. Перевести на другой язык можно любое слово, любой термин, но это будет слово без изюминки, это будет слово, в котором отсутствует дух самого выражения, потому что многие термины сами по себе имеют много элементов непереводимых. Таких слов немало, хотя бы «пролетариат», «класс», «социализм», «диалектика», «материализм», «философия» или термины технического характера — «индукция», «конденсатор», «радиофикация» и т. п. Возьмем еще такое понятие как «индустриализация», или из иной области — «генеральная линия партии». Если начать механически переводить слова «генеральная линия» на разные языки, без сомнения, получится неправильно. Таджики, например, перевели это словами «царская дорога» (понятно, слово «линия» надо изменять на национальных языках). Или возьмем слово «большевик». Слово «большевик» может существовать на каком угодно языке. Но, если вы переведете «большевик» на другой язык с другим корнем, получится совсем не то. Слово «большевик» не поддается переводу, потому что в него входит иное понятие, иное содержание. То же самое со словом «совет». Сначала слово «совет» переводили: например, по-французски «совет» звучит, вообще говоря, как «conseil». Или «пятилетка» — прежде во французской, например, прессе переводилась как «le plan quinquennal», а теперь они пишут это, ставшее столь популярным, слово просто «pjatiletka». Конечно слово «совет» можно перевести, но значение его абсолютно непереводимое и поэтому его все-таки пишут «Soviet». Хочу отметить определенную метаморфозу, происшедшую со словом «совет» в западноевропейских языках. В самом начале после Октября, были попытки в заграничной прессе переводить слово «совет» в его обыденном значении — conseil. Затем, когда хотели рисовать политический строй нашей страны в совершенно мрачных красках, стали употреблять русское слово «совет» без перевода, чтобы подчеркнуть, что в России создался такой специфический политический режим, который непонятен заграничным странам. В 1919 г. 13 апреля Ленин пишет: «Во всем мире растет число «советистов», как зовут их заграницей» (Ленин, т. XX, ч. 2, стр. 327). Это казалось тогда каким-то диковинным именем. Со временем это название, вопреки желанию буржуазии, стало популярным и завоевало себе право гражданства.

Вопрос о терминологии будет еще довольно много разрабатываться во всех своих подробностях. Но основные установки выработать надо. Я, понятно, не имею в виду предложенную проф. Яковлевым его «генеральную линию» в вопросах терминологии, которую он приподнес на страницах

журнала «Культура и письменность Востока». Там слишком много механистического, нет достаточного учета особенностей разных языков, политических моментов и большого разнообразия отраслевых моментов.

Я думаю, что в вопросе терминологии нужно непременно учитывать состояние той или иной группы языков, выяснить, кто на кого влияет и в какой мере, учесть особые свойства каждого данного языка, степень экономического развития народа, темпы его движения вперед, памятуя также указания т. Сталина о влиянии на часть языков в СССР тех частей той же нации, которые находятся за рубежем. В то же время мы не должны упускать из виду следующий особо важный момент. У нас стоит вопрос о сближении народов, сближении культур, а затем о их слиянии, вплоть до единого языка. Мы сами являемся творцами национальной культуры. Она больше не делается сверху или самотеком, мы воздействуем на нее нашим идеологическим руководством массами и должны в первую очередь заняться самым необходимым по этой линии. Мы, например, сейчас имеем дело с переводами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на национальные языки — и в этих переводах встречаются невероятнейшие трудности. Здесь, во-первых, иногда имеется тенденция к упрощению, вернее вульгаризации, перевода. Бывает, что если в данном языке нет достаточно разработанных терминов, то, например, понятия «цена» и «стоимость» хотят переводить одним словом; «государство» и «народ» — тоже одним словом, «диктатура» и «власть» одним словом и т. д. и т. п. Если когда-либо на митингах и можно было выступать на родном языке, не особенно стесняясь в выражениях, когда все сводилось к активным действиям, без «теоретических тонкостей», а национальная печать была очень бедна, причем у некоторых народов ее почти не было, — то теперь при наличии в национальных республиках большой печати нужно быть крайне осторожными в терминах, чтобы дать читателю достаточно четкое представление, чтобы не перепутать различные понятия. Скажем, «пролетарское государство» — это одно понятие, «пролетарский народ» — другое. Одно дело «диктатура пролетариата», другое — «власть пролетариата» — это понятие имеет другой оттенок; то же самое «генеральная линия» или «главная дорога». Таких примеров в разных языках очень много, а поэтому этот момент требует к себе особого внимания. Из перепутывания понятий получается искажение классовой линии, искажение генеральной линии партии в национальном вопросе. Мы должны также всячески избегать упрощенства. С другой стороны, мы не имеем права наводнять переводы иностранными терминами, это сделает содержание недоступным массам. Необходимо язык перевода максимально уточнить, взять для терминов все, что возможно, из родного языка, но, повторяю, никак не упрощенчески, вроде попытки перевести слова «пролетарий» как «голодранец» или «бедняк» — как «злыдень» и т. д. Бывают попытки откопать в каком-нибудь эпосе старинное слово, напоминающее значение какого-нибудь иностранного термина, как, например, «конституция», «диктатура» и т. п. и пустить это слово в ход, хотя оно менее известно массам, чем то иностранное слово, которое хотят заменить архаическим термином. Надо уметь сделать язык понятным массам, не наводняя его иностранными словами, и в то же время соблюдать точность понятий, классовую выдержанность, чтобы избежать искажений, которыми мог бы воспользоваться классовый враг, толкуя их в противоположном смысле. Поэтому на первом месте мы должны ставить вопрос не о чистоте языка, как такового, а о чистоте идеологии в этом языке, стараясь одновременно максимально использовать те богатства, которые имеются в языках. Разумеется, в вопросах техники можно ввести больше иностранных слов, названий машин, деталей

и т. д., которых у данного народа прежде не было, но в отвлеченных понятиях установить одинаковые точные законы образования терминологии для всех языков — было бы неправильно.

Понятно, нельзя сейчас, при тех огромных богатствах, которые социалистическое строительство вкладывает в языки, при тех огромных расширениях, которые получают национальные языки — думать о том, что должен быть один подход ко всем существующим языкам или диалектам всех мельчайших национальностей, чтобы выработать, например, во что бы то ни стало для любой национальности или этнографической группы — независимо от ее численного состава — богатый разветвленный язык, чтобы получить вместо сотни языков — двести и т. д., как ставил вопрос Дагестан. У них, например, есть нации, которые имеют всего 150 человек, 400 человек. Можем ли мы ставить вопрос о развитии столь мельчайших языков, даже для народности, имеющей несколько тысяч человек? Народ, который раньше обходился очень ограниченным количеством слов, теперь должен сразу приобщиться к той огромной культуре и строительству, которые требуют запаса не меньше, скажем, 30 тысяч слов. Я считаю, что в интересах этих же самых маленьких народностей, исходя из принципов нашей национальной политики, нужно подумать об усвоении ими более близкого мощного языка одного из родственных народов. Имеются, например, живущие в Азербайджане мелкие национальные этнографические группы, являющиеся осколками, когда-то более крупных народностей, большинство которых уже успело ассимилироваться, или когда-то в далеком прошлом откочевало, бежало от военных агрессий и т. п. или, наоборот, это меньшинство откуда-то прибыло сюда, как осколок большой нации, которая там, на своей родине, отмерла, ассимилировалась и сохранились лишь ее осколки. Можно все-таки в таких случаях рекомендовать этим меньшинствам приобщиться к тюркскому языку, который им, как старым жителям Азербайджана, особенно близок. Известно также, что при определенной тенденции не трудно всякие диалекты, наречия и т. п. превращать или признать отдельными языками.

С другой стороны, на этой почве легко появляется великодержавность, особенно в таких местах, где местный национализм превращается из защитного, оборонительного — в нападающий; это бывает, когда стараются подвести под категорию этнических племен и более крупные и мощные национальные меньшинства. В этом вопросе очень трудно дать какой-либо твердый стандарт, тут приходится учитывать ряд сложных моментов. Этот вопрос требует еще серьезной проработки. Можно ведь было, например, найти даже в Грузии языковые деления: картвельский, мингрельский язык и т. д. — но мы все же считаем, что нет надобности ослаблять сложившиеся национальности, что не имеет смысла вести бесконечное дробление нации без крайней необходимости.

Нужно укрепить национальности, сделать их более сильными и более мощными, для того, чтобы они могли быстрее двигаться и догнать ушедшие вперед национальности. Для народности, вернее этнографической группы, которая имеет примерно до 1000, до 5000 человек и язык которой состоит из очень ограниченного количества слов, при наличии поблизости более богатого и в то же время сравнительно более подходящего для них языка, близкого к их родному языку, было бы целесообразно приблизиться к этому языку, а затем, в течение определенного периода, перенять его целиком.

Совершенно особо стоят в то же время некоторые из маленьких народов Севера. Каждый из них имеет свою обширную территорию; они далеко разбросаны друг от друга и сравнительно мало соприкасались с другими народами и мало от них переняли, они имеют больше языковых отличий

и друг от друга, имеют специфическую экономику и историческое прошлое; почти все они были бесписьменными и это вело к развитию у них отдельных языков. Кроме того, народы Севера, которые сохранились под особо тяжелым царским игом, благодаря особой их стойкости, — сохранили свои языки, которые дошли до нас в более чистом виде; эти языки интересны и с точки зрения филологии, как своего рода уцелевшие здоровые остатки далекой древности.

В вопросах развития языков малых народов, мы исходим из политической целесообразности, из задач помощи этим народам. К этому вопросу нужно подходить, конечно, на почве основного принципа партии по национальной линии — из права наций на самоопределение, в том числе и в отношении мельчайших народностей. Надо помнить, что «Декларация прав народов России», опубликованная еще в 1917 г. за подписями Ленина и Сталина, именно говорила о правах не только национальностей, но также и этнографических групп, так что их воля имеет для нас решающее значение. Но я уверяю вас, что если спросить трудящихся таких наций, имеющих полторы-две тысячи населения — на каком языке они считают нужным вести обучение своих детей, особенно после школы первой ступени, — они безусловно выскажутся за сравнительно более передовой язык, в зависимости от того, в какой республике они находятся. В Дагестане, например они могут выбрать аварский, кумыкский, тюркский или другой, в Азербайджане — тюркский или другой, в Средней Азии языки отдельных республик, может быть персидский и т. п. В районах Урала или Поволжья возможно некоторые предпочтут русский язык, татарский и т. п. Представители трудовых масс этих маленьких народностей нам скажут: «не навязывайте нам нашего старого языка, не заставляйте наших детей быть такими же беспомощными, как мы». Я думаю, что этот момент нельзя не учитывать, нельзя голый принцип развития родного языка доводить до абсурда. Этот момент учтут и немногочисленные члены партии и комсомола, имеющиеся среди этих национальностей, и не будут поддаваться националистическим настроениям каких-нибудь националистически настроенных интеллигентов из среды этих народностей.

Я хотел бы напомнить вам одно место из знаменитой речи Сталина в КУТВ'е, где он говорил о развитии национальных языков. Это выступление т. Сталина в 1925 г. было своего рода «хартией о национальной культуре». Это было основой для дальнейшей ясной работы по вопросам национальной культуры.

В основных установках, которые т. Сталин дал по вопросу о развитии национальной культуры, сказано, что процессы ассимиляции неизбежны, что это вполне соответствует всем законам развития национальностей и всем законам экономики и т. д., что это — в интересах самих национальностей — мы должны их же защищать от того наследства, которое их гнетет в этом отношении.

Другое дело — нации более развитые, более многочисленные. Мы должны ставить вопрос о максимальном развитии их культуры и всех тех потенций, которые у них имеются, до полного расцвета их культур.

Если мы каждые 2—3 месяца открываем все новые и новые нации и ставим вопрос о выработке для них новых алфавитов, то я думаю, что разыскивать без конца эти языки во что бы то ни стало — дело, не соответствующее интересам самих наций. Вырабатывая терминологию, мы должны стараться обобщить ее для языков, более или менее близких друг другу. Таким образом, задачей нашей работы по терминологии является также учет возможностей для некоторых языков мелких национальностей, о которых

я говорил, выработка возможности их влияния или перехода от одного языка к другому языку в сравнительно не очень длительный период. Для других, более крупных, мы можем пока иметь только общую перспективу их слияния, когда коммунизм войдет в быт, стремясь, чтобы они к этому времени могли дойти до полного расцвета, ибо затем только начинается диалектический процесс слияния языков. Это, несомненно, колоссально сложная задача по отношению к особенностям каждого языка, особенно тех, где стоит вопрос об удвоении словесного богатства или даже значительно большего увеличения новыми терминами, новыми понятиями и т. д. Ведь нужно давать не просто слова, а термины, выражающие определенные понятия, акцентирующие именно это понятие и тонко отделяющие его от другого, и в то же время не терять перспективы.

Пока у нас дело обстоит довольно туго по вопросу о кадрах на языковом фронте. Марксистско-ленинские кадры по этой линии из национальностей фактически только подготовляются. В этом основная трудность данного этапа. Сейчас организуются специальные курсы переводчиков; при переводе шеститомника Ленина на национальные языки мы столкнулись с очень большими трудностями.

Имеет место необыкновенная халатность со стороны многих переводчиков, доходящая до пределов возмутительного. Мы видим, что не понимая того или другого слова, переводчик его или просто пропускает, или оставляет русское слово, как таковое, или даже перевирает, употребляя один и тот же термин для совершенно противоположных понятий, или ставя совершенно неподходящие термины.

Между тем овладение масс национальностей на родном языке учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина является вопросом огромной важности.

Сейчас еще не может считаться резрешенным вопрос о более или менее удовлетворительном ходе культурной революции у той или иной нации, если она не имеет переводов классиков марксизма на родной язык, а мы этих классиков или не даем или даем нередко в таком виде, что лучше вовсе не давать.

На первый план у нас в республиках выдвигается вопрос о выработке терминологических словарей, причем словари должны составляться с расчетом, чтобы они пригодились для наций с близкими языками; тут должен быть выработан ряд своего рода общих стандартных терминов.

А что у нас сейчас делается с терминологическими словарями? За создание терминалогии нередко берутся люди, которые не имеют понятия о политике, о ленинизме, которые пишут отсебятину.

Их работу приходится резко критиковать, исправлять, и сделать это бывает не так легко, тем паче, что подобные творения пока что широко распространяются в их первоначальном виде.

Кроме того мы имеем здесь дело и с немалым количеством сознательных вредителей, которые хотят исказить ленинские установки, которые хотят затормозить огромный процесс социалистического строительства, противодействовать ликвидации кулачества, как класса, которые пуще смерти боятся построения бесклассового социалистического общества. Те указания, которые нам дал Центральный Комитет партии в решениях январского пленума ЦК ЦКК о необходимости усиления классовой бдительности — должны быть стержнем нашей дальнейшей работы также и по вопросам терминологии.

Я не буду останавливаться здесь на ряде конкретных вопросов относительно отдельных республик, конкретных терминов и слов.

Всесоюзный Комитет Нового Алфавита должен взяться за вопросы терминологии вплотную. До сих пор фактически у нас терминологического центра нет. В Научном Совете Наркомпроса РСФСР проделывается по этой линии сравнительно большая работа, но еще далеко недостаточная. Кроме того, Наркомпрос РСФСР не охватывает союзных республик, которые много занимаются этим делом. Я думаю, что ВЦК НА должен стать такого рода вспомогательным научным терминологическим центром для республик, но центром, который не дает подробной кодификации каждого термина любого языка и не устанавливает своей монополии по этой линии.

У некоторых народов, разрабатывающих вопросы терминологии у себя, нет еще четких принципиальных установок, и нужно заняться организацией такого терминологического центра, который будет разрабатывать научные вопросы и к которому можно обращаться за консультацией и за руководством. Надо помнить при этом, что центр, который мы организуем, только тогда сумеет по-настоящему быть центром, сможет кое-что серьезное давать, если вокруг него объединятся все фактически работающие по этим вопросам учреждения, научно-исследовательские институты, терминологические комиссии и т. д., если будет организован обмен опытом. Надо установить связь с теми учреждениями, которые работают в этой области также в Ленинграде, в Академии Наук и в других местах. В ряде учреждений, например, созданы бюро переводчиков; встречая при переводах то или иное затруднение с терминами, они смогут обратиться в этот центр и найти там помощь.

Надо созывать терминологические совещания. При этом необходимо иметь в виду, что терминология вырабатывается не в кабинетах, не в исследовательских учреждениях, — она вырабатывается в практическом языке широких трудящихся масс в языке рабочих и колхозников. Научные учреждения должны только в основном учитывать тот опыт, который создает масса, газета, брошюра и помогать направить это творчество в правильное русло.

Как использовать этот опыт масс — для нас является вопросом коренной важности, ибо надо, чтобы интересы диктатуры пролетариата полностью соблюдались в вопросах языка, помня о классовых моментах в строительстве языков.

В национальных республиках СССР имеются крупные пролетарские центры, среди рабочих националов имеется довольно много людей передовых, культурно развитых. Как они творят свой язык? Они не могут обходиться только старыми терминами и отсталым языком. Они расширяют его. Этот опыт должен подытоживаться республиками. Должны созываться терминологические конференции, можно устраивать своего рода сбор терминов на собраниях на каком-либо предприятии, посредством опросника, или выступая по этому вопросу; можно посылать туда научного работника, который запишет, зарегистрирует все новые термины, встреченные у ораторов. Скажем, на собрании по вопросу о производительности труда, где говорят на родном языке, нужно записать, как выступающие выражают различные понятия в связи с вопросами техники и т. п. Такие сведения нужно собрать по предприятиям, совхозам, колхозам, классифицировать их, обработать, пускать в употребление и опять проверять — как они привились.

Надо иметь в виду, что если раньше в национальных республиках огромное преобладание имела отсталая деревня, когда говорилось, что национальный вопрос является по существу крестьянским вопросом — только в более расширенном виде — то сейчас национальная деревня меняет свой характер, она делается колхозной, в нее пришли комбайн и трактор; животноводство также поднимается на высшую ступень, в деревне появляются

и встречаются с массами агрономы, инженеры, техники; меняется хозяйство, меняется вся физиономия республик, меняется в связи с этим и получает совершенно другой облик в деревне и язык. Анализ и собирание огромного опыта терминологического творчества в той колоссальной лаборатории, которая называется социалистическим строительством среди национальностей, — покажет, куда и как должна ориентироваться каждая национальность в этих вопросах, какое именно направление она должна дать развитию языка. Вопрос у национальностей стоит также и о консолидации разных языков на основе разных диалектов и т. д.

Во всей нашей работе, о которой говорилось выше, мы должны иметь в виду необходимость ориентироваться на районы передовые, на районы пролетарские, районы коллективизированные, чтобы и в языковых вопросах ведущими были элементы социально наиболее близкие, интересы которых соответствуют интересам диктатуры пролетариата, интересам социалистического строительства.

А. РЕФОРМАТСКИЙ

ЛИНГВИСТИКА И ПОЛИГРАФИЯ

1. УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

Официальная лингвистическая традиция XIX века шла под знаком позитивизма. Идеалом науки были признаны методы естественных наук, и индоевропеизм рассматривал язык, как естественное явление среди других явлений природы. Никакие «культурно-исторические» поправки Пауля и других младограмматиков не могли качественно изменить общую натуралистическую концепцию индоевропейского языкознания. Естественно, что самым разработанным разделом лингвистики была фонетика, центральной в теоретическом языкознании являлась проблема «звукового закона», а историческая часть лингвистики сводилась к компаративистике, игнорировавшей язык, как качественное единство, и разлагавшей изолированные «объективные» показатели языка — его звуковую форму — на механические элементы, на почве сопоставлений которых строилось биологическое «родство» языков и даже рисовалась некая генеалогическая фикция — общий «праязык».

Понятно, что при такой концепции вопросы письменной речи не могли быть самостоятельной проблемой — письмо расценивалось как внешний «костюм», интересный только в своих описках и ошибках, дающих возможность историкам и диалектологам определить «живое звучание». Письмо казалось «мертвой буквой», которую изучать должны лишь палеографы, как «вещь» в отрыве от языка, в одном ряду с утварью, жилищем и другими предметами материальной культуры.

Письмо, как структурный элемент письменной речи, как своеобразное качественное единство речи, отличное от языка устного, но диалектически с ним связанное, как особая социальная функция письменной речи в различные общественно-исторические эпохи, в частности и в особенности в эпоху гегемонии промышленной буржуазии, — все это оставалось вне поля зрения традиционной лингвистики XIX века.

Экспериментальная фонетика устами Сиверсовской школы провозгласила примат «слуховой филологии» (Ohrenphilologie) над «устарелой» и «ненаучной» «глазной филологией» (Augenphilologie).

Переход в XX век принес разочарование в универсальности позитивизма буржуазной науки. Интуитивизм Бергсона, агностические тенденции, «возврат к Канту», релятивизм и пессимизм Шпенглера, — таковы знамения общего кризиса буржуазной культуры и мысли.

Буржуазная лингвистика также была вовлечена в переоценку ценностей. Она отказалась от естественно-научных методов и искала опоры в эстетике (Кроче, Фосслер), в психологии (Ван-Гиннекен, Марти), в логике (Гуссерль, Кассирер), в психоанализе (Шпитцер, Шпербер), в социологии (Соссюр, Мейе и др.).

Соссюр в своем посмертном труде (Cours de linguistique générale) писал: «Существенное в языке чуждо фонетической природе языкового знака» (стр. 21) и «важен в слове не звук, как таковой, но звуковые различия, позволяющие различить это слово от всех других, так как только эти звуковые различия значимы» (стр. 63).

Изучение языка прежде всего как синхронной системы, социально заданной каждому говорящему, введение понятия «фонологии» взамен «фонетики»,—все эти основные положения соссюровского учения о языке до известной степени переключали лингвистику в новое русло. Однако, абстрактный социологизм Соссюра, невозможность для него диалектически разрешить проблему общего и частного, социального и индивидуального (антиномия langue и parole), требуют крайней осторожности в пользовании его положениями.

К письменной речи Соссюр не сумел приложить своих принципов. Он пишет: «Подлинная услуга, которую нам приносит фонология, состоит в том, что она позволяет нам принять некоторые предосторожности по отношению к письменной форме, через которую нам нужно перешагнуть, чтобы притти к языку. Показания письма имеют ценность только когда они интерпретированы. В каждом случае необходимо восстанавливать *фонологическую систему* изучаемой языковой области, т. е. звуковую картину, которую они воспроизводят: каждый язык действительно оперирует с определенным количеством диференцированных фонем. Эта система — единственная реальность, интересующая лингвиста. Графические знаки только ее отображение, точности которого надлежит установить (ibid. стр. 58, курсив Соссюра, разрядка моя — *Р.*)

В другом месте Соссюр определяет письменность так: «Письменность затемняет вид языка, она не одежда, а обманчивая костюмировка» (ib., стр. 52).

Когда Соссюру приходится говорить о графическом знаке, он не рассматривает его, как законный объект изучения лингвиста, но привлекает его лишь в целях аналогии (ib., стр. 105—166).

Европейская философская лингвистика, привлекающая язык для уяснения вопросов логики, гносеологии, эстетики, психологии, под знаком различных идеалистических систем — неоплатонизма, неокантианства, неогегельянства и т. п. — еще сильнее пошатнула естественно-научные традиции официальной лингвистики. Исходя из совершенно иных предпосылок, чем Соссюр, представители этого направления особенно подчеркнули тезис о знаковости языка («знак» и «примета» — «Zeichen» и «Anzeige» Гуссерля, «символические формы» Кассирера и др.), сосредоточив свое внимание не на самом знаке, а на содержании вкладываемом в этот знак. Семантика была выведена из равноправного ряда «разделов языкознания» и, как обозначаемое, противопоставлена всей системе обозначающих средств: синтаксису, морфологии, фонетике и графике.[1] В характеристику языка крепко вошло понятие структурности, и таким образом механистический формализм младограмматиков и их эпигонов был развенчан и с этой стороны.

Однако, все различные направления философской лингвистики, в результате отсутствия в них диалектичности, приводили к чистейшей метафизике.

Относительно специфики письменной речи эти исследователи не сделали высказываний, которые можно было бы прямо использовать при конкретном изучении письменного языка. Однако, общетеоретическая установка философской лингвистики и общие анализы функций высказывания — дают нам

[1] Анализируя выражение (Ausdruck) Гуссерль различает Bedeutung — значение, Gegendständliche Beziehung — предметную отнесенность, Kundgabe — передачу переживаний говорящего,—как совокупность психологического в противоположность физическому: Artikulation und Schrift (звук и буква).

больше для понимания специфики письменной речи, чем ряд прямых высказываний на эту тему представителей французской социологической школы.

Ряд интересных замечаний по вопросу о письменной речи мы имеем у лингвистов XX века — Ван-Гиннекена, Нореена, Вандриеса и др.

Ван-Гиннекен утверждал, что «по отношению к современным языкам по меньшей мере неимоверным преувеличением является столь решительное утверждение Пауля, что письмо (das Geschriebene) не есть самый язык; что язык, переложенный в письмо, всегда требует предварительно обратного переложения для того, чтобы с ним можно было считаться».[1]

Нореен, указывая на функциональное различие разных систем языка, перечисляет наряду с разными видами устного языка и разновидности языка письменного как качественно отличные системы.[2]

На материале русского языка аналогичные высказывания мы имеем у Бодуэна-де-Куртене[3] и у некоторых его учеников, например, у С. И. Бернштейна,[4] а также в ряде статей Г. О. Винокура.[5]

Специально этому вопросу посвящена книга Н. Я. Марра «Язык и письмо»

Марр пишет:

«Утратив возможность развиваться, как речь, как смена ручного языка, графика стала на службу восторжествовавшему звуковому языку стабилизациею звуковых символов, а с этого момента графика лишь, как письмо, прошла все этапы коренных перестроек звуковой речи и объединившись с нею теперь не только разделяет уже в печатном виде ее триумф, но содействует усилению массовости этого триумфа печатью, книгой, публицистикой и журнально-газетным производством. Пока отнюдь не теряет смысла утверждение, что печать, следовательно письмо, в неразрывном объединении со звуковой речью есть, какая бы по счету ни была независимая великая держава, но все-таки великая творческая сила, именно как актуальнейший язык общественности».

Поставив совершенно правильно тезис о печати и письме, как «актуальнейшем языке общественности», в дальнейшем изложении Марр, однако, не занимался выяснением специфики этого языка и не ставил вопроса о его систематике и регулировании — актуальнейшей проблеме сегодняшнего дня.

Об этом писал Н. Ф. Яковлев в статье «Аналитический или новый алфавит» (см. журн. «Культ. и письм. Востока», № 10, 1931 г.), где он вводит для современности термин «полиграфическая речь».

Современная письменная речь в ее полиграфической форме никак не может быть сведена только к положению «служанки звукового языка». Вдумчивый анализ покажет, что графика современной печати использует все приемы, известные в истории письма: и фонографию,[6] и идеографию, и пиктографию, а изучение акта чтения и процесса восприятия печатной продукции подведет к разрушению «панфонических» теорий.[7]

1 Van Guinneken. «Linguistique psychologique», стр. 16, Paris, 1908.

2 A. Noreen. «Vårt Språk».

3 И. А. Бодуэн-де-Куртене. «Об отношении русского письма к русскому языку», 1912.

4 С. И. Бернштейн. «Стих и декламация» сб. «Русская речь», в. 1.

5 Г. О. Винокур. «Культура языка», 2 изд., 1928 г.

6 Предлагаемый нами термин «фонография» или «фонографическое письмо» выделяет тот сектор письменной речи, который охватывает графику в соотношении с звуковыми элементами устной речи, охватывая как фонематическое (или шире — орфографическое) письмо, так и фонетическое письмо или фонетическую транскрипцию.

7 Даже у Соссюра мы имеем следующее замечание: «новое или незнакомое слово прочитывается по буквам, но слово обычное и знакомое охватывается одним взглядом, независимо от слагающих его букв; вид этого слова получает для нас идеографическую значимость. В этом отношении традиционная орфография может отвоевать свои права».

Прежде чем перейти к детальному анализу специфических особенностей современной письменной речи в ее полиграфической форме, наметим основные предпосылки, на которых должна базироваться марксистско-ленинская лингвистика в отношении интересующей нас проблемы.

Мы должны исходить из определения, данного Марксом, что «язык — это практическое, существующее для других людей, а значит существующее так же для меня самого реальное сознание» (Маркс и Энгельс «Немецкая идеология», Архив, т. I, ст. 220).

Изучение языка в его реальном бытии, в его социальной данности, как диалектической структуры с определенным классовым содержанием — только такое понимание языка и задач лингвистики может дать плодотворные результаты. Здесь нельзя ограничиться анализом и пассивной констатацией, неизбежно придется притти от познания закономерностей в проблеме их регулирования, организованного языкового творчества.

Специфичность устной и письменной речи при таком понимании делается особенно очевидной. Если устную речь надо изучать не «вообще», а в его конкретных жанровых признаках, как определенный разговор, диалог (например, телефонный разговор между двумя субъектами определенного социального круга), спор (например, полемика на заседании), доклад, педагогическое объяснение, команду, речь оратора и т. п., то письменную речь — как телеграмму, циркуляр, декрет, протокол, газетную статью, объявление, энциклопедическую заметку, параграф учебника, лозунг и т. д.

Структурные элементы языка «вообще» (т. е. по преимуществу языка произносимо-слышимого), попадая в контекст этих конкретных жанровых видов, обнаруживают свою диалектическую природу: синтаксис телеграммы будет иной, чем синктаксис телефонного диалога, а сравнение или метафора в речи агитатора будут качественно отличны от сравнения и метафоры в письме к товарищу.

Нам особенно интересно проанализировать соотношение различных видов высказывания с техникой отражения высказываний в специфической и конкретной форме печатного слова. Здесь прежде всего необходимо остановиться на алфавитном письме, реализованном в шрифтах, и затем перейти к вопросу о типах издания и о роли лингвистической работы над оформлением печатной продукции.

2. АЛФАВИТ И ШРИФТ

Возможность фонографического принципа письма основана на изобретении алфавита. Сам термин «алфавит» часто обрастает побочными значениями. В действительности в термине «алфавит» имеется, с одной стороны, некоторый определенный ассортимент единиц, подлежащих графической фиксации, с другой стороны самые графические знаки (графемы), которые меняют в известных пределах свое начертание в зависимости от шрифта, в котором этот алфавит отливается или от почерка, которым он пишется. Выяснение этого ассортимента единиц, который мы условимся называть фонографическим ассортиментом, затемняется орфографией, т. е. узаконенной системой письма, регулирующей применение алфавита в фонографических целях.

Почему орфография «затемняет» исследуемый нами вопрос? Во-первых, потому, что большинство орфографий преследует задачу сохранить традиционное правописание, идущее из глубины веков, как знак незыблемости могущества господствующего класса (это имеет место в современной английской и французской орфографии); поэтому реформы орфографии

обычно связаны с изменением социального порядка и отражают характер этого изменения.

Во-вторых, потому, что устанавливать систему орфографии на основании только чисто лингвистических данных — неправильно; здесь приходится учитывать способ восприятия печатного текста и методику обучения чтению и письму, вследствие чего в правописание могут проникать элементы идеографии (таков, например, в русской орфографии «ь» в окончаниях инфинитива на *ся*) (своего рода «смысловой определитель»); кроме того следует считаться с устройством шрифтовых касс, удобством наборной техники, экономией площади набора и т. д.

Все сказанное, однако, отнюдь не нарушает основной фонематической тенденции фонографии, как средства социального общения хозяйственно и политически развитого общества. Попытаемся на примере русского литературного языка показать все ступени, которые лежат между фонематическим составом языка и шрифтом как конкретным объектом восприятия письменной речи.[1]

Современный русский литературный язык имеет 39 фонем:

Таблица 1

гласные:	а, о, у, и, е,	5
согласные: парные:	б, в, д, з, л, м, н, п, р, с, т, ф	12
	те же палатальные	12
	ш, ж	2
	те же долгие палатальные	2
непарные:	к, г, х	3
	(йот)	1
аффрикаты	ц, ч	2
	Итого	39

После реформы 1917 г. русский алфавит имеет 33 знака:

Таблица 2

гласные:	а, я, о, ё, у, ю, и, ы, е, э	10
согласные:	б, в, д, з, л, м, н, п, р, с, т, ф	12
	ш, ж, щ	3
	к, г, х	3
	й	1
	ц, ч	2
	ъ, ь	2
	Итого	33

При сопоставлении с фонематическим составом бросается в глаза несоответствие количества знаков: для полного отражения как будто нехватает 6 знаков. Однако это не так: за исключением фонемы «ж» долгое мягкое, которая обозначается на письме двумя «ж», «зж» и «жд» (*жжет, приезжать, дождь*), — все фонемы охвачены этим алфавитом, так как дублетные гласные буквы: я, ё, ю, и, е — обозначают не только качество гласного, но и палатальность предшествующего согласного (*пять* = п'ать, *тётка* — т'отка, *тюк* — т'ук и т. д.). Этот способ экономит количество знаков, не заставляя изобретать новых, очевидно, прибегая к связной или тем более — раздельной

[1] Мы отнюдь не рассматриваем в данном случае все дальнейшее как проект реформы алфавита и орфографии — весь приводимый материал есть лишь иллюстрация рационализированной фонографической системы.

диакритике, вызывающей резкие возражения и с полиграфической стороны, и с точки зрения удобочитаемости. Беда русского алфавита в другом: в том, что эти же самые дублеты (за исключением «и», положение которого особое) в начальных «открытых» слогах обозначают совсем иное: сочетания йот + гласная (*яма* = jама, *елка* — jолка, *юг* — jуг и т. д.) — это называется омонимикой знака.[1]

Но и это было бы полбеды, если бы омонимика знака не дополнялась синонимикой его:[2] такая частая в русском языке фонема, как йот, обозначается тремя способами: 1) в начальных «открытых» слогах (по существу закрытых) как «часть» дублетной гласной (я, ё, ю, е); 2) в не начальных закрытых слогах как «*й*» (*край*, *пойдем*); этим же способом йот обозначается в начальных «открытых» слогах многих заимствованных слов, например, в самом слове *йот*, в именах: *Иом-кипур*, *Иорген* и т. п.; 3) внутри слова между согласным и гласным (обычно на морфологическом стыке) как «разделительный» знак «ъ» или «ь».

Это перекрестное сочетание омонимики и синонимики знаков чрезвычайно снижает достоинства современного русского алфавита и правописания.

Упразднения этого дефекта можно достигнуть очень простыми мерами: 1) ввести особый знак для фонемы йот, сохранив за дублетными гласными буквами только их первую функцию: обозначение качества гласного + обозначение палатальности предшествующего согласного, 2) отменить немой знак ь, заменив его каким-либо приставным значком для обозначения конечных палатальных, т. к. палатальность как признак, а не целое качество, не должна обозначаться таким же полновесным знаком как целые фонемы; сами собой отпадут тогда ъ и ь как «разделительные» знаки; для «равновесия» *щ* придется 3) ввести еще знак для фонемы *ж* долгое мягкое.

Тогда русский алфавит имел бы следующий вид.[3]

Таблица 3

гласные:	а, я, о, ё, у, ю, и, ы, е	9
согласные:	б, в, д, з, л, м, о, п, р, с, т, ф	12
	ш, ж, щ, (ж долгое мягкое)	4
	к, г, х	3
	(йот)	1
	ц, ч	2
	Итого	31
подставной значок палатальности конечных согласных		1

В графике всех трех приведенных табличек мы не употребили ни одного чужого для русского алфавита знака, заменяя отсутствующее словесным наименованием («йот», «*ж* долгое мягкое» и т. д.). Это сделаон умышленно, еще бы показательнее было не пользоваться и наличными русскими знаками, заменяя их фонематическим описанием для таблицы 1 и функциональным описанием знаков в таблицах 2 и 3 — мы хотели выявить только фонематический состав (таблица 1) и фонографический ассортимент (таблица 3), не предрешая графической формы алфавита.

Теперь мы можем поставить и следующий вопрос: как же установленный фонографический ассортимент может и должен быть реализован графически?

[1] Менее удачен термин «полифония знака», см. Р. О. Шор, статья «Графика» — Литературная энциклопедия, т. III.

[2] По Шор — «омофона знаков» (ibid.)

[3] Собственно орфографическая система, использующая какой либо алфавит, представляет собой специальную задачу исследования и лежит за пределами нашей темы.

Теоретически совершенно возможно алфавит любого языка «евреизировать», «армензировать», «готизировать», «латинизировать» и т. п. — все это будут различные способы реализации фонографического ассортимента в некоторой графической (или как ее неточно иногда называют алфавитной) основе.[1]

Таким образом фонографический ассортимент при скрещивании с графической основой, как разработанной системой начертания дает конкретный алфавит.

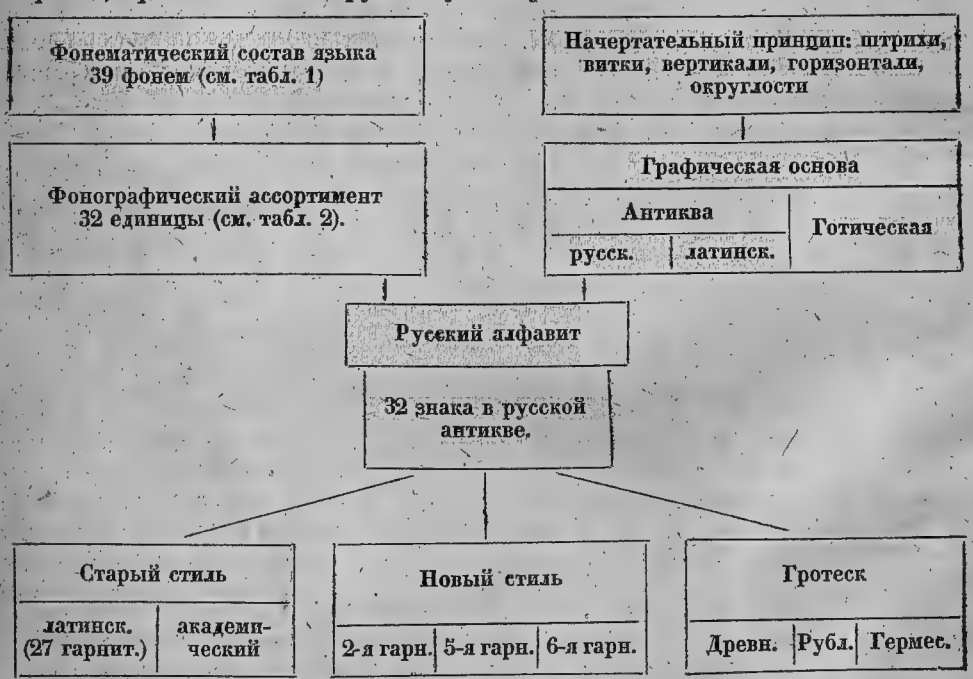
В свою очередь этот алфавит фактически реализуется в определенных типах шрифта, распадающегося на стили или семейства и далее на гарнитуры и характеры.

Так, немецкий алфавит существует в двух видах: на готической графической основе (в гарнитурах фрактура, швабах и др.) и латинской (в гарнитурах медиэваль, кэзлон, футура и др.).

Русский и французский алфавиты (resp. английский, итальянский и др. европейские) имеют общий род графической основы, так называемый тип антиква (в противоположность готике), но русская антиква отличается от латинской (европейской) рядом элементов кириллицы, которые в ней сохранились.

Существующие русские шрифты распадаются на те же основные семейства, что и европейские шрифты антиква, гарнитуры же более специфичны.

В схематичном виде все сказанное можно суммировать следующим образом, применительно к русскому языку:



Примечание 1. Мы приводим здесь не все графические основы, а лишь наиболее близкие с русской, для сравнения.

Примечание 2. Взяв 3 основных семейства шрифтов, мы даем по нескольку гарнитур для примера, не исчерпывая этим всего количества гарнитур данного семейства.

[1] Принципиальное различие здесь заключается в том, что латинизация в отличие от всех других графических «изаций» несет в себе интернациональные тенденции.

Понятно, что в приведенной схеме реально, «живьем», мы можем показать только нижний ярус: шрифт в определенной гарнитуре, однако в основе конституции и системы любого шрифта заложены требования всех ярусов нашей схемы.

Для того, чтобы определить, каким требованиям должен удовлетворять шрифт, как реальный носитель фонографического принципа письма, мы должны проанализировать эту графическую сторону шрифта и алфавита, а также выявить требования всех ярусов вышеприведенной схемы.

С алфавитной стороны шрифт должен представлять собой систему, графически отражающую фонематическую систематику; например, соответствующие непалатальные и палатальные в основном контуре должны совпадать, что указывает на их общий тип, различаться же они должны по добавочным признакам, так, в русском алфавите очень удачна пара «ш» и «щ».[1]

То же относится и к дублетным гласным, однако здесь графика совсем не выдержана: «я» ничем не напоминает «а», «ю»-«у» и совсем плох знак «ё» — графически это дублет «е», а не «о» (как это должно быть); в этом знаке сохраняется этимологизм, который чужд системе русской графики в целом.

В виду различия роли гласных и согласных, не только чисто лингвистически, но и в процессе чтения (сравни *оеаиа* и *прлтрт* — «пролетариат») существенно, чтобы гласные в целом графически были противопоставлены согласным; так, нам представляется рациональным все гласные иметь безвыступными в противоположность выступающим согласным; с невыступающими согласными гласные могут различаться контрастом округлого рисунка в противоположность прямоугольному рисунку согласных.

В этом отношении хороши следующие знаки русского алфавита: 1) р, ф, б — о, и, а, например, в сочетаниях: риф, боб, раб, 2) н, п, м, — о, а, например в сочетаниях: поп, мама, но.

Однако, перекрестное сопоставление этих случаев обнаруживает ряд неудачных сочетаний, например: н, п — и; с — о; р — у и т. д. (спина, соя, фурия и т. п.).

Таким образом рациональный алфавит должен обладать не только индивидуальной диференциальностью знаков, но и групповой, систематической диференциальностью: похожие друг на друга «п» и «п» нарушают первое требование, а схожее с ними обоими «и» — второе требование (индивидуальная и групповая омонимика знака); выбивающееся из ряда гласных «у» с подстрочным выступом также нарушает второе требование (групповая синонимика знака); индивидуальная синонимика знака, имевшая место до 1917 г. («ѳ» и «ф», «і» и «и», «Ѣ» и «е»), теперь в основном устранена; осталась только неразрешенная проблема графической фиксации «йота», о чем мы выше уже говорили.

РОЛЬ ЛИНГВИСТА В ОФОРМЛЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ

Интересы лингвиста в отношении произведений печати не могут ограничиваться только вопросами алфавита и шрифта. Высказывание, оформляемое в произведении печати, нуждается в участии лингвиста.

Высказывание в плане письменной речи есть прежде всего текст, имеющий определенное социальное назначение, целевую установку, учитывающий профиль читателя, и относящийся к известной теме.

[1] Долготу щ вовсе не надо отмечать, так как ш мягкое в русском литературном языке всегда долгое, ш твердого долгого, как фонемы, нет; точное соответствие графических признаков фоническим нужно в фонетической транскрипции, а не в алфавите орфографического письма.

Указанная совокупная характеристика содержания произведений печати определяет выбор жанра издания (плакат, листовка, газетная или журнальная статья, отдельная книга, определенного типа издание) и характер оформления.

Оформление текста, его архитектонику, литературное и языковое изложение условимся называть внутренним оформлением; оформление издания — графику, пространственно-объемную композицию, выбор материалов и способов полиграфической техники — внешним оформлением.

Ясно, что вся система оформления, как внутреннего, так и внешнего диктуется содержанием, идеологическим и политическим замыслом данного высказывания, однако не следует забывать, что условия реализации высказывания, учет воздействия и восприятия и техническая база оформления диктуют те или иные приемы и формы.

Не следует, однако, понимать этого упрощенно, например, что отсутствие или плохое качество какого-либо материала (бумаги, краски и т. п.) заставляет иногда отказываться от тех или иных приемов оформления (например, от иллюстрирования фотографиями и т. д.). Нас сейчас интересует иное — вопрос о том, как те или иные условия внешнего оформления отражаются на приемах внутреннего оформления. Как они органически врастают одно в другое в целях максимальной эффективности издания.[1] Так, не зная количества и качества шрифтов, которыми будет оформлен словарь, нельзя провести его пунктуационную редакцию, или не зная соответствия шрифтов в будущем оформлении учебника, нельзя работать над его абзацной композицией. То же можно сказать о рисунках и стихах детской книги в отношении формата и количества красок, о системе диакритики в фонетической транскрипции в отношении к кеглю шрифта и т. д.

Предметная сторона всякого высказывания, естественно, связана с темой данного высказывания и ясно, что в книге по физике будет говориться о свете, электричестве, звуке и т. д., а в книге по сельскому хозяйству — об озимых и яровых, о зяби и паре, о тракторах и т. п.

Однако, одну и ту же тему можно изложить по разному, в зависимости от целевого назначения и адресата высказывания.

Прежде чем говорить о различиях внутреннего оформления разных жанров письменной речи, следует указать, что композиция и стилистика устного и письменного высказывания на одну и ту же тему, с одной и той же целевой установкой, расчитанного на одну и ту же аудиторию — будут принципиально различны.

Достаточно вспомнить роль заголовков в книге и их принципиальное отсутствие в устном рассказе, или обратиться к общему стилистическому плану изложения, к выбору синтаксических оборотов, грамматических форм и даже лексики, стоит вспомнить роль интонации, жеста и мимики в устной речи и все богатство графических приемов письменной речи, чтобы почувствовать принципиальную разницу в архитектонике и стилистике этих «близнецов» (по выражению акад. Марра). Очень интересно сопоставить стенограмму лекции или объяснения преподавателя с соответствующей главой учебника.

В книге «Культура языка»[2] Г. О. Винокур правильно замечает: «Вот почему всегда трудно читать стенограммы и вот почему каждый оратор, прежде чем отдать свою речь в печать, принужден выправлять стенограмму

[1] В отношении устной речи вопрос об изучении высказывания в целом в связи с конкретными условиями этого высказывания ставился, например, в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи»; «Русская речь», в. 1, 1923 г., стр. 96 и др.

[2] Г. Винокур. Культура языка, изд. Федерация, 1929 г.

пером» (стр. 175), и дальше приводит и посейчас не лишенное остроты рассуждение Греча: «Изустный рассказ имеет свойства неприготовленного, непринужденного, безыскусственного сочинения, — и сии же качества составляют необходимую принадлежность всякого хорошего письма. Между ними есть однако и разность: действие письма прочнее; разговор же получает более выразительности от голоса, которым произносится и от сопровождающих оный телодвижений» (ib.).

Внутри самой письменной речи, как языка печати, различия в целевой установке и профиле читателя, а также и тематические различия, предъявляют к изложению свои композиционные и стилистические требования.

Архитектоника справочника (словарь, энциклопедия, телефонная книжка, указатель движения и т. п.), исходя из способа пользования этим типом издания, будет совершенно иной, чем архитектоника языкового учебника или массовой агит-брошюры о вредителях на транспорте.

То же самое мы видим и в отношении синтаксиса (и грамматики вообще), что связано с методом доказательства, описания, убеждения и других форм мышления и сообщения данных через язык; общий стилистический план изложения: повествовательный (в научно-исследовательской, научно-популярной, учебной литературе), номинативный (в справочной и официальной литературе), эмфатический, использующий эмоционально-экспрессивные формы речи (в агит-массовой литературе), поэтический, использующий приемы поэтики (в художественной литературе) — также зависит от целевой установки высказывания и издания. Другое дело словарь и фразеология — эта сторона высказывания определяется в первую голову профилем читателя. Для изложения одной и той же темы можно выбрать различные синонимы и использовать различные фразеологические обороты в зависимости от адресата данного текста. Очень интересно сопоставить изложение параллельных, на одну тему написанных научно-популярных и производственных изданий. Научно-популярная литература, обращенная к неспециалисту данного вопроса должна всячески избегать непонятной специальной терминологии, или вводя ее, сопровождать «переводами» на «обычный» не терминологический язык, причем тут ощущается острая необходимость в перифразе, и характер лексического материала перифраз будет меняться в зависимости от социальной характеристики и культурной квалификации читателя; производственная литература, обращенная всегда именно к специалисту данного вопроса, не боится специальной терминологии, — это профессиональная лексика читателей этой литературы, однако и тут специальный запас знаний и культурный уровень различных категорий читателей обусловит выбор лексических вариантов.

Ясно, что сама предметная сторона лексики зависит от темы высказывания; в ряде случаев лексика, фразеология и синтаксис могут быть специфичными при определенной тематике; так имеются специальные «медицинские» наречия: *кзади, кпереди, кнаружи, кнутри*; существуют специальные «химические» обороты типа *подогреть на бане*.

Когда французский буржуазный лингвист Вандриес пишет:[1] «Главное отличие между аффективным языком и логическим языком состоит в строении фразы. Это отличие становится ясным, когда сравниваешь письменный язык и устный. Во французском письменный и устный языки так удалены один от другого, что там никогда не говорят так, как пишут, и никогда не пишут так, как говорят», — мы склонны кроме того, о чем говорит Вандриес видеть и иные различия. В современной Франции официальная печать

[1] Цитирую по Винокуру — ibid., стр. 176.

находится в руках буржуазии, но не так обстоит дело с устным языком; поэтому нам следует еще задать вопрос: «кто говорит? и кто пишет»?

Если бы Вандриес сопоставил язык буржуа и язык рабочего — он убедился бы, что «говорят» они по-разному, если же он сравнил бы язык буржуазной прессы хотя бы с языком «Humanité», он почувствовал бы, что и «пишут» они по-разному.

В СССР — дело другое. Вся наша печать, как правило, идет под знаком диктатуры пролетариата и различает в плане социальном лишь группировки читателей — трудящихся разных национальностей. Тем интереснее на материале нашей советской печати проанализировать необходимые отличия ее от системы изложения нашей устной речи. Это будет прямое выполнение указания ЦК ВКП(б) в постановлении об издательской работе о том, что «тип книги, ее содержание, язык должны отвечать специальному назначению ее».

Стилистика изложения и архитектонической рубрикации различных типов издания, как качественно своеобразных жанров, представляет особую весьма насущную тему для лингвистической разработки.

К сожалению если над темой о значении лингвистической работы при оформлении текста произведений печати кое-кто изредка и думал, — то подумать о роли лингвиста в оформлении издания никому не приходило в голову, несмотря на всю актуальность этого вопроса.

Основной вид графики — фонография — является, конечно, подавляющим; однако, комбинируясь с профилем читателя он комбинируется с пиктографией и идеографией. В изданиях обращенных к начинающему или малограмотному читателю, роль пиктографии особенно актуальна. На первых страницах букваря рисунки занимают $^2/_3$ площади, а текст — $^1/_3$, причем рисунки именно «читаются».[1] Особенно очевидно это в тех случаях, когда рисунок «вплан» в строку и составляет вместе с ее словесной частью одну фразу.

Ясно, что только простые предметные слова могут однозначно передаваться пиктографически; труднее передать пиктографически отвлеченные понятия, но текст указанного типа издания и не имеет с ними дела; когда же в букваре (или другом подобном издании) появляется необходимость ввести такие слова как «класс», «революция», «большевизм» и т. д. — читатель уже настолько овладел техникой чтения, что роль пиктографии снижается, уступая место фонографии; действительно, соотношение текста и рисунков во второй половине букваря обратное: $^1/_3$ площади отводится рисункам и $^2/_3$ — тексту. То же и в детской книге. Но это не значит, что вообще с овладением техникой чтения и с ростом культурности читателя роль пиктографической речи сводится на-нет. В любой технической книге, предназначенной для высококвалифицированных специалистов, печатаются схемы, чертежи и иллюстрации, но здесь из самодовлеющего метода пиктография переходит в сопровождающий; здесь решающую роль играет принцип наглядности, то положение, что явления пространственно-предметного порядка легче показать, чем о них рассказать. Характерны в этом отношении иллюстрации в технических словарях и справочниках: они не только экономят восприятие читателя, но и площадь самого издания.

Иная функция у тех иллюстраций, которые рассчитаны на художественное воздействие на читателя, как произведения изоискусства — таковы плакаты, оригинальные иллюстрации в художественной литературе, фото-

[1] С этим интересно сравнить указание Р. О. Шор о роли рисунков на вывесках, где рисунки «обращены к неграмотному читателю» («Литературная Энциклопедия», ст. «Графика»).

монтажи, шаржи и т. п. Нужно предупредить, что иллюстрация есть прежде всего особый структурный момент высказывания, поэтому и она подлежит ведению лингвиста; первую категорию иллюстраций — деловые иллюстрации — мы всецело считаем пиктограммами, т. е. приемами графической речи, где компетенция лингвиста почти стопроцентна. Такое понимание в корне изменяет взгляд на «искусство книги» — как изоискусство, имевший довольно большое распространение.

Идеография в противоположность пиктографии, — прием, который может быт адресован только к посвященным, к специалистам; такой дана нам идеография в истории (например, гиератическое письмо египетских жрецов и т. п.); это еще более очевидно при анализе идеографических элементов нашей полиграфической речи. В идеографии с особенной отчетливостью выступает условность графического обозначения: для понимания идеограмм мало контекста, нужен еще и специальный ключ; таковы все стандарты обозначений в математике, механике, физике, такова система химических формул или лексикографических обозначений и сокращений.

В узуальном отношении идеограммы могут быть интернациональными (например, идеограммы метрических размерностей), общегосударственными (так называемые «осты»), отраслевыми или ведомственными (так называемые «весты»), наконец, в пределах данной серии изданий или даже данного отдельного издания (таковы, например, акрофонические идеограммы П, МГ и т. п. — «Пушкин», «Максим Горький» при обозначении источников цитат из литературных произведений в учебниках словесности).

Можно привести еще ряд примеров идеограмм различной узуальной емкости, например, инициалы имени и отчества при фамилии или т. = товарищ, таковы вообще все аббревиатуры, которые не получили качества сокращенных слов и требуют расшифровки идеограммы (интересно, между прочим, отметить, как на наших глазах идеограмма *га* — «гектар» потеряла свое качество идеограммы, узаконившись, как сокращенное слово).

Вполне естественно, что использование идеограмм в полиграфической речи как системы возможно лишь при расчете на квалифицированного и специального читателя; поэтому массовая и научно-популярная литература старается избежать идеографии, тогда как, например, производственная литература пользуется идеограммами, вводя их в один ряд со специальной терминологией.

Важно отметить, что не только отдельные символы и знаки являются идеограммами, но и их сочетания и приемы их пространственного расположения (определенная последовательность в отношении горизонтальных и вертикальных координат), а также и чисто шрифтовые приемы: уменьшение кеглей, применение выделительных шрифтов и т. д.

Возьмем пример: графема

$$\lim_{x \to \infty} x = f_1(u, v)$$

читается так: «лим (ит) от икс при икс, *стремящемся* к бесконечности, равно эф первое *от* у вэ». Курсивом здесь отмечено то, что идеографически «вычитывается» из восприятия шрифтовых и пространственных приемов.

Часто такие «чтения» настолько узакониваются, что входят в обиход устного языка: вспомним укоренившееся прилагательное «эный» («в какой-то степени»), или такие «прилагательные», как а «катое», а «ка минус первое» и т. п.

В специальной и особенно технической литературе мы имеем своеобразное соединение пиктографии с идеографией (идеографическая пиктография):

таковы чертежи и технические рисунки, географические карты и картограммы, диаграммы и другие виды иллюстраций, требующие для своего понимания определенной легенды (ключа).

Теперь обратимся к анализу приемов внешнего оформления полиграфической речи с лингвистической точки зрения. Использование алфавитных знаков в качестве идеограмм требует прежде всего отличия от алфавитных же знаков, употребленных в качестве знаков фонографического письма. Так, буквенные заместители алгебраических величин принято давать курсивом при прямом шрифте фонографической части печатного текста (и наоборот прямым при курсиве), причем цифры могут оставаться прямыми, так как они всегда идеография.

Исключение на первый взгляд представляют химические формулы, которые принято набирать прямым при прямом шрифте текста (или курсивом при курсивном), т. к. признаки латинского алфавита среди текста, набранного русскими алфавитными знаками, являются различительным средством, и кроме того в состав химических формул входят по преимуществу заметно выделяющиеся прописные буквы (H, O, S и т. д.) с некоторой примесью дополнительных строчных (Al, Cu и т. п.). На этом же основании стандарт идеограмм метрических мер предусматривает русские идеограммы метрических мер курсивом, а латинские — прямым.

На основании разобранных примеров можно выявить два принципа графического оформления. Во-первых, любой графический знак дан в отношении восприятия в ряде графических признаков, к которым мы можем причислить: 1) принадлежность к тому или иному алфавиту, 2) признаки определенной гарнитуры по рисунку, 3) признаки характера шрифта в пределах гарнитуры по рисунку и пятну (прямой, курсив, светлый, полужирный, жирный), 4) величину шрифта по кеглю, 5) величину и рисунок шрифта по внутрикеглевому варианту (строчной, прописной, капитель) — все это будут шрифтовые графические признаки; иного рода графическими признаками будут те, которые связаны с положением и размещением текста на площади бумаги: 1) связность или изолированность, 2) расположение относительно координат площади, 3) компактность или разгонистость — это пространственные графические признаки.

Отсюда следует второе: для адэкватной передачи текста необходимо все связи и различия его элементов снабдить такими графическими признаками, чтобы читатель, исходя из различия знаков, мог понять смысловые связи и различия в их контекстуальной системе.

При удачном применении этих признаков элементы текста отчетливо дойдут до восприятия читателя, получится достаточная защита качественно своеобразных компонентов высказывания в графических признаках.[1]

Что может и должно быть защищено в полиграфической речи и какова может быть техника графических защит?

Мы уже приводили примеры, когда идеографические элементы текста были защищены в признаках иного алфавита (латинского на фоне русского) или иного характера шрифта (курсив на фоне прямого). В случаях, когда графические знаки передают некоторые явления, а не являются фонографической записью речи, — мы должны прибегать к добавочным защитам, установив приемы графического выражения в отношении фонографии (выбор определенного шрифта и план его расположения, т. е. набора и верстки) и усилив графические признаки того, что не включается в фонографию.

1 Подробнее см. в книге А. А. Реформатского «Техническая редакция книги», Гизлегпром, 1933.

Кроме физико-математических символов и алгебраических знаков, сюда следует отнести словесные примеры в лингвистической литературе и словарях.

Следует различать их орфографический вид от передачи средствами фонетической транскрипции, так как последняя дает особый вид идеографии, где предмет высказывания и выражения — не смысл, а звучание, средство — графика.

Международный конгресс лингвистов в Копенгагене (1925 г.) вынес следующее решение: «транскрибированный текст должен быть поставлен в квадратные скобки [ ], в то время, как круглые скобки остаются для обыкновенного употребления, чтобы показать, что выключается; слова или отдельные буквы орфографического письма следует печатать курсивом» (16 стр.).

Этот пример показывает правильное понимание Копенгагенским конгрессом вопроса о графических защитах: 1) как орфографические слова-примеры (или отдельные буквы), так и транскрибированные слова подлежат графически выделению из общей массы текста, как особая идеография; 2) курсив — достаточная защита для орфографических слов-примеров; 3) прямой шрифт фонетической транскрипции, достаточно отличающий эти части текста от орфографических примеров, является, несмотря на ряд особых знаков фонетического алфавита, недостаточной защитой в отношении общей массы фонографической части текста, в силу того, что фонетический алфавит построен на основе латинского алфавита, и в ряде случаев фонетическое графическое слово будет тождественно с графикой окружающего фонографического текста, данного в латинском алфавите, — именно поэтому Копенгагенский конгресс рекомендует здесь добавочную защиту — прямые скобки, отличные от орфографических круглых скобок; 4) давать транскрипцию сверх того еще и курсивом было бы избыточно в отношении прямого шрифта фонографического текста, в отношении же словесных примеров — недостаточно.

Конечно, описанная здесь система графического оформления лингвистических текстов не единственно возможная: например, издательство Академии Наук в аналогичных случаях применяет иную эквивалентную систему защит: словесные примеры набираются иной гарнитурой шрифта в том же кегле и характере (6-я гарнитура, причем теоретический текст — 5-я гарнитура) и т. д.

Указанная система издательства Академии Наук менее рельефно и наглядно различает компоненты текста, и она была бы недостаточной защитой в отношении читателя средней квалификации, например, учащегося ФЗС или рабфака, тогда как для высококвалифицированного читателя — это защита достаточная.

Таким образом мы приходим к выводу о диалектичности приемов графических защит в отношении профиля читателя. К менее контрастным защитам, кроме указанной иногарнитурности однохарактерных шрифтов (два прямых светлых, два курсива полужирных и т. д. в одном кегле), следует отнести варианты по кеглю (технически целесообразные только в том случае, если инокегельные строки или слова составляют отдельный абзац и не соединяются с другим кеглем в одной строке, что вызывает подключку пробельного материала), а также варианты внутрикеглевые — строчной, прописной, капитель; особенно слабо различаются строчной и капитель. К слабым защитам следует отнести и применение добавочных знаков — ковычек, скобок, тире и т. п. Кроме того в этих случаях особенно следует учитывать нормальное орфографическое применение этих же знаков в данном тексте во избежание путающей читателя омонимики знака.

Для иллюстрации всего сказанного сопоставим два набора одного и того же текста в незащищенном и в защищенном виде.

1) В примере *я стола не вижу* родительный падеж стола отчетливо выделяет основу стол и флексию а.

2) В примере *я стола не вижу* родительный падеж стола отчетливо выделяет основу *стол-* и флексию-или *а*.

Преимущества второго набора в отношении выразительности ясны.

До сих пор мы оперировали с примерами расчлененного текста, т. е. текста, отчетливо распадающегося на отдельные, качественно отличные компоненты; таковы тексты словарей и иных справочников, учебных и научных книг и т. д.

Бывают и иные структуры текста. Так, различные компоненты текста могут быть адресованы различным читателям: текст для учителя и учащегося в букваре; так называемый — «необязательный» текст, адресованный только к специально интересующимся данным предметом; часто встречается текст основной (излагающий) и дополнительный (поясняющий), например, всевозможные примечания, как внутритекстовые, так и вынесенные внизу страницы, в конец главы или всей книги; может быть текст оригинальный и иллюстративный (цитаты, выдержки, ссылки и т. п.).

В таких случаях обычно применяют количественные шрифтовые защиты, сохраняя качественные признаки гарнитуры и характера (основной текст — корпус; дополнительный — петит; основной текст — корпус широкий; дополнительный — корпус плотный и т. д.).

Кроме шрифтовых графических защит существуют еще и пространственные защиты, опирающиеся на расчленение текста, вынесение выделяемого в отдельную строку (заголовки), на отдельную страницу (титульный лист, оглавление); способы расположения графического материала на полосе по координатам: верх — низ, лево — право, центральное или периферийное положение: вкрай или с отступом; со спуска (вертикально), со втяжкой (горизонтально) и т. п.

Шрифтовые и пространственные графические защиты в практике оформления эквивалентны, или вступают в соединения, создавая комбинированные защиты.

Пример графических защит заголовков особенно интересен, так как там мы имеем зачастую очень сложную систему архитектонических взаимоотношений между отдельными заголовками и их группами, вся же совокупность заголовков должна быть противопоставлена тексту.[1]

Особо следует остановиться на вопросе о соотношении композиционных единиц текста и пространственно-композиционных приемов набора и верстки, к которым мы причислим: строку, абзац, полосу, разворот и определенное количество полос от начальной спусковой полосы до конечной предспусковой (с пустым «хвостом»).

Композиционные единицы текста: целое произведение, глава, параграф, или: акт, картина, явление, эпизод, сцена, песня — в зависимости от жанра литературы, — могут быть специально защищены совпадением своих границ с границами верстки, указанными в предыдущем абзаце; на этом основана макетная верстка букварей, где каждый урок должен совпадать с полосой (в дальнейшем — с разворотом), в настольных календарях, где каждому месяцу соответствует разворот; в сборниках стихов, где каждое стихотворение верстается с новой полосы и т. п.

[1] См. подробнее в книге А. А. Реформатского «Техническая редакция книги» Гизлегпром, 1933, гл. VI.

Всем известна композиционная роль словарного абзаца или абзаца в официальной литературе.

Вопрос о соотношении синтаксического строения и типографской строки особенно остро стоит при делении заголовков на строки, а также делении на строки текста в плакатах, лозунгах, объявлениях — вообще в так называемых акцидентных текстах.

Для многих типов изданий (особенно предназначенных для мало квалифицированного читателя) вопрос о защите композиционных единиц текста в приемах верстки и синтаксиса, в приемах выключки и группировки строк, — является необходимым условием оформления, требующим особого внимания лингвиста.

Совершенно особое значение, специфическое для письменной речи и невозможное в речи устной имеет прием, который называется в полиграфии выводом. Сущность его состоит в том, что связное изложение схематизируется и графически расчленяется посредством пространственных защит.

Вывод представляет собой типичную пространственную защиту с ярко выраженной идеографической тенденцией, использующей навыки привычного узуса чтения: слева направо (строки) и сверху вниз (колонки).

Вывод, добавочно защищенный линейками, называется в полиграфии таблицей, где колонки носят название граф.

До сих пор мы имеем дело с теми графическими защитами, которые применяются для достаточного различения компонентов расчлененных текстов, в порядке инкрустирующих выделений или чередования. Обязательным требованием здесь является единообразие и последовательность избранных приемов в пределах данного контекста.

Есть и иного порядка защиты, встречающиеся в издательском оформлении связного, однотипного и нерасчлененного текста, которые должны фиксировать внимание читателя в экспрессивно-реторическом порядке; это то, что в практике графического оформления принято называть акцентировкой. Акцентирующие выделения имеют очень много общего с реторическими (по преимуществу интонационными) приемами устной речи, в особенности ораторской.

Максимум проявления тенденций акцентировки падает на те издания, где за редким исключением (лозунги, цитаты) расчлененность текста на компоненты отсутствует. Поэтому, исходя из целевой установки и профиля читателя, графические защиты при акцентировках могут быть применены в более контрастных графических признаках (по пятну, по величине, по расположению). Однако это допущение ни в коей мере не должно отражаться на лингвистической грамотности акцентировок, к сожалению, эта неграмотность имеет место в практике оформления наших массовых изданий — сюда относится графическое выделение служебных слов, выделение слов и букв по их пространственно-графическому положению, например, первой или последней буквы графического слова, выделение частей слов или отдельных букв вне морфологической значимости и т. п.

В вопросе о графических защитах как инкрустирующего, так и акцентирующего типа абсолютно необходим предварительный лингвистический анализ текста и графических приемов; и только лингвистически грамотный вычитчик, технический редактор и корректор могут дать достаточное графическое оформление произведений печати.

В заключение нужно сказать, что вопрос о специфике письменной речи в ее полиграфической форме является одним из основных слагаемых качества наших изданий, и необходимо требовать известной лингвистической квалификации от корректора, вычитчика, литредактора и техреда. Однако, и лингвистика здесь должна стать лицом к технике, к производству, сделаться «лингвографией».

Плановая подготовка кадров работников печати во второй пятилетке, основная политическая задача которой — ликвидация классов и построение бесклассового социалистического общества — требует огромной напряженности и действенности печати и печатного слова, — должна предусмотреть профиль лингвографа — работника печати, обслуживающего внутреннее и внешнее оформление произведений печати, и наряду с этим дать нашей печати полноценных лингвистов, вооруженных знаниями полиграфической техники.

Проф. В. А. АРТЕМОВ

ТЕХНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУММАРНЫХ БУКВ НОВОГО АЛФАВИТА[1]

Задача техноrрафического анализа суммарных букв Нового Алфавита (НА) состоит в характеристике их со следующих точек зрения:

1) языковедческой,
2) психологической,
3) педагогической,
4) графической и
5) полиграфической.

Практической целью этого анализа является классификация суммарных букв НА с точки зрения качества их технографического оформления. Необходимо указать, какие из вновь введенных букв НА оформлены вполне удовлетворительно, какие нуждаются в усовершенствовании и какие должны быть заменены другими, более удовлетворительными. При этом под «суммарными буквами НА» подразумеваются все буквенные знаки, имеющиеся во всех языках народов СССР, перешедших на латинизированный, новый алфавит (НА).

Технографический анализ суммарных букв НА представляет чрезвычайно сложную задачу. Основанием для этого анализа служат несколько наук в их специфическом взаимном сотрудничестве. Этот анализ непосредственно связан с практикой социалистического строительства, из этой практики вытекает и ею проверяется.

Вместе с тем технографический анализ суммарных букв НА исключительно сложен также еще и потому, что в этом вопросе мы сталкиваемся с проблемой репрезентации фонематического состава языка в графике. Эта проблема при современном состоянии науки может быть разрешена лишь при условии самого тесного сотрудничества языкознания, психологии и графики. Нужно думать, что графическая форма букв любого алфавита

[1] В основу настоящей статьи положен доклад Научного Совета на Первом Пленуме.

является не случайным моментом, сопровождающим фонематический состав данного языка; она выражает, репрезентирует этот состав. При этом, в историческом развитии графики алфавита, графемы оказывают действие на фонематический состав языка, сами из него вытекая.

Настоящая статья является результатом первого предварительного этапа работы руководимой автором лаборатории по оформлению книги и нового алфавита Московского Института Психологии, Педологии и Психотехники Наркомпроса, а также работы технографической Комиссии ВЦК Нового Алфавита при ЦИК СССР. Поэтому мы не можем претендовать на исчерпывающий анализ излагаемого здесь вопроса.

Первой предпосылкой технографического анализа суммарных букв НА служит положение о том, что на данной стадии разработки вопроса мы имеем в качестве образца или нормы, с которыми мы должны сравнивать графическое оформление НА, — основной латинский алфавит.

Вторая предпосылка такова. — Подходя к технографическому анализу НА, мы не должны забывать, что НА, как и всякий другой алфавит, является не только средством чтения, но и средством письма. При этом нужно иметь ввиду, что в развитии человека и чтение, и письмо проходят две стадии: стадию обучения и стадию пользования приобретенным навыком. Поэтому если бы мы, подходя к технографическому анализу НА, взяли за показатель его оформленности, за показатель его удобочитаемости только чтение — иначе восприятие НА вполне грамотным человеком, — то мы совершили бы весьма существенную ошибку. Поэтому необходимо рассматривать интересующий нас вопрос с точки зрения развития навыков и чтения, и письма.

Третьей предпосылкой являлось положение, что адэкватный анализ НА в целях наиболее совершенного его графического выражения может быть осуществлен лишь при условии совместной работы языковеда, психолога, педагога, графика и полиграфиста. Это необходимо ввиду наличия в технографическом анализе пяти тесно между собою связанных моментов:

1. Языковедческое оформление букв НА, как выразителей фонематического состава того или другого языка.

2. Оформление букв НА, как объектов восприятия при чтении печатного и рукописного плаката. Это точка зрения преимущественно психологическая, хотя в этом вопросе известную роль играет и педагогика.

3. Оформление букв НА, как средства письма — преимущественно педагогическая точка зрения, в которую психология вносит свои коррективы.

4. Графическое оформление букв НА, так сказать, искусствоведческая точка зрения.

5. Полиграфическое оформление — экономическая и производственная точка зрения на графику НА.

I. ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА[1]

Всякий алфавит является выражением некоторого количества языковых единиц, указываемых на основе выявления фонематического состава языка. Всякий алфавит репрезентирует собою фонематический состав данного

[1] Подробнее см. А. А. Реформатский. Лингвистический анализ ассортиментов графических знаков НА. — Тезисы к докладу, прочтенному в январе 1933 г. в Технографической комиссии ВЦК НА.

языка. Понятие репрезентации говорит о наличии специфических закономерностей графического выражения звукового состава языка, вытекающих из лингвистических и психологических оснований. Основывающиеся на этих закономерностях языковедческие требования при оформлении НА следующие.

1. Алфавит должен целостно и органически отражать структуру языка и в первую очередь его фонематический состав. При этом следует избегать как излишних знаков, так и недостаточного отражения числа фонем в этих графических знаках. Первое привело бы к затруднениям при практическом использовании НА, например, на телеграфе, при линотипном наборе и т. п. Во втором случае получились бы большие неудобства прежде всего при обучении чтению и письму.

2. Недопустимы тождественные и сходные знаки (омонимика знака) для выражения звуков разного типа и разные знаки для выражения звуков общего типа, например, парных фонем (синонимика знака). Несоблюдение этого правила нарушило бы основной психологический закон графического выражения (репрезентации) фонематического состава языка, заключающийся в том, что сходство формы графического начертания необходимо вызывает в сознании сходство соответствующих им звуков, и обратно.

3. Языковая систематика и в первую очередь фонематическая систематика должна найти свое адэкватное выражение в графической систематике. Например, должна быть соблюдена систематическая адэкватность в диакритическом обозначении мягкости, вокализма, консонантизма и т. п.

4. Недопустимы двух-и многобуквенные обозначения. Каждая качественно своеобразная единица алфавита должна иметь единый знак.

5. Наиболее часто встречающиеся фонемы должны выражаться более простыми знаками, а для менее часто встречающихся фонем можно допустить и более сложные знаки.

Само собой разумеется, что указанные здесь языковедческие требования графического оформления НА должны быть конкретизированы в отношении каждого отдельного живого языка. Вместе с тем, однако, не следует забывать и весьма существенных требований унификации всех суммарных букв НА в их целом, что имеет особенно большое значение с точки зрения интернационального общения.

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СУММАРНЫХ БУКВ НА.

Использование нового алфавита для чтения и для письма имеет различные задачи и различные условия восприятия и наиболее удовлетворительного оформления. Общим является лишь то обстоятельство, что и печатные, и письменные буквы одинаково служат графическим выражением репрезентируемых ими звуков. И в процессе чтения, и в процессе письма следует различать период обучения и период пользования приобретенным навыком чтения и письма. Каждый из этих периодов имеет свою психологию, физиологию и педагогику. Общим для обоих периодов оказывается то, что как печатный, так и письменный знак каким-то образом воспринимается. Легкость или трудность этого восприятия, так называемая удобочитаемость, соответствующим образом облегчает или затрудняет процесс обучения и пользования чтением и письмом.

Восприятие букв нового алфавита, как и всякого другого, определяется многими условиями. К их числу следует отнести:

1. Однотипность графического выражения звука.

2. Организованность отдельных букв алфавита, как объектов восприятия, образующихся из следующих качеств буквы:

а) предметности,

б) отконтурированности,

в) выступания на фоне бумаги,

г) расчлененности,

д) отличимости, как индивидуальной выраженности,

е) отношения к другим буквам в смысле удобочитаемости право- и левосторонних сочетаний.

3. Расчлененность и структуированность алфавита в его целом, зависящая преимущественно от наличия и частоты встречаемости выступающих из строки букв.

4. Напластывание зрительных образов букв и их сочетаний в их последовательном восприятии в процессе чтения.

Рассмотрим в отдельности каждое из названных условий восприятия НА.

ОДНОТИПНОСТЬ ГРАФИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЗВУКА

Основной латинский алфавит имеет следующие принципы графического выражения звуков, понимаемого с психологической точки зрения:

1) качественно своеобразный графический знак для качественного своеобразного звука — так организовано большинство букв основного латинского алфавита: 34 из 52, что составляет 65%.

2) зеркальное изображение основного знака:

b — d, p — q

3) удвоение основного знака: v — w

4) качественная модификация основного знака:

O — Q, E — F, B — R, C — G, I — J

5) одновременная зеркальность и модификация знака:

s — z

6) зеркальность и перевернутость: n — u

7) диакритическая модификация основного знака:

c — ç, a — ä и т. д.

8) использование графических элементов:

(1) o : c, e, o

(2) o + l : b, d, p, q

(3) ı : m, n, u, v

(4) ı + l : h

(5) l в различных положениях и соотношениях, простые и с модифицированным концом:

f, i, j, l, t

(6) двойное l под углом: v, w, y

(7) угловатые: I, L

(8) особые: a, g, s, z, k

Новый Алфавит имеет:

1) качественно своеобразный графический знак для качественного своеобразного звука — так организовано 32.6% букв НА (60 из 184).

2) зеркальное изображение основного знака:

p — q, F, Ꞇ, f — ꞇ

3) удвоение основного знака: v — w

4) качественная модификация основного знака:[1]

n — m, O — Q, E — F, C — G, l — I, B — R, G — O]̇, h — ɦ — ʰ — ḣ — E. Ч̇,

5) Одновременная зеркальность и модификация знака:

S — Z, E — Ə̇, ɦ — ʰ

6) Зеркальность и перевернутость: n — u, e — ə

7) Диакритическая модификация основного знака — не имеют этого признака только 4 из 92 пар букв (F, f; Ss; W, w; Уу).

8) Использование графических элементов:

(1) o : c, e, o, є·, ə, ɵ·

(2) o + l : d, g, oɿ·, p, г·, q, ь, ѣ

(3) ˥ : m, n, u, v, ɳ

(4) ˥ + l : h, ɦ, ɳ

(5) l — в различных положениях и соотношениях, простая и с модифицированным концом:

f, i, I, j, t, ꞇ, Ss

(6) двойное ı под углом: v, w, y

(7) угловатые: Ч, L, Ꞇ̇, Ꞇ̇

(8) особые: a, s, z, k, ʒ̇

(9) лигатуры: Ṗ, Ѣ, ѣ, Ф.

Таким образом, из рассмотрения вопроса об однотипности графического выражения звуков видно, что НА пользуется теми же принципами этого выражения, что и основной латинский, исключая лигатуры. При этом в НА с 65% до 32.6% понизилось число качественно своеобразных знаков и увеличилось использование принципа диакритической модификации.

Организованность отдельных букв алфавита каждый раз является специфической системой следующих качеств букв при различной степени их оформленности:

№№	Качества	Ступени				
		Низшая	Низкая	Средняя	Высокая	Высшая
1	Предметность	l	T	Г	P	D
2	Отконтурированность	l	T	Г	R	g
3	Выступание из фона бумаги	l	T	Г	P	D
4	Расчлененность	l	U	T	H	W
5	Отличимость, как индивидуальная выраженность	l	ꞇ	Ꞇ	R	g
6	Отношение к другим буквам в смысле право- и лево-сторонних сочетаний . . .	m	D	P	W	O

[1] Буквы, обозначенные здесь и ниже ®, лишь приближенно передают их подлинное изображение в НА.

Из этой таблицы становятся понятными все те качества, которые в их своеобразном сочетании организуют ту или иную букву алфавита. Под предметностью, следовательно, понимается место, занимаемое буквою в пространстве; чем это место больше, тем буква более предметна. Отконтурированность означает характер и степень выраженности в отграничении данной буквы от фона бумаги или от других букв.

Выступание из фона бумаги определяется взаимодействием предметности и отконтурированности. Чем более выражено то и другое, тем лучше буква выступает из фона бумаги. Отличимость, как индивидуальная выраженность, имеет несколько ступеней. Одна буква легко может быть принята (особенно на начальных числах обучения чтению) и обычно принимается за другую букву: I — l; e — ə, и т. д. Это низшая ступень индивидуальной выраженности буквы. Низкая ступень характеризуется необходимостью большого усиления внимания, чтобы не смешать одну букву с другой, например, f c î. На средней ступени сходные буквы при некотором напряжении внимания обычно не смешиваются: Г — Р. При высокой ступени индивидуальной выраженности буква не смешивается ни с какой другой, хотя и содержит в себе части других букв: В — R. Высшая ступень — это наличие столь большой индивидуальности и своеобразия, что буква совершенно не похожа на другую букву.

На основании норм, приведенных в таблице «качества», был пересмотрен весь состав суммарных букв НА. Каждая из букв (строчные и прописные отдельно) получила свою характеристику. Эта характеристика сопровождалась условной цифровой оценкой: низшая ступень — 1; низкая — 2; средняя — 3; высокая — 4 и высшая — 5. Таблицы цифровой оценки и суммарный коэфициент и ранговое место удобочитаемости букв, вследствие их громоздкости (около печатного листа) здесь не приводятся. Но нам придется пользоваться величинами, полученными на основании данных этих таблиц.

При сравнении букв основного латинского алфавита с дополнительно введенными буквами НА в отношении их организованности, мы получаем следующее:

Сравнение прописных и строчных букв отдельно

Буквы	Качества											
	Предметность		Отконтурированность		Выступание из фона		Расчлененность		Отличимость		Отношение к другим буквам	
	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%
Прописные основного латинского	91	100	94	103	98	108	100	110	129	142	113	124
Прописные вновь введенные	230	100	232	101	247	107	284	123	241	105	277	120
» вместе (нов. алфав.)	321	100	326	102	345	104	384	120	380	118	390	121
Строчные основного латинского	90	100	96	107	95	106	105	117	121	134	125	139
Строчные вновь введенные	233	100	234	100	248	106	283	121	233	100	294	126
» вместе (нов. алфав.)	323	100	330	102	343	106	388	120	364	113	419	129

Сравнение прописных и строчных букв вместе

Буквы	Качества											
	Предметность		Отконтурированность		Выступание из фона		Расчлененность		Отличимость		Отношение к другим буквам	
	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%
Основной латинский алфавит .	181	100	190	105	193	107	205	113	250	138	238	131
Доп. введенные буквы	463	100	466	101	495	107	567	122	474	102	571	123
Вместе (нов. алфав.)	644	100	656	102	688	107	772	120	724	112	809	126

Из данных таблиц очевидно следующее:

1. Так называемые дополнительные буквы НА, если их рассматривать суммарно:

а) стоят выше букв основного латинского алфавита в отношении их расчлененности;

б) занимают одинаковое ранговое место в отношении предметности и отконтурированности;

в) стоят в ранговом ряду значительно ниже букв основного латинского алфавита в отношении отличимости, являющейся качеством индивидуальной выраженности. Наиболее выявленным качеством букв основного латинского алфавита является именно их отличимость. Отличимость латинского алфавита в основном занимает первое место в ранговом ряду качеств. Дополнительные буквы НА занимают в этом отношении 4-е место;

г) обладают наиболее выявленным качеством отношения к другим буквам в смысле удобочитаемости право- и левосторонних сочетаний (1-е ранговое место), хотя, вообще говоря, буквы НА уступают в этом отношении буквам основного латинского алфавита.

2. Буквы нового алфавита, как результат слияния букв основного латинского алфавита (26 пар) и новых (66 пар), характеризуются следующим:

а) в ранговом ряду качеств первое место занимает качество отношения к другим буквам, второе — расчлененность, третье — отличимость, четвертое — выступание из фона бумаги, пятое — отконтурированность и шестое — предметность;

б) суммарные буквы нового алфавита стоят выше букв основного латинского алфавита в отношении расчлененности и ниже в отношении отличимости и сочетания (отношения) с другими буквами, причем это последнее качество букв нового алфавита занимает первое место.

Отсюда практический вывод: в отношении суммарных букв НА в целом необходимо в первую очередь повысить отличимость одной буквы от другой, придать графически сходным буквам более выраженный индивидуальный характер. Это тем более необходимо сделать, что качество отличимости с психологической точки зрения должно быть признано основным как для обучения чтению на НА, так и для пользования им в дальнейшем.

Особенно неблагополучны в этом отношении следующие буквы, сходные, почти совпадающие с другими буквами:

I; I; Ъ, ѣ; Ъ, ѣ; $\frac{7}{7}$, $\frac{7}{7}$; I, ч;

Легко могут смешиваться следующие буквы:

є́, e, ə, ɵ, Ð, Ә, θ, ē, ə̄, f̂, f, ƀ, ĥ, ĥ, ĥ, L, u, n

Буквы Ђ° 5° и X̌ x̌, хотя и обладают полной отличимостью, т. е. ни при каких условиях не могут быть смешаны с другими буквами, однако они, с точки зрения восприятия всего алфавита в целом, также нуждаются в реформе, так как качественно они настолько отличны от всех других букв, что в акте чтения становятся как бы инородными по отношению к общему типу графической выразительности НА, они как бы перестают быть буквами в собственном смысле этого слова.

Имея ввиду всю систему качеств, определяющих удобочитаемость букв, следует признать:

а) **наихудшими** следующие буквы НА (общий коэфициент оценки не превышает 15):

Ч, ч; Ҹ, ҹ; l, ı; l (эль); Ь; S, s; 7, ך; 7̄, 7̄, Ƨ, Ƨ

б) **наилучшими** (общий коэфициент выше 25 при максимально возможном в 30):

B̦, в̦; G̦, g̦; O, o; S, s; W, w; Z, z; ꝗ, ꝗ.

В целях выяснения степени структурности и расчлененности НА в его целом, необходимо сравнить его в этом отношении:

а) с основным латинским алфавитом, который по справедливости считается в этом смысле наиболее совершенным;

б) с русским, который имеет недостаточное число выступающих из строки знаков и

в) с армянским, имеющим излишнее количество выступающих из строки букв.

Этой цели служит следующая таблица:

Сравнительная встречаемость выступающих из строки букв (строчных)

	Общее число знаков	Без выступов		С верхними выступами		С верхними и нижними выступами		С нижними выступами	
		Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%	Абс. цифры	%
Русский	32	24	75	2	7	1	3	5	15
Латинский	26	13	50	8	31	1	4	4	15
Армянский	36	6	16	8	25	8	25	14	34
Новый алфавит	92	38	41	15 + 3 = 18	20	7	8	19 + 10 = 29	31

Из таблицы очевидно, что в отношении структурности и расчлененности новый алфавит (суммарные буквы!) занимает промежуточное положение между латинским и армянским, находясь в отношении общего числа выступающих из строки букв ближе к латинскому, чем к армянскому: латинский алфавит — 50%, НА — 59%, армянский — 89%.

Однако, несколько иная картина наблюдается во внутреннем распределении выступающих букв, имея в виду буквы с верхними и нижними выступами.

В отношении букв с верхними выступами НА стоит ниже как латинского, так и армянского алфавитов: латинский — 31%; армянский — 25%, НА — 20%.

В отношении букв с нижними выступами НА стоит между латинским и армянским, приближаясь к последнему: латинский — 15%, армянский — 34%, НА — 31%.

В отношении букв с верхними и нижними выступами НА также находится между латинским и армянским, приближаясь к латинскому: латинский — 4%, НА — 8%, армянский — 25%.

В связи с вопросом психологических основ техноrрафического анализа суммарных букв НА в Институте Психологии ведется специальное экспериментальное исследование, выясняющее роль верхних и нижних выступов в процессе чтения. В зависимости от результатов этого исследования, и общепсихологических и других соображений, необходимо будет поставить вопрос об усовершенствовании общей структурности НА.

Последнее свойство всякого алфавита, определяющее восприятие печатного текста — это свойство напластывания зрительных образов букв и их систем в последовательном восприятии при чтении. Этот вопрос не может быть решен в плане общего теоретическо-психологического анализа и на основании суммарных букв НА. Для этого необходимо произвести специальный полиграфический промер отдельных букв и дать теоретический и экспериментальный анализ в отношении конкретного текста на конкретных алфавитах.

Заканчивая изложение психологических основ техноrрафического оформления НА, необходимо указать, что анализ был произведен в отношении суммарных букв НА (первый этап работы). Само собой разумеется, что вскрытые закономерности будут иметь общее значение и для каждого конкретного алфавита национальностей СССР, перешедших на латинизированный алфавит. Однако, в каждом отдельном случае эти закономерности приобретут особое выражение в зависимости от особенностей данного конкретного алфавита. Для их вскрытия необходимо провести дополнительный анализ каждого алфавита, что не входит в задачи данной статьи.

III. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СУММАРНЫХ БУКВ НА [1]

Перейдем к педагогическим основам техноrрафического анализа суммарных букв НА.

Педагогика говорит нам, что наибольшее значение при обучении письму и пользовании им имеет связанность и безотрывность письма. От этих двух свойств зависит легкость и быстрота начертания отдельных букв и их систем в процессе связного письма. Связность и безотрывность письма определяется:

а) числом штрихов,
б) числом отрывов от бумаги,
в) направлением штрихов,
г) выходом штрихов за строку,
д) удобством штриха для установления связи с соседними буквами.

[1] Подробнее см. М. П. Феофанов, Результаты анализа рукописных знаков латинизированного алфавита для народностей СССР, — тезисы доклада, прочитанного в январе 1933 г. в Техноrрафической Комиссии ВЦК НА.

Что касается чтения рукописных букв, то оно определяется всеми теми условиями, которые были рассмотрены выше в отношении печатных букв НА. При этом наибольшее значение для восприятия чтения рукописных букв имеет степень отличимости отдельных рукописных знаков и их сочетаний.

Что касается графического выражения рукописных букв, то современная педагогика, исходя из анализа процесса чтения и письма, рекомендует возможно большее сходство рукописных и печатных знаков.

В целях определения сложности графического изображения рукописных знаков НА Лаборатория по оформлению книги и нового алфавита, совместно с Технографической Комиссией ВЦК НА (работа М. П. Феофанова) произвела следующий анализ: высчитано число тактов (штрихов) в каждом отдельном знаке; на основании этих данных вычислены проценты однотактных, двухтактных и трехтактных знаков по отношению ко всей сумме рукописных знаков НА; эти же проценты вычислены в отношении прописных и строчных букв отдельно; на основании полученных таким образом данных произведено сравнение рукописных букв НА с латинскими и русскими.

Результаты анализа таковы:

Сравнение Нового алфавита с основным латинским и русским в отношении наличия 1—2—3—4-тактных рукописных знаков

Виды букв		Новый алфавит			Основной латинский			Русский		
		Число		% к общему числу	Число		% к общему числу	Число		% к общему числу
		Тактов	Знаков		Тактов	Знаков		Тактов	Знаков	
Прописные и строчные вместе		1	14	7.74	1	6	11.54	1	7	11.48
		2	73	40.33	2	28	53.85	2	22	36.07
		3	72	39.78	3	18	34.61	3	24	39.34
		4	20	11.05	4	—	—	4	8	13.11
		5	2	1.10	5	—	—	5	—	—
Прописные		1	4	4.50	1	2	7.69	1	2	6.66
		2	34	38.20	2	11	42.31	2	11	36.67
		3	34	38.20	3	13	50.00	3	11	36.67
		4	15	16.85	4	—	—	4	6	20.00
		5	2	2.25	5	—	—	5	—	—
Строчные		1	10	10.87	1	4	15.38	1	5	16.13
		2	39	42.39	2	17	65.38	2	11	35.48
		3	38	41.30	3	5	19.23	3	13	41.94
		4	5	5.44	4	—	—	4	2	6.45
		5	—	—	5	—	—	5	—	—

Из таблицы очевидно следующее.

НА имеет больше многотактных знаков, чем основной латинский, и меньше однотактных и двухтактных. В этом отношении суммарные руко-

писные буквы НА (прописные и строчные вместе) стоят ближе к рукописным буквам русского алфавита. То же самое наблюдаем, анализируя прописные и строчные буквы отдельно.

Наличие многотактных рукописных знаков в НА объясняется, главным образом, наличием большого числа графем с диакритическими знаками, а не трудностью основного рисунка буквы, что мы наблюдаем в рукописных знаках русского языка.

Как уже было указано выше, вторым условием, определяющим быстроту и плавность письма является число отрывов пера от бумаги.

М. П. Феофанов произвел анализ начертания каждого знака НА, выясняющий наличие отрывов при написании этих знаков. Анализ этот — также носил сравнительный характер по отношению к основному латинскому и русскому алфавиту. Результаты анализа приведены в нижепомещаемой таблице:

Сравнительная таблица числа букв в Новом алфавите, основном латинском и русском алфавитах

Виды букв	Алфавиты																	
	Новый алфавит						Основной латинский						Русский					
	Число букв						Число букв						Число букв					
	Без отрыва		1 отрыв		2 отрыва		Без отрыва		1 отрыв		2 отрыва		Без отрыва		1 отрыв		2 отрыва	
	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%	А. ц.	%
Прописные и строчные вместе . .	105	58.6	65	36.9	10	5.5	35	67.3	16	30.8	1	1.9	40	65.6	19	31.1	2	3.3
Прописные .	49	55	32	35.9	7	7.8	17	55.4	8	30.8	1	3.8	17	56.7	11	36.7	2	6.6
Строчные . .	56	60.8	33	35.9	3	3.8	18	69.2	8	30.8	—	—	23	74.2	8	25.8	—	—

Таблица показывает, что новый алфавит в его суммарном виде менее благоприятен для беглого, плавного письма, чем основной латинский. В отношении числа отрывов пера от бумаги, он ближе стоит к русскому. Однако, скорость и плавность письма определяются не только удобством начертания отдельных знаков, но и характером этих знаков, характером перехода при письме от одного знака к другому. Непрерывность движения руки при переходе благоприятствует скорости и плавности письма. Как показал анализ М. П. Феофанова, суммарные буквы НА и в этом отношении стоят ниже основного латинского алфавита, на этот раз уступая и русскому. В НА имеется около 33% знаков, непрерывный переход от которых к следующим знакам или невозможен или чрезвычайно труден; в основном латинском алфавите таких знаков — 25%, в русском — 19%. Это обстоятельство также в значительной мере объясняется наличием в НА большого количества диакритических знаков, которые (кроме седиля), как правило, при письме затрудняют переход к следующим знакам.

На начальных стадиях обучения письму наибольшее значение имеет легкость написания отдельных знаков, а в дальнейшем — легкость и плавность перехода от одного знака к другому и возможность написания не-

скольких знаков, не отрывая пера от бумаги. Поэтому в дальнейшем необходимо удалить оба указанные нами недостатка рукописных букв НА, на основе экспериментальных исследований и теоретического анализа конкретных алфавитов.

Графические (искусствоведческие) требования технографического анализа суммарных букв НА разработаны еще чрезвычайно мало. На основании доклада графика-художника Н. И. Писарева в Технографической Комиссии ВЦК НА в январе 1933 г. мы можем указать следующие правила графического оформления НА, как и всякого другого алфавита.

1) Каждый знак должен быть индивидуально отличен от всякого другого знака.

2) Каждый знак должен иметь простые начертания.

3) Необходимо, чтобы отдельные штрихи в букве не были излишне измельчены. Когда, например, взяли основное латинское «B» прописное и из него построили «в» строчное, то получилось, что в малых кеглях (величинах литеры) части этой буквы с графической точки зрения недопустимо измельчились.

IV. Четвертым правилом графики является стройность графического чередования букв в тексте. Как мы уже говорили, часть букв всякого латинизированного алфавита приближается к типу «i», другая их часть стоит ближе к типу «o». Первые буквы как бы вдавлены в бумагу, вторые как бы выступают из нее. Первые буквы обладают очень малой предметностью, вторые вполне вещественны. Необходимо, чтобы в тексте те и другие буквы стройно чередовались.

Наконец, алфавит должен быть связан признаком общей конструкции, общего стиля, т. е. тем, что полиграфисты называют гарнитурой (гарнитура — как стиль рисунка). Может быть гарнитура латинская (она принята в НА), может быть гарнитура рубленая, так называемая шестая и т. п.

V. Полиграфические требования технографического анализа суммарных букв НА сводятся к следующему:

Когда мы подходим к суммарным буквам НА с полиграфической точки зрения, то мы должны следить за тем, чтобы очко буквы никогда не выходило за пределы торца литеры. Если возьмем, допустим, «ē» долгое прописное, с черточкой сверху, то совершенно ясно, что у этой литеры очко выходит за пределы торца литеры. Это совершенно недопустимо с полиграфической точки зрения.

Недопустимо также расширение литеры диакритическими знаками. Например, расширение D горизонтальным значком: Ð. Это с полиграфической точки зрения нецелесообразно. Явно нецелесообразно и обратное расширение, которое иногда применяется: Đ.

Буква по своему начертанию должна быть цельной. Недопустима с полиграфической точки зрения раздельная диакритика и в первую очередь верхняя, особенно точечная: ä. Под полиграфической точкой зрения разумеем при этом учет процессов изготовления литер, печатания, репродукции, изготовления матриц и т. п. Во всех этих процессах раздельная диакритика нежелательна, неэкономична.

Нежелательны слишком тонкие волосные линии, острые углы между литерами и перекрест больше, чем двух линий. В этом смысле особенно неудовлетворителен знак $\frac{Y}{K}$, в котором мы имеем и перекрест больше чем двух линий, и очень тонкую правую линую, и острые углы в перекресте линий.

Недопустимо также применение подключин, как подставных знаков, не на полный кегель. Если нижняя диакритика выходит за торец литеры,

то приходится приделывать соответствующую подключину, а это стоит дорого, и буква быстро портится, — отламывается подключина.

Совершенно очевидно, что полиграфическая промышленность предъявляет к оформлению букв НА также и то требование, чтобы общее количество букв в каждом конкретном алфавите было возможно меньшим, экономным.

Наконец, полиграфическая промышленность предостерегает нас от двух- или многобуквенных обозначений типа немецкого sch. Сочетания такого типа нецелесообразны потому, что пространство, занимаемое многобуквенным обозначением, нерационально велико.

На основании изложенных положений был произведен технографический анализ суммарных букв НА. Общие выводы, сделанные технографической комиссией, из анализа технографического оформления букв НА, по сравнению с буквами основного латинского, таковы:

Те буквы, которые введены вновь комитетом НА в дополнение к основным латинским, так называемые, вновь введенные или дополнительные буквы, эти буквы в общем построены на тех же принципах, что и буквы основного латинского алфавита. Следовательно, товарищи как в центре, так и на местах, в этом отношении в общем шли по правильному пути и результат их работы с нашей точки зрения является удовлетворительным.

Однако, вследствие того, что число знаков основного латинского алфавита ограничено (всего 26 пар, а в суммарном Новом Алфавите мы имеем 96 пар), пришлось в сохранение принципиальных положений основного латинского алфавита, пойти преимущественно по пути модификации основных знаков и лишь отчасти по пути введения новых знаков. Оказалось, что такая модификация не всегда была достаточно удовлетворительной. Основными недостатками технографического оформления суммарных букв Нового Алфавита необходимо считать следующие:

a) Несоблюдение в некоторых знаках полиграфических требований и отсутствие полиграфической унификации в одних и тех же буквах и разных алфавитах.

b) Несовершенство графического выражения отдельных букв.

c) Меньшая индивидуальная выраженность и отличимость отдельных букв.

d) Большая трудность начертания и меньшая удобочитаемость письменных знаков, как отдельных так и в текстах.

e) Недостаточное соблюдение лингвистических предпосылок оформления.

Практическим результатом теоретического анализа букв НА явилось разнесение их по следующим четырем категориям (строчные и прописные буквы отдельно).

A. СТРОЧНЫЕ БУКВЫ

I группа — буквы основного латинского алфавита, являющиеся образцом оформления дополнительных букв:

a b c ç d e f g h i j k l m n o

p q r s t u v w x y z всего 27 букв.

II группа — вновь введенные буквы, удовлетворительные по своему технографическому оформлению:

ḅ ḍ ə đ ḥ ħ ɥ ḳ ʟ ḷ ṃ ŋ ŋ ɾ ş ţ

ɣ ʐ ƶ ʒ ь всего 21 буква.

III группа — вновь введенные буквы, технографическое оформление которых требует улучшения, но которые при улучшении могут остаться в НА:

ä ā в є ē ə̄ ɬ ɋ ʜ ɦ ɥ ɾ ɟ ɬ ō ɵ

o ɒ ɾ ɋ ɾ ʂ ʃ ƀ ɾ ɾ ū ɣ ɣ ʒ ʒ ь

ɸ ɸ ɿ ɬ ʑ всего 37 букв.

IV группа — вновь введенные буквы, неудовлетворительные по своему технографическому оформлению:

ƭ ǵ ġ ɠ ɑ ɥ ɪ ɩ ɣ ɟ, а также ʾ ʿ

всего 10 букв и 2 апострофа.

Б. ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ

Одинаковы по категориям со строчными, за исключением:

II группа — Ḷ Ꝑ Ꝑ Ꝑ ɸ ɸ всего 6 букв

III группа — Ꞧ Ꞧ Ħ Ð Ð всего 5 букв

IV группа — Ē всего 1 буква.

Выводы теоретического анализа и разнесение букв по группам требуют, разумеется, подтверждения экспериментальными данными (преимущественно психологическими) и нуждаются в проверке на практике полиграфического и школьного дела, применительно к телеграфу, стенографии, машинописи и т. п. Все эти моменты должны составить второй период работы Лаборатории Института Психологии и Технографической Комиссии ВЦК НА.

ПОДСЧЕТЫ ЧАСТОТЫ ЛИТЕР И КОМПЛЕКТОВКА ШРИФТА

Недостаточно только разработать алфавит для какого-либо народа, создать графические изображения для каждого оттенка отдельных звуков — и на этом остановиться, так как иначе этого было бы достаточно только для целей письма от руки.

Необходимо подумать также о том, как этот алфавит будет применяться. А применение его пойдет главным образом не столько путем письма от руки, сколько путем печати, т. е. способами механического размножения с помощью разных машин и аппаратов.

Всякий новосозданный алфавит прежде всего должен быть отлит в словолитне в виде металлических букв или литер, из которых в типографии составляется (набирается) печатная форма (или набор), с которой на печатных машинах производится печатание.

Прежде чем приступить к отливке шрифта словолитня должна знать, в каком количестве надо отливать каждую отдельную букву или знак. Это — первый момент, когда потребуется точный подсчет частоты применения каждой буквы алфавита того или иного народа и всех других знаков, входящих в собрание типографских литер (шрифт).

Типографский шрифт выпускается словолитнями в продажу комплектами. Комплект шрифта представляет собрание всех букв алфавита (строчных и прописных), цифр, знаков препинания и некоторых других знаков, как звездочка (*), параграф (§), нумер (№) и пр.

Отдельные литеры представлены в комплекте шрифта не в одинаковом количестве, так как известно, что одни звуки в человеческой речи встречаются чаще, а другие реже. То же и в отношении знаков препинания и цифр — одни из них встречаются в типографском наборе гораздо чаще других, а потому и в комплекте шрифта одних должно быть больше, а других меньше.

Количество отдельных букв в комплекте шрифта для разных языков также должно быть разным. Напр. для набора на немецком языке буква «n» требуется в количестве около 8000 штук на комплект в 100 000 печатных знаков, а буква «q» всего лишь в количестве 250 штук, в то время как для набора на французском языке буквы «n» потребуется уже только 5000 штук, а буквы «q» — 1000 штук. Еще более велика разница для букв «k» и «w». Если во французском наборе на 100 000 печатных знаков «k» потребуется около 100 штук, то в немецком — уже около 875 штук; буквы «w» во французском наборе — около 100 штук, а в немецком — около 1125.

Комплектовка шрифта производится на складе словолитни по специальным таблицам, в которых указано, сколько той или иной литеры должно быть в комплекте. Словолитчик, одновременно с набором матриц для отливки шрифта, получает также полный перечень того количества отдельных литер, которое он должен отлить, для того чтобы при составлении комплектов не встретилось нехватки или большого излишка тех или иных литер.

Таблицы, по которым комплектуется шрифт, должны представлять собою результаты кропотливых вычислений того, в каком количестве должна быть представлена та или иная литера в комплекте шрифта. Книжные шрифты поступают в продажу весовыми комплектами в 25, 50, 100 и более кило.

Правильно составленная комплектовка имеет большое значение прежде всего для продуктивности затраты капитала на покупку шрифта. Излишне присланные буквы будут лежать неиспользованными, а буквы, присланные в недостаточном количестве (хотя бы только одна или несколько таковых) сделают невозможным употребление иногда значительного количества всех прочих литер. Здесь явится нужда в так называемых «приливках» отдельных недостающих литер. А приливки, вообще, — дело экономически невыгодное и для типографий и для словолитен.

Типографиям приходится платить за приливки дороже, чем за шрифт в комплектах. Для словолитен приливки невыгодны, потому что обходятся им самим дорого и в то же время вносят известный разлад в массовое изготовление шрифтов, вызывая частые приводки матриц в словолитной машине и понижая общую производительность словолитни. Поэтому словолитни делают приливки неохотно и иногда подолгу задерживают выполнение заказов на приливки, отчего страдает типография, не могущая, до получения приливок, использовать весь, лежащий у нее мертвым капиталом, шрифт.

Что касается комплектовки русского книжного шрифта, то до Октябрьской революции почти каждая словолитня сама для себя разрабатывала таблицы комплектовки, исходя из собственного опыта, причем таблицы эти были весьма разнообразны и страдали многочисленными дефектами. После Октябрьской революции явилась необходимость полного согласования интересов как словолитен, так и типографий, так как и те и другиие стали отдельными отраслями единой общегосударственной промышленности. К тому же и введение новой орфографии перевернуло все старые комплектовки и настоятельно потребовало их нового построения.

Первая работа по созданию новой комплектовки была проделана в 1924 г. гострестом «Полиграф» на основании подсчета частоты отдельных литер в разных видах литературы. Такая же работа была проделана в 1925 г. Комиссией по рационализации ручного набора при отделе психологии труда Института охраны труда. На основе этих подсчетов была установлена новая комплектовка русского книжного шрифта.

Но так как и тот и другой подсчет был произведен на основе далеко недостаточных материалов и многие особенности современной литературы означенными комиссиями не были охвачены, — потребовалась более детальная и широкая проработка данного вопроса.

Для этой цели в 1927 г. была создана особая комиссия при Полиграфкомитете ВСНХ СССР и Полиграфсекции ВСНХ РСФСР. Результатом работ этой комиссии явилась таблица комплектовки русского книжного шрифта, утвержденная Комитетом по стандартизации при СТО 27 февраля 1929 г. в качестве обязательного общесоюзного стандарта (ОСТ 503) с 1 октября 1929 г. (см. табл. № 1).

Данная таблица, однако, не является таблицей, по которой производится комплектовка шрифта в словолитнях. Отображая процентное соотношение литер к отдельным группам их и ко всему комплекту литер в целом, она дает лишь те принципы, которые должны быть положены в основу при разработке в словолитнях особых количественных таблиц, по которым и комплектуется шрифт.

При составлении комплекта книжного шрифта на определенный вес наиболее удобен подбор и счет литер строками (длина этих строк — 6 типографских квадратов), поэтому и количество отдельных литер в рабочих комплектовочных таблицах считается не на штуки, а на строки.

Количество строк высчитывается так, чтобы каждая отдельная литера (принимая во внимание ее толщину) давала в общем комплекте то про-

С. С. С. Р. Совет Труда и Обороны — Комитет по стандартизации	Общесоюзный стандарт	ОСТ 503
	ШРИФТ РУССКИЙ КНИЖНЫЙ Комплектовка	МБИ (I. I. В.) : 620

Строчные буквы			Прописные буквы			Знаки		
Наименование	% в отношении суммы строчных букв	% ко всему комплекту	Наименование	% в отношении суммы прописных букв	% ко всему комплекту	Наименование	% в отношении суммы знаков	% ко всему комплекту
а	7.51	6.40	А	3.30	0.24	Точка . . .	19.58	1.21
б	1.68	1.43	Б	2.34	0.17	Запятая . .	33.50	2.07
в	4.44	3.78	В	8.26	0.60	Дефис . . .	14.24	0.88
г	1.57	1.34	Г	2.20	0.16	Двоеточие .	3.07	0.19
д	3.03	2.58	Д	3.17	0.23	Точка с зап.	3.07	0.19
е	8.75	7.46	Е	2.34	0.17	Знак вопрос.	3.07	0.19
ж	1.01	0.86	Ж	1.51	0.11	» воскл.	3.07	0.19
з	1.74	1.48	З	1.93	0.14	Ковычки .	3.07	0.19
и	7.57	6.46	И	3.99	0.29	Тире . . .	5.50	0.34
й	1.23	1.05	Й	2.07	0.15	Скобки (кр.)	4.70	0.29
к	3.31	2.82	К	5.51	0.40	» (прям.)	0.65	0.04
л	4.21	3.59	Л	1.51	0.11	Звездочка .	1.62	0.10
м	3.08	2.63	М	3.99	0.29	Апостроф .	1.62	0.10
н	6.39	5.45	Н	7.15	0.52	Параграф .	1.62	0.10
о	11.00	9.37	О	5.23	0.38	Номер . .	1.62	0.10
п	2.69	2.29	П	7.43	0.54			
р	4.77	4.05	Р	3.30	0.24	Итого . .	100	6.18
с	5.44	4.64	С	7.15	0.52			
т	6.62	5.64	Т	4.54	0.33			
у	2.47	2.10	У	1.51	0.11			
ф	0.18	0.15	Ф	1.51	0.11			
х	1.06	0.90	Х	1.51	0.11			
ц	0.44	0.38	Ц	1.51	0.11			
ч	1.45	1.24	Ч	1.51	0.11			
ш	0.67	0.57	Ш	1.51	0.11			
щ	0.44	0.38	Щ	1.51	0.11			
ъ	0.18	0.15	Ъ	0.55	0.04			
ы	2.02	1.72	Ы	1.51	0.11			
ь	1.74	1.48	Ь	1.51	0 11			
э	0.28	0.24	Э	2.07	0.15			
ю	0.73	0.62	Ю	1.51	0.11			
я	2.19	1.87	Я	1.51	0.11			
ё	0.11	0.10	V	1.51	0.11			
			I	2.34	0.17			
Итого	100	85.22	Итого	100	7.27	Итого . .	100	1.33

Цифры		
Наименование	% в отношении суммы цифр	% ко всему комплекту
1	20.30	0.27
2	12.78	0.17
3	9.77	0.18
4	7.51	0.10
5	8.27	0.11
6	6.02	0.08
7	6.02	0.08
8	6.02	0.08
9	6.02	0.08
0	17.29	0.23
Итого . .	100	1.33

Примечание. Разрешается словолитням исполнять заказы на добавочное количество отдельных букв, знаков и цифр (приливки).

Июль 1929 г.

Утвержден Комитетом по стандартизации при Совете Труда и Обороны 27 апреля 1929 г., как обязательный с 1 октября 1929 г.

центное соотношение, какое она должна иметь согласно стандартной таблице ОСТ 503.

Поскольку до сих пор имеется стандартная комплектовка одного только русского книжного шрифта, а ее надо иметь, в виде законом утвержденного стандарта, для каждой народности СССР, и поскольку отдельным республикам, национальным издательствам или научно-исследовательским учреждениям эту работу в свое время придется проделать, то будет весьма не лишним хотя бы кратко осветить методологию этой работы.

Прежде всего было учтено количество отделов литературы и удельный вес каждого отдела в процентах по отношению ко всей литературе в целом, исходя из листажа (количество печатных листов) издательского плана.

В зависимости от удельного веса, из каждого отдела было подсчитано (в отрывках из книг, наиболее характерных для данного отдела) разное

Таблица 2

Результаты подсчета 1 059 979 печатных знаков

Строчные буквы				Прописные буквы				Знаки препинания		Цифры		Капительные буквы	
Наименование	Количество	Наименование	Количество	Наименование	Количество	Наименование	Количество	Наименование	Количество	Наименование	Количество	Наименование	Количество
а	74 432	у	24 568	А	628	У	240	Точка	11 840	1	1 537	А	92
б	16 575	ф	1 742	Б	454	Ф	142	Запятая	20 014	2	996	Б	33
в	43 711	х	10 545	В	1 565	Х	170	Дефис	8 555	3	759	Е	104
г	15 518	ц	4 388	Г	390	Ц	93	Двоеточие	1 119	4	579	I	6
д	29 603	ч	14 640	Д	594	Ч	286	Точка с запятой	768	5	683	Р	75
е	86 713	ш	6 743	Е	448	Ш	88	Вопрос. знак	607	6	438	С	52
ж	9 646	щ	4 442	Ж	91	Щ	7	Восклиц. знак	540	7	375	У	31
з	17 184	ъ	331	З	362	Ъ	—	Ковычки	2 069	8	479	Ф	8
и	73 675	ы	19 699	И	725	Ы	3	Тире	3 360	9	481		
к	32 624	ь	17 269	К	1 038	Ь	12	Скобка круглая	2 822	0	1 312		
л	41 732	э	2 777	Л	290	Э	388	Скобка прямая	4				
м	30 490	ю	7 239	М	702	Ю	32	Звездочка	83				
н	63 147	я	21 668	Н	1 363	Я	206	Многоточие	428				
о	109 011	й	11 824	О	1 009	Й	7	Апостроф	20				
п	26 539	v	4	П	1 480	V	74	Параграф	28				
р	47 022	ё	382	Р	636	I	281	Номер	60				
с	53 578	ó	61	С	1 364								
т	64 102			Т	830								
			983 624				15 998		52 317		7 639		401

количество печатных знаков при заранее определенном задании — подсчитать общей сложностью миллион знаков.

Подсчет производился приглашенными для этой цели счетчиками по 106 книгам и брошюрам всех видов литературы по следующей номенклатуре:

№№ по порядку	Название отдела	Количество выявленных знаков	Процент к итогу
1	Общий	40 314	3.08
2	Философия и психология	10 124	0.95
3	Антирелигиозная литература	10 035	0.95
4	Общественные науки	300 652	28.39
5	Языковедение	19 824	1.88
6	Естествознание	69 776	6.58
7	Прикладные науки	239 921	22.63
8	Искусство	19 992	1.88
9	Художественная литература	179 880	16.96
10	История и география	30 043	2.83
11	Крестьянская литература	99 607	9.40
12	Военная литература	39 811	3.75
	Итого	1 059 979	100%

Таким образом, всего было подсчитано 1 059 979 печатных знаков. Результаты подсчета дает таблица № 2, послужившая основой для разработки проекта стандарта комплектовки русского книжного шрифта.

Стандарт комплектовки книжного шрифта был необходим для наиболее рационального использования шрифта, но здесь надо сказать, что нет и не может быть такой комплектовки, которая бы полностью удовлетворила потребность типографии в отдельных буквах во всех видах литературы.

И не только отдельные виды литературы, но даже стиль отдельных авторов требуют другого соотношения литер, чем то, которое предусматривает стандартная комплектовка, не говоря уже о таких чисто случайных моментах, когда, например, собственные имена, встречающиеся в каком-либо романе, очень часто повторяются, что требует, прежде всего, большого количества определенных прописных букв. Таким и подобным этим требованиям ни одна комплектовка удовлетворить не может.

Как бы точно ни была разработана комплектовка шрифта, она все же никогда не сможет предусмотреть все возможные случаи типографской практики и не сможет избавить типографии от приливок. Она сможет только

свести до минимума количество этих приливок. В этом — цель и назначение стандарта комплектовки.

Поэтому рекомендуется, при заказе на шрифты для какого-либо специального набора, заказывать дополнительно (сверх комплекта) часто повторяющиеся в нем знаки и прописные буквы, чтобы не делать вторично дорогостоющих приливок. Последнее обстоятельство надо иметь в виду, например, при наборе всевозможных справочников со многими собственными именами, требующими большого количества прописных букв.

Как обстояло дело с комплектовкой книжного шрифта для народов, алфавит которых был построен на русской основе, для украинцев, белорусов, чувашей, марийцев и пр.? Дело обстояло далеко не важно. Словолитни поступали в этих случаях просто — к обычной (стандартной) комплектовке русского книжного шрифта добавлялось несколько строк литер, специфических для известного алфавита, отсутствующих в русском алфавите.

Такое положение, конечно, нельзя было признать нормальным, поскольку каждый язык имеет свои особенности, требующие иного соотношения печатных знаков в комплекте шрифта, чем то имеется в русской комплектовке.

После того, как вопрос о русской комплектовке был урегулирован разработкой и утверждением стандарта, естественно возник вопрос о создании такого же стандарта для других народов СССР.

Раньше остальных республик к этой работе приступила Украина. В 1929 г. для этой цели была создана специальная комиссия Полиграфтреста ВСНХ УССР в Харькове, которая произвела подсчет 400 000 знаков по следующим четырем видам литературы: медицинской, социально-экономической, технической и художественной. По каждому виду этих разделов литературы было подсчитано по 100 000 знаков. Несмотря на ряд допущенных дефектов в методологии означенной работы, результаты подсчета с достаточной убедительностью подтвердили, что комплектовка русского шрифта по ОСТ'у 503 ни в коей мере не соответствует требованиям набора на украинском языке, равно как не соответствует действительной потребности и количество добавочных литер (специфически украинских — і, ї, Є, ґ). Необходимость создания особой украинской комплектовки с достаточной ясностью вытекала из результатов подсчета.

На основе подсчетов был разработан проект стандарта комплектовки украинского книжного шрифта. Главной его особенностью, помимо существенных отклонений в процентном соотношении литер по сравнению с русской комплектовкой, была также большая разница в процентном отношении группы прописных букв к общему итогу. Украинская комиссия нашла, что процент прописных (7.27) в русской комплектовке является слишком большим, вызывающим ненужное оседание прописных букв в кассах. Поэтому процент прописных для украинского текста ею был установлен в 4.03. Проект этого стандарта до сих пор еще не утвержден. В настоящее время он на Украине пересматривается и уточняется.

Вслед за Украиной собственная комплектовка книжного шрифта была разработана в Белоруссии (в 1932 г.).

По сравнению с русским, белорусский алфавит имеет следующие особенности: в нем отсутствуют буквы — и, щ, ъ; зато имеются новые буквы: і, ў, ё. Соотношение строчных букв в белорусском алфавите по отношению к группе всех строчных букв совершенно иное, чем в русском алфавите (как показали дальнейшие подсчеты).

Наибольшую разницу в процентном соотношении являют следующие буквы:

Буквы	Процентное соотношение в текстах:	
	русском	белорусском
о	11.00	3.95
а	7.51	16.34
ы	2.02	4.60
в	4.44	2.84
е	8.75	3.40
с	5.44	3.84
т	6.62	3.35
ц	0.44	3.17

До последнего времени заказы на белорусский шрифт выполнялись словолитнями на основе стандартной комплектовки русского шрифта (ОСТ 503) с добавлением 3 белорусских букв, которое производилось «на глазок». В результате — большое количество мелких приливок и неполное использование шрифта типографиями, т. к. ряд букв, отсутствующих в белорусском алфавите (и, щ, ъ) совершенно не используется; другие (е, о, т) используются наполовину, а целого ряда букв при наборе не хватает, в результате чего комплекты шрифта часто на 50% выпадают из оборота.

Такое положение поставило перед Белорусским государственным объединением полиграфической промышленности в Минске вопрос о проработке самостоятельной комплектовки белорусского шрифта. Проект стандарта комплектовки был разработан отделом рационализации означенного объединения. В основу проекта было положено изучение частоты знаков в разных видах литературы.

Все виды литературы были сведены к следующим шести основным группам: 1) политико-экономическая, 2) техническая, 3) сельскохозяйственная, 4) художественная, 5) учебно-педагогическая и 6) военная.

Основываясь на издательском плане Белоруссии на 1932 г. и определив удельный вес каждого вида литературы, отдел рационализации подсчитал общей сложностью до 522 000 печатных знаков, причем количество подсчитанных знаков по разным видам литературы соответствовало их удельному весу в издательском плане.

Виды литературы	Количество печатных листов на 1932 г.	Удельный вес в %	Количество подсчитанных знаков	% к итогу
1. Политико-экономическая	30.588	18.5	95.788	18.3
2. Техническая	24.139	14.6	77.589	14.9
3. Сельскохозяйственная	18.187	11.0	56.618	10.8
4. Художественная	53.735	32.5	171.792	32.9
5. Учебно-педагогическая	28.934	17.5	89.656	17.2
6. Военная	9.755	5.9	31.015	5.9
Итого	165.338	100	522.458	100

Подсчитывались прописные и строчные буквы и знаки. Цифры не подсчитывались, исходя из того, что их соотношение и удельный вес в белорусском тексте не отличаются от русского.

Подсчет производился по 101 названию разных видов литературы, откуда брались для подсчета отдельные отрывки текста. Проект стандарта получен путем суммирования частоты каждого знака по всем видам литературы и процентирования суммы каждого знака к итогу всех знаков.

Если мы обратимся к способам комплектовки книжного шрифта для многочисленных тюрко-татарских народов СССР, то увидим те же недостатки, что и при комплектовке украинского и белорусского шрифтов.

Новый (латинизированный) алфавит, на который перешли при Советской власти тюрко-татарские народы, пользовавшиеся до этого арабскими письменами, в основном состоит из следующих 33 букв:

Aa, Bв, Cc, Çç, Dd, Ee, Əə, Ff, Gg, Ğğ, Hh, Iı, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Ňň,
Oo, Өө, Pp, Qq, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Vv, Xx, Yy, Zz, Žž, Ьь

У некоторых из этих народов количество букв алфавита снижается до 27 (киргизы; отсутствуют буквы: ə, f, h, v, x, ž), у других повышается до 35 (добавочные буквы у башкир: Ӡ ӡ, Ҕ ҕ). 33-буквенный алфавит в вышеизображенном виде принят у казанских татар, узбеков и туркмен; у азербайджанцев и крымских татар — 32 буквы (у первых отсутствует буква «ң», у вторых — «ə»), у казаков — 28 букв (отсутствуют буквы: f, h, x, ž, ş).[1]

Несмотря на различие языковых особенностей отдельных народов и разное процентное соотношение отдельных букв к общему их итогу, комплектовка тюрко-татарских шрифтов в словолитнях производится по единой «универсальной» таблице, одну из которых приводим ниже (см. таблицу, стр. 80).

Для алфавитов, в которых требуются добавочные знаки, это добавление производится весьма «приблизительно». В результате — присылка в типографию малотребующихся знаков в большом количестве, и присылка знаков вообще, в данном языке не употребляющихся, а отсюда и все следствия, связанные с неправильной комплектовкой — недоиспользование шрифта, омертвление дефицитных цветных металлов, необходимость частых приливок и многое другое. Между прочим, неизвестно для чего всем тюрко-татарским типографиям высылается обозначенная в комплекте буква «ү», которой нет в унифицированном алфавите, а если есть «у» строчное, то прописной к ней является «У». Между тем, словолитни щедро шлют и «У» и «ү». Далее латинской строчной буквы «ъ» нет в тюркских названиях; ее заменяет «в». Словолитни часто не разбираются в этих «тонкостях» и высылают и ту и другую литеру; по крайней мере и та и другая фигурируют в «универсальной» комплектовке, причем почему-то в разном количестве. Так, например, при комплектовке шрифта на кегель 12 на 100 кило дается 14 строк «ъ» и 36 строк «в».

Эти, казалось бы, мелкие недостатки ставят под вопрос целесообразность всей комплектовки в целом. Неизвестно, для какого именно языка она составлялась, но факт тот, что ни для одного языка она не пригодна.

[1] В данном случае мы говорим только о тех восьми тюрко-татарских народах, для которых Научно-Исследоват. Институтом Полиграф. пром. разработаны в 1932 г. проекты стандартов комплектовок книжного шрифта.

Ведомость комплектовки тюрко-татарских книжных шрифтов на 100 кило, кегель 12-й (2-я словолитня гостреста «Полиграф» в Москве).

Прописные	Количество	Строчные	Количество	Цифры	Количество	Прописные	Количество	Строчные	Количество	Знаки	Количество
A	4	a	80	1	6	Ӊ	3½	ӊ	8	.	6
B	4	в	36	2	4	O	3½	o	54	,	6
C	4	c	8	3	4	Ө	3½	ө	8	-	5
Ç	4	ç	7	4	4	P	3½	p	20	:	2
D	4	d	32	5	4	Q	3½	q	20	;	2
E	4	e	34	6	4	R	4	r	60	!	2
Ə	4	ə	50	7	4	S	4	s	40	?	2
F	4	f	6	8	4	Ş	3½	ş	11	’	6
G	3½	g	17	9	4	T	4	t	20	»	3½
Ƣ	3½	ƣ	7	0	6	U	4	u	20	)	4
H	3½	h	14			V	3½	v	14	[	2
I	3	i	20			X	3½	x	8	§	2
J	3½	j	17			У	4	y	20	*	2
K	3½	k	32			Z	3½	z	14	—	8
L	3½	l	28			ƶ	4	ƶ	4	№	3
M	3½	m	30			Ь	4	ь	30		
N	3½	n	60			Y	3½	—	—		
						—	—	в	14		

Примеч. Количество показано в строках на 6 квадратов.

Что же касается «универсальной» для всех языков комплектовки, то таковой вообще существовать не может.

Естественно, что «универсальная» комплектовка не могла удовлетворить типографии и издательства отдельных тюрко-татарских республик. В последнее время они стали заказывать шрифты по своим собственным комплектовкам, которые, однако, составлялись тоже с большими неточностями, и в результате в словолитнях стали накапливаться разнообразные таблицы, вносившие еще бо́льшую путаницу. Шрифт комплектуют по таблицам заказчиков, а при отсутствии таких таблиц — по своей «универсальной» таблице.

Первые подсчеты частоты букв производились в целях разработки комплектовки, уже в годы перехода с арабского на новый алфавит в каждом республиканском комитете НТА. В 1929 г. ВЦК НТА сосредоточил у себя подсчет букв нескольких тюрко-татарских языков народов, перешедших на новый алфавит. Все эти подсчеты охватывали сравнительно небольшое количество текста и ограниченные разделы литературы. Кроме того, они скоро потеряли свое значение по причине не установившейся еще в те годы орфографии.

Более реальные формы приняло разрешение этого чрезвычайно важного для тюрко-татарских типографий вопроса после того, как Научно-Исследовательский Институт Полиграфической промышленности НКЛП внес

в план работ на 1932 г. по сектору стандартизации разработку стандартов комплектовки книжного шрифта для восьми тюрко-татарских языков: азербайджанского, башкирского, казакского, казанско-татарского, киргизского, крымско-татарского, туркменского и узбекского.

В течение 1932 г. эта работа была закончена. В начале 1933 г. проекты стандартов были разосланы на отзыв заинтересованным организациям. Подробно о методологии этой работы говорится в статье Идрисова (в этом же сборнике), являвшегося ответственным исполнителем по данной теме.

Из всего вышесказанного ясно, что правильная комплектовка шрифта является важным рационализаторским мероприятием как для работы типографии, так и для экономии дефицитных у нас цветных металлов. Надо надеяться поэтому, что проведенные до сих пор работы по стандартизации комплектовки шрифтов русского, украинского, белорусского и восьми тюрко-татарских, явятся первым шагом к разрешению всего вопроса в целом — к установлению стандартных комплектовок для всех народов СССР.

Моментами комплектовки, однако, еще не исчерпывается необходимость подсчетов частоты применения каждой буквы алфавита и других знаков.

Этот подсчет, произведенный на основе исчерпывающих материалов имеет громадное значение для работы типографии в целом.

Прежде всего, на основе точной комплектовки строится наборная касса, в которой размещается шрифт и из которой производится набор. Она представляет собою плоский ящик с ячейками по числу букв и знаков шрифта. Ячейки эти разного объема, в зависимости от количества помещаемых в них литер. Литеры в ячейках раскладываются таким образом, чтобы наиболее часто употребляемые лежали ближе к руке наборщика. Такое расположение их способствует большей скорости набора. Насколько большое значение имеет рациональная раскладка литер в наборной кассе, показывают результаты испытаний реформированной русской кассы, разработанной, как проект стандарта, в Научно-Исследовательском Институте полиграфической промышленности НКЛП в 1932 г. Испытания показали увеличение производительности наборщика приблизительно на 6% по сравнению с производительностью при наборе из старой русской кассы, обладающей рядом недостатков. Создание рациональных стандартных наборных касс для тюрко-татарских шрифтов, равно как и для шрифтов других народов СССР является нашей ближайшей неотложной задачей.

Не имея результатов подсчета частоты литер, нельзя также построить целесообразные наборные машины. Наборная машина «линотип» имеет строго ограниченное количество каналов для матриц, с которых отливаются буквы в виде цельной строки. При больших алфавитах, не вмещающихся полностью в «магазин» линотипа, часть знаков применяется в виде ручных матриц, вставляемых в строку машинных матриц. Знаки, помещаемые на ручных матрицах, должны быть наименее употребительными, что выясняется только путем подсчета всех букв алфавита. Все знаки, матрицы которых размещаются в магазине линотипа (имеющем ряд каналов), и которые, следовательно, имеются на клавиатуре, должны быть так размещены на последней, чтобы наиболее часто употребляемые знаки находились в наиболее удобном расположении для пальцев наборщика, отчего

[1] См. Журнал «Полиграфическое производство», за 1932 г., № 9, стр. 13.

зависит быстрота набора. Таким образом, создание рациональных условий для работы наборщика на наборных машинах (а условия эти должны быть учтены уже при постройке наборных машин) упираются все в тот же подсчет частоты применения отдельных букв.

Если добавить, что этот подсчет необходим также при конструировании пишущей машинки и от него зависит то или иное расположение клавиш, то громадная важность этого подсчета для целей размножения текста как путем типографской печати, так и путем переписывания на машинке, выявляется с достаточной ясностью.

Надо еще сказать, что наборная касса, наборная машина и пишущая машина потребуют, помимо подсчета частоты знаков, также еще и подсчетов частоты сочетаний знаков, для того чтобы наиболее частые сочетания были расположены по возможности рядом. Для целей комплектовки типографского шрифта эта последняя работа не имеет значения, но она имеет громадное значение, помимо вышеперечисленных объектов, также для стенографии.

Научно-Исследовательский Институт, разработав проекты стандартов комплектовки книжного шрифта для восьми тюрко-татарских народов, при всей важности проделанной работы, тем не менее сделал только очень небольшую часть того, что необходимо сделать. Дополнительно Институт даст проекты стандартов комплектовки шрифта еще для двух тюрко-татарских народов — ногайцев и ойротов. На этом работы Института по национальным шрифтам заканчиваются из-за отсутствия дальнейших ассигнований на эту работу. Этого нельзя допускать. Нужно чтобы кто то дальше вел эту весьма необходимую для народов СССР работу.

М. И. ИДРИСОВ

РАЗРАБОТКА СТАНДАРТОВ КОМПЛЕКТОВКИ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ШРИФТОВ

Социалистическое развитие хозяйства Советского Союза, рост культуры и переход с арабского на новый латинизированный алфавит вызвали необычайный рост издательского дела и полиграфической промышленности национальных республик СССР. Вследствие этого чрезвычайно увеличилась потребность в текстовом шрифте — одном из основных типографских материалов — столь дефицитном в настоящее время. Потребность в нем еще увеличится, принимая во внимание огромные задачи, стоящие перед полиграфической промышленностью национальных республик во второй пятилетке. Эти факторы крепко поставили задачу рационального использования цветного металла в производстве типографского шрифта.

До настоящего времени для отливки шрифтов по заказу национальных типографий, работающих на новом алфавите, нет ни одной правильной комплектовки. И в дореволюционное время, при арабском алфавите, такой комплектовки не существовало. Шрифты отливались по усмотрению и в интересах хозяина словолитни, и толстая, более тяжелая буква, вроде русской прописной буквы «Ш», отпускалась весьма обильно, несмотря на ее малую ходкость в наборе. Тонкие же буквы, менее выгодные по цене — отливались в гораздо меньшем количестве, чем того требовала их ходкость.

В период перехода с арабского на новый алфавит каждым республиканским комитетом Нового Алфавита в целях создания рациональной комплектовки шрифтов был произведен подсчет частоты букв в наборе. Для этого Комитеты прибегали к помощи типографских предприятий или — реже — создавали специальные комиссии по подсчету употребляемости букв в наборе.

Такая работа в те годы проводилась с большими затруднениями. За неимением печатных произведений на Новом Алфавите, даже по основным темам, приходилось использовать для этой цели рукописные материалы. Например, башкиры для подсчета частоты знаков должны были сначала перепечатать на пишущей машинке рукописи с арабского алфавита на латинский. Ими было подсчитано 25 000 знаков по следующим видам литературы:

1) Общеполитическая литература	9 600 зн.
2) Художественная литература	9 600 »
3) Сельско-хозяйственная литература . . .	5 800 »
Всего	25 000 зн.

Туркменским Институтом Культуры было подсчитано только около 5000 знаков лишь из одного текста приблизительно в 3 страницы. По полученным от этого подсчета результатам была составлена таблица процентного соотношения лишь строчных букв, без указания частоты прописных, цифр и знаков препинания.

Таблицы Северо-Кавказского Краевого Комитета НА по комплектовке шрифтов осетинского, кабардино-балкарского, адыгейского и карачаевского языков были составлены, очевидно, в типографии, „на глазок“, и никаких сведений о методе подсчета дано не было.

Центральный Комитет Ново-Татарского Алфавита удовлетворился подсчетом лишь 1000 знаков. Проценты прописных букв и знаков препинания указаны в этой таблице весьма приблизительно. Для звуков k — q и g — ğ взято только по одному начертанию. Очевидно, подсчет производился по тексту, составленному до перехода Татарстана на унифицированный алфавит.

В 1929 г. Комитет Ново-Казакского Алфавита производил подсчет частоты знаков по двум разделам литературы — по художественному и учебникам. Подсчитано всего 36 000 знаков, и таблица утверждена комиссией специалистов.

Мы видим, что все эти подсчеты охватывали сравнительно небольшое количество знаков. Разработанные по этим подсчетам таблицы не имели под собой никакой научной базы и, следовательно, не могли быть настоящими показателями частоты знаков в наборе. С другой стороны, произошел ряд изменений в национальной орфографии. Таким образом эти подсчеты не могли помочь выработке рациональной комплектовки тюрко-татарских шрифтов.

Современные практические комплектовки словолитен также не в состоянии удовлетворить предъявляемых требований, потому что они страдают неточностью в определении частоты букв и количества их в алфавите. Например, по «универсальной» комплектовке 2-й словолитни Всероссийского Полиграфического Объединения одна и та же буква отпускается для всех тюрко-татарских типографий в одинаковом количестве, тогда как потребление этого знака в различных тюрко-татарских языках — различное. Строчная буква латинского алфавита «h» принятая у тюрко-татарских наро-

дов в фигуре русской «в» отпускается в обоих начертаниях. Также поступают с прописными буквами «У» и «Ү», имеющими одно и то же значение.

Ниже приводим примерную таблицу для сравнения фактической частоты некоторых букв с комплектовкой ВПО.

Строчн. буквы	Компл. ВПО	Фактическая частота строчных букв							
		Башк.	Казак.	Каз.-тат.	Киргиз.	Крым.	Туркм.	Тюркск.	Узбек.
а . . .	7.26	10.89	10.81	11.03	11.86	11.63	11.38	9.75	11.00
в . . .	3.21	2.33	2.43	2.66	3.40	2.48	2.45	2.29	3.06
ъ . . .	1.15	—	—	—	—	—	—	—	—
е . . .	3.21	6.10	7.65	4.90	5.50	9.24	7.58	1.82	1.75
ə . . .	4.85	6.92	0.91	7.06	—	—	0.93	9.32	7.83
і . . .	3.38	2.95	6.46	3.97	4.05	7.75	7.12	7.91	6.90
о . . .	4.34	1.23	2.16	1.95	3.22	2.78	2.45	1.91	1.54
п . . .	4.79	5.96	6.16	7.50	7.34	6.38	5.83	6.59	5.92
ө . . .	0.64	1.73	1.04	1.03	2.38	0.62	1.14	0.71	0.85
ч . . .	1.59	2.22	2.82	2.07	3.04	2.33	2.29	2.52	2.66
г . . .	7.60	6.49	5.56	7.27	5.58	6.64	6.92	7.23	6.18
ь . . .	2.61	6.29	7.78	4.12	5.50	5.29	6.82	3.96	6.56

Как видно из этой таблицы, данные универсальной комплектовки значительно расходятся с данными фактической частоты букв. В отдельных случаях, как, например, по буквам «в» и «о», комплектовка ВПО превышает фактическую частоту. В других случаях, как например, по букве «е», фактическая потребность остается неудовлетворенной, и большинство типографий получают эти буквы в недостаточном количестве. В то же время для тюркских (азербайджанских) и узбекских типографий такое количество буквы «е» является преувеличенным. У киргизов и крымских татар буква «ə» отсутствует, но несмотря на это словолитня посылает им эту букву в большом количестве.

Тюрко-татарские типографии, не удовлетворяясь существующей комплектовкой, стали направлять в словолитню при заказе свои таблицы. Но уже при первом взгляде на эти таблицы можно установить, что они составлены просто «на глазок», исходя из кубатуры клеток шрифткассы. Примером может служить таблица комплектовки книжного шрифта, составленная Узбекским Полиграфобъединением. В ней отношение прописных букв к общему итогу знаков составляет 14.91%, в то время, когда наибольшая частота таковых, наблюдаемая в художественной литературе, не превышает в среднем 3.5%.

Существующее положение в комплектовке шрифтов нового алфавита далеко не соответствует требованиям современного наборного дела. Потребитель, получая шрифт с соотношением букв, не соответствующим действительной потребности, поневоле выбрасывает из оборота ненужные ему буквы, вследствие чего наблюдается плохая оборачиваемость шрифта в наборных кассах и омертвление дефицитного металла. При недостаточном же количестве букв в комплекте возникает необходимость мелких приливок, влеку-

щих излишнюю затрату средств и времени в словолитнях. Вместе с тем отсутствие рациональной комплектовки влияет на производительность труда наборщиков и не дает возможности установить распланировку наборной кассы и правильно организовать рабочее место наборщика.

Недостатки комплектовки тюрко-татарских шрифтов привлекли наконец серьезное внимание полиграфистов. В недрах Научно-Технического Совета Полиграфической Промышленности ВСНХ в 1931 г. возникла идея создания стандартных комплектовок для тюрко-татарских народов. Ее инициатором был ученый секретарь НТС'а тов. Проскурнин, ведавший в Совете также вопросом стандартизации. Однако за неимением специальных ассигнований, в НТС'е эта работа не могла быть проведена. В середине 1931 г. был создан Научно-Исследовательский Институт Полиграфической Промышленности. Вместе с тов. Проскурниным к нему перешли от НТС'а все дела по стандартизации. Здесь снова был поднят вопрос о необходимости стандартизации комплектовок шрифта для национальностей СССР, в первую очередь для тюрко-татарских народов. Идея тов. Проскурнина была поддержана заведующим сектором стандартизации Института тов. Икономовым. Всероссийское Полиграфическое Объединение отпустило средства для проработки данной темы. Ответственным исполнителем по этой теме был приглашен автор настоящей статьи.

Создание стандартов комплектовки тюрко-татарских шрифтов в условиях значительного развития национальной печати в СССР несомненно актуальная задача, имеющая довольно существенное практическое значение. Эта работа представляет первый серьезный опыт установления комплектовки шрифтов национальной печати, издающейся на Новом Алфавите.

Эта задача может быть осуществлена лишь при соблюдении следующих основных требований:

а) Для каждого языка должна быть установлена своя комплектовка на основе подсчета значительного количества знаков в литературе.

б) Должна быть обеспечена возможность максимальной выборки знаков из наборной кассы с минимальным количеством нереализованного остатка.

в) Должны быть доведены до минимума подсыпки (пополнения) букв в процессе работы.

г) Должна быть уменьшена до минимума необходимость приливки букв.

Стандарты были разработаны для следующих языков: 1) башкирского, 2) казакского, 3) казанско-татарского, 4) киргизского, 5) крымско-татарского, 6) ногайского, 7) ойротского, 8) туркменского, 9) тюркского (азербайджанского) и 10) узбекского.

В основу разработки стандартов положено обследование частоты знаков в различных видах литературы по каждому языку. Объекты для подсчета знаков были установлены соответственно удельному весу отдельных видов литературы по их листажу, предусмотренному планами национальных издательств. По этим данным соотношение листажа в литературе разных видов сведены, в среднем, к следующей номенклатуре:

Наименование литературы	% к итогу
1. Политическая литература	20.0
2. Сельско-хозяйственная	25.0
3. Художественная	20.0
4. Техническая	17.5
5. Военная	7.5
6. Антирелигиозная	5.0
7. Общий раздел	5.0
Итого	100

Как видно из этой таблицы, где объединены данные по всем языкам, наибольший удельный вес имеют сельскохозяйственная, политическая и художественная литература. По некоторым языкам были отклонения в силу низкого процента того или другого раздела по сравнению с разделами других языков, а также и потому, что ко времени подсчета не по всем видам литературы имелись книги, напечатанные по новой орфографии или на латинском алфавите.

Подсчет знаков производился по нескольким книгам из каждого раздела и по отрывкам из различных страниц. Всего подсчитано 1.268.372 знака, распределение которых по отдельным языкам указано в следующей таблице:

Наименование языков	Количество знаков	книг
1. Башкирский	137.866	29
2. Казакский	129.827	36
3. Казанско-татарский	134.858	42
4. Киргизский	146.484	34
5. Крымско-татарский	111.817	27
6. Ногайский	85.806	6
7. Ойротский	116.874	21
8. Туркменский	124.773	25
9. Тюркский (азербайджанский)	135.461	34
10. Узбекский	144.606	38
Итого	1.268.372	292

Частота встречаемости каждого знака суммировалась сначала на отдельных таблицах по каждому разделу, потом на сводной таблице по всем видам литературы данного языка. Сумма каждого знака на сводной таблице процентировалась к общему итогу всех знаков. На основе этих данных были разработаны проекты стандарта.

При разработке проектов стандартов средние проценты, характеризующие встречаемость знаков, не могли быть механически приняты за основу, так как результаты обследования показали значительные отклонения некоторых знаков от среднего удельного веса в сторону увеличения. Например, прописные буквы, употребляемые в тюрко-татарских языках в среднем в размере 1.42% по отношению к итогу всех знаков, в художественной литературе доходят до 3.10% (в казанско-татарском языке). Поэтому перед нами встал вопрос об установлении удельного веса прописных букв в комплектовке. Оставить прописные буквы в их средне-взвешенном количестве (1.42%) в виду наличия отклонений, конечно, нельзя. Руководствоваться в данном случае русской комплектовкой ОСТ 503 также нецелесообразно, потому что определение в ней прописных букв производилось без всякого научного обследования. Как известно, удельный вес прописных букв в ОСТ 503 в размере 7.16% был установлен лишь на основе вероятности значительного их потребления в некоторых видах набора. Вследствие этого мы базировались на цифровых данных максимальной частоты их в художественной литературе. Проценты прописных по отдельным языкам и видам литературы видны из следующей таблицы:

Наименование языков	Сель-хоз.	По-лит.	Ху-дож.	Техн.	Анти-религ.	Воен.	Исто-рия	Об-щая	Средн. взве-шан.
1. Башкирск.	1.20	1.30	2.76	1.27	1.08	1.41	1.70	—	1.63
2. Казакск.	1.61	0.99	1.00	0.22	—	1.40	1.23	0.66	1.14
3. Каз.-татарск.	1.15	1.25	3.10	1.39	1.27	2.20	0.54	1.41	1.62
4. Киргизск.	0.74	1.27	2.44	1.24	—	1.24	0.05	1.19	1.30
5. Крым.-татарск. . . .	1.61	1.20	1.58	1.31	1.32	—	1.40	2.63	1.51
6. Туркменск.	0.56	0.88	2.50	—	0.68	—	1.29	1.15	1.23
7. Тюркск.	1.21	1.48	2.11	1.53	2.20	1.49	0.74	—	1.55
8. Узбекск.	0.68	1.13	2.75	1.58	1.01	1.26	2.14	0.72	1.42

Как видно из этой таблицы, максимальная частота прописных букв в книжном наборе имеет место в художественной литературе казанско-татарского языка, доходя до 3.10%, по отношению к итогу всех знаков.[1] Основываясь на этом, мы повысили до 4% удельный вес прописных букв в комплекте для всех языков. При этом процент наименее ходовых букв увеличивался еще в 5-10 раз с таким расчетом, чтобы на каждые 10 000 знаков в комплекте приходилось не менее 5 букв.

По тем же соображениям увеличивался процент наименее употребительных строчных букв. Здесь признано необходимым при комплекте в 10 000 знаков иметь не менее 8 букв.

Помимо этих подсчетов, в целях более точного определения процентного соотношения отдельных прописных букв между собою, нами был произведен дополнительный подсчет только одних прописных в тексте. Дело в том, что частота прописных букв в тексте, как известно, равна в среднем 1.5% (по 8 языкам) по отношению ко всем знакам. Следовательно, при обычном подсчете частота прописных букв дает очень малую цифру по сравнению с цифрами частоты строчных букв. Так, в тексте, вмещающем 134.858 знаков (казанско-татарский язык) оказалось всего 2183 прописных буквы. Такое сравнительно малое количество подсчитанных прописных букв не могло бы служить основанием для определения более точного соотношения прописных букв между собою. Произведенные нами по всем языкам дополнительные подсчеты прописных букв в размере около 10% по отношению к строчным буквам представляют более точные и близкие к истине цифры. Для установления в стандарте соотношения этих букв между собою мы использовали данные этого последнего подсчета.

Знаки препинания, по нашим наблюдениям, употребляются больше всего в художественной литературе, доходя в некоторых языках до 6%. Поэтому было целесообразно повысить общее количество знаков препинания для всех языков до 6.18%, как это установлено в русской комплектовке.

[1] В стихах прописные буквы употребляются в количестве 5%, доходя при коротких строках до 7%. Поскольку, однако, набор стихов относится к специальным видам набора,— такая цифра не может быть решающей при определении удельного веса прописных в комплектовке книжного шрифта. Между прочим, мы произвели подсчет частоты прописных букв в заголовках, и он дал всего 0.76% по отношению к общему количеству знаков в тексте.

Стандарты наши не предусматривают табличного набора, требующего большого количества цифр, которые для этой цели отпускаются словолитнями по особому заказу. Однако стандарты дают возможность набирать вывода и мелкие таблицы в книжном тексте, так как удельный вес цифр в стандартах увеличен до 1.33%, как и в русской комплектовке ОСТ 503.

Проверяя возможность объединения комплектовок двух и более языков в одном стандарте, мы сопоставили частоту каждой буквы в разных языках. Оказалось, что частота букв лишь в редких случаях совпадает. Особенно различна частота наиболее ходовых гласных. Вследствие этого мы должны были признать целесообразным создание самостоятельной комплектовки для каждого языка.

Происшедшие орфографические изменения в тюркском (азербайджанском) языке в отношении букв q — k, ƣ — g, c — ç, u — y также нашли свое отражение в предлагаемом нами стандарте.

Мы пользовались из печатных произведений на казанско-татарском языке большей частью книгами, напечатанными по старой орфографии, где буква «е» и «ә» в заимствованных иностранных словах была заменена буквой «і», как «Linin», «riforma», «iliktrik» и т. д. Текст был нами исправлен, до производства подсчета, соответственно нововведенному правилу в орфографии этого языка и везде проставлена буква «е». Цифровые данные этого подсчета приводим в следующей таблице:

Буквы	Частота в % ко всем знакам		
	При старой орфографии	При новой орфографии	Разница
е	4.363	4.904	+ 0.541
ә	7.035	7.057	+ 0.022
і	4.535	3.972	— 0.563

Так в связи с введением нового правила в орфографию о замене «і» на «е» в заимствованных иностранных словах, частота буквы «і» понизилась в среднем на 0.563% в пользу букв «е» и «ә». Больше всего встречались такие слова в истории, где исправление букв доходило до 1.080%, в технической литературе — до 0.970% и в политической — до 0.740%. Меньше всего пришлось заменять буквы в художественной литературе (0.185%).

Применение выработанных стандартов на практике не устраняет, конечно, полностью приливок, так как реализация букв в процессе набора целиком зависит от содержания текста; не только в разных видах литературы, но и в одной, скажем, в художественной литературе, реализация букв происходит по-разному, в зависимости от стиля данного писателя. Вследствие этого нами введена в стандартах оговорка о том, что словолитням разрешается исполнять заказы на добавочные буквы, знаки препинания и цифры. Но, понятно, приливки будут более редкими и меньшими по объему, чем в настоящее время, ибо стандарты в достаточной степени близки к действительной потребности.

Ниже приводим три таблицы фактической частоты прописных и строчных и установленные на них нормы в стандартах комплектовки, а также один стандарт по казанско-татарскому языку. На этом же стандарте приведены установленные для всех языков нормы знаков препинания и цифр.

Опытная проверка стандартов была произведена по стандартам комплектовки казакского, киргизского и казанско-татарского языков. С этой целью была составлена таблица на 7000 знаков, исходя из расчета соответствующих комплектовок. Затем был сделан расчет расходования этих знаков для набора текста. Текст был взят на-выборку из книг по сельскохозяйственному, политическому и художественному разделам. Подсчет производился до момента израсходования 80% комплектовки, т. е. 5600 знаков.

При подсчете расходования знаков потребовалось добавить некоторые буквы, часто встречавшиеся в словах, свойственных данному тексту. Каждое добавление записывалось, чтобы определить, при каком проценте расходования знаков потребовалось добавление букв. Также фиксировалось количество добавленных букв в отдельности, чтобы выявить процент отклонений от стандартов в процессе набора различных по содержанию текстов. Ниже приводим результаты подсчета израсходования букв по текстам казанско-татарского языка.

Наименование раздела	Добавленная буква	% общ. колич. израсх. буквы к моменту добавления	Количество букв в комплекте		Отклонения (добавления)		Часто встречавшиеся слова в данном тексте
			В %	В абсол. цифрах	В абсол. цифрах	В %	
Политическ. . . .	Р	49.54	1.33	94	35	37.23	tatarstan promьjslennost predpriətiə prosent produksiə и т. д.
	o	58.75	1.83	129	46	35.38	
	t	70.57	4.60	322	40	12.50	
	h	70.68	0.49	34	3	8.82	
	s	72.38	2.38	167	13	7.78	
	n,	72.65	0.99	70	6	8.57	
	ş	75.25	1.73	121	6	5.00	
Художественн. .	d	65.15	2.30	161	36	22.50	Глаголы с окончанием прошедшего времени de, dь; Əbi, Arslanof
	f	72.40	0.37	26	—	—	
	j	73.77	1.83	129	14	10.77	
	q	79.20	1.94	136	5	3.68	
	A	—	0.28	17	19	111.00	
	Э	—	0.14	8	6	75.00	

Как видно из этой таблицы, буква «р» стала добавляться с того момента, когда была реализована лишь половина комплектовки. Это произошло потому, что в данном тексте необычайно много было слов, начинающихся с буквы «р», удельный вес которой в комплектовке на 7000 букв не превышал 94 штук, т. е. 1.33% по отношению к итогу всех знаков. К этой букве было добавлено еще 35 единиц, что составляет 37.23% по отношению к первоначальному количеству этой буквы. В том же разделе

I. ФАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТОТА СТРОЧНЫХ БУКВ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЯЗЫКАХ И УСТАНОВЛЕННАЯ НОРМА В СТАНДАРТАХ

Буквы	1. Башкирский язык			2. Казакский язык			3. Каз.-татарский яз.			4. Киргизский язык		
	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.
	Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%	
a	15.013	10.89	10.21	14.032	10.81	10.05	14.871	11.03	10.35	17.374	11.86	11.08
b	3.219	2.34	2.19	3.152	2.43	2.26	3.587	2.66	2.50	4.999	3.41	3.18
c	44	0.03	0.09	2.129	1.64	1.53	1.936	1.43	1.35	2.298	1.57	1.47
ç	—	—	—	2.112	1.63	1.51	530	0.40	0.43	2.700	1.84	1.72
d	2.393	1.73	1.63	5.490	4.23	3.94	3.298	2.45	2.30	5.771	3.94	3.68
e	8.408	6.10	5.72	9.933	7.65	7.12	6.613	4.90	4.61	8.067	5.51	5.15
ə	9.539	6.92	6.49	1.175	0.90	0.97	9.517	7.06	6.62	—	—	—
f	418	0.30	0.33	—	—	0.08	462	0,34	0.37	5	0.01	0.08
g	1.384	1.00	0.94	1.378	1.06	1.10	1.561	1.16	1.09	1.428	0.97	1.00
ɣ	2.080	1.51	1.41	1.748	1.35	1.25	2.168	1.61	1.51	2.238	1.53	1.43
h	2.050	1.49	1.39	—	—	0.08	634	0.47	0.49	—	—	0.08
i	4.070	2.95	2.77	8.384	6.46	6.00	5.357	3.97	3.73	5.930	4.05	3.77
j	4.370	3.17	2.97	3.001	2.31	2.15	2.628	1.95	1.83	3.185	2.17	2.02
k	3.961	2.87	2.69	3.935	3.03	2.82	4.025	2.99	2.80	3.866	2.64	2.45
l	8.049	5.84	5.47	6.106	4.70	4.37	8.688	6.44	6.05	6.776	4.63	4.31
m	3.306	2.40	2.25	3.235	2.49	2.32	3.349	2.48	2.33	3.363	2.30	2.14
n	8.222	5.96	5.59	7.992	6.16	5.72	10.110	7.50	7.04	10.748	7.34	6.86
ŋ	1.493	1.08	1.02	2.025	1.56	1.45	1.429	1.06	0.99	931	0.63	0.71
o	1.690	1.23	1.15	2.811	2.17	2.02	2.628	1.95	1.83	4.715	3.22	3.01
ö	2.384	1.73	1.62	1.352	1.04	1.09	1.393	1.03	0.97	3.480	2.38	2.21
p	1.928	1.40	1.31	2.481	1.91	1.78	1.915	1.42	1.33	1.954	1.33	1.25
q	3.059	2.22	2.08	3.665	2.82	2.62	2.789	2.07	1.94	4.448	3.04	2.83
r	8.950	6.49	6.09	7.214	5.56	5.17	9.808	7.27	6.83	8.175	5.58	5.21
s	3.240	2.35	2.20	5.078	3.91	3.64	3.415	2.53	2.38	3.012	2.06	1.91
ş	2.581	1.87	1.75	—	—	—	2.483	1.84	1.73	2.861	1.95	1.82
t	7.464	5.41	5.08	6.738	5.19	4.83	6.600	4.89	4.60	7.772	5.31	4.97
u	3.360	2.44	2.28	2.239	1.73	1.60	3.956	2.93	2.75	6.977	4.76	4.45
v	2.098	1.52	1.43	1.927	1.48	1.38	591	0.44	0.46	29	0.02	0.10
x	781	0.57	0.58	—	—	0.08	809	0.60	0.57	47	0.03	0.16
y	1.171	0.85	0.84	1.660	1.28	1.19	1.839	1.36	1.28	4.853	3.31	3.09
z	536	0.39	0.41	1.562	1.20	1.12	2.089	1.55	1.45	1.903	1.30	1.22
ƶ	248	0.18	0.20	—	—	—	86	0.06	0.12	—	—	—
ь	8.671	6.29	5.90	10.106	7.78	7.25	5.549	4.12	3.86	8.050	5.49	5.13
d	3.026	2.19	2.06	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ь	446	0,33	0.35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	129.652	94.04	88.49	122.660	94.48	88.49	126.713	93.96	88.49	137.955	94.18	88.49

Буквы	5. Крымско-татарск. яз.			6. Туркменский язык			7. Тюркск. (азербайдж.)			8. Узбекский язык		
	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.
	Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%	
a	13.006	11.63	10.94	14.199	11.38	10.60	13.205	9.75	9.14	15.900	11.00	10.28
b	2.775	2.48	2.33	3.053	2.45	2.28	3.097	2.29	2.14	4.430	3.06	2.86
c	1.193	1.07	1.00	1.553	1.24	1.16	1.239	0.92	0.88	1.737	1.20	1.12
ç	752	0.67	0.68	745	0.60	0.64	1.078	0.80	0.81	676	0.47	0.50
d	4.414	3.95	3.71	5.177	4.15	3.86	6.426	4.74	4.45	5.119	3.54	3.31
e	10.327	9.24	8.69	9.457	7.58	7.05	2.470	1.82	1.71	2.534	1.75	1.64
ə	—	—	—	1.163	0.93	0.93	12.625	9.32	8.74	11.317	7.83	7.32
f	547	0.49	0.51	87	0.07	0.13	811	0.60	0.62	585	0.40	0.44
g	962	0.86	0.83	1.641	1.31	1.22	1.169	0.86	0.85	1.451	1.00	0.94
ɣ	1.232	1.10	1.04	1.363	1.09	1.02	929	0.69	0.71	2.039	1.41	1.32
h	756	0.68	0.69	1.357	1.09	1.01	1.374	1.02	0.95	1.249	0.86	0.86
i	8.663	7.75	7.29	8.881	7.12	6.63	10.717	7.91	7.42	9.976	6.90	6.45
j	2.718	2.43	2.29	4.293	3.44	3.20	3.210	2.37	2.22	3.568	2.47	2.31
k	3.346	2.99	2.81	2.470	1.98	1.85	2.603	1.92	1.80	3.811	2.63	2.46
l	6.712	6.00	5.65	8.519	6.83	6.36	8.327	6.15	5.77	8.950	6.19	5.79
m	3.070	2.74	2.58	3.901	3.13	2.91	4.638	3.42	3.21	4.087	2.83	2.64
n	7.131	6.38	6.00	7.342	5.88	5.48	8.931	6.59	6.18	8.566	5.92	5.54
ŋ	1.294	1.16	1.09	1.771	1.42	1.32	—	—	—	1.528	1.06	0.99
o	2.437	2.18	2.05	3.061	2.45	2.29	2.586	1.91	1.79	2.222	1.54	1.44
ö	691	0.62	0.64	1.425	1.14	1.06	966	0.71	0.72	2.236	0.85	0.84
p	864	0.77	0.76	2.022	1.62	1.51	676	0.50	0.52	933	0.64	0.66
q	2.611	2.33	2.20	2.864	2.29	2.14	3.414	2.52	2.36	3.843	2.66	2.48
r	7.422	6.64	6.24	8.638	6.92	6.45	9.797	7.23	6.78	8.935	6.18	5.78
s	3.261	2.92	2.74	2.686	2.15	2.01	3.796	2.80	2.63	3.576	2.47	2.31
ş	1.545	1.38	1.30	2.067	1.66	1.54	2.192	1.62	1.52	2.811	1.94	1.82
t	4.097	3.66	3.45	3.338	2.67	2.49	4.294	3.17	2.97	5.504	3.81	3.55
u	2.066	1.85	1.74	1.650	1.32	1.23	3.742	2.76	2.59	2.875	1.99	1.86
v	1.476	1.32	1.24	1.318	1.06	0.98	1.754	1.30	1.21	1.885	1.30	1.22
x	374	0.33	0.36	214	0.17	0.21	587	0.43	0.47	938	0.65	0.67
y	1.604	1.43	1.35	1.111	0.89	0.91	3.145	2,32	2.18	2.477	1.71	1.60
z	1.459	1.31	1.23	2.111	1.69	1.58	1.938	1.43	1.34	1.946	1.35	1.26
ƶ	32	0.03	0.08	23	0,02	0.08	45	0.03	0.09	47	0.03	0.09
ь	5.916	5.29	4.98	8.505	6.82	6.35	5.365	3.96	3.72	9.489	6.56	6.14
d	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	104.753	93.68	88.49	118.005	94.56	88.49	127.146	93.86	88.49	136.240	94.20	88.49

II. ФАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТОТА ПРОПИСНЫХ БУКВ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЯЗЫКАХ И УСТАНОВЛЕННАЯ НОРМА В СТАНДАРТАХ

Буквы	1. Башкирский язык			Казакский язык			3. Каз.-татарский яз.			4. Киргизский язык		
	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.
	Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%	
A	122	0.09	0.20	88	0.07	0.22	189	0.14	0.28	252	0.17	0.46
B	373	0.27	0.60	194	0.13	0.47	252	0.19	0.41	256	0.16	0.47
C	1	0.01	0.05	37	0.03	0.09	38	0.03	0.10	35	0.02	0.06
Ç	—	—	—	82	0.06	0.20	45	0.03	0.05	143	0.09	0.26
D	41	0.03	0.07	22	0.02	0.07	59	0.04	0.09	39	0.03	0.07
E	34	0.02	0.06	96	0.07	0.23	25	0.02	0.06	86	0.05	0.15
Ə	66	0.05	0.11	30	0.02	0.08	90	0.07	0.14	—	—	—
F	12	0.01	0.05	—	—	0.05	18	0.01	0.05	1	0.01	0.05
G	23	0.01	0.05	7	0.01	0.05	21	0.02	0.05	17	0.01	0.05
Ğ	17	0.01	0.05	2	0.01	0.05	28	0.02	0.05	2	0.01	0.05
H	63	0.04	0.10	—	—	0.05	17	0.01	0.05	—	—	0.05
I	77	0.06	0.12	32	0.03	0.08	47	0.04	0.08	25	0.02	0.05
J	113	0.08	0.18	15	0.01	0.05	77	0.06	0.11	10	0.01	0.05
K	153	0.11	0.24	103	0.08	0.26	151	0.11	0.27	135	0.09	0.24
L	71	0.05	0.11	24	0.02	0.07	54	0.04	0.14	17	0.01	0.05
M	98	0.07	0.16	110	0.08	0.26	172	0.13	0.30	136	0.09	0.25
N	24	0.01	0.05	24	0.02	0.07	43	0.03	0.07	29	0.02	0.05
Ň	1	0.01	0.05	2	0.01	0.05	9	0.01	0.05	1	0.01	0.05
O	28	0.02	0.05	118	0.09	0.27	23	0.02	0.05	99	0.07	0.18
Ө	30	0.02	0.05	28	0.02	0.08	13	0.01	0.05	38	0.03	0.07
P	39	0.03	0.06	64	0.05	0.16	56	0.04	0.14	37	0.03	0.07
Q	94	0.07	0.15	95	0.07	0.22	111	0.08	0.11	174	0.12	0.32
R	35	0.02	0.06	12	0.01	0.05	38	0.03	0.10	18	0.01	0.05
S	140	0.10	0.23	146	0.10	0.35	179	0.13	0.31	97	0.06	0.18
Ş	111	0.08	0.18	—	—	—	115	0.08	0.19	9	0.01	0.05
T	119	0.08	0.19	54	0.05	0.13	97	0.07	0.18	141	0.09	0.25
U	188	0.13	0.30	27	0.02	0.07	86	0.06	0.15	22	0.02	0.05
V	44	0.03	0.07	12	0.01	0.05	31	0.02	0.05	19	0.01	0.05
X	60	0.04	0.10	14	0.01	0.05	49	0.04	0.11	4	0.01	0.16
Y	39	0.03	0.06	22	0.02	0.07	30	0.02	0.06	20	0.01	0.05
Z	16	0.01	0.05	9	0.01	0.05	17	0.01	0.05	9	0.01	0.05
Ƶ	1	0.01	0.05	—	—	—	—	—	0.05	—	—	—
Ь	3	0.01	0.05	13	0.01	0.05	3	0.01	0.05	34	0.02	0.06
Э	6	0.01	0.05	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ъ	—	—	0.05	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	2.243	1.62	4.00	1.482	1.14	4.00	2.183	1.62	4.00	1.905	1.30	4.00

Буквы	5. Крымско-татарск. яз.			6. Туркменский язык			7. Тюркск. (азербайдж.)			8. Узбекстий язык		
	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.	Факт. частота		Устан. станд.
	Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%		Абсол. цифры	%	
A	108	0.09	0.24	81	0.06	0.20	182	0.13	0.33	120	0.08	0.25
B	277	0.25	0.61	164	0.13	0.40	415	0.31	0.76	258	0.18	0.54
C	36	0.03	0.08	42	0.03	0.10	30	0.02	0.05	37	0.02	0.07
Ç	33	0.03	0.07	34	0.03	0.08	29	0.02	0.05	37	0.02	0.05
D	39	0.03	0.09	54	0.04	0.13	81	0.06	0.15	79	0.05	0.09
E	66	0.06	0.15	84	0.07	0.20	26	0.02	0.05	41	0.03	0.08
Ə	—	—	—	4	0.01	0.05	56	0.04	0.10	83	0.06	0.13
F	31	0.03	0.07	4	0.01	0.05	30	0.02	0.05	27	0.02	0.05
G	14	0.01	0.05	46	0.04	0.11	62	0.05	0.11	40	0.03	0.06
Ğ	6	0.01	0.05	3	0.01	0.05	19	0.02	0.05	18	0.01	0.05
H	28	0.02	0.06	52	0.04	0.13	75	0.06	0.14	62	0.04	0.12
I	49	0.04	0.11	59	0.05	0.14	68	0.05	0.12	43	0.03	0.07
J	55	0.05	0.12	96	0.08	0.23	95	0.07	0.17	96	0.07	0.13
K	108	0.10	0.24	73	0.06	0.18	49	0.03	0.09	132	0.09	0.27
L	35	0.03	0.08	28	0.02	0.07	44	0.03	0.08	54	0.04	0.11
M	97	0.09	0.21	104	0.08	0.25	122	0.09	0.22	111	0.08	0.27
N	33	0.03	0.07	17	0.01	0.05	53	0.04	0.10	44	0.03	0.08
Ň	—	—	0.05	3	0.01	0.05	—	—	—	1	—	0.05
O	95	0.08	0.21	143	0.11	0.35	97	0.07	0.18	37	0.03	0.07
Ө	12	0.01	0.05	21	0.02	0.05	16	0.01	0.05	39	0.03	0.06
P	42	0.04	0.09	37	0.03	0.09	32	0.02	0.06	62	0.04	0.11
Q	113	0.10	0.25	71	0.06	0.17	115	0.09	0.21	69	0.05	0.19
R	39	0.03	0.09	12	0.01	0.05	31	0.02	0.06	47	0.03	0.08
S	109	0.10	0.24	58	0.05	0.14	90	0.07	0.16	126	0.09	0.21
Ş	29	0.03	0.06	85	0.07	0.21	71	0.05	0.13	72	0.05	0.16
T	66	0.06	0.15	48	0.04	0.12	78	0.06	0.14	94	0.06	0.16
U	36	0.03	0.08	15	0.01	0.05	9	0.01	0.05	68	0.05	0.15
V	67	0.06	0,15	16	0.01	0.05	32	0.02	0.06	21	0.02	0.06
X	36	0.03	0.08	3	0.01	0.05	42	0.03	0.08	37	0.03	0.07
Y	3	0.01	0.05	14	0.01	0.05	18	0.01	0.05	14	0.01	0.05
Z	18	0.02	0.05	16	0.01	0.05	24	0.02	0.05	14	0.01	0.05
Ƶ	2	—	0.05	—	—	0.05	—	—	0.05	—	—	0.05
Ь	3	0.01	0.05	18	0.01	0.05	8	0.01	0.05	29	0.02	0.06
Э	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1.685	1.51	4.00	1.505	1.23	4.00	2.099	1.55	4.00	2.012	1.40	4.00

Научно-исследовательский Институт Полиграфпромышленности НКЛП СССР	Ведомственный стандарт	НИИП 81—4
	ШРИФТ КАЗАКСКО-ТАТАРСКИЙ КНИЖНЫЙ	Проект
Сектор стандартизации	Комплектовка	

Строчные			Прописные			Знаки препинания		
Наименование	% к итогу строчных	% ко всему итогу	Наименование	% к итогу прописных	% ко всему итогу	Наименование	% к итогу знаков препинания	% ко всему итогу
a	11.70	10.35	A	7.00	0.28	Точка . . .	19.58	1.21
в	2.83	2.50	B	10.25	0.41	Запятая . .	33.50	2.07
c	1.53	1.35	C	2.50	0.10	Дефис . . .	14.24	0.88
ç	0.48	0.43	Ç	1.25	0.05	Двоеточие .	3.07	0.19
d	2.60	2.30	D	2.25	0.09	Точка с зап.	3.07	0.19
e	5.21	4.61	E	1.50	0.06	Знак вопрос.	3.07	0.19
ə	7.48	6.62	F	3.50	0.14	» воскл.	3.07	0.19
f	0.42	0.37	Ə	1.25	0.05	Ковычки .	3.07	0.19
g	1.23	1.09	G	1.25	0.05	Тире . . .	5.50	0.34
ğ	1.71	1.51	Ğ	1.25	0.05	Скобки (кр.)	4.70	0.29
h	0.55	0.43	H	1.25	0.05	» (прям.)	0.65	0.04
i	4.21	3.73	I	2.00	0.08	Звездочка .	1.62	0.10
j	2.07	1.83	J	2.75	0.11	Апостроф .	1.62	0.10
k	3.16	2.60	K	6.75	0.27	Параграф .	1.62	0.10
l	6.84	6.05	L	3.50	0.14	Номер . .	1.62	0.10
m	2.63	2.33	M	7.50	0.30			
n	7.96	7.04	N	1.75	0.07	Итого . .	100	6.18
ŋ	1.12	0.99	Ŋ	1.25	0.05			
o	2.07	1.83	O	1.25	0.05	Ц и ф р ы		
ө	1.10	0.97	Ө	1.25	0.05			
p	1.50	1.33	P	3.50	0.14		% к итогу цифр	% ко всему итогу
q	2.19	1.94	Q	2.75	0.11			
r	7.72	6.83	R	2.50	0.10			
s	2.69	2.38	S	7.75	0.31			
ş	1.95	1.73	Ş	4.75	0.19	1	20.30	0.27
t	5.20	4.80	T	4.50	0.18	2	12.77	0.17
u	3,11	2.75	U	3.75	0.15	3	9.77	0.13
v	0.52	0.46	V	1.25	0.05	4	7.52	0.10
x	0,64	0.57	X	2.75	0.11	5	8.27	0.11
y	1.45	1.28	Y	1.50	0.06	6	6.02	0.08
z	1.63	1.45	Z	1.25	0.05	7	6.02	0.08
ƶ	0.14	0.12	Ƶ	1.25	0.05	8	6,02	0.08
ь	4.36	3.86	Ь	1.25	0.05	9	6.02	0.08
						0	17.29	0.23
Итого	100	88.49	Итого	100	4.00	Итого . .	100	1.33

Примечание: Разрешается словолитням исполнять заказы на добавочное количество отдельных букв, знаков и цифр (приливки).

буква «§» была израсходована лишь под конец. Добавлено всего 6 штук «§», т. е. 5% всего ее первоначального количества. Наиболее употребительные буквы ни в одном языке не потребовали добавления. Около 9% строчной буквы «а» в каждом пробном подсчете оставалось в комплекте нереализованным. По менее же употребительным строчным буквам добавление доходило иногда до 60% по отношению к их первоначальному количеству. Очевидно, такого рода добавления происходят потому, что всякое отклонение буквы от установленной средне-взвешенной нормы дает высокий процент по отношению к малоупотребительной букве в наборной кассе, а по наиболее ходовой букве такое же отклонение является незначительным. Вследствие этого всякое более или менее значительное изменение в тексте раньше всего чувствуется у малоходовых букв. Для примера возьмем слова, начинающиеся буквами «pr» в политическом разделе вышеприведенной таблицы. Обе буквы в этих словах израсходованы равномерно. Но несмотря на это, добавлять пришлось только менее ходовую букву «p», а для «r» добавления не потребовалось, потому что последняя представляет более ходовую букву. Также в слове «tatarstan» менее ходовые буквы «t» и «s» потребовали добавления, а количество более ходовых букв «r» и «n» оказалось вполне достаточным. Буква же «a» в данном случае осталась нереализованной в размере почти 25% по отношению к ее первоначальному количеству.

В следующей таблице приводятся данные, характеризующие дополнение букв в процессе подсчета.

Удельный вес букв по стандарту	Количество добавлений	%
до 1.5%	17	43.59
„ 2.0%	11	28.21
„ 3.0%	4	10.25
„ 4.0%	3	7.69
„ 5.0%	2	5.13
„ 7.3%	2	5.13
свыше 7.3%	—	—
Итого	39	100

Эта таблица показывает частое добавление наименее ходовых букв. Это значит, что чем меньше удельный вес буквы в клетке наборной кассы, тем больше нужда в добавлении.

Такой вывод дает нам основание предполагать целесообразность прогрессивного повышения количества малоходовых букв за счет уменьшения наиболее употребительных. Этим была бы достигнута наибольшая оборачиваемость шрифта в наборных кассах и следовательно более рациональная постановка наборного дела. Но поскольку указанная проверка произведена Институтом лишь по комплектовкам в объеме одной наборной кассы, — этот сделанный нами вывод может касаться лишь районных и колхозных типографий с малым количеством шрифтового инвентаря. Введенная в стандартах оговорка о возможности заказов на добавочные буквы и знаки больше всего отвечает требованиям именно мелких типографий.

Поскольку опытная проверка не произведена еще в широком объеме и непосредственно в производстве, — делать какие-либо серьезные изменения в стандарте еще не приходится. Тем не менее эти стандарты являются богатым материалом для рационализации использования шрифтового хозяйства в тюрко-татарских типографиях. Помимо этого стандарты могут быть использованы при разработке проектов тюрко-татарских наборных касс, клавиатур наборных и пишущих машин.

Переход тюрко-татарских типографий при заказе шрифта на эти стандарты приведет к следующим положительным результатам. Прежде всего каждая тюрко-татарская типография будет получать шрифт применительно к своему алфавиту и в количествах, более соответствующих фактической частоте потребления. Тем самым будет создана возможность лучшей организации наборных цехов. Кроме того освободится шрифт, который в настоящее время является излишним для комплектовки и лежит в типографиях мертвым капиталом. Количество этого шрифта по подсчетам Института составляет до 20% по строчным буквам и около 25% по комплектовке в целом. Вместе с тем излишек дефицитного цветного металла, идущего на этот шрифт, можно будет использовать более продуктивно.

ДЕРБЫШЕВ

НАБОРНЫЕ МАШИНЫ ДЛЯ НАЦЯЗЫКОВ

Появление в начале прошлого столетия скоропечатных машин направило изобретательскую мысль по пути ускорения процесса набора. В XIX столетии мы видим попытки целого ряда изобретателей создать наборную машину. Главным образом пытались изобрести машину, посредством которой можно было бы набирать и разбирать обычный ручной шрифт. Почти все эти попытки кончались неудачей, и лишь небольшому числу изобретателей удалось продемонстрировать модели этих нежизненных по самой идее машин. Только в конце прошлого столетия почти одновременно появились в свет наборные машины, отливающие или целиком строки, или в отдельности буквы. Особенность их та, что они дают всегда новый шрифт, ибо использованный в наборе шрифт уже не поступает в разбор, как при ручном наборе, а непосредственно идет в переливку. Эти машины сразу же завоевали себе определенное положение. Конечно, первые модели этих машин могли быть использованы только на узко-текстовом наборе, с одним каким-нибудь определенным рисунком шрифта.

Дальнейшее усовершенствование наборных машин шло по следующим направлениям:

Установка на машине возможно большого количества различных шрифтов и быстрая замена одного другим. В результате этой работы появились двух и трех-литерные матрицы и увеличилось количество магазинов на машине, вместо одного — до четырех. Это дало возможность иметь всегда под руками до восьми различных шрифтов (включая и выделительные).

Разрабатывалась возможность одновременно смешанного набора несколькими различными по кеглям и рисунку шрифтами. Этот вопрос разрешен появлением машин с двумя и более разборными аппаратами матриц (см. рис. 1).

Добивались возможности отливки шрифтов крупных кеглей. Этот вопрос разрешился применением машин с боковыми магазинами и расширением основных магазинов, с одновременным расширением каналов магазина для крупных матриц — вместо 90 каналов осталось 68 (см. рис. 2).

Надо было достичь возможности оперирования в одной плоскости с наибольшим количеством различных знаков. Эта задача также разрешена устройством боковых магазинов. Основной магазин — 90 каналов, и боковой плюс 34 канала, с самостоятельными клавиатурами (см. рис. 3).

Затем произошло расширение основного магазина до 124 каналов с расширением основной клавиатуры до 124 клавишей, согласно устройству магазина (см. рис. 4).

Основной мыслью этих машин является возможно более полное вытеснение ручного набора.

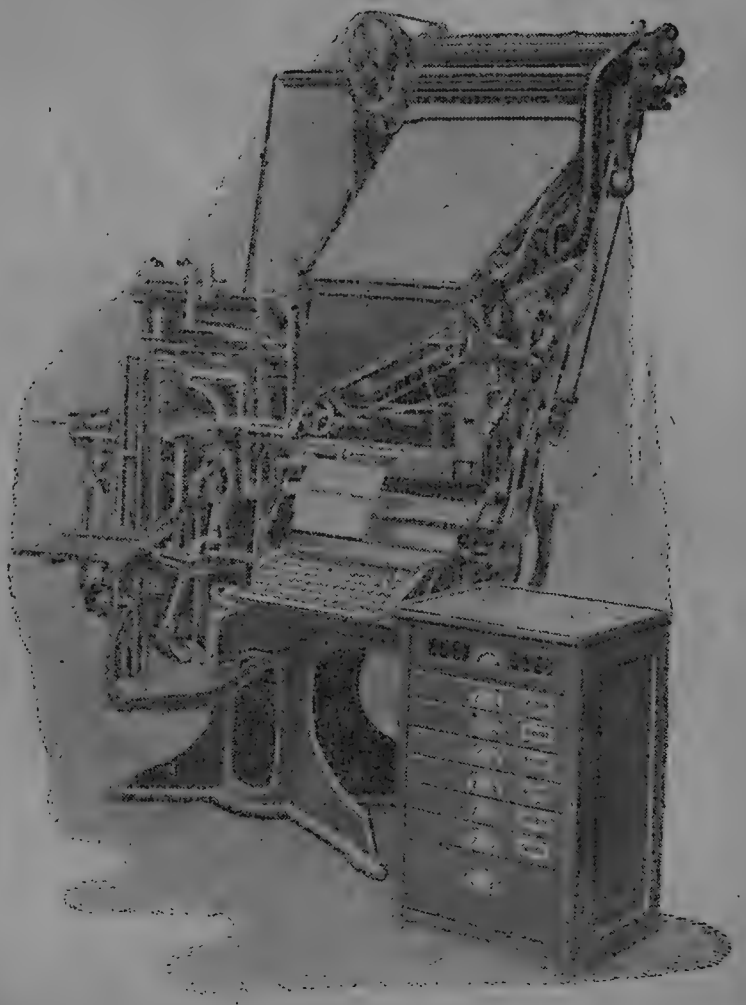


Рис. 1.

Помимо усовершенствования самой наборной машины в целях вытеснения ручного набора, появились машины вспомогательные, как «Людлов», производящий отливку набора титульных шрифтов от 1-6 цицеро и «Эльрод» — машина, отливающая различный наборный материал, шпоны, реглеты и линейки. Наборные машины «Линотип» и машина «Людлов» устраняют необходимость иметь обширные наборные с большим количеством реалов и касс для набора заголовков. Кроме того машина каждый раз дает свежий, вновь отлитый набор.

Машина «Эльрод», в виду ее большой производительности и универсальности в смысле отливки материалов, дает возможность пользоваться каждый раз новым материалом, избегая разбора, как при ручных шрифтах.

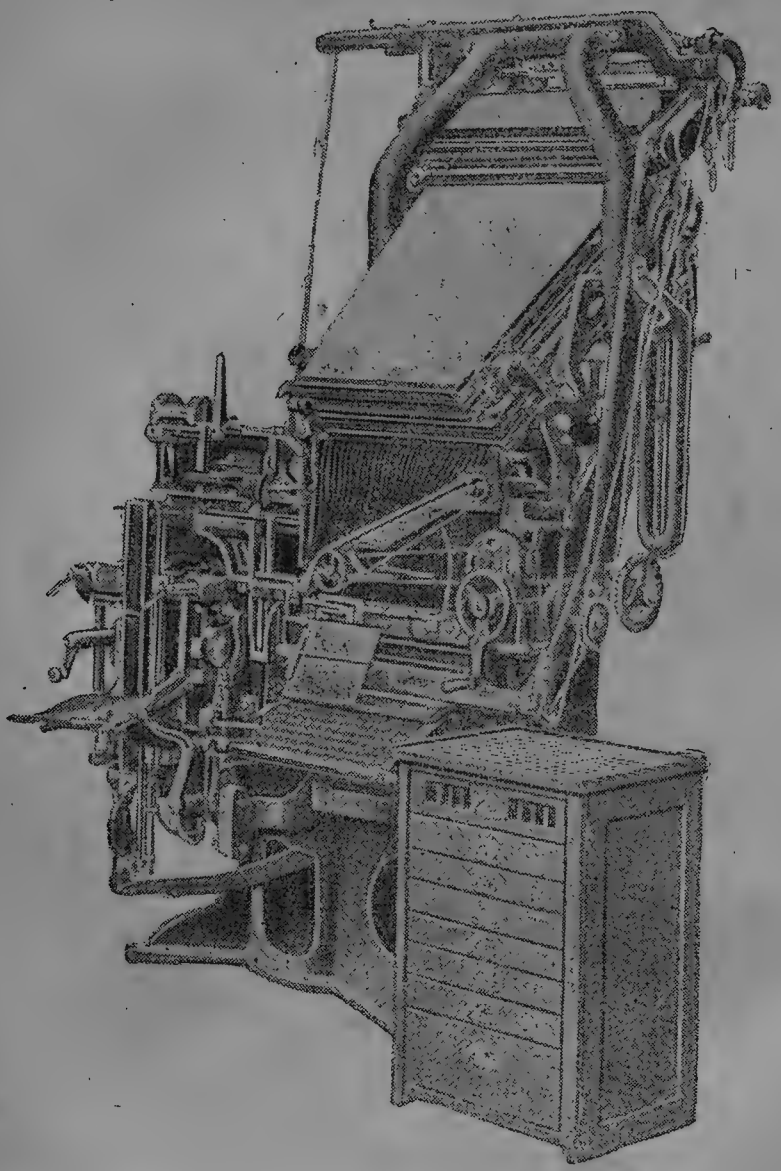


Рис. 2.

В настоящее время на различных моделях «Линотип» можно набирать очень сложные работы, как-то: вывода, таблицы, словари иностранных слов (работа производится одновременно на двух алфавитах, расположенных в одной плоскости магазина, при клавиатуре в 124 клавиша), различные справочники, некоторые математические, медицинские и др. книги.

Правда, в СССР вследствие отсутствия достаточного количества наборных машин, эти работы до сих пор еще выполняются ручным набором, так как наборные машины целиком загружены сплошным текстовым набором.

Мы поместили к этой статье ряд рисунков. Рис. 1 представляет «Линотип», мод. 5 — 2-магазинный, допускающий возможность смешивания

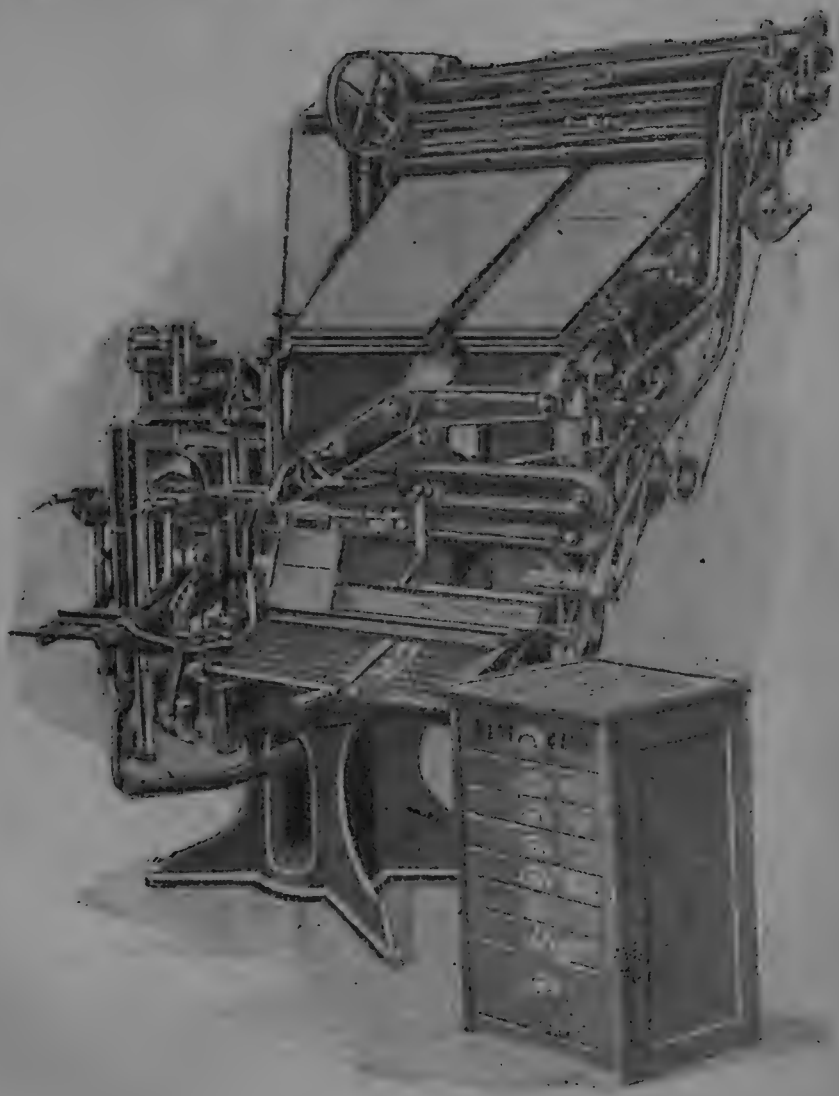


Рис. 3.

4 шрифтов, с 2 разборными аппаратами; клавиатура его имеет 90 клавишей. Рис. 2 — «Линотип» мод. 2 — 4-магазинный и два верхних магазина для текстового набора. Клавиатура этой модели имеет 90 каналов, а два нижних магазина, как видно на рисунке, расширены, и в них помещается всего 68 каналов, что дает возможность использовать крупные заголовочные шрифты. 4 разборных аппарата позволяют смешивать шрифты в одной

строке (4 текстовых и 2 выделительных). Рис. 3 — «Линотип» мод. 12, с 2 основными магазинами и клавиатурой в 90 клавишей, с 2 добавочными боковыми магазинами и клавиатурой в 34 клавиша с разборными аппаратами. Это строение допускает возможность смешивания раскладки боковых и основных магазинов во всех комбинациях. Две клавиатуры содержат 124 знака.

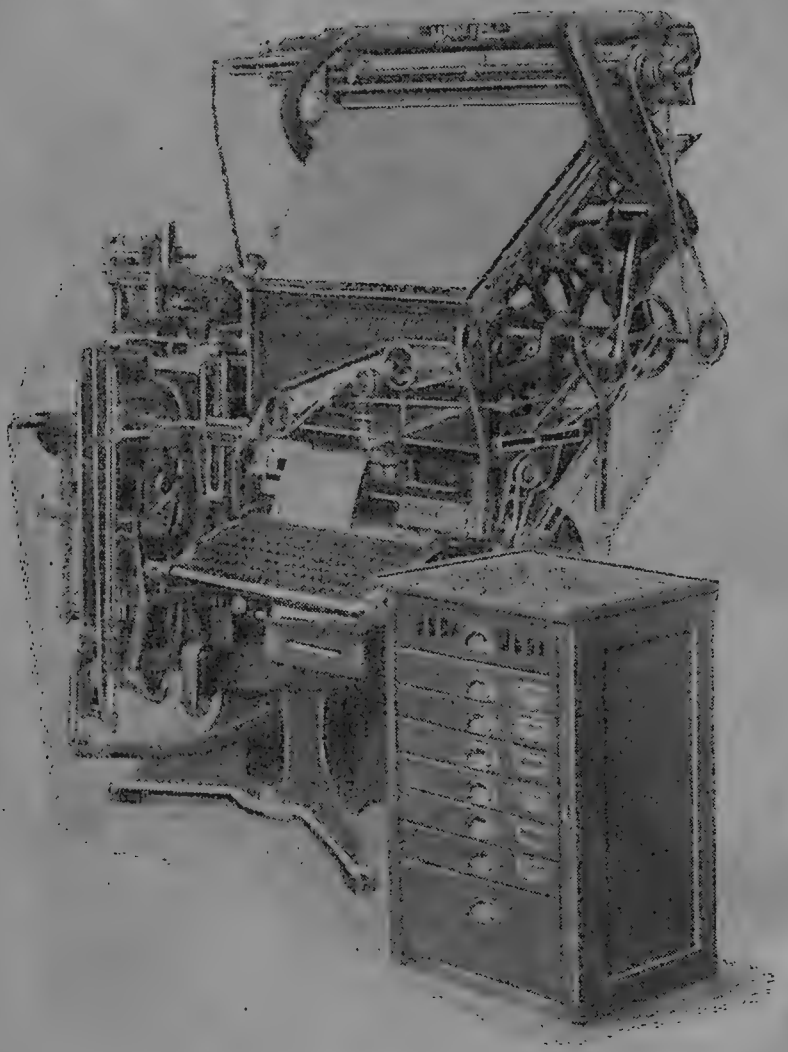


Рис. 4.

Назначение этой машины — текстовые работы на основном магазине, и на боковых — вспомогательные заготовочные шрифты. Эта машина, хотя она и рекламируется фирмой Мергенталлера, как годная для набора иностранных словарей и размещения больших алфавитов, как, например, абхазский в 51 букву или латгальский, — для текстового набора непригодна, потому что в ней допущен разрыв между магазинами, и вспомогательный магазин отдален от собирательного аппарата. Матрицы вспомогательного

магазина поэтому 5 неизбежно должны проходить путь вдвое длиннее, чем матрицы основного магазина, что конечно отражается на темпе набора. На рис. 4 представлен «Линотип» мод. 13, с двумя основными магазинами в 124 канала, в одной плоскости, без разрыва. Соответственно и клавиатура

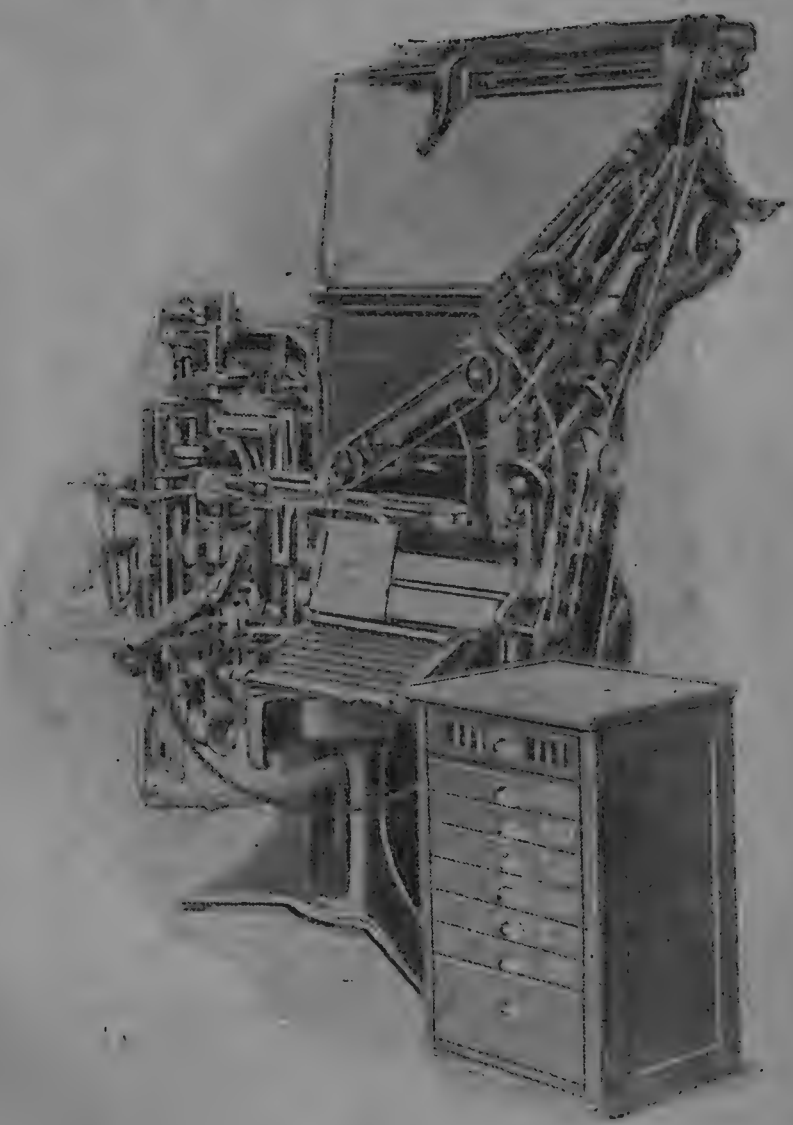


Рис. 5.

этой модели имеет в одной плоскости 124 клавиша. Такая машина безусловно может быть использована для абхазского алфавита.

Рис. 5 «Линотип» мод. 8, 3-магазинный с одним разборным аппаратом, имеет 6 различных шрифтов, смешивание которых в одну строку недопустимо, с клавиатурой в 90 клавишей. Эта машина освоена заводом им. Макса

Гельца в Ленинграде и ею в первую очередь будут удовлетворяться нужды наших типографий. Как можно использовать эту машину для национальных алфавитов, как, например, абхазского?

Как поступить с абхазским алфавитом? Если наборных машин для него потребуется мало — то можно пойти по линии наименьшего сопротивления и выписать «Линотип» мод. 13. Если же необходимо более внушительное количество машин — следовало бы разработать, при наличии всех основных и вспомогательных деталей новой машины «Линотип» модель 8, машину с расширенными магазинами и расширенной клавиатурой, с магазинами, удлиненными против 13 модели. Эта машина вылилась бы в самостоятельную советскую модель и могла бы послужить не только для набора на нацязыках, но и для иностранных словарей, математических и медицинских трудов и тому подобных изданий, требующих в наборе большого количества знаков.

В заключение несколько слов о существующих клавиатурах для всех наречий. Недостаточно того, чтобы в клавиатуру вошли все знаки, нужные для набора. Просматривая целый ряд клавиатур, мы видим в некоторых из них случайное размещение этих знаков. При создании клавиатуры недостаточно проработать процентную частоту, а следует проработать и частоту созвучий и часто повторяющихся логотипов. Построить клавиатуру нужно так, чтобы одним стремительным скольжением того или иного пальца возможно было бы получать несколько знаков. Это несомненно поведет к увеличению производительности наборщика, чего нам нельзя забывать при осуществлении механизированного набора на новых алфавитах.

А. М. ЮРКОВСКИЙ

СТЕНОГРАФИЯ И ТЕХНИКА

Еще 70 лет тому назад виднейший стенографический деятель того времени проф. Юлиус Цейбих считал стенографию последним этапом, завершением пути развития человеческого письма. Он говорил, что иное письмо, кроме стенографического, немыслимо. «Мы должны притти к убеждению в том что, равно как и в арабских цифрах для чисел и итальянских нотах для музыки, мы достигли в этом последнего предела».

Проф. Ю. Цейбих прав в том, что стенографическое письмо является завершением исторического пути развития письменности. Дальнейшая разработка методов графической фиксации продуктов человеческой мысли пойдет по пути механическому, по пути машинизации этого процесса. Широкое распространение и внедрение в обиход культурного человечества пишущей машины является началом и наилучшим подтверждением этого процесса.

Стенография зародилась больше 2000 лет тому назад в древней Греции и Риме, как речепись, т. е. как способ записи живой человеческой речи на собраниях и заседаниях. Пройдя сквозь ряд веков, стенография, с одной стороны, развила и усовершенствовала свои методы. Поворотным пунктом нового периода в развитии стенографии был 1602 г., год появления «Искусства стенографии» Джона Виллиса и начала звуковой, фонетической стенографии. С 1817 по 1834 г. Габельсбергер работал над своим трудом по речеписи, положившем начало графическому периоду развития стенографии. С другой стороны последнее столетие принесло новые виды использования стенографии, как всеобщеписи для замены обыкновенного письма, т. е. не-

только для записи речей, но и для повседневного применения в государственной, общественной и частной деятельности.

История стенографии на протяжении последних 100 лет характеризуется неразрывной связью между развитием стенографии и прогрессом техники. Изобретение в 1830 г. стального пера позволило Питману широко ввести нажим в свою систему. До него Габельсбергер, пользовавшийся гусиным пером был ограничен в этих возможностях. Широкое распространение карандаша, недопускающего нажима, и вечной ручки, допускающей его с трудом, подготовило в Америке и Англии успешное вытеснение системы Питмана безнажимной системой Грегга.

Последние десятилетия прогресс техники видоизменил способы использования стенографии и расширил области ее применения. Изобретение пишущей машины, телефона, радио — открыло стенографии новые возможности. Появилась стенотипия (сочетание в одном лице стенографа и машинистки), телефонная стенография и радио-стенография.

Дальнейший технический прогресс наметил две тенденции. Одна из них связана с появлением новых способов стенографической записи, намечающих отказ от рукописного изготовления стенограмм и замену его машинным (стенографические машины). С другой стороны, появился ряд методов, позволяющих поставить вопрос о сокращении применения стенографии и даже о полной замене стенографического письма и работы стенографа другими, механическими способами фиксации живой человеческой речи.

Мы рассмотрим в настоящей статье связь между различными техническими усовершенствованиями и стенографией, как в смысле облегчения и рационализации процесса стенографирования и стенографического преподавания при помощи машины, так и в смысле замены труда стенографа каким-нибудь другим техническим процессом.

Тенденцией, наметившейся только в последнее столетие, но получившей теперь уже достаточно явное выражение, является стремление машинизировать процесс стенографирования. Для этой цели служат различного рода стенографические машины.

Подобно тому как обыкновенная пишущая машина заменяет обычное письмо рукой, так и стенографическая машина заменяет ручное стенографическое письмо. Отличие между обыкновенной и стенографической машиной заключается в том, что пишущая машина одновременно может привести в движение одну клавишу, стенографическая машина может производить аккордные удары, т. е. нескольких клавиш сразу. Одним ударом на пишущей машине можно выбить одну букву, в то время как стенографические машины располагают возможностью одним ударом отпечатать слог, несколько слогов или целое слово. В пишущей машине печатание букв производится на отдельных листах бумаги в горизонтальном направлении, буква рядом с буквой, в то время как большинство стенографических машин имеет рол бумаги (небольшой ширины, но длиною во много метров, так что может служить очень долгое время) и знаки на стенографических машинах обычно отпечатываются в вертикальной последовательности.

Письмо на стенографических машинах производится особыми знаками или черточками (по способу Морзе) или стенографическими знаками (геометральными или графическими), наконец, буквами обыкновенного письма или даже целыми группами букв.

Главное распространение имеют два вида стенографических машин: буквенные и значковые. Преимуществом стенографических машин сравнительно с обыкновенным письмом является точность расшифровки. Работа на стенографической машине менее утомительна, хотя бы потому,

что при этом работают обе руки, а не только правая. Немаловажным достоинством является легкая изучаемость машинной стенографии — например, на машине Гранжан в течение 3 месяцев можно достигнуть скорости 100 слов в минуту. Недостатками стенографических машин является трудность корректуры и некоторый шум при работе.

Из большого числа изобретенных за последние 100 лет стенографических машин, более или менее значительное практическое применение получили только 4 машины:

1) Михэла (Италия)
2) Стенофил Бивор (Франция)
3) Стенотип Гранжан (Франция)
4) Американский стенотип (САСШ)

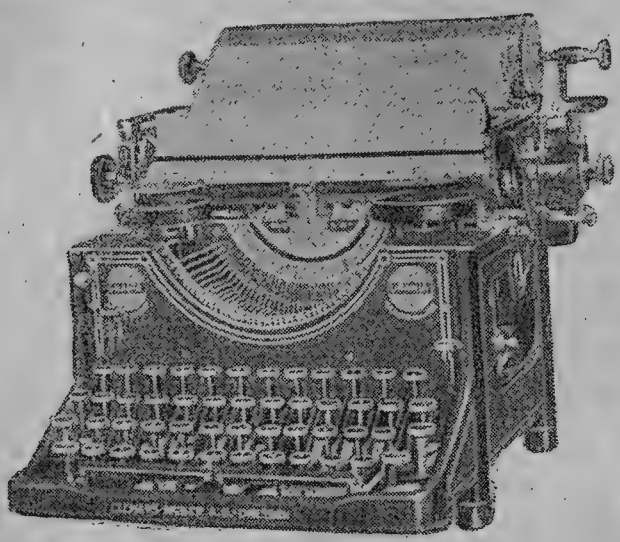


Рис. 1.

Мы ограничимся описанием стенотипа Гранжан. Она изобретена в 1909 году. Она весит 3 фунта и имеет всего 21 клавишу. Печатание на ней производится буквами обыкновенного алфавита (прописными). Сходные звуки (b и p, d и t, f и v, g и k) выражаются одинаковыми знаками. Письмо строго фонетично. Каждая буква появляется на строго определенном месте. При 6 ударах в секунду, считая каждый удар за слог, на этой машине может быть достигнута скорость до 360 слогов (180 слов) в минуту, что вполне достаточно для самой быстрой речи. Действительно, на этой машине была проявлена весьма большая скорость. Супруга изобретателя, на 15 международном стенографическом конгрессе в Будапеште (в сентябре 1928 г.), писала со скоростью 300 слогов в минуту, причем текст записывался не только на французском языке, но и на языке незнакомом записывавшей — по звуку. Шум, производимый этой машиной очень слаб, так как клавиши ударяются слегка и рычаг проходит небольшой рабочий путь. Эта машина применялась в частности на заседаниях Лиги наций.

Другим видом стенографических машин являются значковые стенмашины. Образцом этого вида машин является «Урания-Стено», изготовлен-

ная фирмой Клеменс-Мюллер А. Г., Дрезден (рис. 1). С виду это обычная пишущая машина с тем отличием, что на ней можно писать только одними прописными буквами. Эта машина снабжена целым рядом приспособлений, служащих стенографическим целям. Из 45 клавиш машины (рис. 2) каждая при ударе дает обыкновенную букву. При ударе с нажимом регистра дает ряд стенографических знаков. При ударе одной клавиши верхнего ряда получаются особые знаки для более частых сочетаний согласных. Особый регистр служит поднятию и опусканию знака относительно строки со стенографическими целями. Стенографические знаки машины представляют собою видоизменение букв обыкновенного алфавита, снабженные иногда знаками стенографии. Так, например, сочетание «нс» представляет собою букву «н», над которой имеется стенографический знак буквы «н». Сочетание «рт» представляет букву «т», сбоку которой приставлен стенографический знак «р». Это значительно облегчает усвоение письма на машине лицами уже стенографирующими, т. е. стенографами и стенотипистками, так как им, с одной стороны, почти все знаки уже знакомы, а с другой стороны машинописная техника позволяет писать быстро и на этой машине.

Рис. 2.

Интересно то, что после стенографирования на этой машине можно на ней же, не вынимая бумаги, немедленно расшифровать обыкновенным письмом (рис. 3). Запаса бумаги на роле хватает приблизительно на несколько недель. Машина изобретена немцем Аутенрит. Являясь стенографом, изобретатель придумал систему машинного стенографирования, пользуясь для стенографических целей упрощенными стенографическими знаками и обыкновенными буквами. Имеется целая литература, касающаяся этой машины, в том числе и учебник по ней. Теоретической базой этой системы машинной стенографии явились исследования Кединга о частоте встречаемости слов в немецком языке. Машинная стенография, так же, как и обыкновенная стенография, пропускает элементы речи, могущие быть восстановленными по смыслу. Для наиболее часто встречающихся слов применяются условные сокращения из одной или двух букв или знаков на определенном месте относительно строки. Таких условных сокращений в системе — 140. Применяются и фразеограммы.

Надо отметить, что машина эта сколько-нибудь значительного распространения не получила, в виду своей дороговизны — в 1927 г. она стоила 600 марок.

Сочетание стенографии с радио в последнее время завоевывает все более и более широкое распространение. Стенографический прием радиограмм начинает входить в обиход. Развитие радиолюбительства побудило многих изучать стенографию для приема по радио лекций и докладов.

Во Франции недавно был прочитан по радио курс лекций по стенографии на основе системы Дюплюае. По окончании свыше 2000 слушателей прислали контрольные работы, свидетельствовавшие об усвоении ими курса.

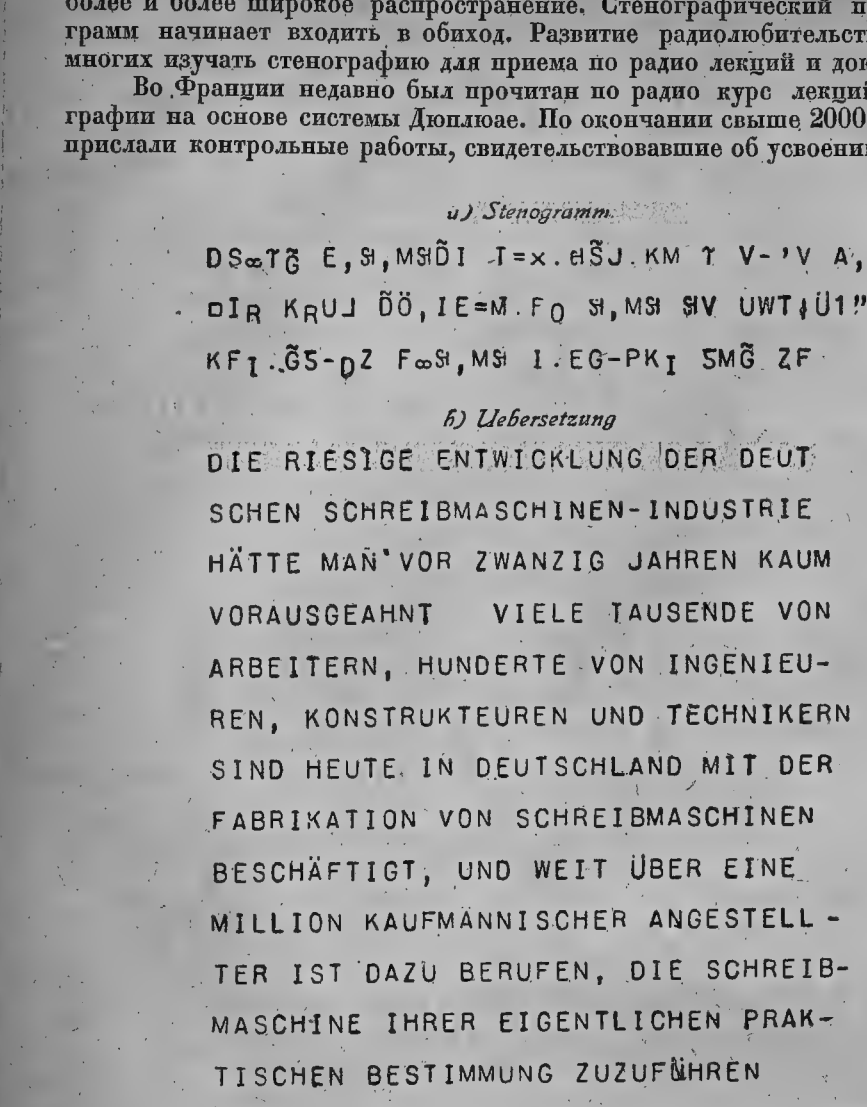


Рис. 3.

В Нью-Йорке некоторые коммерческие школы применяют радио для диктовок, необходимых при повышении скорости письма, и таким образом, один диктовальщик обслуживает сразу десятки школ.

В Германии в цикл предметов, преподаваемых по радио введены регулярные лекции по стенографии в форме диалога двух преподавателей по вопросам теоретическим и методическим, и сопровождаемых практическими упражнениями. Лекции имеют целью подготовку к испытаниям на звание преподавателя стенографии. По радио ведется стенографический диктант на разные скорости.

Но самое интереснее и совершенно неожиданное применение получила стенография в деле передачи изображений на расстояние. Во Франции в 1923 году, изобретением теле-автографа, Беленом была разрешена проблема проволочной передачи изображений. Документы, планы, чертежи, рисунки передавались по телефонным проводам из Парижа в Лион и в Страсбург. Передача изображения величиной в открытку стоила 20 франков. Когда такую передачу стали производить стенографически, то на одной открытке удалось поместить 1453 слова текста. Передача того же количества слов обычным телеграфным способом обошлась бы в 218 франков. Таким образом, уже тогда сочетание стенографии с теле-автографией давало удешевление свыше чем 100%.

Недостатком теле-автографа Белена была невозможность получить копию с отправляемой депеши, так как писать приходилось на металлической пластинке. Изобретение лейпцигского физика Каролуса дает возможность писать передаваемые депеши, стенограммы, рисовать планы и чертежи простым карандашом на обыкновенной бумаге, получая любое число копий посредством копировальной бумаги. А главное — способ Каролуса дает возможность беспроволочной передачи изображений по радио. Этот способ телеавтографии применяется сейчас на магистрали Москва—Ленинград.

Сущность изобретения Каролуса состоит в том, что на станции отправления в строго определенной последовательности с диска Нипкова производятся токи, причем сила меняется в зависимости от освещенности или затемненности данной точки изображения. На приемной станции такой же диск получает эти электрические колебания, усиливает их при помощи катодных ламп, затем посредством светового реле Каролуса токи претворяются в лучи света, которые как бы чертят светочувствительную поверхность фото-пластинки или фильмы. Этот способ позволяет передавать по радио в течение одной минуты 200 слов печатного текста на пространстве 1 кв. дециметра.

Способ Каролуса при использовании коротких радиоволн допускает возможность одновременного получения изображения в любом числе пунктов, где только имеется соответствующий воспринимающий аппарат. Стенограмма в полторы тысячи слов, написанная на открытке, может быть таким образом в течение 2 минут передана во все концы мира. Но для прочтения такой стенограммы, конечно, требуется наличие людей, знающих систему, по которой написана стенограмма или же наличие единой мировой унитарной системы стенографии для всех языков.

Сочетание стенографии с передачей изображений на расстояние может внести радикальную реорганизацию в обслуживание газет информационным материалом. Вместо того чтобы десятки корреспондентов разных газет передавали во все города, по разным направлениям, проводами и по радио один и тот же материал, вместо того, чтобы десятки раз повторять по телефону один и тот же текст, достаточно будет один раз аккуратно записать этот текст стенографически и передать его по способу Каролуса по всем газетам всех городов, всех стран, где знают данную систему.

Мы отмечали выше тенденцию замены стенографической записи и работы стенографа. Эта замена может производиться следующими методами:

1) Фотографическим,

2) Электромагнитным,

3) Фонографическим (на валике и на пластинке) и
4) Телефонным.

В каждом из этих способов замена работы стенографа производится работой аппарата записывающего самый звук с последующей его фиксацией транскрипцией обычного письма. Это так называемая Ерзацстенография.

Фотографическим способом записи звука является общеизвестное звуковое кино. Для целей стенографических проф. В. И. Коваленков, заведующий Ленинградской электротехнической экспериментальной лабораторией, изобрел особый способ фотографической записи звука, о котором журнал «Вопросы стенографии» (№ 1, 1927) сообщал следующие данные.

Чтобы сфотографировать звук, необходимо иметь источник света, который испускает световые лучи, меняющиеся в интенсивности совершенно так же, как меняются звуковые волны. В маловольтную электрическую лампу и электрическую цепь, питающую эту лампу включается микрофон. Если говорить перед микрофоном, то сопротивление будет меняться и следовательно будет меняться ток, проходящий через лампу. От тока зависит накал лампы и с изменением тока будет изменяться интенсивность испускаемого лампой светового потока. Если лампу поместить против щели светонепроницаемого ящика, внутри которого помещена движущаяся фильма и, если направить узкий пучок света поперек фильмы, тогда на ней будут фиксироваться изменения света. Яркий световой поток будет соответствовать более темной полосе на ленте и наоборот. Так как свет меняется совершенно так же, как меняется звук, то на движущейся ленте появляется фотографическая запись звука. Проявив ленту можно воспроизвести тот же звук, для чего через ту же щель пропускается сильный и неизменяющийся световой поток. Этот поток через щель попадет на проявленную движущуюся фильму. Темные места задержат поток света, светлые места пропустят его. Так как чередования светлых и темных полос соответствуют тем звукам, которые были раньше произнесены перед микрофоном, то через ленту будет проходит непрерывно меняющийся пучок света, причем изменения этого пучка света будут точно соответствовать звуковым колебаниям. Этот пучок света с ленты направим на фотоэлемент, который меняет свое сопротивление с изменением падающего на него света. Поэтому, в электрической цепи фотоэлемента возникнет меняющийся телефонный ток, который через усилитель воспроизводится прямо на телефон. Телефон повторит все то, что говорилось перед микрофоном, а машинистка запишет это под диктовку телефона.

Для электромагнитной записи звука служит «телеграфон» — фонограф, изобретенный в конце XIX века датским инженером Паульсеном. Устройство его следующее. На регулируемый часовым механизмом барабан навита стальная проволока. Разные ее точки последовательно проходят под движущимся вдоль горизонтальной рейки электромагнитом, сердечник которого представляет собою железный стерженек, направленный к проволоке. Если говорить в микрофон, включенный в одну цепь с электромагнитом, то микрофонные токи будут намагничивать сердечник, а через сердечник и проволоку. Таким образом получится запись речи на проволоке. Если затем, выключив микрофон, включить телефон и как раньше заставить электромагнит пройти над проволокой, то последняя возбудит в цепи индукционные токи, которые заставят телефон повторить звуки записанной речи. Такое повторение может быть сделано много раз, так как проволока сохраняет свое намагничивание. Для записи 40-минутной речи требуется 6 тыс. метров проволоки. Чтобы стереть запись с проволоки достаточно провести

ее в поле сильного магнита. Этот аппарат имеет применение для записи диктовок, для приема телефонных сообщений в отсутствие того лица, которому они предназначены и т. п.

Фонографический способ записи звука состоит в фиксации его на пластинке (фонограф Эдиссона, граммофон) или на валике (диктофон, парлограф, стенофон).

Речь, записанная на пластинке или на валике воспроизводится впоследствии теми же самыми звуками. Для того, чтобы заменить стенографическую запись, такая речь, записанная фонографом, должна быть повторена аппаратом перед машинисткой со скоростью, которая соответствует скорости письма на машинке. Ниже мы приведем описание способа записи звука на валике. О способе записи звука на пластинке (фонограф, граммофон), ввиду его общеизвестности, мы распространяться не будем. Отметим только, что отдельные отрывки речи, записанные на граммофонной пластинке, могут служить прекрасным пособием при обучении стенографии, заменяя собой

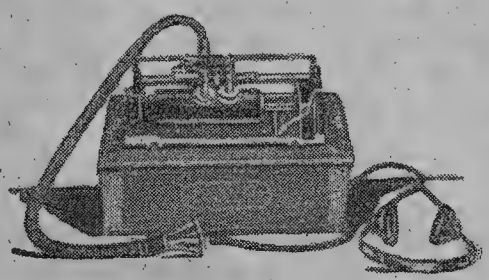


Рис. 4.

Рис. 5.

диктовальщика. Достаточно поставить граммофонную пластинку и настроить аппарат на определенную скорость, чтобы можно было писать под диктовку аппарата записанный на пластинке отрывок любое число раз на любую скорость. Этот способ практикуемый, как нам известно, во Франции и САСШ, отличается тем неудобством, что он весьма дорог, но ему нельзя отказать в больших преимуществах. Он устраняет необходимость в диктовальщике и допускает многократное повторение диктовки одного и того же отрывка с постепенным повышением ее скорости, как того требует методика обучения стенографии.

Запись звука на валике осуществляется машиной, которая называется диктофон или стенофон (рис. 4). Машина приводится в движение электрическим током из осветительной сети и работает при непрерывном нажимании педали (рис. 5). Достаточно снять ногу с педали, чтобы сделать паузу в работе. Диктующий берет в руку стеклянный рупор на толстой резиновой трубке и говорит в этот рупор. Речь его запечатлевается мембраной на валике. Когда нужно напечатать сказанное, машинистка одевает на уши два наушника, ставит другую мембрану, нажимает педаль и машина говорит ей продиктованное мягким, внятным голосом. Можно регулировать ход машины так, что она будет диктовать то быстрее, то медленнее, но обыкновенно к этому не прибегают, так как машинистка услышав ряд слов, делает паузу,

сняв ногу с педали, пока не напишет услышанного, затем опять нажимает педаль и работает дальше.

Благодаря особому устройству, машина допускает возможность корректуры произнесенного, вставок и пропусков. Этой цели служит так наз. «Корректур-блок», т. е. узкая полоска бумаги, разграфленная на столько же делений, сколько содержится в валике, так что в любой момент может быть отмечено: от деления 63 до 70 — выпустить, вместо 13—48 вставить 85—90 и т. д. Особое приспособление дает возможность повторить любое место из уже продиктованного или последние слова. Диктовать можно с любой скоростью. Валик машины длиной в 18 см может зафиксировать 8 страниц текста пишущей машины без перерыва и после отшлифовки его особым приспособлением может работать от 70 до 100 раз. Машина отличается удобством в пользовании, независимостью от человека-стенографа, возможностью пускать ее в ход в любой момент суток и диктовать с любой быстротой.

Демонстрируя эту машину на выставке в Дрездене, сотрудник фирмы быстро продиктовал выученное наизусть деловое письмо и затем предложил мне одеть на уши мягкие резиновые наушники. Когда это было сделано, он переменил мембрану, переставил какие-то рычажки и глухой мягкий голос, как бы издали, стал произносить только что продиктованное письмо. Сотрудник регулировал ход машины и голос говорил то быстрее, то медленнее. Сотрудник снимал ногу с педали и наступала пауза.

Очень интересен телефонный способ замены работы стенографа, изобретенный англичанином Финлейем, работником лаборатории для изучения технических проблем обслуживания заседаний при Международном бюро труда Лиги наций. Системой Финлейя разрешается проблема моментальной передачи речи ораторов, говорящих на разных языках, в зал заседаний, где находятся представители разных наций.

Для многонациональной аудитории, для заседаний, на которых присутствуют представители различных наций, способ Финлейя прямо незаменим. Основная идея системы Финлейя заключается в следующем: в непосредственной близости от трибуны оратора находятся невидимые залу кабинки переводчиков. Каждый из переводчиков вполголоса переводит на свой язык то, что говорится на заседании, произнося это в находящийся у него на груди микрофон. Каждый переводчик говорит, конечно, на своем языке. Посредством особого способа трансляции, речи переводчиков передаются (по проволоке или по радио, беспроволочно), в устроенные у сидений в зале заседания приборы. Каждый находящийся в зале может включить любой прибор, чтобы слушать перевод произносимой сейчас речи на любом из языков, на которых имеются переводчики. Для этого слушающему нужно вставить в соответствующее деление штепсель и надеть на уши радиотрубки, имеющиеся у каждого прибора.

Самой любопытной для стенографов частью этой системы является передача тех же речей переводчиков в другое помещение в диктофоны, у которых работают машинистки. Каждая из них пишет на языке данного переводчика, под диктовку диктофона, регулируя его скорость, сообразно скорости ее собственного письма на машинке. Таким образом, обслуживание заседаний производится без всякого участия стенографов. 30 августа 1927 г. эта система была испробована на конференции бюро труда Лиги наций и дала положительные результаты. Та же система одновременного с речью перевода прений и передачей их по радио в зал заседаний, только без исключения стенографической службы, применялась и у нас в Москве на VI Конгрессе Коминтерна в 1928 году.

Наш обзор связи стенографии с техническими достижениями был бы не полон, если бы мы не упомянули об интересных попытках заменить обыкновенное письмо стенографическим в полиграфической технике. В Англии были случаи, когда наборщики-стенографы набирали книги прямо со стенограмм. В Германии и Англии производились попытки заменить писание стенографических знаков от руки печатанием их с набора (стенографические тайпы). Обычно стенограммы в книгах и журналах воспроизводятся или литографским или цинкографским способом. Способы набора стенограмм из отдельных литер, на которых изображены стенографические знаки, большого распространения не получили.

Первый опыт набора стенографического письма относится к 1831 году, когда английский пастор Бейли изготовил матрицы по геометральной системе Байрома. Питман также занимался этим вопросом, и некоторые из его книг были напечатаны типографским способом. В 1859 году венский стенограф Фаульман, бывший наборщик, составил печатный набор по переработанному им для этой цели алфавиту системы Габельсбергера. Во время войны ввиду металлического голода, этот набор был расплавлен.

В заключение два слова об одной интересной технической новинке, дающей возможность стенографировать в темноте. В стенографических кругах неоднократно поднимался вопрос о том, как быть стенографу, когда доклад, который он фиксирует частично проходит в темноте (при демонстрировании диапозитивов, кино-ленты и т. п.). Американская практика дает на этот вопрос ответ в виде появившегося недавно оригинального вечного пера. Достаточно сильная батарейка цилиндрической формы помещена в верхней части ручки. Вдоль нижней ее части идут две тонкие металлические пластинки, соединяющиеся при легком нажиме с полюсами батарейки и проводами, идущими к маленькой лампочке, пристроенной у самого основания ручки, под пером.

Если во время стенографирования наступает темнота, ручка слегка поворачивается, так что пальцы нажимают на боковые пластинки. Происходит включение тока и лампочка мгновенно зажигается. Несмотря на свои миниатюрные размеры, она освещает бумагу достаточно ярко.

Батарейка обыкновенного карманного фонарика работает в общей сложности не больше нескольких часов, что обусловлено не слабостью самой батарейки, а толщиной накаливающейся нити. В данном случае удалось ввести в лампочку настолько тонкую вольфрамовую нить, что яркое освещение получается при значительно меньшем расходовании энергии батареи.

Н. В. ЮШМАНОВ

АССИРИЙСКИЙ ЯЗЫК и ЕГО ПИСЬМО

УСЛОВНОСТИ. Транскрипция: гласные â, a, ê, î, o, û — с движением языка назад; ä, e, i, ö, ü — с движением языка вперед; w, y — согласные ў, й; ph, th, kh, bh, dh, gh — щельные согласные (§ 2, 3); kj, gj, tj, dj, šj žj—нёбные, с уклоном к шипящим; ʾ, ʿ — закрытие и сжатие гортани; $_2$ — напряженность; â, ê, î, ô, û — долгие; | граница слога.

Семиотика: > производит; < происходит; || чередуется; * предполагается.

I. О САМОМ ЯЗЫКЕ

1. Семитские языки. Группа языков, называемых по имени библейского патриарха Сима, обладает той удивительной особенностью, что понятия выражаются согласными, а отношения между понятиями выражаются гласными. Наглядным примером этой особенности являются европейские слова, попавшие в современный арабский язык и получившие там множественное число по наиболее ходким нормам: bank «банк» > bunûk «банки», metr «метр» > ʾamtâr «метры», k$_2$uns$_2$ul «консул» > k$_2$anâs$_2$il «консулы», gjurnâl «журнал» > gjarânîl «журналы», bolsjefî «большевик» > balâsjifa «большевики». Отсюда явствует с несомненностью, что названные понятия цепляются у араба за определенные группы согласных (корни) BNK, MTR, K$_2$NS$_2$L, GjRNL, BLSjF, тогда как у европейца они цепляются за определенный комплекс согласных и гласных (основы). Лишь в редких случаях европейские языки приближаются к семитскому строю, напр. *везу* || *воз*, *мру* || *мертвый* || *мор*, *проблема* || *баллистика* || *парабола*, *энергия* || *орган* || *драматург*, но не достигают такой гибкости в мене форм и такого богатства типов этой мены, как семитские языки, где корень состоит почти всегда из трех согласных, а не двух, как по большей части в других группах языков. Насколько живуча указанная особенность семитских языков, можно судить по тому, что и в языке, которому посвящена эта статья, при всей его смешанности и при всей многострадальной судьбе его народа, названные черты еще вполне живы, напр. k$_2$t$_2$ul «убей», k$_2$atï$_2$l «пусть он убьет», k$_2$t$_2$ïl-lï «он убил», k$_2$t$_2$ïyla «убитый», k$_2$ït$_2$la «убийство», k$_2$at$_2$l-âna «убийца» и т. д. от K$_2$T$_2$L.

Семитские языки делятся на две ветви — северную или шипящую, с языками аккадским (ассиро-вавилонским), хананейским (еврейско-финикийским) и арамейским (сиро-халдейским), и южную или свистящую с языками арабским и абиссинским. Например, слово «язык» по-аккадски lisjânu, по-хананейски lâsjôn, по-арамейски lisjsjânâ, по-арабски lisân,

по-абиссински lësân (первые три имеют шипящий sj, последние два — свистящий s). На всех этих языках существует богатая письменность, но не все они уцелели в качестве живых народных говоров. Живучее всех арабские и абиссинские говоры, особенно первые, распространенные на весьма просторной территории в Азии и Африке.[1] Из северной ветви имеем только небольшую группу живых говоров арамейского языка, куда относится и язык наших ассирийцев (§ 2). Аккадский и хананейский языки давно уже вымерли; правда, еврейские националисты искусственно восстановили народное употребление своего «священного» языка в Палестине, но посредником между древностью и современностью явились книги, а не живая речь семьи, рынка, мастерской.

2. Арамейские наречия. Арамейским языком называют сумму наречий, отличающихся от прочих семитских языков некоторыми характерными особенностями, из коих назовем:

1. Гортанный звук ʿayn при переднеязычном в других языках,[2] напр. «земля» — акк. ʾers$_2$itu, хан. ʾäräs_2, арам. ʾarʿâ, араб. ʾard$_2$.

2. Смычные t, d, t$_2$ когда по-арабски th, dh, z$_2$ (= d$_2$h); напр.

	акк.	евр.	арам.	араб.	абисс.
«бык, вол»	sjûru	sjôr	tawrâ	thawr	sôr
«волк»	zîbu	zʾêbh	dêbhâ	dhiʾb	zëʾb
«ноготь, коготь»	s$_2$upru	s$_2$ippôrän	t$_2$ephrâ	z$_2$ufr	s$_2$ëfr.

3. Смычные согласные p, t, k, b, d, g, если они не удвоены, заменяются после гласного щельными согласными (спирантами, фрикативами) ph, th, kh, dh, bh, gh [3], напр. Dânîʾêl «Даниил» || lë-Dhânîʾêl «к Даниилу».

4. Слова «сын» и «два» имеют r вместо n других языков: арам. bar, trê(n), но евр. ben, sjnáyim, араб. ibn, ithnayn.

5. Родительный падеж и относительное предложение предваряются частицей d-, например habhal-dë-gharmin «дух костей», d-îth-lâkh «который есть у тебя».

6. Определенный член-â в конце имен (при евр. ha- и араб. al- в начале имен), напр. «рука» — арам. ʾîdh-â, евр. ha-yâdh, араб. al-yad.

Правда, особенность № 2 вошла в арабские говоры прежнего арамейского населения, № 3 — в еврейский язык (когда евреи утратили родной язык и говорили уже по-арамейски), а №№ 4 и 5 в южноарабские говоры; но вся совокупность этих особенностей (плюс известный словарный фонд) характеризует именно арамейскую речь.

Арамейские наречия делятся на восточные и западные. Признаки восточных наречий: префикс n- в формах «он, они» имперфекта, напр. ne-k$_2$t$_2$ol «он убивает»; акающее произношение фонемы â, напр. nâsjâ «человек»; язычковое (глубокое заднеязычное) произношение фонемы h$_2$, напр., khabhrâ «товарищ»; обращение определенного члена -â в бессмысленный придаток почти всякого имени. Признаки западных наречий: префикс y- в формах «он, они» имперфекта, напр. yi-k$_2$t$_2$ul «он убивает»; окающее произношение фонемы â, напр. nôsjô «человек»; гортанное (точнее зевное)

[1] См. мои статьи о живых арабских наречиях в «Культуре и письменности Востока» VI, 72—88 и X, 76—84; также в «Записках Коллегии востоковедов» V, 379—391.

[2] См. мою статью «La correspondance du D'âd arabe au ʿAyn araméen» (Доклады Академии Наук СССР, серия B, 1926, 41—44). [3] Звук ph мы производим, когда «фукаем» на свечу; bh—звонкий к нему; th, dh — оба английских «th»; kh, gh—оба русских «х» (их том; их дом).

произношение фонемы h_2, напр. $h_2$abhrô «товарищ»; употребление -ô (восточное -â) именно как определенного члена.

К восточным наречиям относятся: эдесское (= сирийский язык), вавилонское (в Талмуде) и мандейское. К западным наречиям относятся: египетское (папирусы в Элефантине), библейское, палестинское, галилейское, самаритянское, набатейское, пальмирское. Сирийский язык, выросший на базе эдесского наречия, делится на восточно-сирийский или несторианский и западно-сирийский или яковитский; последний обнаруживает западно-арамейскую фонетику.

Арамейская речь имеет блестящее прошлое: она была международным языком от Ефрата до Нила, средством общения многочисленных народов, покоренных Ассиро-вавилонской монархией; позже она служила языком администрации на обширной территории Персидской монархии.[1] В настоящее время арамейская речь почти повсюду вытеснена арабским, персидским, турецким и другими языками; осталось лишь около 300 000 душ, говорящих по-арамейски, но и они все дву- или трехязычны.

Современные живые арамейские говоры отражают то же деление, что и старые арамейские наречия: 1) восточно-сирийские говоры с аканьем и kh вместо h_2, которые рассеяны среди тюркского, курдского и арабского языковых районов от Урмии до Ефрата; 2) западно-сирийские говоры с оканиями h_2, ограниченные округом Тур-Абдин в Месопотамии; 3) западно-арамейские говоры с оканием, h_2 и имперфектным y- в Антиливане — в христианской деревне Маʿлуле и в мусульманских деревнях Бахʿа и Джубʿадине.

3. **Живые сирийские говоры.** Восточно-сирийские говоры известны под самыми различными названиями. Самоназванием в одних местностях является sûrayâ «сирийский», в других kaldâyâ «халдейский». В научной литературе употребляется название «новосирийский» (нем. neusyrisch, фр. néo-syriaque, англ. modern Syriac или vernacular Syriac) или «новоарамейский» (нем. neuaramäisch, фр. néoaraméen); первое не может включать антиливанские говоры, последнее же (как более общее) их включает. У нас в СССР носители восточно-сирийских говоров называют свою речь «ассирийской», путая свое историческое самоназвание sûrâyâ «сирийский» с ʾâthûrâya «ассирийский». В Закавказье с давних пор известно название «айсорский», которое принято в русской научной литературе.[2] Это название является армянским переводом слова «ассирийский», но теперь почему-то считается обидным.

Восточно-сирийские говоры составляют по A. J. Maclean'у четыре группы:

1. Урмийская (признак: t, d не изменяются в положении после гласного — вопреки § 2,3) с говорами собственно Урмии, Сипургана, Гавилана и Солдуза.

2. Северная (признак: отпадение t после гласного в развитие § 2,3) с говорами Салâмаса, Куджани, Гавара и Джилу.

[1] См. статью O. G. von Wesendonk, Ueber die Verwendung des Aramaeischen im Achaemenidenreich («Litterae Orientales» Heft 43 [Januar 1932]).

[2] Вообще о названиях см. книгу «Семитские языки и народы» Т. Нёльдеке в обработке А. Крымского (с участием академика П. К. Коковцова), Москва, 1903, стр. 105, 156, 159. Специально см. статью «Айсоры» в Большой энциклопедии Брокгауза-Ефрона (1-й дополнительный том) и в Большой советской энциклопедии. Название «айсор, айсорский» систематически употребляется также в практике Семито-хамитского кабинета ИЯМ (см. у нас § 12).

3. Аширатская (признак: th, dh после гласного соответственно § 2,3; kh вместо gh) в Курдистане с говорами верхнего и нижнего Тыари, Тхумы, Тала, База, Диза, Валту, Мар-Бишу, Шамздина и Тергавара.

4. Южная (признак: th, dh как у предыдущей группы; gh живо) с говорами мосульскими (особенно известен алькошский) и бохтанскими. Кроме того, в некоторых районах восточно-сирийские говоры употребляются и еврейским населением (с особенностями).

В эту классификацию, требующую критической переработки, не входит речь ассирийцев (айсоров) Закавказья, которая обычно относится к Урмийской группе, но как показывают записи (§ 7), может рассматриваться и в виде особой группы, хотя бы смешанной из трех первых.

В настоящее время в СССР проживает довольно значительная масса ассирийцев, отражающая самые различные говоры. Находясь в постоянном взаимодействии на работе и на отдыхе, ассирийды разных говоров постепенно унифицируют свою речь, а наличие национальных ассирийских школ в СССР и латинизация в значительной степени ускорят процесс унификации.

В сравнении со старыми арамейскими наречиями живые сирийские говоры показывают разницу в звуковом составе, в словоизменении и в словаре. В области звукового состава многие говоры утратили или ослабили чисто семитские артикуляции (гортанные и эмфатические согласные), нарушили чередование смычных p, t, k, b, d, g со щельными ph, th, kh, bh, dh, gh, приобрели tj, dj (= ч, дж). В области словоизменения обычное семитское видовое спряжение вытеснено известным еще в старых наречиях описательным спряжением — соединением причастий и имени действия с частицами и местоимениями; например, теперь «он убил» не k_2t_2al, а $k_2t_2$ïl-lï «убито у него»; вместо ne-$k_2t_2$ol «он убивает» теперь bï-$k_2t_2$al-ëlï «в убиении он есть». От прежнего имперфекта (несовершенного вида) осталось только повелительное наклонение (k_2t_2ul «убей»), но оно может принимать отрицание (lä k_2t_2ul «не убивай»), что несвойственно прочим семитским языкам. Словарь насыщен заимствованиями. Часть заимствований обща всем говорам, а часть местного характера — от той народности, среди которой живут ассирийды. Порядок слов в основном сохраняется таким же, какой мы видим у старых арамейских наречий; однако, теперь он стал гораздо свободнее: прилагательное иногда ставится перед существительным; объект очень часто предшествует глаголу и таким образом облегчился путь к сложным глаголам иранского и тюркского типа «экзамен делать» = «экзаменовать» (тип чужд другим семитским языкам).

Что касается западно-арамейских говоров Антиливана, они сохраняют старое видовое спряжение («он, они» в несовершенном виде имеют префикс *y-*), но в остальном не меньше удалились от строя старых арамейских наречий.

4. Иноязычное влияние. При двух-или трехязычности говорящих родная речь подвержена весьма интенсивному иноязычному влиянию. Ассирийцы, живя среди тюрков, курдов и арабов, невольно усваивают чужую речь уже с детства и, если вообще сохраняют свою родную речь, то насыщают ее иноязычным материалом и подчиняются тем или иным особенностям чужой речи.

Однако, говоря о «своем» и «чужом» в языке, нужно быть чрезвычайно осторожным, так как вследствие единства языкотворческого процесса одна и та же черта может возникнуть в двух разных группах языков независимо. Зная смешанность речи ассирийцев, многие авторы исследований злоупотребляют той благодарной почвой и объясняют ино-

язычным влиянием всё, что им кажется «испорченным» (а попросту — все, что не книжно). Так, например, читаем:[1]

«Урмийское наречие в большей степени, чем другие, подвергалось влиянию тюркского языка, что выразилось не только в обилии заимствованных слов, но и в самом произношении: гласные ä, ö, ÿ, несомненно, заимствованы из азербейджанского наречия этого языка; армянское влияние заметно по придыхательным согласным п', т', к', которые соответствуют вполне армянским ψ^{ϵ}, β^{ϵ}, φ^{ϵ}».

Если учесть, что азербайджанские гласные «ə, ɵ, y» являются передними (немецкого типа) — ä, ö, ü, а в ассирийском произношении эти гласные среднего ряда (норвежского типа) — между a, o, u и ä, ö, ü, и что в других семитских языках нормальное произношение гласных приблизительно такое же (§ 5), несомненность заимствования станет сомнительной.

Если учесть, что в живых арабских говорах t, k всегда придыхательны, а северно-семитские p, t, k появляются в древнегреческой транскрипции постоянно как придыхательные Φ, Θ, X (напр., евр. Pinh$_2$âs, Tâmâr, K'na'an > ΦINEEΣ, ΘAMAP, XANAAN), то армянское влияние окажется не при чем.

Что касается иноязычного вклада в ассирийский словарь, этот вклад действительно велик. Здесь нужно различать:

1. Древнегреческий вклад в старый сирийский язык, напр. TIMH «цена», KENTPON «центр» > ṯ$_1$ьjma, qьnṯ$_1$run (примеры даются в новом ассирийском алфавите — в том виде, как они встречаются в наших современных печатных произведениях).

2. Курдский вклад во все живые сирийские говоры, напр. gura «большой», himizmən «слово», nişənqə «знак, орден».

3. Тюркский вклад в большинство говоров, напр. jemiş «фрукт», gərəg «должен», sogul «милый» (это турецкие yemiş, gerek, sevgili).

4. Арабский вклад, который в неарабских районах просачивается одинаково обильно и через курдский и через тюркский вклады напр. 'ah$_2$wâl «положение», gjafâ «труд», hugjûm «наступление» > ahval, çapa, huçum.

5. Персидский вклад, идущий тем же путем, напр. kârkhâné «мастерская», miz «стол», rûznâmé «газета» > kərxənə, miz, ruznama.

6. Английский вклад американских миссионеров с типично американским произношением, напр. college, dollar, New York > qalьç dalar, Nujarq.

7. Русский вклад как старого времени, напр. самовар, спички, черви (в картах) > samavar, sipişki || zipişki, cirvi, так и нового времени, напр. белогвардейцы, кролик, страхование > belogvardejtsi, qroliq, straxovanije.

8. Интернациональная терминология независимо от происхождения, напр. колхоз, фашизм, электрификация > qolxoz, paşьzm, eleqtripiqətsijə.

На почве иноязычного вклада нередко бывают курьезы. Так, арамейские слова, попавшие в арабский, вновь возвращаются к современным арамейцам через их мусульманских соседей; напр. старое сирийское méllëthâ (dh-allâhâ) «слово (божье)» > араб. milla^{tun} «вероисповедание» > перс., тюрк., ассир. millət «нация».

5. Сингармонизм. Во всех семитских языках согласные придают соседним гласным свою общую окраску (тэмбр). В зависимости от того, есть ли в слоге один из согласных, требующих оттяжки языка назад (ретракции), весь слог или всё слово звучит низко (твердо, дебело, зычно...) или высоко (мягко, тонко, ясно...). Ретрагирующими и, следовательно, понижающими тэмбр являются согласные h$_2$, ṯ$_2$, ', ş$_2$, k$_2$, и в некоторых сочe-

[1] А. Калашев. Русско-айсорский и айсорско-русский словарь. Тифлис 1894, стр. 1.

таниях, также l, m, r. Например арабское mat$_2$ar «дождь» = m$_2$å̊t$_2$å̊r$_2$, но balad «город» = bäläd. Эти примеры можно было бы написать и так: ^{0}matar, ·balad, т. е. обобщая в первом случае низкий тэмбр (^{0}), а в последнем случае — высокий тэмбр (·). В обычной транскрипции это не для чего: наличие t$_2$ уже показывает, что все соседние звуки имеют низкий тэмбр, а отсутствие даже одного из ретрагирующих согласных говорит за высокий тэмбр. Конечно, на практике дело не так просто: в каждом языке есть свои особенности и спорные случаи. Что касается языка современных ассирийцев, вопрос о сингармонизме (гармонии гласных) обстоит так:

1. В говорах, сохраняющих старое произношение ретрагирующих согласных, окраска гласных представляет живой процесс; так в тех мосульских говорах, где наличие этих согласных поддерживается арабским языком, господствующим в районе, говорят, напр. t$_2$p̈ik$_2$-lê «он встретил», khïẗ$_2$ê «пшеница», zïk$_2$k$_2$â «бурдюк» (но, как и в арабском, здесь долгие гласные окрашиваются менее заметно, чем краткие).

2. В говорах, утративших старое произношение ретрагирующих согласных, окраска гласных осела в слогах или словах, переняв от прежнего состояния речи те различные функции, которые раньше неслись согласными; напр., в урмийских и закавказских говорах прежние ʿagyâ «праздник» и ʿâgyâ «лев» передаются agya (На: arja) и ägyä (На: ərjə).

3. Настоящий сингармонизм (на 100%) возникает там, где гармонизация раздвоила губной гласный u (напр., урмийские dur «вернись»: dür «запри, захлопни») и завершила основную триаду семитских гласных фонем A—I—U.[1]

4. Так как и число ретрагирующих согласных невелико (1/4 алфавита и даже меньше) и число слов с этими согласными меньше, чем без них, высокий тэмбр преобладает над низким и встречается значительно чаще, тогда как в тюркских языках, где другое происхождение сингармонизма, низкий тэмбр чаще, чем высокий.[2]

5. Так как далеко не в каждом случае слово низкого тэмбра имеет себе контраст с другим значением, то гармония часто колеблется между обоими тэмбрами, напр. khïzda || khizdä «жатва», payda || päydä «прок», urkha || ürkhä «путь». В говорах с нейтральностью губных гласных часты формы, как urkhä.

6. Звуки k$_2$, h$_2$ при продвижении точки артикуляции вперед (k, kh) нейтрализуются и могут даже способствовать приобретению высокого тэмбра, напр. kä′mäyä (qəməjə) «первый», khmärä (xmərə) «осёл», ghzürä (xzurə) «свинья».

II. ЧТО УЖЕ СДЕЛАНО

6. **Миссионерский письменный язык.** На смену старому сирийскому языку, далекому от разговорной речи современных ассирийцев, английские и американские миссионеры создали новый письменный язык, более близкий к речи общества, но тесно связанный со старым сирийским

[1] Как известно из наблюдений над живыми арабскими говорами, заметнее всего раздвоение A на å̊ || ä; менее заметно раздвоение I на ɪ̈ || i; наименее заметно раздвоение U на û || ü. (Конечно, для арабского, как и для других семитских языков, под ä, ö, ü нужно разуметь не немецкие и тюркские передние гласные, а средние между ними и a, o, u).

[2] Потому казак Байтурсунов предложил значок dajaqcь — обобщитель высокого тэмбра, показывающий, что нужно читать не «а, ь, о, u», а «ə, і, ө, y» (вроде моего ·balad для bäläd). Ассириец выдумал бы dajaqcь для заднего тэмбра (см. § 6,5). Для тэмбров тюркской речи см. статистику букв нового алфавита в «Культуре и письменности Востока» VI, 151—158.

языком через несторианский алфавит, этимологическую орфографию и большой терминологический вклад из старой литературы. Письмо идет справа налево. Буквы, меняющие свою форму в зависимости от связи с предыдущим и последующим, выражают собственно согласные звуки. Письмо испещряется системой вспомогательных точек; точка над буквой — смычное произношение, под буквой — щельное; две точки «··» над какой-нибудь буквой в слове — множественное число; различные комбинации точек и букв с точками — гласные; в частых словах точка заменяет более сложное начертание. «Рукопись у Айсоров ничем не отличается от печати. Вследствие кругловатости букв и разнообразных точек процесс письма совершается очень медленно», пишет образованный ассириец.[1] В основу нового письменного языка была положена речь Урмии. «Впрочем, миссионеры, сделавши урмийское наречие литературным, ввели в него много древнесирийских форм и оборотов и наложили на него таким образом печать искусственности; кроме того, нисколько не руководствуясь лингвистическими соображениями, они удержали сирийские письменные знаки, которые не изображают всех звуков этого языка».[2]

Если сравнить миссионерский письменный язык с разговорной речью (хотя бы урмийской) заметны следующие расхождения:

1. В письменном языке много сирийских и греческих слов, которых нет в разговорной речи среднего уровня. В словаре Maclean'a (Oxford 1901) такие книжные элементы обозначены звездочкой и это обозначение встречается у него очень часто, хотя он и оговаривается (стр. XI, сноска 4), что поместил в свой словарь минимум книжных элементов, рискуя иначе удвоить объем книги! А объем — 334 страницы in 4^0 достаточно убористого шрифта. Из этого видно, как велико насыщение новосирийского письменного языка неразговорным материалом.

2. В написании слов содержится довольно много непроизносимых букв. Часть их отмечается особым значком (talk$_2$ânâ «разрушитель»), часть не отмечается вовсе никаким значком. Таким образом, например, слово khinä «другой» пишется с двумя лишними буквами (как старое 'akhrênâ); слово yimmü «его мать» выражает окончание -ü «его» тремя буквами — HWY. Этим способом писания нечитаемого можно искусно пользоваться, чтобы протащить какую-нибудь идейку, не увязывающуюся с разговорным языком; например, можно написать слово süräyä «сирийский» с начальным 'âlaph под значком talk$_2$ânâ как будто раньше было * 'asûrâyâ (фантастическая форма вместо 'âthurâyâ «ассириец»).

3. Письмо наполнено различиями, которые свойственны старому сирийскому языку, но несвойственны современному урмийскому: узкие *e*, *o* и *i*, *u* (теперь одинаково = *i*, *u*); bh и v; kh и h$_2$; сочетания «гласный + *p*, *b*», которые теперь произносятся как один губной гласный, напр. khabhrâ = khora «товарищ», b-naphsjûhy = bnösjü «сам, соло».

4. Письмо не может различить монофтонгов (одногласных) *e*, *o* от дифтонгов (двухгласных) *ay*, *aw* (напр. Fet и Fayt, Polenko и Pavlenko), так как обозначения для старых *e*, *o* читаются теперь *i*, *u*, напр., Aleksandros = Äliksändrüs (Əliksəndrus), а старые дифтонги *ay*, *aw* читаются *e*, *o*, напр. Bardays$_2$ân = Bardësan, Pawlos = Polus, и для новых дифтонгов уже не остается ничего кроме их старого написания. Выражая количественные только отношения a : â и ничем не выражая качественных отношений a : ä,

[1] П. Эйвазов. Некоторые сведения о селе Койласаре и об айсорах (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, IV, 1 отдел, стр. 312).

[2] Л. Лопатинский в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», XX, отдел II, стр. 99.

письмо не передает разницы между такими случаями, как lala «немой»: lälä «нянька», nora «сияние»: nörä «зеркало», daban «каблук»: däbän «наш зверь» (-*n* «наш»).

5. Письмо находится в полном отрыве от факта перемещения функций между гласными и некоторыми согласными (§ 5,2). Поэтому немудрено, что необразованный, но грамотный ассириец пишет слова низкого тэмбра всегда с буквой ʿë (ʿayn) независимо от какой бы то ни было этимологии; образец такого письма приводит A. Merx, Neusyrisches Lesebuch, Breslau, 1873, стр. 46 (и примечание на стр. 57).

Влияние книжного языка на разговорный наблюдается во многих случаях. Оно сказывается и на форме и на значении. Сравните, например, bil «между», närä «река» и Bit-nahrïn «Междуречье, Месопотамия»; первые два слова разговорные, последнее — книжное (другой тэмбр; сохранение th > t; h в конце слога). Большую путаницу вносит книжный язык в произношение û (§ 9,4) и в сингармонизм. В книжном языке û всегда долгое *u*, тогда как в Урмии обычно uy или üy, в Саламасе ugh, в Курдистане uv и т. д. (напр. zûzê «деньги» = züyzi, zughzi, zuvzi...); в словах из книжного языка поддерживается û, но происходит немало колебаний с народными (дифтонгизованными или спирантизованными) его отражениями.

Долгое î старого языка отражается в новом как дифтонг (двоегласный) iy || ïy, напр. $k_2t_2$îlâ «убитый» > $k_2t_2$ïylâ. Однако, под влиянием книжного языка и латинизованные печатные произведения передают *i*, удлиннившееся и дифтонгизовавшееся при падении следующего согласного, как «i»; напр. kirsâ «брюхо» > kiysä (HA : kisə).

7. Запись живых говоров. Современное языкознание придает большое значение записи живых говоров. Хорошее знакомство с говорами помогает языковеду и в теоретической работе, напр. при исследовании истории языка, и в практической, напр. при разработке орфографии. Многие задачи, стоящие перед языкознанием, вообще не могут быть правильно решены без учета живых говоров.

Сирийские говоры уже неоднократно записывались. Обозревая опубликованные записи, можем заметить, что 1) записаны далеко еще не все говоры; 2) запись производилась очень часто неточным алфавитом и не отражает настоящей живой речи; 3) объектом записи сплошь да рядом бывали духовные лица и начетчики, находящиеся под сильным влиянием книжного языка.

Большинство записей выпало на долю урмийских говоров, так как Урмия является важным культурным центром, имеющим более или менее оживленные связи с Европой и Америкой. Немало записей приходится и на мосульские говоры, опять-таки в силу важности Мосула как культурного центра. По саламасским говорам — христианскому и еврейскому — имеется лишь один солидный сборник записей (R. Duval, 1883). По закавказским говорам — христианскому и еврейскому — опубликованы содержательные записи А. Лопатинского и А. Калашева («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XX). Прочие говоры восточно-сирийского наречия записывались мало, отдельными небольшими кусочками. Зато по западно-сирийскому наречию «торани» имеется капитальный сборник записей (E. Prym и A. Socin, 1881); немало сделано и по западно-арамейскому говору деревни Маʿлула (D. J. Parisot, 1898; G. Bergsträsser, 1915, 1921 и 1933).

Многие записи сделаны сирийским алфавитом и конечно далеки от передачи действительного произношения. Многие записи сделаны латинским алфавитом, но без достаточного уточнения вспомогательными значками,

почему передают произношение лишь грубо приблизительно. Есть, однако, записи точными фонетическими алфавитами, которые позволяют отобразить произношение, каково оно есть. К сожалению, записыватели редко примыкают к какой-нибудь определенной системе, объединяющей определенную школу языковедов; они пользуются индивидуальными системами транскрипции и это затрудняет выяснение тех подробностей, которые интересуют исследователя фонетики. За образцовые в этом смысле записи я бы похвалил только наших закавказских авторов: Л. Лопатинского и А. Калашева, пользовавшихся транскрипцией Академии Наук («Общелингвистическая азбука» 1888 г.) и С. В. Осипова, записавшего свой перевод сказки про девочку и волшебницу («ında bra:t'a ında hu:rij-pa:rij») алфавитом Международной фонетической ассоциации (напечатан в журнале «Le maître phonétique» за 1913 г., стр. 79—80).

Что касается сингармонизма (§ 5), он выражен только в этих записях. Возможно, что прочие записи, если бы они были точнее, дали бы нам больше сведений о процессе гармонизации в других говорах.

8. Научные исследования. Записи говоров и практические пособия (грамматики, хрестоматии, словари) являются обычно лишь сырым материалом, требующим основательной научно-исследовательской проработки. Первые материалы по новоарамейским говорам были доставлены миссионерами, которые ни по интересам, ни по подготовке не были языковедами — грамматика D. Stoddard'a 1856 г. дала материал из Урмии и Курдистана; записи J. Ferrette'a 1863 г. дали материал из Ма'лулы. Первый опыт научного исследования по доступным тогда материалам — капитальный труд проф. Nöldeke, покойного почетного члена Академии Наук СССР; он вышел в 1868 г. под заглавием «Grammatik der neusyrischen Sprache». Мысли этого крупного ученого, собранные в предисловии и разбросанные по всей книге, ценны для всякого, кто хочет научно заниматься речью современных ассирийцев. Работа Nöldeke облегчила работу миссионера A. J. Maclean'a, написавшего единственные до сих пор сводные по всем говорам грамматику 1895 г. и словарь 1901 г.

Из специальных исследований можно пока отметить лишь одно, хотя и старое: работу M. Hartmann'a, 1875 г., о четырех- и пяти согласных корнях в семитских языках, содержащую главу «Neusyrisch».

Нелишне заметить, что наши закавказские записи (§ 7) остались совершенно неведомы для западно-европейской науки. Это сыграло свою роль: ни о закавказских говорах, ни о сингармонизме в Западной Европе не знают, хотя запись С. В. Осипова появилась именно в западно-европейском журнале. Это характеризует и отношение большинства семитологов к живым говорам.

9. Новый алфавит. Советские ассирийцы не остались в стороне от движения в пользу латинизации письма восточных народов. Однако, первый опыт реформы произошел у них на базе русского алфавита, пополненного несколькими латинскими буквами:

Аа	Бб	Вв	Гг	Dd	Ее	Әә	Жж	Зз	Ии	Jj	Кк	Qq	Ll
ä	b	v	gj	d	e, ë	a	zj	z	i	y	k	kj	l, l_2

Мм	Нн	Оо	Пп	Рр	Сс	Тт	tt	Уу	Хх	hh	Чч	Шш	Ыы
m	n	o, ö	p	r	s	t	t_2	u, ü	kh	h	tj	sj	ï

Кроме того, двоебуквие дж = dj. Этот русско-латинский алфавит неудобен уже в техническом отношении: в типографиях не находится про-

писных букв для «t, h» иначе как в виде «T, H», что совпадает со строчными «т, н». Кроме того, именно ассирийцам нет смысла переходить на русский шрифт: им они не смогут ни достигнуть, ни соблазнить многочисленных ассирийцев за рубежом в Персии, Турции, Месопотамии, Сирии и Америке! Между тем как в Турции и Америке ассирийцы уже несомненно знакомы с латинским алфавитом, а в прочих странах это знакомство тоже не выходит за пределы возможного.

В настоящее время советские ассирийцы, не отказываясь пока от несторианского письма (на котором выходит $^3/_4$ газеты «Kоxvə d'mədinxə» и литература для хорошо грамотных взрослых), переходят на новый ассирийский алфавит в виде латиницы:

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Əə	(Ff)	Gg	Hh	Ii	Jj	Kk	Ll	Mm
a	b	tj	dj	d	e, ë	ä	f	gj	h	i	y	kj	l, l_2	m
Nn	**Oo**	**Pp**	**Qq**	**Rr**	**Ss**	**Şş**	**Tt**	**Ţţ**	**Uu**	**Vv**	**Xx**	**Zz**	**Žž**	**Ьь**
n	o, ö	p	k	r	s	sj	t	t_2	u, ü	v	kh	z	zj	ï

Пары a : ə, k : q были предметом споров. Нынешнее решение соответствует другим системам НА, напр. тюркским, где a, q выражают задние звуки; ə, k — передние. Соответствует оно в отношении k : q также семитологической транскрипции, но противоположно аналитическому алфавиту акад. Н. Я. Марра, где k не придыхательное, q придыхательное, как в русско-латинском алфавите ассирийцев.

Отметим техническое расхождение в типографском исполнении этого алфавита: 1) в Москве печатают в, в Тифлисе ь; 2) буква «t со значком» варьируется на все лады: значок появляется то в виде жирного треугольничка, то отсутствует совсем... Относительно Ff см. ниже: пункт 6.

Можно было бы сказать многое о недостатках нового алфавита вообще и нового ассирийского алфавита в частности. Однако, у нас есть задачи посущественнее и посрочнее: все латинизованные ассирийские издания, которые я до сих пор читал,[1] поражают безобразным исполнением. Дело не только в отсутствии правил орфографии, без которых нельзя научить грамотно писать; дело еще в ужасающих опечатках, коими кишит каждая страница. Что касается орфографии, наблюдаются колебания такого рода:

1. По сингармонизму (§ $5_{,5}$) и часто на одной и той же странице: напр. azad (QS 23) || əzəd (QS 43) «свободный». К : азат' (но азадут'а «свобода»); dusax (QS 41) || dusəx (QS 40) «тюрьма». К : дуссах'ана; mhaslanuta || mhəslənutə «производство» (M 35; QS 27). К : hасыл «производить»; mьггь (M почти всегда; QS 36) || mirri (KdM всегда) «он сказал». К : мärт'ä «сказать»; nьvţa || nivţə «нефть» (M 9). К : нуіта, нып'та. Mc : nyûţâ, nôţâ. Пишут и nept; palgu || pəlgu «половина его» (M 65). К : п'älгä «половина»; ptaxta (PB 11) || ptəxtə (KdM всегда) «открытие». К : п'т'äх'тä; qommuna (QS 28) || qommunə (QS 14) «коммуна». По-русски низкий тэмбр; qţьjla || qţijlə (M 47) «убитый». К : кытла «убийство». Низкий тэмбр от t_2; rusnajь (QS 41) || rusnəji (QS 2 [обложка]) «русские». По-русски низкий тэмбр; şulä || şulə (M 40) «дело». К : çylä. Ожидается низкий тэмбр < sjughla (§ 6,

[1] В дальнейшем привожу под сокращениями:
KdM = газета «Kоxvə d'mədinxə» (Звезда Востока) в Тифлисе.
M = A. Minəsov, Ktəvə qə kimqьrjь, gurь. Mosqvə 1931/1932.
PB = S. Pirəjəv u I. Bedrojev, Məlpənə d'qreta. Mosqvə 1931.
Q = Qiletə u Sqorobogətov, L'xəjji xəti. Mosqvə 1931.
Прочие издания называю полностью кроме словарей (К = Калашев, Mc = Maclean). Римские цифры — выпуск, арабские — страница.

конец); ţusa (KdM всегда) || ţusə (M 5; 45) «пример, τύπος». Низкий тэмбр от t_2; ţьjma (M 53) || ţijmə (M 9) «цена τιμή». K: тыima. Низкий тэмбр от t_2; xilmətkarь || xilmətkəri (QS 30)« служащие». K: x'ilmät'k'äp.

2. По удвоению, напр. akara || akkara «крестьянин», hədəmə || həddəmə «член», ṣəqij || ṣəqqij «несчастный», manatь || manattь «рубли», millətəjə || milləttəjə «национальный». Maclean, проживший среди ассирийцев пять лет, уверяет, что удвоение согласных встречается у них крайне редко. Фонетические записи показывают, что́ удвоенный (долгий) согласный появляется лишь в обусловленном положении: между кратким ударенным и следующим гласным, напр. у С. В. Осипова (§ 7) jim:ö «ее мать», ham:aʃa «всегда», lib:a «сердце», mij:a «вода». В некоторых случаях он показывает даже и эту обусловленную долготу необязательной, напр. mir(:)a «она сказала», bɑj(:)ɑn «я хочу (жен. род)».

3. По зиянию (стыку гласных), напр. saat || sahat «час», mabbua || mabbuva «источник», laьţ || lajьţ «пусть проклинает». Под влиянием таких случаев нередко устраняется зияние в интернациональных словах, напр. pioner || pijoner «пионер», burzuazьja || burẓuvazьja «буржуазия».

4. По губным гласным o, u и их сочетаниям с другими звуками, напр.

jomə || jumə «день»	uţma || ьţma «бедро»	gudə || gujdə «стена»
ṣorbə || ṣurbə «похлебка»	ulull || ьllьl «верх»	lulə || lujlə «дупло»
moxa || muxa «мозг»	ojun || ojьn «затея»	arxuta || arxujta «пир»
go || gu «в» (предлог)	sup'a || sьp'a «палец»	ьaluva || balujta «горло»
zavod || zavud «завод»	huçum || hi- «наступление»	buṣəju(v)tə «большинство»
qolonijə || qulunije	pulxənə || pi- «работа»	divṣə || dujṣə «мед»
Mənçorijə || Mənçurijə	busla || bьsla «лук»	ktivtə || ktujtə «почерк»
polьţьjqa || pulьţьjqьj	varlu || varlь «имущий»	puqdənə || pujdənə «приказ»
(см. § 6_4)	(см. «КиПВ» X, 79)	(см. § 6, конец).

5. По слитному и раздельному написанию напр. Bit-Nahrьn || Bitnahrьn «Месопотамия» (§ 6, конец), ki ṣəqlij || ki-ṣəqlij || kiṣəqlij «они берут»,[1] məri || məri-xer || mərixer «выгодный». Кстати упомянуть: апостроф употребляется в ассирийской латинице в двух противоположных значениях — 1) для соединения слова с предыдущей однобуквенной частицей, напр. b'kənun qəməjə «в декабре», Koxvə d'mədinxə «Звезда востока», pələxi təgburinə l'kərxəni «рабочие управляют фабриками»; 2) для разъединения слова при гортанном взрыве, который остается на месте прежнего гортанного дрожащего 'ё ('ayn) в одних говорах и заменяется удлинением предыдущего согласного в других говорах, напр. ar'a || arra «земля» (§ 2_1), tar'a || tarra «дверь», mьs'aja || mьssaja «средний». Поэтому, если написать, напр., qələ d'ar'a «голос земли», получается противоречие в одном и том же зрительном комплексе.

6. По интернациональным терминам и собственным именам: московские издания копируют русское акающее произношение, напр. avţamavьl || apţmavьl (QS 48), Varaṣьlov (QS 49); насильственно гармонизируют, напр. mьljardь (M 8; 9), Stalьn (QS 30); колеблются, в чем только можно, напр. qulaqi || qulaki (QS 16), gektəri || geqtari (QS 21). Газета же «Koxvə d'mədinxə» в Тифлисе проводит принципы ВЦК НА (точная транслитерация всего международного материала) и пишет: avţomobil, Voroşilov, Stalin...

[1] У С. В. Осипова (§ 71) этот префикс передается c' —, ɟ —, напр. c'ma/nibvala «любил ее», ɟdam/ja:va «была похожа», т. е. kjmäghibwälä, gjdämyävä (HA: ki-məxibvələ, ki-dəmjəvə). В большинстве говоров этот префикс утратил гласный i.

Конечно, до сих пор у нас нет стандарт-минимума транскрипции, о котором я писал в «Революции и письменности» № 1—2, стр. 67, и поэтому некоторый произвол пока неизбежен. Два пункта нуждаются еще в некоторой иллюстрации: за отсутствием «f» пишут всюду «p», напр. paşьsth, tilipon, tьlьgrap...[1], а западноевропейское и американское «h» обычно передается на русский лад через «g», напр. Gitler, Gindenburg, Guver... (в первоисточнике пишется Hitler, Hindenburg, Hoover...); только изредка встречается правильное «h», напр. ha = heqṯar (у М всегда).

Можно еще обратить внимание на сокращения, которые теперь в большой моде, но представляют серьезную задачу для НА вообще. В латинизованных ассирийских изданиях употребительны такие типы сокращений: 1) SSSR — одни прописные буквы; 2) Stm (= МТС) — прописная в начале, дальше строчные; 3) X. r. m. s. или x. r. m. s. (= xujədə d'respubliqi motvəji sotsiəlistəji «СССР») — строчные, разбитые точками. Хуже всего дело с теми русскими сокращениями, куда входит «ц» = ассирийскому «ts», напр. ЦИК, ЦКК, ЦЧО = tsiq, tsqq, ts. c. o. Ассирийский автор или переводчик нисколько не «унижают» достоинства этих объектов графического сокращения тем, что пишут со строчной буквы: ведь двоебуквие «ts» лишь с трудом «повышается» в TS, так как TSIQ, TSQQ, TS. C. O. сокращают как бы на одно важное слово (нем. Stichwort) больше! Это легко проверить по русской ре-транскрипции: *ТСИК, *ТСКК, *ТС. Ч. О. Правда, tsqq остается тарабарщиной, но tsiq передает фонетическое исполнение трех русских букв, а ts. c. o. спасается благодаря разделению точками. Вопросы эти, конечно, выходят за пределы собственно ассирийской орфографии и заслуживают внимания ВЦК НА вообще.

Опечатки — бич нацменовских изданий. Читая ассирийские латинизованные издания, можно буквально испещрить страницу, если исправлять все опечатки и устранять все колебания в орфографии. Опечатки составляют как будто связные серии: так, большой процент опечаток приходится на буквы из овала и столба — d, b, q, p (их путают лица, которые не имеют навыка в латинском шрифте); немалый процент идет на c:ç, e:ə, i:j, s:ş t:ṯ. Иногда останавливаешься в недоумении: опечатка, возведенная в правило (несколько раз подряд!), или робкая попытка ввести что-то новое (хотя бы дикое, несуразное), никак не возьмешь в толк; напр. трижды подряд bnēgara вместо bneçara «трудящиеся» (QS 30); трижды подряд qərxəi (с несуществующей в новом ассирийском алфавите буквой «ə»), очевидно, вместо qərxi < $k_2$arghï «вороны» (A. Georgiev, Liṣənə jimməjə II, 30).

III. ЧТО ЕЩЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ

10. Орфография. Колебания, показанные в предыдущем параграфе, должны быть, конечно, устранены. Иначе мудрено обучать: книга только сбивает с толку; учитель сам не знает, как правильно написать такое-то слово; общество отвечает спорами — почти каждый ассириец считает свой говор правильным, а чужой говор «неправильным». Какой говор принять в основу латинизованного ассирийского литературного языка? Обычно отвечают: конечно, урмийский. Но в Урмии не бесклассовое общество и, если под «урмийским» разуметь речь тамошнего духовенства, то с таким «урмийским» говором советским ассирийцам не по пути, а если разуметь

[1] В самых новых изданиях буква «f» вводится, но применяется непоследовательно напр. I. Bedrojev и I. Givərgizov, Elm d'kjəne III, пишет fizqulṯura (8), tif (10), fosfor (70), но porma (29), posporit (44), ətmospera (77).

речь тамошнего трудящегося населения, то она до сих пор научно не обследовалась (европейские семитологи записывали преимущественно речь духовенства и читали преимущественно миссионерские издания!). В результате приходим к несомненному положению: разработка литературного языка для советских ассирийцев требует научной разработки всего доступного живого и книжного материала, а для этого нужны кадры, которых нет...

Так или иначе, но правила орфографии нужно выработать уже теперь, не дожидаясь того момента, когда почва будет окончательно возделана научной разработкой. В качестве руководящих начал для выработки этих правил пока напрашиваются два: 1) выражать на письме только то, что вносит смысловые различия, и 2) установить систему предпочтений для колебаний, не вносящих смысловых различий. Так как определенный говор не может быть положен в основу, то орфография должна лавировать между наличными говорами, проводя между ними нечто среднее (интердиалектальный синтез). Так, урмийские говоры требовали бы различения «u» и «y», напр, dur «вернись»: dyr «запри» (§ 6,$_3$), но это различие чуждо другим говорам, где «запри» имеет форму dvur. Еще пример: урмийские и мосульские говоры требовали бы введения «ɋ» (звук gh, звонкий к «x»), напр. aɋa «помещик», ɋalьbuta «победа», paɋra «тело»[1]; но курдистанские говоры не отличают этого gh от kh и нам приходится писать: axa, xalьbuta, paxra (но не aha, halьbuta, pahra, как пишут некоторые). Особо обстоит дело с различием придыхательных и непридыхательных согласных; и несторианский алфавит и НА различают лишь пару t : ţ, но не различают других пар, о которых я пишу в особой статье «Спорные вопросы ассирийской орфографии».

Проект ассирийской орфографии представляется пока в таком виде:

1. Сингармонизм. В одном и том же слове не должны встречаться передние (мягкие) гласные ə, i и задние (твердые) гласные a, ь; напр. ţalta «игра», tumьmlь «он окончил», barnaşa «человек», а не ţaltə, tumьmli, barnəşə. В случае колебания, к какому ряду гармонии отнести слово, относить к заднему ряду[2]; напр. barnaşa «человек», solь «башмаки», şula «дело», а не bərnəşə, soli, şulə. См. еще пункт 6.

2. Удвоение согласных. Как правило, два одинаковых согласных подряд избегаются; напр. huçum «наступление», manatь «рубли», milətəjə «национальный», а не huççum, manattь, milləttəjə. Лишь в случае, если удвоение согласного вносит смысловое различие, удвоенный согласный воспроизводится в письме; напр. dəbə «зверь» : dəbbə «грыжа», kjurə «слепой»: kjurrə «осленок».

3. Зияние. Два гласных подряд допускаются (saat, «час, часы», а не sahat). Сочетания узких гласных «i, u, ь» с широкими гласными «ə, a» не должны разделяться вставкой согласных j, v; напр. miə «вода», laьţ «пусть проклинает», mabua «источник», а не mije (mijjə), lajьţ, mabuva

[1] Впрочем и сами урмийцы передают этот звук в начале слова чаще через $k_2 = q$, напр. $k_2$äzäp «кара», $k_2$eyrät «ревность», $k_2$azavat «священная война», или через kh = x, напр. khïlt$_2$a «ошибка», khäm «забота» (< араб. ghad$_2$ab, ghayrat, ghazâwat, ghalat$_2$, ghamm).

[2] Разумеется, такое смелое правило будет вызывать иногда обратный эффект вроде marta, palga, ptaxta вместо правильных (судя по диалектологии) mərtə, pəlgə, ptəxtə. Однако, впредь до издания орфографического справочника для ассирийцев нет возможности предугадать все будущие колебания. Укажу, что даже правило ʻë (§ 6,$_5$) дает иногда осечку: bitə, əqubrə, idə, surə, vədtə < bi'tâ «яйцо», ʻuk$_2$bërâ «мышь», ʻi'dâ «праздник», z'ûrâ «малый», ʻëbhadhtâ «делать».

(mabbuva). Вместо dijij «моё», где 4 точки подряд, или даже dijjij, достаточно писать: dij.

4. Губные гласные и их сочетания. В случае сомнения предпочитать:

o, а не u, напр. jomə «день», а не jumə

u » { i » pulxənə «работа», а не pilxənə
ь » ulul «верх», а не ьlьl (ьllьl)
uj » gudə «стена», а не gujdə
uv » buʂəjutə «большинство», а не buʂəjnvtə

iv » uj » divʂə «мед», а не dujʂə

Особо: puqdənə «приказ», а не pukdənə, pugdənə, pujdənə.

5. Слитное и раздельное написание. Пишется слитно всё, что составляет одно цельное понятие и имеет тот же ряд гармонии (пункт 1); напр. barnaşa «человек», bneçara «трудящийся, трудящиеся»,[1] Bьtnahrьn «Месопотамия». Пишутся через апостроф (') только грамматические частицы b', d', k', l', и только они; вместо сочетания d'b' писать db', напр. db'noşə «одинокий, сольный». Внутри слова апостроф не пишется, напр. ara «земля», mьsaja «средний», rvьeta «четвертый», а не ar'a, mьs'aja, rvьj'əta. Черточка (дефис «-») употребляется лишь как знак переноса на следующую строку и для соединения самостоятельно употребляемых слов, напр. prizlə-beton «железобетон», surəj-rusnaja «ассирийско-русский».

6. Интернациональные термины и иноязычные собственные имена (вопреки пункту 1) должны передаваться ближе к русскому написанию, чем к русскому произношению. Схема передачи предпочитается в следующем виде:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	jo	ž	z	i	j	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	x	ts	c	ş	—	ь	e	ju	ja	

причем, в силу пункта 3, окончание -ия передается -ia, напр. Германия > Germania; окончание же -ий рациональнее удалять, напр. алюминий > aljumin, а не əljuminij (во избежание ложного осмысления как -ij «мой, моя, моё»), но это не касается славянских фамилий, напр. Дубровский > Dubrovskij (иначе получатся названия городов!). Относительно «ц» на практике колебание между «ts» (в большинстве произведений) и «s» (в меньшинстве); в собственных именах необходимо «ts», напр. Клара Цеткин > Klara Tsetkin.

Авторам, переводчикам и редакторам предлагается просматривать интернациональные термины и собственные имена в европейских словарях или энциклопедиях во избежание лишних руссизмов; для текущего газетного материала — просматривать газету «Moscow Daily News». Таким образом, русское «г» окажется иногда «g», иногда «h».[2]

Прибавляя к интернациональному материалу ассирийские грамматические окончания, нужно придавать им гармонию по предыдущему глас-

[1] В значении жителя или жителей bne стоит обычно перед собственным именем и здесь возникает вопрос, как писать: bne Tiplis, bne Tiplis, bnetiplis или Bnetiplis? Следует учесть, что собственные имена бывают очень малоизвестны и, при слитном строчном написании, глаз не отделяет bne. Поэтому рациональнее: bne Tiplis.

[2] Что делать с непосредственным вкладом из греческого языка (как gramatьjqьj, pulьtьjqьj, susţijmə = грамматика, политика, система) и с английской частью европейского вклада, решится лишь пр побсуждении терминологии, какового вопроса эта статья не касается.

ному, считая губные гласные o, u задними (твердыми); напр. komunist, montjor, revoljutsia > komunisti, montjorь, revoljutsii (множественное число); komunistəjə, montjoraja, revoljutsiəjə (прилагательные).

При выработке правил ассирийской орфографии следовало бы учитывать не только колебания авторов и переводчиков, людей с опытом в старом письме, но и колебания учащихся, только что приступивших к самостоятельному изложению мысли посредством НА. Это возможно только на основе опыта, накопившегося у преподавателей ассирийских национальных школ. Пока обратим внимание на то, что наши авторы и переводчики сравнительно бесперебойно сохраняют в письме коренные согласные, не поддаваясь влиянию имеющейся в произношении мены по голосу — оглушения звонких и озвончения глухих; напр. пишут gərəg «должен», pulad «сталь», səbəb «причина, потому что» (слышится gjäräkj, pulat, säbäp). Однако, путаница возникает внутри слова, напр. asbab || aspab || azbab «прибор», xiẓbunə || xiṣpunə || xiẓbunə «счет, отчет». Решение таких вопросов зависит от наличия или отсутствия связи между родственными формами у теперешних говорящих; напр. глагол xəṣiv «считать» и имя xiẓbunə «счет» могут быть столь же разобщены в сознании говорящего, как по-русски *жар: гореть, чесать: коса, начало: конец*, а в таком случае рациональнее предпочесть фонетическое написание — xizbunə.

11. Проблема кадров. Большинство семитологов интересуется преимущественно древними объектами изучения. Внимание к проблемам современности до сих пор у семитологов составляет редкость. Изучение живых говоров носит академический характер «чистой науки»; задачи языкового строительства игнорируются. Если заграницей такое положение считается «в порядке вещей», то в СССР дело должно обстоять иначе. Но увы: до сих пор советская наука еще почти ничего не сделала для обслуживания семитоязычных нацменьшинств Союза — ассирийцев и среднеазиатских арабов... Дело в том, что со времени дореволюционной России единственным на всю страну очагом семитологии был Петербург, в частности Факультет восточных языков в университете, упраздненный в 1918 г. Этот факультет, стяжавший себе мировую известность и выпустивший немало крупнейших востоковедов, имел (и от времени до времени осуществлял) возможность преподавания всех семитских языков — аккадского, арамейского, еврейского, арабского и эфиопского. Преподавание арабского языка не ограничивалось одной только классической литературой, но включало и живые говоры, преимущественно Сирии и Палестины. Наличие хорошо представленной арамеистики давало полную возможность подготовить работников для ассирийцев, но за время существования факультета не было соответствующего социального заказа. Упразднение Факультета восточных языков не сразу умертвило семитологию в нашей стране: различные последующие формации в стенах Ленинградского государственного университета под названием «Восточного отделения» или «Отделения Советского востока» еще давали место семитским языкам. Однако, с выделением гуманитарных факультетов из ЛГУ в самостоятельные отраслевые институты и с образованием Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) семитология погибла: из всех семитских языков был оставлен один только литературный арабский да и то в виде пары кцпых вспомогательных курсов с неполной нагрузкой единственного из сохранившихся преподавателей-семитологов! Вот как обстояло дело с научным преподаванием семитских

языков, без которого нельзя подготовить кадры ни для ассирийцев, ни для среднеазиатских арабов. Теперь, на 1933/1934 учебный год, ЛИЛИ открывает прием на вновь формируемый Семитский цикл с уклонами арабским, древнееврейским и ассиро-вавилонским; до живой речи наших ассирийцев дело еще не дошло.

Что касается аспирантуры по семитским языкам, то за все время до 1933 г. у нас в Ленинграде выпущено только трое: 1) пишущий эти строки и 2) тов. А. П. Рифтин, оба в 1929 г. по аспирантуре РАНИОН; 3) тов. Г. В. Церетели в 1932 г. по аспирантуре Академии Наук СССР. Новых аспирантов нет, так как соответствующих предметов в вузах не преподают! При таких, с позволения сказать, темпах далеко не уедешь...

Недооценка семитских языков в вузах СССР налицо: в то время как за границей почти каждый поп знает один — два семитских языка и оперирует ими в пользу своего культа, у нас историки религий не изучают ни одного семитского языка и в своей антирелигиозной учебе и работе пользуются сведениями о семитских культах (и их производных, как христианство) из вторых или третьих рук, зачастую из книжек либеральной буржуазии!

Вполне логичный и законный вопрос читателя, где и как можно подготовить преподавателей родного языка для ассирийских школ и научных работников по языку ассирийцев, остается на сегодня гласом вопиющего в пустыне. Но не одни ассирийцы являются пасынками в сегодняшней системе советского востоковедного просвещения: им могут подать руку и другие товарищи по несчастью — калмыки, корейцы, цыгане... В Ленинграде с его колоссальными книгохранилищами и крупными востоковедными силами есть возможность подготовлять работников для названных и неназванных народностей. Но где и как? Факультет восточных языков сдан в архив; ЛИЛИ имеет в своем профессорско-преподавательском составе необходимые силы, но, не имея соответствующих распоряжений и ассигновок из центра, не может на свой страх и риск развернуть эту огромную и ответственную работу.

Что касается ассирийцев, за ними дело не станет: товарищи Ассирийской секции Домпросвета народов Востока в Ленинграде рвутся к учебе, к научному изучению родного языка, и говорят, что много желающих есть и в других ассирийских организациях СССР.

12. Научная разработка. То, что сделано для языка ассирийцев за границей, никоим образом не освобождает нас от необходимости самостоятельной работы над этим языком в СССР. Нам нужна марксистско-ленинская методология в языковедном исследовании. Единственная точка в СССР, где ведется научно-исследовательская работа над языком ассирийцев, это Семито-хамитский кабинет Института языка и мышления (ИЯМ) Академии Наук СССР. Согласно производственному плану на 1932 г. кабинет принял коллективную тему «Айсорский язык» (название такое намечено во избежание путаницы с более известным клинописным ассирийским языком, которым в кабинете тоже занимаются). Над темой работает бригада в составе проф. И. Г. Франк-Каменецкого, Н. Юшманова и доцента Г. В. Церетели. Сделаны уже следующие доклады в кабинете: 1) Айсорский язык, что для него сделано и что еще нужно сделать; 2) Очерк научной грамматики айсорского языка; 3) Проект айсорского словаря. Кроме того, на кафедре языков и литератур Советского востока Юшмановым сделан доклад «Семитские языки нацмен Советского востока». В настоящее время подготовляется к печати книжка по научному анализу речи ассирийцев; задача книжки — с одной стороны, ознакомить европейца-языковеда с не-

известным ему восточным языком, с другой, ввести ассирийца-педагога или культармейца в неизвестную ему научную дисциплину — семитологию — применительно к его родному языку. Конечно, эти работы — лишь преддверье к намечаемым более широким задачам, разрешение которых не мыслится без активного участия самих ассирийцев. Запись живых говоров (особенно в ассирийских колхозах), составление всевозможных пособий, исследование отдельных конкретных проблем языка,[1] орфография, терминология, стилистика... Работы много!

Б. ГРАНДЕ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ НОВОГО АЛФАВИТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УНИФИКАЦИИ

К настоящему моменту новую латинизированную письменность приняли около 70 народов СССР. Из них 16 народов имели письменность на арабском алфавите, 6 народов на базе русской азбуки, 4 народности на древне-еврейском, 2 на разновидностях монгольского, 1 на сирийском и 1 иероглифическое письмо (китайцы); около 40 народностей были совершенно бесписьменными. При этом многие из тех народностей, которые и имели письменность фактически не владели массовой письменностью, она главным образом была клерикальной; количество грамотных в ряде случаев было весьма низко.

Основной чертой всех новых латинизированных алфавитов надо считать единую структуру. Алфавиты в основном являются фонематическими; в них как правило проводится принцип «каждая фонема обязательно обозначается, при чем одной лишь буквой и одним лишь способом». Отступления от этого правила довольно редки. Довольно большое количество обозначений одной фонемы комбинацией из двух букв имеется главным образом в алфавитах осетинском и китайском.

В этом отношении, т. е. в отношении основной структуры, наши алфавиты в противоположность западно-европейским являются унифицированными.

Это и было отмечено в тезисах по докладу об унификации на Пленуме Научного Совета, где констатируется:

«Алфавитное строительство в СССР протекает под знаком следующих задач: а) создание алфавитов, наиболее соответствующих характеру каждого данного языка и наиболее доступных трудящимся массам; б) максимальное сближение, унификация этих алфавитов».

Однако в новых алфавитах есть отставание в отношении унификации знаков по их значению: некоторые буквы имеют различные значения в различных алфавитах. Это касается не только «дополнительных» букв, относительно которых с самого начала был допущен разнобой, но также некоторых из «основных букв».

Приведем наиболее яркие примеры.

С — 1) в значении «ч» употребляется в 30 алфавитах (большинство тюрко-татарских, таджикский, горско-еврейский, карельский, вепсский, дагестанские и некоторые другие), 2) в значении «ц» — в алфавитах калмык-

[1] Например: много странностей представляет рифмовка в современной ассирийской поэзии. Вопрос требует надлежащего исследования, но, конечно, с привлечением существующих исследований рифмы в других языках.

ском, бурят-монгольском, коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском, абазинском, абхазском, кабардинском, китайском, дунганском, лопарском, самоедском, эскимосском и шлякском.

3) в значении «ш» — в казакском.

ç — 1) в значении «дж» — в большинстве тюркских, в иранских и ассирийском.

2) «ч» (твердое или мягкое) — в коми (зырянском и пермяцком), удмуртском, калмыцком, бурят-монгольском, дунганском и в 13 из алфавитов Севера.

3) «ц̣» смычно-гортанное — в абазинском, абхазском и кабардинском.

4) «ч̣» смычно-гортанное — в аварском, лезгинском, лакском, даргинском и табассаранском.

5) «ц̣» — в карельском.

6) «дь» — в ойротском.

7) «ж» — в казакском.

ə — 1) мягкое «а» (переднего ряда) в алфавитах тюрко-татарских, иранских, в калмыцком, бурят-монгольском, ассирийском, даргинском, лакском, аварском, лезгинском.

2) «э» среднего ряда среднего подъема — в абхазском, кабардинском, дунганском, коми (зырянском и пермяцком), удмуртском и в северных.

3) открытое «э» — в хакасском и шорском.

4) в значении арабского «айы» — в средне-азиатском-еврейском.

ǧ — 1) фрикативное задне-нёбное «г» в тюркских и иранских алфавитах.

2) твердый приступ (размычку надгортанного) в северных алфавитах.

ŋ — 1) задне-язычное «нг» — в тюрко-татарских, калмыцком, бурят-монгольском, дунганском (в 22 алфавитах).

2) мягкое «нь» — в северных, двух коми, удмуртском (15 алфавитов).

ş — 1) «ш» — в большинстве алфавитов (около 40).

2) мягкое «сь» — в двух коми, удмуртском и алфавитах Севера.

Приведем еще некоторые из дополнительных букв:

x̌ — 1) «ш» — в двух коми, 6 северных и в удмуртском.

2) «ц̣» придыхательное — в аварском, лакском, лезгинском, даргинском и табассаранском.

k̡ — 1) палатализованное «мягкое» «к» в алфавитах Севера,

2) смычно-гортанное «к» — в абхазском, кабардинском, абазинском и в 5 дагестанских,

3) «к» твердое в курдском.

t̡ — 1) палатализованное «т» — в двух коми, удмуртском, самоедском, остяцком, вогульском, лопарском, корякском и гилякском.

2) — смычно-гортанное «т» — в лезгинском, лакском, даргинском, аварском, табассаранском, кабардинском, абхазском, абазинском и курдском.

3) задне-язычное «т» — в белуджском.

z — 1) «з» — в большинстве алфавитов.

2) «дз» в дунганском.

3) «дж» мягкое — в китайском.

z̡ — 1) палатализованное «з» — в двух коми, удмуртском, гилякском и ительменском.

2) смычно-гортанное «ц̣» — в даргинском, лакском, лезгинском, аварском и табассаранском.

3) мягкое «дж» — в дунганском.

4) мягкое «д» лабиализованное в абхазском и абазинском.

Таким образом мы видим, что, при единой структуре новых алфавитов, все же существует довольно много расхождений между значениями ряда букв в различных алфавитах.

Если мы проанализируем значения всех букв алфавитов, входящих в систему НА, то мы увидим, что их можно разделить на несколько групп, внутри каждой из которых унификация является более тесной также и по значению знаков.

Эти группы следующие:

1-я группа алфавитов, это те, которые базируются на костяке из 33 букв, которые при первой унификации (в 1927 г.) были приняты в качестве унифицированных основных букв НТА.

Сюда принадлежат главным образом алфавиты тюрко-татарских языков и некоторые другие (для иранских языков), примыкающие к НТА: азербайджанский, тюркский (окончательно унифицирован в 1932 г.), карачаевский, балкарский, кумыкский, ногайский, татарский, башкирский, казакский, киргизский, туркменский, узбекский, каракалпакский, уйгурский, крымско-татарский (включая караимский и крымско-еврейский), хакасский, шорский, ойротский, якутский (окончательно унифицирован в 1929 г.), таджикский, талышский, горско-еврейский, среднеазиатско-еврейский, персидский, курдский. До известной степени с ними унифицирован и дунганский.

Эта группа наиболее многочисленная. Необходимо при этом отметить, что внутри ее имеется ряд расхождений между отдельными алфавитами относительно той или иной буквы.

Эти отступления объясняются не только численностью входящих в эту группу алфавитов, но и целым рядом других причин: отсутствием предшествующего опыта по унификации, установкой вначале на одни лишь тюрко-татарские языки, напряженностью борьбы против арабизма, вследствие чего вопросы унификации не стояли еще в центре внимания и т. д. Определенную роль тут сыграли также формалистические установки некоторых прежних работников Научного Совета ВЦК НА (Чобан-Задэ, Поливанов и др.).

2-я группа — алфавиты монгольской группы языков: калмыкский и бурят-монгольский, с которыми унифицирован монгольский (зарубежный).

Подчеркивая тот факт, что унификация алфавитов для монгольских языков, как и всякая достигнутая полная унификация любой группы алфавитов, представляет собою положительное достижение, приходится однако указать, что в данном случае в недостаточной степени были учтены алфавиты языков в территориальном, хозяйственном и культурном отношении более близких к калмыкскому (ногайский, кумыкский, тюркский, татарский).

3-я группа. Сюда относится дагестанский, унифицированный алфавит для языков: аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табассаранского. В этой группе унификация проведена довольно последовательно. Учтена также унифицированная часть букв тюркских алфавитов, с которыми унифицированы в основном знаки для звуков общих у дагестанских горских языков с тюркскими.

Дагестанская унификация приобретает особенно важное хозяйственное значение в виду многоязычности Дагестана и необходимости печатать в одних и тех же типографиях литературу на нескольких языках.

4-я группа — алфавиты западно-финских языков: карельский, вепсский и ижорский. Внутри этой группы однако нет еще полной унификации, например, относительно значений букв с и ç. Между этими алфавитами и другими наиболее важны расхождения в обозначении передних «мягких» гласных (они обозначаются при помощи двух точек над я и о).

СПИСОК НАРОДОВ СССР, ПРИНЯВШИХ НОВЫЙ АЛФАВИТ

№№ по порядку	Какой народ	Год перехода	Прежний алфавит	Количество населения	Где живут
1	2	3	4	5	6
	I. Тюрко-татарские языки				
1	Азербайджанские тюрки	1922	арабский	1.752.171	Азербайджан — 1.330.611 Нахичеванск. АССР — 88.366 Грузия — 177.907 Армения — 76.870 Дагестан — 26.312 Горный Карабах — 12.768
2	Карачаевцы . . .	1924	бесписьмен.	55.353	Карачаевская А. О. — 52.916
3	Балкарцы	1924	»	33.276	Кабард.-Балкарск. А. О. — 33.205
4	Казаки	1928	арабский	3.956.795	Казакская АССР — 3.717.002 Узбекская ССР — 101.835 Сибирь — 48.000 Нижневолжск. край — 50.000 Средневолжск. край — 20.000
5	Киргизы	1927	»	763.763	Киргизск. АССР — 661.768 Узбекистан — 76.678 Таджикистан — 11.465
6	Туркмены	1927	»	657.716	Туркменск. ССР — 627.491 Узбекск. ССР — 7.693 Казакстан — 10.563
7	Узбеки	1927	»	4.061.135	Узбекская ССР — 3.450.219 Таджикская ССР — 175.778 Туркменская ССР — 110.818 Казакстан — 212.408
8	Каракалпаки . .	1928	бесписьм.	130.139	Каракалпакск. АССР — 118.184 Узбекистан — 9.789
9	Уйгуры	1928	арабский	42.555(?)	Узбекская ССР — 31.941 Казакстан — 10.510
10	Крымские татары	1928	»	?	Крымская АССР — 186.024
11	Кумыки	1927	»	94.909	Дагестан — 88.006 Чеченская А. О. — 2.649 Кабардино-Балкарская А. О. — 3.438

(Продолжение)

№№ по порядку	Какой народ	Год перехода	Прежний алфавит	Количество населения	Где живут
1	2	3	4	5	6
12	Ногайцы	1928	бесписьм.	23.186	Дагестан — 13.548 Черкасская А. О. — 6.254 Северо-Кавказск. край — 3.000
13	Башкиры	1927	арабский	393.214	Башкирия — 356.489 Уральская обл. — 30.000 Средневолжск. край
14	Татары	1928	»	3.373.889	Татарская АССР — 1.244.919 Башкирия — 906.505 Средневолжск. край — ок. 300.000 Уральская обл. — ок. 200.000 Нижневолжск. край — ок. 180.000 Ленинградск. обл. — ок. 12.000 Московск. обл. — ок. 30.000 Горьковск. край — ок. 100.000 Удмуртск. обл. — ок. 20.000 Чувашск. АССР — ок. 25.000 Маробласть — ок. 20.000 Украина — ок. 30.000 Узбекистан — ок. 30.000 и т. д.
15	Ойроты	1929	русский	39.183	Ойротская А. О.
16	Хакассы	1929	бесписьм.	45.559	Хакасская А. О.
17	Шорцы	1931	»	12.601	Горная Шория
18	Кумандинцы . .	1932	»	6.335	Зап. Сибирский край
19	Якуты	1920 (унифицировались в 1929 г.)	русский	220.398	Якутская АССР — 217.274
20	Караимы	1929	еврейский	7.324	Крым — 4.213, Украина
21	Крымские евреи .	1928	»	6.383	Крым
			II. Языки иранские		
22	Таджики	1928	арабский	1.008.576	Таджикск. ССР — 614.037 Узбекск. ССР — 383.915 Казакстан — 7.606
23	Горские евреи . .	1929	еврейский	25.866	Дагестан — 11.484 Азербайджан — 10.270

(Продолжение)

№№ по порядку	Какой народ	Год перехода	Прежний алфавит	Количество населения	Где живут
1		3	4	5	6
24	Ср.-азиатск. евреи.	1929	еврейский	18.047	Узбекская ССР — 17.521
25	Талыши	1929	бесписьм.	80.644	Азербайджан
26	Курды	1928	»	34.119	Азербайджан — 7.355 Грузинская ССР — 9.391 Армянская ССР — 15.099 Туркменская ССР — 2.068
27	Персы	1930	арабский	76.236	Туркменская ССР — 29.751 Узбекская ССР — 13.889 Азербайджан — 11.755 Грузия ок. — 3.000
28	Шугнанцы . . .	1932 (в стадии проведения)	бесписьм.	ок. 12.000	Памир } А. О. Горный Бадахшан
29	Рушанцы . . .		»	ок. 7.500	Памир }
	III. Языки монгольские				
30	Калмыки	1930	монгольский затем русский	128.658	Калмыцкая А. О. — 106.931 Нижневолжск. край — ок. 10.000 Сев. Кавказск. край — ок. 9.000
31	Буряты	1929	монгольский	235.713	Бурято-Монгольская АССР — 215.055 Вост.-Сибирский край
	IV. Языки финно-угорские				
32	Коми-зыряне . .	1931–1932	русский	214.746	Коми А. О. — 191.325 Уральск. обл. — ок. 12.000 Северный край — ок. 5.000 Мурманский окр. — ок. 2.000
33	Коми-пермяки . .	1931–1932	»	143.780	Уральская область, главным образом, в Коми-пермяц. окр., Горьковский край
34	Вепсы	1932	бесписьм.	31.123	Ленинградская область
35	Ижоры	1932	»	15.137	Ленинградская область
36	Карелы (тверские)	1931	»	ок. 140.000	Московская область
37	Удмурты	1932 (в стадии проведения)	русский	508.760	Удмуртская А. О. — 403.533 Татарская АССР — 23.858 Башкирия — 22.287 Уралобласть, Нижегородский край ок. — 40.000

(Продолжение)

№№ по порядку	Какой народ	Год перехода	Прежний алфавит	Количество населения	Где живут
1	2	3	4	5	6
	V. Языки яфетические Северного Кавказа				
38	Абхазы	1924 (унифицировались в 1929 г.)	русский и арабский	48.131	Абхазская ССР — 47.308
39	Кабардинцы	1923	бесписьм.	ок. 125.000	Кабард.-Балк. — 122.400 Черкесская А. О. — ок. 3.000
40	Адыгейцы	1925–1926	арабский	ок. 50.000	Адыгейская А. О.
41	Черкесы	1925	бесписьм.	ок. 15.000	Черкесская А. О.
42	Ингуши	1923	»	74.094	Ингушская А. О. — 69.930 Дагестан
43	Чеченцы	1925	арабский	318.521	Чеченская А. О. — 291.959
44	Осетины-дигоры	1923	русский	266.987	Сев. Осетинская А. О — 128.331
45	Осетины-ироны				Южн. Осетинская А. О. — 59.935 Грузия — ок. 50.000
46	Абазины	1932	бесписьм.	ок. 14.000	Черкесская А. О. ок. — 11.000 Карачаевская А. О. — ок. 3.000
	VI. Языки яфетические Дагестана				
47	Аварцы	1928	арабский	158.922	Дагестан — ок. 140.000 Азербайджан — ок. 18.000
48	Даргинцы	1928	»	107.645	Дагестан
49	Лаки	1928	»	40.336	Дагестан
50	Лезгины	1928	бесписьм.	164.718	Дагестан — ок. 100.000 Азербайджан — ок. 65.000
51	Табассараны	1931–1932	»	29.726	Дагестан
	VII. Языки китайской группы				
52	Китайцы	1931	иероглифы	ок. 100.000	Дальне-Вост. край, Восточно-Сибирский край
53	Дунгане	1928	арабский	ок. 50.000	Казакская АССР, Киргизская АССР
	VIII. Языки народов Севера				
54	Лопари	1931	бесписьм.	1.717	Мурманский округ
55	Самоеды	1931	»	17.560	Ненецкий округ Северного края, Ямальский округ Уральской области и Таймырский округ

№№ по порядку	Какой народ	Год перехода	Прежний алфавит	Количество населения	Где живут
1	2	3	4	5	6
56	Вогулы	1931	бесписьм.	5.754	Остяко-Вогульский округ Уралобласти
57	Остяки	1931	»	22.306	Остяко-Вогульский округ
58	Тунгусы	1931	»	38.804	Эвенкийский и Витимо-Олекминский округа и Катангский район Вост. Сибирского края. Национальные районы Якутии (Анабарский, Булунский, Жиганский, Вилюйско Мархинский, Тукуланский и др.) в Бурят-Монголии (два нац. района) и в северной части Дальне Восточного края (два района)
59	Ламуты	1931	»	2.044	Северо-восточные районы Якутии и Северная часть ДВК
60	Чукчи	1931	»	12.331	Чукотский округ Дальне-Восточного края
61	Гольды	1931	»	5.860	Дальне-Восточный край по р. Амуру и его притокам
62	Удэ	1931	»	1.357	ДВК по побережью Охотского моря
63	Коряки	1931	»	7.438	Коряцкий нац. округ ДВК
64	Гиляки	1931	»	4.076	Низовья Амура и сев. часть Сахалина
65	Эскимосы	1931	»	1.292	На Чукотском полуострове. Основная масса живет на Аляске и в Гренландии
66	Кеты	1931	»	1.428	По Нижнему Енисею по последним данным около 2.500
67	Селькупы	1931	»	1.530	В Туруханском крае Зап. Сибири
68	Алеуты	1931	»	353	На Командорских островах. Основная масса живет на Алеутских островах (САСШ)
69	Ительмены . . .	1931	»	1.671	Южная часть Камчатки
	IX. Языки семитические				
70	Ассирийцы . . .	1930	сирийский, затем русский	15.510	ЗСФСР — около 6.000, разные города центра
	X. Зарубежные народы принявшие латинизированные алфавиты, унифицированные с Н. А.				
71	Монголы	1930	монгольский	—	Монгольская республика
72	Тувинцы	1932	бесписьм.	—	Тувинская народная республика

ДОПОЛНЕНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. Примечание I. В графе «год принятия алфавита» приводится в большинстве случаев дата официального принятия алфавита у данного народа. В некоторых случаях приведен год начала фактического проведения латинизации письма в жизнь.

Примечание II. В графе «прежний алфавит» указан арабский алфавит у некоторых народов, где количество грамотных исчислялось в 1—2%, при чем это была грамотность на арабском языке, фактически их можно было бы причислить к бесписьменными народам.

Примечание III. 1. Приведенные данные численности народностей взяты из переписи населения 1926 года. При чем цифры взяты из списка «по родному языку», а не из списка «по народности». Следует при этом заметить, что цифры «по языку» и по «народности» обычно не совпадают.

2. Цифры из списка «по народности» взяты по следующим народностям.

а) чеченцы и ингуши ввиду того, что в списке «по языку» они не разделены, а значатся под рубрикой чеченский язык,

б) абазинцы ввиду того, что они по языку не выделены; по народности они значатся под названием бескесек-абаза,

в) горские евреи, которые по языку совпадают с татами,

г) караимы и д) крымские евреи, которые по языку совпадают с крымскими татарами,

е) ижоры и ж) уйгуры, не выделенные в списке «по языку».

3. Кабардинско-адыгейская группа по переписи 1926 года не разделена. По списку «по языкам» значится лишь черкесский язык — 219.324, куда включены кабардино-черкесский, адыгейский и абазинский языки. По списку «по народностям» выделены черкесы — 65.254 и кабардинцы — 138.139, в число которых включена также часть черкесов Черкесской А. О.

В таблице по этим народностям приведены цифры приблизительные, взятые из распределения населения по национальным автономным областям, при чем под названием черкесов фигурируют лишь черкесы Черкесской А. О. Надо при этом принять во внимание, что черкесский и кабардинский языки весьма сходны между собою; адыгейский же язык отличается от них.

4. По переписи 1926 г. лезгинский язык фигурирует под названием кюринского; в списке «по народностям» значатся лезги.

5. Шугнаны и рушанцы (в Памире) по переписи 1926 г. не были выделены; они очевидно были причислены к таджикам. В списке «по языку» значится шугнано-рушанцев — 15 человек (!). Цифры в таблице приведены по позднейшим литературным данным.

6. Из южно-сибирских тюрко-татарских народностей в переписи 1926 г. в списке «по языку» отсутствуют хакасы и ойроты; в списке по народности ойроты фигурируют под названием алтайцев (37.645), под названием ойротов значится лишь 1.538 ч. В таблице цифры взяты по народности, при чем алтайцы и ойроты соединены вместе на основании официально принятого национального названия после выделения автономной области.

7. Весьма много неясностей имеется в переписи 1926 г. по татарам. Под рубрикой татарский язык фигурируют собственно татарский язык («казанские» татары), крымско-татарский язык, на котором говорят также караимы и крымские евреи, и некоторые еще не совсем изученные татарские диалекты Западной Сибири (томско-кузнецкие татары, чулымцы и т. д.). В таблице выделены крымские татары согласно рубрики «татары» в Крыму, а также караимы и Крымские евреи из списка по народностям.

8. Относительно башкир в переписи 1926 г. имеется весьма значительное расхождение между данными «по языку» и «по народности». Именно, по народности значится башкир — 713.684, по языку — 393.214.

9. Ассирийский язык в переписи значится под названием «новосирийского»; в списке по народности значатся «айсоры» — 9.808.

10. В списке «по народности» дунган значится 14.400, китайцев — 10.241. В списке «по языку» дунганского языка совсем нет, китайского же языка — 100.697 человек. Если считать, что под этим названием включен также дунганский язык, то расхождение все же большое. В таблице приведены цифры по последним данным.

11. «Тверские» карелы по переписи 1926 г. не выделены. Под рубрикой «карельский язык» включены как южные карелы, так и северные. Посколько однако новый алфавит приняли лишь карелы Московской области, мы привели их количество приблизительно, включив лишь тех карел, которые по переписи значились в соответствующих губерниях.

Примечание IV. В графе «где живут» приведены цифры для тех районов, где данная народность живет в более или менее значительном количестве.

5-я группа — унифицированный алфавит народов Севера. В эту группу входят 19 алфавитов: лопарский, самоедский, вогульский, остякский, кетский, селькупский, тунгусский, ламутский, гольский, удэйский, чукотский, корякский, эскимосский, гилякский, ительменский и алеутский (всего 16 северных), а также коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский.

Эта группа представляет собою весьма крупный шаг вперед в деле унификации. Установка здесь была взята по общности задач хозяйственного и культурного обслуживания народов либо живущих на одной и той же территории (например, Остяко-вогульский национальный округ), либо находящихся приблизительно в одних и тех же условиях.

6-я группа — более или менее разрозненных алфавитов яфетических языков Северного Кавказа: ингушский, чеченский, адыгейский, кабардинский, абхазский, абазинский, черкесский (в Черкесской А. О.), осетинские (иранский и дигорский).

Следует при этом отметить, что отдельные из этих алфавитов более или менее тесно сближены между собою, а именно:

а) кабардинский и черкесский совпадают между собою, причем по многим знакам они унифицированы с абхазским.

б) чеченский и ингушский алфавиты в значительной степени унифицированы между собою.

в) абхазский и абазинский унифицированы между собою; по основным буквам они в некоторой степени унифицированы с НТА (с 1-й группой).

г) осетинские (иранский и дигорский) между собою унифицированы, но оба они значительно отличаются от остальных как по ряду букв, так и по своей структуре, так как в них имеются многочисленные двойные обозначения.

7-я группа — особняком стоит китайский алфавит, в котором использованы одни лишь простые буквы латинского алфавита без всяких добавочных знаков. В этом алфавите также широко применяются двойные обозначения.

О СОКРАЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ БУКВ В РЯДЕ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ

(Материалы Научного Совета ВЦК НА) [1]

Принятый на Первом Пленуме в июне 1927 г. унифицированный НТА, в составе 33 букв, явился переработкой действующего к тому времени нового алфавита в Азербайджане и количеством своих знаков соответствовал в первую голову фонематическому составу именно азербайджанского языка. При применении к прочим тюркским языкам, по своей фонематической системе в большей или меньшей степени отличающимся от азербайджанского, приходилось вносить в этот унифицированный алфавит некоторые изменения. Эти изменения шли в первую очередь по линии дополнения алфавита новыми буквами для специфических звуков отдельных языков. Так, например, башкирский алфавит был дополнен знаками для выражения свойственных башкирскому языку межзубных фонем, хакасский алфавит — новой буквой для выражения особого качества звука «i». В применении же к некоторым другим языкам произведено было сокращение некоторых букв унифицированного алфавита, явно излишних для выражения звукового состава данных языков. Так, например, для тех языков, где вместо системы 9 гласных (как в азербайджанском и друг.) имеется система 8 гласных,

[1] В основу этих материалов положен доклад т.т. Сухотина и Юдахина.

оказалась излишней буква «ə». В уйгурском была устранена буква «ь», как излишняя. В ряде алфавитов были также устранены буквы «h», «x» и другие.

Однако, возможно и дальнейшее сокращение букв в целом ряде алфавитов. Желательность такого сокращения мотивируется общей установкой на предпочтительность алфавита с меньшим количеством знаков, нецелесообразностью различать на письме звуки не различаемые в устной речи, и возможностью в целом ряде случаев качественные различия звуков выражать на письме не особыми знаками, а особыми орфографическими приемами.

Ниже, на конкретных примерах, рассматривается возможность некоторых дальнейших сокращений в ныне действующих тюркских алфавитах.

В отношении сокращения гласных вопрос может стать только в применении к узбекскому алфавиту. Ввиду фактического отсутствия сингармонизма в ведущих (в особенности городских) говорах узбекского языка первоначально принятая для этого языка система алфавита и орфографии, построенная на отражении в письме сингармонизма, оказалась на практике чрезвычайно затруднительной, и ныне в порядок дня поставлен вопрос о сведении ныне принятых 9 узбекских гласных к 6 или даже 5.

Во всех прочих тюркских языках, лежащее в основе сингармонизма, по линии так называемого «нёбного притяжения», фонематическое противопоставление гласных переднего ряда («мягких») гласным заднего ряда («твердым») действует в полной мере, а следовательно требует своего графического выражения.

Это графическое выражение парных гласных при известных условиях может быть достигнуто и без введения в алфавит особых знаков для каждой гласной фонемы. Так, орхонский алфавит, рассчитанный на сингармонистический диалект с парными гласными, не имел особых знаков для различения ь-i, а -ə. Несмотря на это, орхонские надписи знают только редкие случаи, когда бы определение «мягкости» или «твердости» гласного представляло затруднение. Достигалось это тем, что в большинстве знаки для согласных были парны: одни употреблялись только для слов с передним вокализмом, другие — для слов с задним вокализмом.

Аналогичный способ выражения парности гласных через согласные, дополненный введением особого знака смягчения, мы видим и в казахской «байтурсуновской» орфографии, которая была целиком перенята и киргизами. Особенность этой орфографии заключалась в том, что 9 гласных казахского языка графически передавались через 5 знаков, а для 8 киргизских гласных требовалось всего 4 знака. Возможность такого сокращения знаков для гласных достигалась путем особого орфографического приема, выражавшегося в том, что слог или слово с буквами q-ɑ произносились «твердо», а с k-g или со знаком ˇ- «мягко». Некоторой непоследовательностью этой орфографии являлось лишь то, что факты одного и того же порядка выражались на письме различно. При более последовательном применении знака смягчения можно было бы вовсе устранить буквы для различения согласных в отношении их парности. Ведь все согласные казахского и киргизского языка принципиально одинаково парны. Различие пары k-q и пары g-ɑ ничем не отличается от различия между собой вариантов других согласных. Следовательно, если нужны особые буквы для твердого «к» (q) и твердого «g» (ɑ), то казалось бы не менее нужны они и для твердых вариантов прочих согласных фонем. Если же этого не требуется для остальных согласных, то в равной мере отпадает надобность для твердых вариантов «k» и «g». Если «bəl» от «bol» отличалось знаком смягчения

(ˇbol вместо теперешнего bəl), то таким же значком можно было бы отличать «kəl» от «qol», если принять для обоих вариантов «k» один знак (kol вместо qol и ˇkol вместо kol). Если boldu и bəldy в отношении согласных различаются между собою так же, как qoldorubuzdan от kəldərybyzdən, то это различие может быть выражено одним и тем же способом: boldu но ˇboldu (вместо bəldy) kolborubuzdan (вместо qolborubuzdan), но ˇkoldorubuzdon (вместо kəldərybyzdən).

Таким образом возможность (в чем бы она ни выражалась) графически передавать парность согласных позволяет, при известных условиях, ограничиться одним знаком для каждой пары гласных. С другой стороны, полное графическое выражение гласных делает излишними вторые, в отношении «твердости» и «мягкости», варианты для согласных (опять-таки при определенных только условиях).

Исходя из этого совершенно бесспорного принципиального положения, следует поставить вопрос, что же выгоднее: 1) ввести ли особый знак мягкости (особый сигнал перед каждым «мягким» словом), устранив, конечно, буквы «q» «ɋ» и сократив наполовину или почти наполовину знаки для выражения гласных, 2) или устранить, как в первом случае, знаки для гласных и, сохранив «q» и «ɋ», вместе с тем удвоить количество прочих согласных, различая их графически в отношении «твердости» и «мягкости», 3) или же устранить «q» и «ɋ» и выражение сингармонизма перенести всецело на гласные?

Первое — нецелесообразно, ввиду абсолютной невозможности в таком случае изобразить слова со «сломанным» сингармонизмом, возможность появления которых следует учитывать и которые в некоторых языках уже появляются.

Второе — нецелесообразно, потому что в таком случае получилось бы не сокращение алфавита, а его усложнение: устранив четыре знака для гласных, пришлось бы ввести более десятка новых знаков для согласных (и где их взять!). Кроме того, как же выражалась бы «твердость» или «мягкость» в тех, правда, редких словах, в которых вовсе нет согласных (как напр., в киргизском аа «ему», ее «хозяин», ии «охота»)?

Таким образом наиболее целесообразным является во всех языках, где это окажется возможным, изображать противопоставление «твердых» вариантов согласных их «мягким» вариантам только при помощи гласных.

Наиболее существенным пунктом желательных алфавитных сокращений является, следовательно, вопрос о возможном, в целом ряде тюркских языков, сведении к одной букве графической пары «k» и «q» и графической пары g и ɋ, т. е. о применении той же системы, которая применяется в отношении других согласных, являющихся также парными.

Конечно, нет никакого сомнения в том, что во всех тюркских языках звук, изображаемый через «k» произносится не так, как звук изображаемый через «q», и звук, изображаемый через «g», — не так, как звук, изображаемый через «ɋ». Но вопрос следует ставить не о звуковом различии, а о том, не являются ли звуки «k» и «q» (и соответственно «g» и «ɋ») лишь вариантами одной и той же фонемы, комбинаторно обусловленными ее фонетическим окружением, а поэтому не представляется ли возможным их различие выражать орфографически, а не особыми буквами. Во всех тех языках, где возможны лишь сочетания qa, qo, qь, qu, ɋa, ɋo, ɋь, ɋu, но невозможны сочетания qe (qə), qө, qi, qy, ɋe (ɋə), ɋө, ɋi, ɋy, возможны лишь сочетания ke (kə), kө, ki, ky, ge (gə), gө, gi, gy, но невозможны ka, ko, kь, ku, ga, gь, gu буквы «q» и «ɋ» могут безусловно быть устранены из алфавита и заменены буквами «k» и «g». Сохранение именно этих последних двух знаков (а не

«q» и «ɑ̨») оправдывается их большей интернациональной распространенностью.

Чем же объясняется наличие букв «q» и «ɑ̨» в тех тюркских алфавитах, где они безусловно не необходимы? Это объясняется прежде всего влиянием графики тех тюркских языков, культурно в прошлом более развитых, где звуки «k» и «q», «g» и «ɑ̨» фонематически различаются. Фонематически они различаются в тех языках, в которых либо вследствие полного усвоения вокализма языка другой системы (в ряде узбекских говоров, как-то ташкентском, маргеланском и др.), либо вследствие массового наплыва арабо-персидских слов, сингармонизм оказался в большей или меньшей мере нарушенным. Если и в отношении прочих тюркских языков следует ожидать в дальнейшем нарушения сингармонизма, то пойдет оно безусловно не по линии возможности сочетания «q» и «ɑ̨» с мягкими гласными по той простой причине, что наплыв арабо-персидских заимствований ныне прекращен, а в заимствуемых интернациональных и русских словах звуки «q» и «ɑ̨» не встречаются.

Объясняется это также влиянием традиции арабского алфавита, в большей или меньшей степени знакомого образованной верхушке всех мусульманских народов.[1]

Характерно отметить, что при переходе на НА ойротского (алтайского) языка, не знавшего традиции арабского письма, буквы «q» и «ɑ̨» приняты не были, и это несмотря на то, что в отношении произношения соответствующих звуков ойротский язык, ничем существенным не отличается, скажем, от киргизского языка.

Из сказанного выше явствует, что сокращение букв q и ɑ̨ не может быть проведено в отношении тех языков, где звуки «q» и «ɑ̨» могут сочетаться с мягкими гласными, а звуки «k» и «g» с твердыми гласными. Так, например, в азербайджанском языке (все примеры по унифицированному НА) мы имеем такие слова: qəbir «могила», fəqir «бедняк», lyɑ̨ət «словарь», ɑ̨əjri «прочий», где «q» и «ɑ̨» сочетаются с мягкими гласными, и такие как katib «секретарь», kucə «улица», где «k» сочетается с твердыми гласными.

Абсолютно необходимо различие «k» и «q», «g» и «ɑ̨» в уйгурском алфавите. Необходимость их различения вызвана как нейтральным в отношении сингармонизма характером гласного «i», так и возможностью сочетания «k», «q», «g» и «ɑ̨» с твердыми и с мягкими гласными. Примеры: kiṣi «человек», qiṣ «зима», aka «старший брат», kan «рудник», qan «кровь», kəŋ «широкий», qən «сахар», kuc «сила», kyz «осень», qəɑ̨əz «бумага», gas «глухой», ɑ̨az «гусь», gəp «беседа», ɑ̨əm «забота», gor «могила», gəṣ «мясо», gul «цветок», gykrə «греметь».

В узбекском алфавите различение «k» и «q» «g» и «ɑ̨», как при нынешней системе, так и особенно в случае осуществления предполагаемого сокращения гласных, также является необходимым. Повидимому, едва ли представляется возможность устранить «q» и «ɑ̨» и из алфавитов татарского и крымского.

Но для таких языков, как казакский, киргизский, ногайский, карачаево-балкарский, в таком различении нет никакой необходимости. В самом деле, почему, например, по-киргизски можно писать boldu, bəldy, baramьn, beremin, tuṣ, tyṣ, различая только гласные, а в qol, kəl, toq, tək и т. д.

[1] Может быть, конечно, некоторую роль играл и тот факт, что артикуляционно пара q-k (и соответственно ɑ̨-g) разнятся между собою резче, чем пары других согласных, но решающего значения этот факт все же иметь не мог.

необходимо различать и гласные и один из согласных? Ничем кроме традиции объяснить это нельзя.

Некоторые сомнения может вызвать лишь вопрос об оформлении интернациональных и русских слов, которые за последнее время в очень большом количестве проникают в тюркские языки. Может возникнуть опасение, что сведение к одной букве каждой из пар k-q, g-ǫ поведет к разнобою в произношении заимствуемых слов. Может быть «k» таких слов одними будет восприниматься как «q» другими как «k»? Но опасение это неосновательно. Во-первых, как бы ни писалось слово — с «k» или с «q», но произноситься оно будет так, как того требуют гласные. Так, слово «капитал», независимо от того через «k» или через «q» оно будет написано, в массовом произношении все же даст qapь(j)tal или qapital, а не kapital. Во-вторых, достаточно просмотреть список хотя бы киргизских терминов, чтобы убедиться, что наибольшая, пожалуй, путаница в оформлении заимствованных терминов приходится именно на q-k. В совершенно одинаковой позиции «k» заимствованных слов передается то через «k», то через «q».

Возьмем примеры (из киргизского языка): pulakat «плакат», kadet «кадет», kavalerije «кавалерия», kadь̄r «кадр», kapitan «капитан», kapedir «кафедра», но aqsь̄jom «аксиома», qabel «кабель», qamь̄r «камера», qanton «кантон», qapь̄jtal «капитал», qatь̄rǭь «каторга».

Глядя на эти примеры, можно подумать, что в киргизском языке уже наступил момент, когда под напором массы иностранных слов сингармонизм ломается и сочетание «ka» становится возможным; однако наблюдения над речью киргизских учащихся в Москве показало, что дело обстоит не так. Можно с уверенностью сказать, что во всех случаях, где русское «к» стоит в одном слоге с гласным заднего ряда, оно звучит как «q», а с гласным переднего ряда — как «k». Сведение к одной букве существующей пары букв только упорядочит, по нашему мнению, графическое оформление заимствуемых слов.

Нельзя упускать и того, что устранение из интернациональных терминов букв «q» и «ǫ» придаст этим терминам, в их национальной передаче, гораздо более интернациональный внешний облик, к чему всегда следует, по возможности, стремиться: ведь буква «ǫ» вовсе отсутствует в латинском алфавите, а «q» в европейских языках встречается редко и почти полностью отсутствует в словах широкого интернационального распространения.

Что касается других согласных, то в целом ряде алфавитов введены или ныне вводятся буквы, служащие только для передачи некоторых заимствованных слов, но не имеющие устного выражения в живой речи и совпадающие по произношению с другими звуками. Так, например, «f» в массовом живом произношении казаков и киргизов совпадает с «p», «x» — с «q» или «k». Вопрос о наличии в алфавите особых букв, служащих только для передачи заимствованных слов, в частности «интернациональных» терминов, следует рассматривать особо, учитывая все за и против, но во всяком случае решать его в положительном смысле можно лишь, исходя из «интернациональности» того или иного отсутствующего в данном языке звука и нежелательности подвергать чрезмерным искажениям интернациональные термины. В противном случае наличие в алфавите пары букв, абсолютно совпадающей в живом произношении, безусловно вредно.

При введении в алфавит новых букв не следует забывать и опыта прошлого. Так буква «f», наличная в арабском алфавите, которым сотни лет пользовались узбеки, ни в малой мере не содействовала проникновению в массовое узбекское произношение звука «f».

Н. А. БАСКАКОВ

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОЕКТАМ КАРАКАЛПАКСКОЙ ОРФОГРАФИИ, СОСТАВЛЕННЫМ УМС'ОМ НАРКОМПРОСА И КНИИ КАРАКАЛПАКСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ[1]

Вопрос об установлении твердого свода орфографических правил в Каракалпакской республике был поднят в 1930 году научно-терминологической секцией Обл. ОНО в связи с завершением работы по латинизации алфавита. Летом того же года ЦК НА КазАССР командировал в Каракалпакию проф. С. Е. Малова, во главе с которым областной отдел народного образования организовал специальную экспедицию. Результатом работы экспедиции были два проекта орфографии: 1) проф. С. Е. Малова (для диалектов Чимбейского и Кейлинского районов) и 2) Н. А. Баскакова (для диалектов Кунградского, Соргулского и Кара-Узякского районов).

Диференциация работы экспедиции по районам была вызвана спорностью вопроса о каракалпакском литературном языке. Этот язык и до настоящего времени окончательно не выработан и среди представителей различных каракалпакских диалектов имеют место споры и недоразумения по этому поводу.

Работая по двум основным группам диалектов, члены экспедиции предполагали, что на основе совокупности всех материалов и уже возникшего революционным путем литературного языка каракалпакской печати можно будет установить единый государственный язык, в основу орфографии которого в зависимости от ориентации на те или иные диалекты, будет положен один из проектов, составленных по материалам экспедиции.

Все эти вопросы должны были обсуждаться на специальной конференции по языку. Но начатую работу завершить не удалось. Проекты напечатаны не были и работа по орфографии вновь была начата Лингвистической секцией Комплексного научно-исследовательского института ККАССР и УМС'ом Наркомпроса, хотя в несколько ином разрезе.

Вновь составленные два проекта — первый проект Института (тт. Кусекеев и Ибадуллаев) и второй проект УМС Наркомпроса (т. Аимбетов) — обходят основной стержень проблемы литературного языка, т. е. установление последнего или на основе соргульского и кара-узякского или чимбайского и кегейлинского диалектов, в зависимости от выбора которых необходимо рассматривать и все связанные с орфографией вопросы. Из-за этого в проектах имеется много разногласий, противоречий, которые по существу являются теми же пунктами спора о литературном языке (фиксирование лабиализации, прогрессивная и регрессивная ассимиляция, слитные формы глагола типа «əkel» «appar» и пр.).

[1] 1. Əjimbet-ulu Qəlli «Caraqalpaq imlə Kənperensьjasьna tajarlьq» статья в газете «Qьzьl Qaraqalpaqastan» №№ 84 и 85 от 9 и 10 августа 1932 г., г. Турткуль (на к-к. языке).

2. Ijbadьlla-ulu. Qosəke-ulu «Qarakalpaq imlə ireçesinin, çobasь» Труды Комплексного Научно-Исследовательского Института ККАССР. Разряд лингвистики. Вып. 3-й г. Турткуль 1932 г. (на к-к. языке).

3. КНИИ ККАССР «Проект орфографии каракалпакского языка» (рукопись на русском языке).

4. КНИИ ККАССР «К предстоящей орфографической конференции» статья в газете «Советская Каракалпакия» №№ 53 и 54 от 9 и 11 августа 1932 г. (на русском языке).

Основной ошибкой авторов этих проектов является недооценка вопроса о литературном каракалпакском языке, который на данной стадии своего развития представляет пестрый конгломерат диалектов и наречий.

Переходя к непосредственному анализу отдельных пунктов орфографии по проектам, укажем на отсутствие необходимой системы и порядка расположения материала в том и другом проектах. Особая беспорядочность и отсутствие цельности наблюдаются в проекте УМС, а Наркомпроса, составленном тов. Аимбетовым, который в основной части заимствован из проекта казакской орфографии («qazaqçaŋa emlezi» Кзыл-Орда 1929 г.).

Проект КНИИ ККАССР, последовательно построенный по принципу фиксирования лабиализации, также страдает отсутствием общей системы, как в отношении проведения некоторых основных положений, так и в своем изложении. Отдельные моменты орфографии рассматриваются в том и другом проекте вне связи с другими аналогичными моментами, которые могли бы быть объединены в один общий вопрос и приведены в определенную систему. В том и другом проектах отсутствуют некоторые важные вопросы правописания, напр. правописание больших или заглавных букв, правописание гласных в начале слов (за исключ. «j» при начальном йотированном «е»), сложных глагольных форм,[1] знаков препинания и пр.

Проекты начинаются классификацией звуков и соответствующих им обозначений — букв каракалпакского алфавита, причем принципы классификации и терминология в том и другом проектах — различны. Не останавливаясь подробно на разборе той и другой классификации звуков и тех ошибок и погрешностей, которые были допущены авторами того и другого проекта, поскольку классификации эти не имеют существенного значения при разработке самых основ построения орфографии, перейдем к рассмотрению основных орфографических законов и правил, устанавливаемых авторами, в той системе, которая нам кажется наиболее целесообразной.

При разработке принципов орфографии, в частности орфографии гласных любого турецкого языка, необходимо прежде всего поставить вопрос о степени сохранения в данном языке законов сингармонизма, которые при установлении орфографических правил для данного языка играют несомненно большую роль. В установлении свода орфографических правил для каракалпакского языка, как показали это оба проекта, вопрос о роли законов сингармонизма приобретает центральное место и значение, вокруг которого собственно и сосредоточены все споры и разногласия у авторов проектов.

В отношении фиксирования в орфографии закона нёбного притяжения и в том и другом расхождений не встречается. Авторы признают необходимым фиксировать нёбное притяжение, вполне сохранившееся в каракалпакском языке, за исключением некоторых суффиксов словообразования и словоизменения, присущих языку: например суффикса притяжательности «diki», «tiki»: qanlardiki; частицы глагольного образования «tuɑ̨un»: keletuɑ̨un и приобретенных из других языков, главным образом из персидского, например, keş: arbakeş; «paz»: kəknarpaz и пр., а также большинства иностранных и интернациональных слов и терминов, например, kitap, kəlxoz, mədənijät, satsijalizim и пр. Но в отношении губного притяжения (лабиализации) проекты глубоко расходятся. Как было уже сказано выше, вопрос о фиксировании лабиализации тесно связан с вопросом выбора диалекта,

[1] За исключением: форм с частицами «tuɑ̨un» и «ça9» и формы настоящего прогрессивного времени: «oqubator», которая в проекте КНИИ искусственно и без доказательств возводится к форме oqub çator.

который должен быть положен в основу государственного языка. Дело в том, что губное притяжение не является характерным и систематически наблюдаемым во всех каракалпакских диалектах. Более резко оно выражено, главным образом, в диалектах «караузякском» и «соргульском», но даже в последних, хотя и встречается довольно часто, носит характер не сплошного, а спорадического явления. Автор проекта УМС'а, тов. Аимбетов, справедливо замечает, что губное притяжение характерно только при исполнении (пении) каракалпакских песен, где действительно, в особого рода приемах пения, которые можно было бы охарактеризовать, как экспираторно-звуковые glissando — губная гармония выражена наиболее четко и даже абсолютно. В разговорной же речи мне лично за все время собирания материалов по каракалпакскому языку удалось встретить только двух лиц (в Караузякском районе) с ясным и последовательным губным произношением. Кроме того в установившемся революционным путем литературном языке каракалпакской печати, с момента выпуска первой газеты и до сих пор, а также и в разговорном языке основной массы каракалпаков как фиксирование это, в первом, так и произношение во втором, встречается настолько редко, что говорить о последовательном проведении этого закона в орфографии не приходится. Исходя из этого необходимо констатировать, что в отношении последовательного проведения закона губного притяжения проект орфографии, составленный Кусекеевым и Убадуллаевым и отражающий точку зрения Института, носит характер теоретически надуманный и искусственный. В политическом же отношении, поскольку передовая часть каракалпакского населения и каракалпакская национальная советская интеллигенция высказывается только за частичную фиксацию лабиализации, о чем можно судить по газете и вышедшей литературе, — отражение и последовательное проведение в орфографии закона губного притяжения является до некоторой части тактикой «хвостизма», т. е. тактикой ориентации на более отсталые слои населения. Аргументация за «лабиальный» проект, высказанная представителями этого течения и заключающаяся по существу только в том, что лабиализированная орфография отражает национальные черты языка и приближает правописание к разговорному языку масс, является прежде всего не совсем обоснованной, так как, насколько мне известно, нельзя утверждать, что большинство населения Каракалпакской республики говорит именно на таком диалекте, в котором закон лабиализации отражается в той степени, в какой авторы предполагают его провести. Сопоставим положения, высказанные сторонниками лабилизации, с высказываниями противоположного течения, которые по газетной статье («Советская Каракалпакия» от 11 августа 1932 г., № 54) сводятся к двум основным пунктам: 1. Лабиализация имеет тенденцию исчезнуть и поэтому возрождать ее не имеет смысла и 2. Нет необходимости фиксировать национальные особенности языка, так как в будущем будет единый для всех турецких народностей СССР общетурецкий (???) язык. Может быть эти положения покажутся очень убедительными, но не надо забывать, что такого рода мотивы против фиксирования лабиализации, особенно вторая формулировка, могут принадлежать только представителям противоположного течения высказывающимся за лабиализацию. Ясно, что защита проекта, составленного противниками лабиализации, такого рода обоснованиями, — есть полная его дискредитация.

Посмотрим, какие-же положения по вопросу о лабиализации выдвигаются и тем и другим проектами?

Проект КНИИ находит необходимым и последовательно проводит фиксирование в орфографии лабиализации узких звуков «ь», «і» и полу-

широкого «e», как в основах слов, так и во всех присоединяемых к основе словоизменяющих и словообразовательных суффиксах, которые присоединяются непосредственно к корню слова. При этом для слов, имеющих в своей основе и узкие и широкие гласные, устанавливаются особые правила, а именно: в тех случаях, когда за начальным, первым лабиальным звуком следует широкий или открытый, — последующие гласные не лабиализуются, в тех-же случаях, когда за не-лабиальным звуком появляется узкий лабиальный или дифтонизирующий «v» — все последующие гласные основы и всех присоединяемых суффиксов — лабиализуются. Например, в слове «boladь» гласный после среднего широкого «e» не лабиализован, в слове же «tavluq» после среднего дифтонга «av» суффикс «luq» имеет уже лабиализованную огласовку. Если бы действительно для каракалпакского языка лабиальное притяжение было характерно и широко распространено, то положения проекта КНИИ можно было бы признать вполне приемлемыми и довольно тщательно и последовательно разработанными. Но вся беда в том, что если эти правила провести в жизнь и на основе их построить орфографию, то большинство каракалпаков не узнают своего языка и, искусственно, в угоду проведению этого принципа, будут ломать язык над таким словом как «yskənəmyzdəgynyndə», которое приводится в виде образца тов. Аимбетовым или над «kelyvymyzgə», «kynlərymyzdə» и многими другими, которые в любом количестве могли бы быть приведены здесь.

Проект УМС'а, стоящий на противоположной точке зрения, находит возможным фиксировать губное притяжение только в малосложных словах типа: «mojunturuq», «tyjə», «tylkə» и проч.; многосложные же слова и все последующие в малосложных словах суффиксы и приставки писать без отражения влияния губного притяжения, которое и на самом деле в разговорном языке отсутствует или почти отсутствует.

К сожалению, верные по существу установки проекта УМС'а совершенно не мотивированы и поэтому с первого взгляда, по сравнению с систематически проработанными положениями проекта КНИИ, кажутся мало убедительными. Мотивировок же за установки УМС'а по данному пункту проекта имеется вполне достаточно по количеству и основательных по убедительности.

Начнем с тех мотивировок, которые не совсем точно и с некоторым пристрастием сформулированы защитниками лабиализации. Всякое новое дело, новая работа, а тем более работа научная, начинается с учета имеющегося уже опыта, его проверки и заимствования в той части, которая себя оправдала и показала жизненной. В разработке принципов орфографии опыт этот уже имеется у соседнего братского народа — казаков, язык которых чрезвычайно близок к языку каракалпаков. Как же поступили казаки по интересующему нас вопросу фиксирования губного притяжения, который в казакском языке, надо сказать, выражен так же, если не в большей степени? По изданным проектам и по казакской практике нам известно, что казаки в своей орфографии почти совершенно не отразили закона губного притяжения. Сторонники проекта КНИИ утверждают, что казаки, отказываясь от фиксирования в орфографии лабиализации, мотивировали это тем, что в казакском языке закон губной гармонии имеет тенденцию исчезнуть, а потому фиксировать его в орфографии не имеет смысла, что же касается каракалпакского языка, то в нем исчезновение этого закона пока не изучено, и следовательно фиксирование этого закона в правописании необходимо до проведения соответствующей проверки. Вопрос, конечно, не в том — имеется или не имеется такая тенденция в казакском и каракалпакском языке, но важно то, в какой степени практичной и удобной является орфография,

принятая казаками и в какой мере каракалпаки могут воспользоваться имеющимся уже опытом. Отсюда не значит, что каракалпаки должны заимствовать у казаков весь проект орфографии и целиком применить его к каракалпакскому языку. Ясно, что казакский проект на данном этапе также не является идеалом, и как раз в вопросе фиксирования губного притяжения в казакском проекте имеются определенные перегибы и недочеты, которые в дальнейшем необходимо исправить. К последним относятся, например, игнорирование этого закона при написании коренных основ слов типа: «avьl», «ьygin» и пр., а также и некоторых суффиксов с губными гласными, которые по существу не имеют даже отношения к закону губного притяжения; например: «alьv» вместо «aluv» и пр. Что же касается второго положения — о том, что не имеет смысла фиксировать мелкие национальные детали во имя приближения каракалпакского языка к тому «будущему общетурецкому языку, на котором будут говорить все турецкие народности СССР», то ясно, что в такой постановке вопрос даже не может обсуждаться.

Совершенно другое дело — вопрос об унификации орфографии как внутри данного языка, так и со всеми языками, принявшими новый латинизированный алфавит. Под внутренней унификацией мы понимаем ту экономию и рационализацию имеющихся графических средств для передачи устной речи, которую можно провести без ущерба для точной передачи звуков каждого данного языка. В этом отношении отказ от фиксирования губного притяжения в каракалпакской орфографии мог бы в значительной степени упростить правописание и внести более четкую и ясную закономерность. Имея в виду невозможность проведения строгой последовательности фиксирования губного притяжения в правописании основ и всех присоединяемых суффиксов (например, в таких сочетаниях: «kəkləryŋyzdən», «səjlədyk-ry?», «kyləsyz-pə?», «ekevymyzdə» и пр.), а также некоторые недостатки обратного опыта у казаков — можно с уверенностью утверждать, что для данного этапа в развитии каракалпакского языка в правописании последнего вполне достаточно фиксировать закон губного притяжения только в основах слов, и в крайнем случае в тех суффиксах и приставках, которые вместе с основой составляют два огубленных слога, правописание же всех остальных суффиксов и приставок ограничить обоснованием законов сингармонизма гласных и ассимиляции согласных. Колоссальное многообразие в написании отдельных приставок, например, приставок вопросительной формы глаголов: ma, me, mə, mu, my, ьa, ьe, ьə, ьu, ьy, pa, pe, pə, pu, py или суффиксов родительного падежа dьŋ, diŋ, duŋ, dyŋ, nьŋ, niŋ, nuŋ, nyŋ, tьŋ, tiŋ, tuŋ, tyŋ, которые вытекают из проведения принципа фиксации огубления и большинство которых в таком «огубленном» виде вовсе не произносится и может быть только некоторая их часть произносится в определенных «огубленных» контекстах, — создает большую пестроту в правописании и смазывает границы между основами слов и формообразующими суффиксами, выделение которых в агглютинативных языках, если это не затрудняет чтения, мне кажется необходимым. Стремление же к единообразному написанию тех или иных суффиксов или возможной в пределах данного языка их унификации или сокращения способствует более легкому усвоению правил правописания и быстрому схватыванию учащимися грамматических форм. Сведение 15 разновидностей приставки вопросительной формы глаголов к 6, а именно: ma, me, pa, pe, ьa, ьe (выдерживая в правописании законы ассимиляции согласных и гармонии гласных) имеет большое значение в типографском деле, облегчая и ускоряя труд наборщика. Таким образом против фиксирования этого закона может восстать и школьник, стремящийся скорее усвоить навыки письма, и педагог, нуждающийся в облегчении методики препо-

давания языка, связи между навыками письма, чтения и грамматики — и наборщик. Все эти соображения должны быть приняты в расчет при установлении свода орфографических правил. Это ускорит разрешение первого и самого важного пункта разногласий и споров, возникших в среде каракалпакских педагогов и научных работников.

Вторым спорным, но сейчас почти уже разрешенным, вопросом орфографии гласных является вопрос о правописании гласных в начале и конце слов. Авторы проектов затрагивают только правило написания буквы «е» в начале слов, т. е. в тех случаях, когда этому знаку соответствует восходящий дифтонг «je», в то время как в каракалпакском языке к аналогичному же явлению можно отнести также правописание букв «о» и «ɵ», соответствующих параллельным восходящим дифтонгам «vo» и «vɵ», например в написании слов on, ɵŋkej вместо von, vɵŋkej в произношении. Проект КНИИ предлагает «j» перед начальным «е», т. е. вместо «emes», «erkek» и пр. писать «jemes» «jerkek». После обсуждения это предложение было снято. Конечно, как в том, так и в другом случае фиксирование «j» перед «е», «v» перед «о» и «ɵ» в значительной степени усложнило бы написание. В данном случае более целесообразно ввести некоторую условность, точно так же, как в написании начального звука «vo» через «о» или звука «vɵ» через «ɵ», которые в противном случае требовали бы также дополнительных знаков. Ни тот, ни другой проект не затрагивают вопрос о правописании гласных в средине и в конце слов, в котором также имеются невыясненные моменты. Например, практикуемое в настоящее время написание долгого «i» через «ij» и долгого «u» через «uv».

Центральным моментом второго раздела — правописания согласных — является вопрос об отражении в орфографии законов прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных. В этом отношении оба проекта выдвигают одни и те же принципы: сохранения морфологического написания слов в тех случаях, когда под влиянием регрессивной ассимиляции коренная согласная ассимилируется последующей согласной приставки или суффикса — например: «duss̱ь» вместо «duzs̱ь», «seller» вместо «senler» и пр. и сохранения фонетического принципа написания явлений прогрессивной ассимиляции, например в словах: «qatta», «tastь», «ketpen», вместо «qatda», «tasda», «ketmen». Закону регрессивной ассимиляции наиболее часто в каракалпакском языке подчиняются звуки «z» перед свистящими и шипящими спирантами «s» и «s̱» и «n» перед плавной «l», при чем в отношении последнего наблюдается также и обратное влияние — т. е. прогрессивное ассимилирующее влияние «n» на плавную «l» (например, местоимение «senler» в произношении очень часто встречается и в форме «seller» и в форме «senner»). Что же касается закона прогрессивной ассимиляции, то последнему подчиняются все звонкие согласные, за исключением плавных «r» и «l» и так наз. промежуточных согласных «j» и «v». В этом отношении характерно для каракалпакского языка подчинение губно-носового «m», который после звонких согласных переходит в губно-взрывной звонкий «b», а после глухих — в парный губно-взрывной глухой «p» напр.: «ketpek» вместо «ketmek»; «qazbaq» вместо «qazmaq» и пр. О закономерной ассимиляции звука «m» авторы проектов почему-то не упоминают, несмотря на то, что установление правила правописания его для каракалпакской орфографии является весьма существенным и важным. Выдерживая принцип фонетического фиксирования явлений прогрессивной ассимиляции, правописание звука «m» должно быть также подчинено этому правилу.

К вопросу о частичной регрессивной ассимиляции необходимо отнести и такого рода явления, как замена звука «n» звуком «m» перед «b» и звуком «ɳ» перед «ɋ», «g», «q» и «k», например: «sьmbajdь» вместо «sьnbajdь», «çaɳɋa» вместо «çanɋa», которые, по проекту УМС'а, фиксируются в орфографии по фонетическому принципу. С этим, конечно, нельзя согласиться, потому что это нарушает общий принцип отражения в орфографии закона регрессивной ассимиляции, и кроме того это правило вносит пестроту в написание одного и того же слова (например: «çaɳ», «çanda» и «çaɳɋa») и усложняет орфографические правила.

Вторым существенным моментом в правописании согласных является установление твердых правил в написании спорных согласных в начале и конце, а иногда и в середине слова.

Нельзя конечно согласиться с автором прилагаемой к проекту КНИИ записки (на русском языке), который в пункте 4-м пишет, что в каракалпакском языке в начале слов не встречаются звуки «r», «n», «l» и «s». Допустим, что в отношении звука «s» автор сделал простую описку, так как слов, начинающихся с звука «s», можно привести сколько угодно, — но в отношении всех остальных надо сказать, что вопрос остается спорным. Имея в виду большое количество слов, заимствованных из арабского, персидского, русского и других языков, которые по частоте употребления получили уже права называться каракалпакскими словами (например ɲьzam, lazьm, laj, rahmaɳ, rajon и пр.) — говорить о том, что в каракалпакском языке нет слов, начинающихся с «n», «l» и «r» равносильно тому, что все русские слова, начинающиеся с «a» нужно почему-то считать не русскими. В проектах же УМС'а и КНИИ число звуков, которые не могут быть начальными, сведено к двум: «r» и «ɳ», из которых действительно не может быть никогда начальным только один «ɳ».

Практически вопрос о начальных согласных авторами проектов связывается, повидимому, с написанием их в иностранных словах с сопровождающим звуком «ь» (например, ьrajon, ьstansa и пр. — см. статью в газете «Советская Каракалпакия» от 11 — VIII — 1932 г. № 54). Решение КНИИ по этому вопросу является вполне справедливым, так как фиксирование лишнего, на практике не произносимого, звука «ь» — бессмысленно и бесцельно. Такое же пожелание можно сделать в отношении тех же «призвуков» при передаче слов иностранного происхождения, имеющих два первых согласных, хотя такого рода скопление согласных и противоречит фонетическим законам каракалпакского языка.

Единодушное решение принято той и другой стороной в отношении правописания согласных в конце слов. Коренные согласные «b», «g», «d», и «ɋ» в конце слов заменяются парными глухими «p», «k», «t», и «q», например: kөp, qap, çoq, qulaq и пр., но при присоединении к последним суффиксов, начинающихся с гласных — озвончаются (например: kөp → kөbi; qap → qabь; çoq — çoɋь; и т. д.). В соответствии с этим правописание их основывается на фонетическом принципе, т. е. в первом случае пишутся буквы, соответствующие глухим, а во втором — буквы, соответствующие звонким звукам.

Спорным моментом в правописании конечных согласных является написание местоименных аффиксов «mьz» и «sьz». Проект КНИИ предлагает и в том и другом писать в конце знак «s», проект же УМС'а находит разницу в произношении того и другого аффикса первого как «mьs», а второго как «sьz» и считает необходимым писать: «mьs» и «sьz».

Если внимательно прислушаться к речи каракалпака, то можно очень легко и быстро заметить, что при произношении слов, снабженных аффик-

сами 1-го и 2-го лица множ. числа последние произносятся почти всегда с конечным звонким «z», еще ярче заметно озвончение при произношении тех же слов в падежных формах, характерно также и то, что к спрягаемым в вопросительной форме глаголам присоединяется обычно вопросительная частица «ba» или «be», но ни в коем случае не «pa» и не «pe», что также свидетельствует о том, что и тот и другой местоименный суффикс произносятся со звонким «z» на конце. Соответствующие указанным приставкам притяжательные местоимения biz — bizim (bizиң) и siz — siziң никогда не произносятся, как bisim (bisiң) или sisiң. Все это говорит за то, чтобы в правописании и местоимений и местоименных приставок biz — bizim — (bizиң), siz-siziң писать «z», но не «s». Различное написание «mis» и «bisiң», «sis» и «siziң» создаст путаницу в виде ряда «исключений», которой по возможности нужно избегать.

Последним пунктом раздела орфографии согласных является написание некоторых согласных в средине слов. Сюда относится вопрос о фиксировании влияния узких гласных на «p» в словах типа itepip, tarьp, где первый звук «p» под влиянием последующих «ь» или «i» переходит в «v» tepip → tevip; tarьp → tavьp. Авторы того и другого проекта высказываются за фонетическую передачу этого явления, чем по аналогии с правилом правописания последнего согласного основы (qulaq → qulaɢь; kөp → kөbi) можно согласиться.

Наконец третьим и последним из основных разделов орфографии является раздел правописания целых слов, в состав которого входит разрешение вопроса орфографии слов, основа которых при изменении грамматической формы подвергается тем или иным фонетическим изменениям, а также сложных слов (слитность и раздельность их написания) и проблема оформления в правописании интернациональной терминологии советизмов и иностранных слов.

По разделу орфографии целых слов проекты затрагивают лишь несколько частных случаев, из которых имеют принципиальное значение следующие:

1. Правописание слов, имеющих в основе узкий гласный, который, при изменении формы данного слова словоизменяющими приставками, в произношении выпадает. Например «qarьn» → «qarnьң» «murun» → «murnьң»; «kisi» → «ksiniң» и проч. По данному вопросу проект УМС'а высказывается за фонетическое правописание только тех слов, в которых выпадающий при изменении узкий гласный стоит между звуками «r» и «n» — во всех же остальных случаях оставляет морфологический принцип написания, т. е. сохранение узкого и в тех случаях, когда последний не произносится. Более последовательное предложение морфологического написания такого рода слов, т. е. сохранения в написании узкого основы во всех ее изменениях, qarьn, qarьnьң, murun, murunьң выдвигает проект КНИИ, с которым, чтобы не создавать разнообразия в написании слов одного типа, следует согласиться.

2. Правописание слов типа «sarь-at», «ala-at», «ata-ana», которые в произношении сливаются в «sarat», «alat», «atana». Сохранение морфологического написания этих слов, к которому пришли и тот и другой проекты — безусловно является вполне правильным, так как в противном случае установить границы отдельных слов в правописании было бы чрезвычайно трудно. Совершенно другой постановки вопроса и другого разрешения требуют слова типа «bygyn», «mojunturuq» и проч., слияние которых приобретает органический характер и изменяет их семантику: если сочетание слов «bol kyn» имеет значение «этот день», то слитное

из тех же элементов слово «bygyn» имеет новое значение «сегодня» точно также, как слово «mojun» в значении «шея» и словообразовательная приставка turuq в слитном слове «mojunturuq» приобретают значение «ярмо, хомут». К правильному разрешению написания этих слов подошел в своем проекте тов. Аимбетов, который, в отличие от авторов проекта КНИИ, диференцировал написание механически соединенных в произношении слов от органически-слитных или, как правильно было бы их называть, сложных слов.

3. Правописание сложных форм глагола. К последним относятся, во-первых, виды сложных глаголов, состоящие из сокращенного деепричастия прошедшего времени на «ьр», выполняющего роль вспомогательного глагола и основы второго глагола типа «alьp kelmek alьp-ʂьqmaq» или «alьp ƀarmaq», которые в произношении сливаются в формы «əkelmek» и «appaqmaq, apʂьqmaq» и, во-вторых, правописание временных конструкций глагола типа «oqubatьr», «kijatьrƍan», «keletuɳun» и проч. Если в отношении первых авторы проектов находят общий способ разрешения вопроса в этимологическом, т. е. раздельном написании «alьp kelmek» и «alьp ƀarmaq», то в правописании сложных временных конструкций, несмотря а принятый обоими проектами морфологический принцип, мнения их расходятся. Автор проекта УМС'а, предлагающий написание «oqup atьr», и авторы проекта КНИИ, пытающиеся раскрыть в правописании этимологии данной конструкции «oquƀ çatьr, а следовательно и «kelip çatrьɳan», впадают в сугубый «этимологизм». Имея в виду то, что данные формы глагола и слитные глаголы типа «əkel» имеют точно так же, как и разобранные выше формы слитных слов «bygyn» и «mojunturuq» специфическое значение, а также и то, что в произношении они встречаются главным образом в слитном виде, было бы целесообразно в данном случае предпочесть фонетическое их написание, тем более что, например, этимологический анализ формы «oquƀator», как слияния «oqup» и «çator» является спорным и неразрешенным. К сожалению авторы проектов совершенно не затрагивают вопроса о написании всех других сложных форм глагола, например «alqьm keledi», «alьp-rьz» и т д., а также написание вопросительной и отрицательной формы глаголов, которые также требуют установления твердых правил.

Совершенно обособленным разделом в правописании целых слов является вопрос об орфографическом оформлении интернациональной терминологии, советизмов и иностранных слов, которому в проектах отведено очень незначительное место. Авторы, вместо того чтобы вопрос о правописании терминов увязать с терминологической или вернее с терминотворческой работой и привести его в определенную систему, дают ряд обособленных терминов, предлагая просто то или иное их написание. При установлении правил правописания иностранных и интернациональных слов необходимо прежде всего наметить ряд принципиальных установок, на основе которых уже подходить к написанию каждого отдельного слова или термина. В каракалпакском языке при разрешении вопросов правописаний интернациональной терминологии и иностранных слов перед нами встают следующие вопросы: 1. Отражается ли как в произношении, так и в правописании закон гармонии гласных, сохранившийся в языке, т. е. можно ли писать «kitap» для «kəlxoz» или же эти слова необходимо также подчинить сингармонизму? 2. В какой степени можно сохранить точность передаваемого средствами каракалпакского языка иностранного термина, например, советизмов: sovet, ƀatraq, kulak, abkom и пр., которые в этом отношении требуют особого подхода? 3. Какое окончание интернациального

термина наиболее удобно для дальнейшего словоизмения в каракалпакском языке (напр.: «pabьгьjk» или «pabьгьjke» и др.) и какие интернациональные суффиксы могут быть оставлены и введены в язык (например «irim»; ist; tor, tөr, и т. д.)? На все эти вопросы, не считая отдельных деталей и «мелочей», авторы проектов не ответили, а ограничились разбором весьма небольшого количества интернациональных и иностранных слов, взятых случайно, вроде «əksija», «samavar» и проч.

В заключение этого краткого критического обзора проектов каракалпакской орфографии необходимо указать на наличие колоссальных сдвигов и достижений, которые завоевала, благодаря Октябрю, самая младшая в Союзе — Каракалпакская республика и указать на огромное культурное значение первых проектов каракалпакской орфографии, составленных самими каракалпаками, создавшими молодую национальную советскую интеллигенцию, свой Научно-исследовательский институт и создающими под руководством партии и советской власти национальную по форме, социалистическую по содержанию каракалпакскую культуру.

Несмотря на ряд недостатков, разобранные нами проекты представляют собой немалое достижение на фронте культурного строительства, и являются прочным фундаментом для дальнейшей разработки каракалпакской орфографии на основе соответствующих постановлений и директив партии и правительства. Надо надеяться, что эта задача, поставленная перед молодыми научными силами Каракалпакии, будет выполнена с честью.

А. СУХОТИН

ПРОБЛЕМА „СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ“ В ЯЗЫКАХ СССР

Происходящее на наших глазах бурное развитие тех языков СССР, которые в дооктябрьскую эпоху не имели сколько-нибудь прочной литературной традиции, есть процесс превращения этих языков, в прошлом в большей или меньшей степени бесписьменных, часто еще не вышедших из стадии племенных диалектов, — в литературные языки равноправных советских национальностей, равноправных участников великой социалистической стройки. В своем развитии эти, становящиеся литературными, национальные языки естественно подвергаются воздействию со стороны языков, литературно развитых, — в первую голову языка русского, несущего в своей общественно-политической, научной, технической и художественной литературе, огромное новое, социалистическое содержание, которое требует своего выражения в национальной форме каждого языка. Тем самым встает во весь рост проблема развития в национальных языках своей терминологии, проблема передачи в них тех терминов, которые имеются и постоянно, в ходе социалистического строительства, возникают в русском языке.

Частью общей терминологической проблемы является вопрос о передаче в национальных языках особой категории терминов, так называемых «сокращенных слов», получивших в русском языке исключительное распространение именно в послеоктябрьскую эпоху. Наметить принципы передачи этих «сокращенных слов» в национальных языках возможно лишь в результате предварительного анализа причин и путей их появления в современных развитых языках. Нужно проанализировать, каковы их разновидности по

форме и по содержанию, какова их функция в современном языке и что нового вносят они не только в лексический запас языка, но и в его типологическую структуру.

«Сокращенные слова» — не есть явление, свойственное только русскому языку, или только языку победившего пролетариата. Новым в русском языке Октябрьской революции является их количественное распространение и, как я постараюсь показать, приобретение ими нового качества. Примеры всякого рода сокращений, лексических и графических, можно найти и в литературных языках прошлого, и в современных буржуазных языках. Источников, откуда эти сокращения проникают в литературный язык, по крайней мере, три.

1) Часть сокращений возникает в устной речи. Процесс образования таких «сокращенных слов» есть частный случай фонетического упрощения слова. Фонетическое упрощение есть явление устной речи; при наличии прочной и непрерывной литературной традиции оно встречает противодействие со стороны этой традиции и весьма неполно отражается в литературном языке. В результате многие слова имеют двоякий вид: с одной стороны, узаконенный в литературном языке термин, с другой стороны, в разговорной речи — то же слово, фонетически упрощенное, в частности — укороченное, обрубленное. Особенно часто мы наблюдаем это явление в тех языках, где, как например, во французском, обыденная речь значительно отступает от литературного стандарта. Так, по-французски термины литературного языка automobile, métropolitain, cinématographe и многие другие дублируются словами обыденной речи auto, métro, cinéma. Конечно, из обыденной речи эти сокращенные (укороченные) слова проникают и в литературный язык, но важно подчеркнуть, что зарождаются они в устном употреблении, и не как термины, а как субституты терминов в живой речи.

В русском языке такого типа сокращений было весьма мало, и носили они случайный характер. В качестве примеров можно указать: баки (= бакенбарды), унтер (= унтерофицер), Питер. Некоторые, как напр., авто, проникали и в русский язык из французского и др.

2) Совершенно иной тип представляют сокращения графического происхождения. Возникновение их связано с техникой ручного письма. Для часто встречающихся в тексте слов или сочетаний слов переписчиками вырабатывались стандартные сократительные приемы, сводившиеся к выписыванию не всех букв слова, а только одной или нескольких из составляющих его букв, причем самое наличие сократительного приема иногда помечалось особым знаком («титла» в церковно-славянской письменности). От техники ручного письма часть этих графических сокращений была унаследована полиграфической техникой. Таковы в русской письменной речи всем известные: «и т. д.» (немцы обычно пишут слитно без точек: — usw = und so weiter), «напр.» и множество других, в том числе инициалы личных имен и собственных названий (Л. Н. Толстой, М.-К. ж. д.).

Графическое сокращение не есть факт языка. Полностью ли или в сокращении пространственно материализовано слово на письме — это самого слова не затрагивает. Графическое сокращение становится фактом языка лишь тогда, когда оно начинает оказывать влияние на устную речь, когда оно начинает произноситься по составляющим его элементам, рождая в языке новое слово. Так, например, первоначально лишь графическое сокращение «с.-р» (социалист-революционер) создало в русском языке новое слово «эсер», которое получило полную жизнь слова, склоняется, образует производные — «эсеровский», «эсерство» и т. д.

Графические сокращения не есть один из видов «сокращенных слов» а лишь один из источников их появления в языке.

3) Не из этих двух рассмотренных источников, однако, а из совершенно нового широким потоком полились «сокращенные слова» в современные языки Европы и Америки. Два фактора явились здесь определяющими: широчайшее применение телеграфной связи и развитие капиталистических предприятий акционерного и трестированного типов.

Потребность сокращения многобуквенных графических слов и сведения фиксированных по значению словосочетаний к одному слову диктовалась соображениями экономического порядка, главным образом удешевлением телеграфной переписки. Потребность эта удовлетворялась, с одной стороны, внеязыковым путем — путем применения телеграфных кодов, особых систем чисто условного соотнесения придуманных звуковых комплексов со смысловыми элементами речи, с другой стороны — путем, который по существу является языкотворческим, путем образования сокращенных и сложносокращенных обозначений, составленных из звуковых и графических элементов тех цельных слов и словосочетаний, полное выражение которых в телеграфной переписке значительно ее удорожало бы.

Этот прием, облегченный в своем развитии и наличными в устной речи сократительными тенденциями, в особенности, издавна проникшим в письменность широким применением графических сокращений, раньше всего выразился в том, что капиталистические предприятия, наряду со своими полными, обычно весьма многословными названиями, стали принимать и должным образом во всеобщее сведение регистрировать особые сокращенные названия, так называемые «телеграфные адреса».

На начальных стадиях капиталистического развития ведущей фигурой был предприниматель-единоличник. Название фирмы обычно совпадало с именем предпринимателя; следовательно, оно не отличалось особой многословностью. Многословность фирменных названий стала обычным явлением лишь тогда, когда единоличных предпринимателей стали вытеснять акционерные компании, тресты и иные предпринимательские объединения. Их названия, по необходимости многословные, сводящиеся в общем к перечислению признаков, специфичных для данного предприятия и отличающих его от прочих, первыми подчинились действию сократительных тенденций.

Полные названия капиталистических предприятий стали, таким образом, дублироваться сокращенными названиями, которые из телеграфного адреса стали распространяться и в текст телеграммы, и вообще в переписку, и в устную речь, иногда почти полностью вытесняя из употребления полные названия. Примеру капиталистических предприятий стали следовать государственные и общественные организации, и наличие в обиходе этой огромной массы сокращенных названий стало оказывать влияние на развитие словосократительных тенденций в языке вообще.

В дореволюционной России, как и повсюду, сокращенные названия раньше всего появились у капиталистических предприятий. Можно указать на «Лензото» (Ленское золотопромышленное товарищество), «Ропит» (Российское общество пароходства и торговли), «Продамет» (Общество для продажи русских металлических изделий) и др. Дальнейшее развитие получили они во время войны в армии, где наряду с сокращенными названиями для учреждений выработалась целая система таких же названий для должностей, всякие «главковерх» (верховный главнокомандующий), «главкосев» (главнокомандующий северным фронтом), «командарм 2» (командующий 2-й армией) и пр. Также стали создаваться и сокращенные названия для учреждений и должностей, порожденных революцией.

Русский язык Октябрьской революции унаследовал «сокращенные слова» всех трех типов происхождения, и не только количественно их умножил, но и придал им новое качество. Те потенции, которые таили в себе «сокращенные слова» — из случайных сокращений устной речи или (это относится к подавляющему большинству случаев) из экономически оправданного технического приема превратиться в закономерное явление, охватывающее язык в целом, полностью раскрылись лишь в языке победившего пролетариата. И это произошло потому, что между использованием «сокращенных слов» буржуазией и их использованием строящим социалистическое общество пролетариатом имеется коренное принципиальное различие.

В эпоху загнивания капитализма буржуазия стремится оберечь свой, унаследованный от прошлого, «национальный» язык от засорения и порчи (причем всякое новшество ей представляется порчей), а посему и к «сокращенным словам» она относится как к явлению, терпимому лишь в силу технической целесообразности. Наиболее реакционные академические круги ведут неустанную борьбу против проникновения в литературный язык зародившихся в устной речи сокращений и против превращения графических сокращений в слова произносимой речи. Сокращенные и сложносокращенные названия предприятий и учреждений допускаются только в качестве собственных имен, а образования по аналогии с ними имен нарицательных в литературном языке почти не наблюдается.

Для нашей революционной практики характерно совершенно иное отношение «к сокращенным словам» — отношение к ним именно как к новому словопроизводственному приему, служащему одним из средств поднятия языка на более высокую ступень, отражающую более высокую ступень общественного развития. Более высокая ступень общественного развития предъявляет к языку такие требования, которым он не может удовлетворить при помощи только унаследованных от прошлого грамматических средств. Приходится называть множество новых вещей и общественных отношений и при этом так их называть, чтобы название по возможности полностью отражало идеологическое содержание понятия и не сводилось к простому описанию входящих в содержание данного понятия признаков. Этой потребностью выразить по возможности все, и притом выразить кратко, лексически — одним словом, а не описательно — словосочетанием, и объясняется, что технический прием, служивший первоначально только для образования сокращенных названий от полных, многословных названий, получил у нас расширенное применение, как новое средство массового словотворчества.

Но возникает вопрос: представляет ли вся масса этих новых лексических образований и по форме своей и по содержанию нечто единое, к чему следует подходить с общими оценками или же это — сумма качественно различных явлений, отношение к которым должно быть дифференцировано? Иными словами: как и по каким существенным признакам классифицируются в современном русском языке, независимо от источника их происхождения, те новые лексические образования, которые мы назвали «сокращенными словами».

Попытки классификации по формальным признакам делались не раз,[1] и собственно говоря такая классификация особых затруднений не представляет. Наиболее рациональной нам представляется следующая классификация:

1. В узком смысле сокращенные слова (без элемента сложения), которые мы предложили бы называть укороченными или обрубленными словами, типа «спец» (специалист), «зав» (заведующий).

[1] Ср. напр. § 116 работы А. Селищева «Язык революционной эпохи», стр. 158—164.

2. Сложносокращенные слова, состоящие либо целиком из обрубков лексических элементов цельного словосочетания, как «рабкор» (рабочий корреспондент), «комсомол» (коммунистический союз молодежи), либо из сочетания обрубков с полными словами, как «зарплата» (заработная плата), «профсоюз» (профессиональный союз).[1]

3. Буквенные сокращения (аббревиатуры), относящиеся собственно тоже к сложносокращенным, но существенно отличающиеся от рассмотренных тем, что они образуются исключительно из начальных букв лексических элементов словосочетания. Всюду, где представляется фонетическая возможность, они произносятся по входящим в их состав звукам; «вуз» (высшее учебное заведение), «МЮД» (международный юношеский день), а не по названиям образующих их букв, как «ЦК» (центральный комитет) = «цека», «МТС» (машинно-тракторная станция) = «эм-тэ-эс».[2]

4. Смешанные сложносокращенные образования из обрубков и начальных букв, как «Гороно» (Городской отдел народного образования), «ОГИЗ» (Объединение государственных издательств).

Если откинуть те сравнительно редкие новообразования, которые мы назвали укороченными словами, то остальная масса лексических сокращений — сложносокращенные слова, включая буквенные аббревиатуры, характеризуется общими формальными и функциональными признаками. Сложносокращенные слова служат для сведения к лексическому единству словосочетаний именной семантики и образуются из элементов (различной протяженности), входящих в состав словосочетания слов, безотносительно к их грамматическому членению на значимые части. Нет никаких оснований оценивать их различно в зависимости от формальных отличий способов их образования. Впрочем буквенные аббревиатуры, произносимые по названиям составляющих их букв, имеют то неудобство, что в изъятие из общих правил фонетического чтения, в отношении этих графических слов применяется необычный способ чтения по названиям букв, и это может создать некоторые затруднения для овладевающих грамотой.

Более существенной, чем формальная классификация, является, на мой взгляд, классификация сокращенных, в частности сложносокращенных, слов по их содержанию.

Часть сложносокращенных слов (как здесь, так и в дальнейшем этот термин включает и буквенные аббревиатуры) относится к классу собственных имен. Таковы географические названия, как «Донбасс», «Татреспублика», «АГБО», «ЦЧО». Характер собственных имен носят и сокращенные названия таких единственных учреждений, как «Коминтерн», «Центросоюз», «СТО», «ВЦСПС».

Другие сложносокращенные слова суть безусловно имена нарицательные, как например «колхоз», «зарплата», «вуз», «МТС».

Не подлежит сомнению, что имена нарицательные гораздо теснее связаны с системой языка, нежели имена собственные. Поэтому широкое распространение и на них приема образования сложносокращенных слов и составляет один из элементов того качественно нового, того лингвистически революционного, что внесено в русский литературный язык именно в послеоктябрьскую эпоху.

[1] Промежуточный, и весьма редкий случай, когда один элемент сложения взят в виде обрубка, а другой — не полностью, а в своей начальной и конечной части как бы в выщербленном виде, напр. «эсминец» (эскадренный миноносец); так же можно трактовать и наркомат (народный комиссариат). Но комсомолец — не сложносокращенное слово, а производное от сложносокращенного комсомол.

[2] Оставляем в стороне орфографический вопрос о написании буквенных аббревиатур прописными или строчными буквами.

Можно подойти к классификации сложносокращенных слов еще и под иным углом зрения. Правда, функция всех сложносокращенных слов первоначально заключалась в сведении к лексическому единству семантически объединенных словосочетаний, но в дальнейшем некоторые из них по значению обособились от полных словосочетаний, и ныне можно распределить всю массу формально сложносокращенных слов в отношении степени их семантической связанности с теми словосочетаниями, от которых они образованы. В самом деле, с формальной стороны слово «колхоз» совершенно так же образовано от словосочетания «коллективное хозяйство», как «полпред» от «полномочный представитель», но по их значению и роли в языке между ними имеется качественное различие. Термин «полпред» дублирует термин «полномочный представитель», он ему семантически равен, и употребление того или другого термина есть вопрос стиля, а не содержания. В более официальном стиле, например в правительственных актах о назначении полпредов, всегда употребляется термин «полномочный представитель». Равенство же колхоз = «коллективное хозяйство» реально не существует: хозяйство может быть коллективным, но не быть колхозом. Это — разные понятия. Слово колхоз произошло от словосочетания «коллективное хозяйство», но не дублирует его по значению. Оно выражает особое, совершенно самостоятельное понятие, ничем заменено быть не может, и поэтому употребляется во всех стилях речи.

Это различие можно выразить следующим образом: одни сложносокращенные слова для уяснения своего значения требуют прежде всего расшифровки, другие же подлежат не расшифровке, а этимологизации, и для уяснения их семантического содержания этимологизация не более обязательна, чем в отношении любого в языке составного слова.

Наблюдается тенденция перехода сложносокращенных слов, дублирующих полные словосочетания, в разряд вполне самостоятельных, не подлежащих расшифровке, наделенных своими особыми значениями. Такие, например, слова, как «прораб», «местком», «промфинплан», «вуз» уже в большей или меньшей мере оторвались от тех словосочетаний, от которых были когда-то образованы.

Анализ таких слов, как колхоз и другие, вполне обособившихся от породивших их словосочетаний, показывает с особой наглядностью, во всем объеме то качественно новое, революционное, что представляют собою в современном русском языке сложносокращенные слова. Это совсем не то, что графические сокращения или сокращенные названия капиталистических фирм! Технический прием превратился в новое языковое явление. Порожденная революционной перестройкой общественных отношений потребность массового производства новых терминов, кратких, выразительных и гибких, нашла свое удовлетворение в появлении нового типа словообразования, затрагивающего типологическую структуру языка. Новизна его заключается в том, что в качестве элементов словообразования выступают не значимые части слов, не цельные корни, а их начальные обрубки, укороченные иногда до одного звука, свободно комбинируемые между собою. Проверенная на практике жизненность, продуктивность и доступность этого способа словотворчества свидетельствует и о повысившемся культурном уровне масс, свободно разбирающихся даже в таких новообразованиях, как буквенные аббревиатуры, и о возможности, столь многими отрицавшейся, революционного сдвига в языке, отражающего революционный сдвиг в обществе. Русский язык обогатился новой структурно-смысловой категорией, соответствующей уплотнению содержания и убыстрению темпов общественной жизни.

Нужно сугубо подчеркнуть, что сложносокращенные слова не только лексически обогащают язык, но и подымают его на высшую типологическую ступень, уплотняя его содержание и убыстряя его темп. Поэтому для национальных языков СССР, развивающихся в одинаковых с русским социальных условиях, вопрос должен итти не только и не столько о передаче сложносокращенных терминов русского языка, отнюдь не о механическом их усвоении, а об усвоении самого приема их образования.

Против применения в национальных языках новых способов словообразования по типу сложносокращенных слов могут выставить то возражение, что это, дескать, противоречит системе данного языка, нарушает его специфику. Едва ли такое возражение в отношении любого национального языка более обосновано, чем аналогичные сетования ревнителей чистоты русского языка против засорения его «сократиловками». Задаче сохранения национального облика языка отнюдь не противоречит его революционная перестройка. Сложносокращенные слова отвечают революционной потребности, которая должна быть как-то удовлетворена в каждом языке, развивающемся в революционной обстановке.

Конечно, надо считаться со структурными особенностями языка. Еще в большей мере надо считаться с культурным развитием населения. Восприятие и осознание сокращений, в особенности буквенных, требует повышенного уровня грамотности. Там, где этот уровень еще не достигнут, обилие сложносокращенных слов грозит сделать литературный язык недоступным широким массам. Как уже отмечалось выше, особенно опасны в этом отношении буквенные аббревиатуры, произносимые по названиям букв.

Как в отношении терминов вообще, так и в отношении сложно сокращенных слов вопрос практически ставится следующим образом: какие из них заимствовать целиком, переписывая средствами национального алфавита, и для каких создавать национальные эквиваленты, образуя сокращение из полного названия на национальном языке?

Те сложносокращенные слова в русском языке, к какой бы категории формально они ни относились, которые оторвались от породивших их полных словосочетаний, следует рассматривать как самостоятельные слова, и их можно заимствовать или переводить безотносительно к их сложносокращенному происхождению. Особенно желательно заимствовать те из них, которые получили международное распространение, как «колхоз». Никаких возражений не может быть и против заимствования такого слова как «вуз».

Что касается сокращенных названий учреждений, то отношение к ним должно быть диференцировано. Множество учреждений, именно хозяйственных организаций, известно только под своими сокращенными названиями, которые являются таким образом своего рода собственными именами, и трактовать их надо как непереводимые имена собственные. Переводить по-разному на разные языки, например, название всесоюзного объединения «Торгсин», было бы столь же нелепо, как, скажем, человека, носящего имя «Владимир», называть по-таджикски Çahongir.

Но есть такие сокращенные названия учреждений, которые (хотя некоторые из них можно рассматривать как имена собственные), только дублируют их полные названия, тоже употребительные. Только в полном названии раскрывается политическое значение функций данного учреждения, и его сокращенное название оправдано лишь постольку, поскольку своим звуковым составом вызывает представление полного названия. Такое сокращенное название надо уметь расшифровать. Нужно, например, не только знать, что есть учреждение, именуемое «СТО», но и что это есть «Совет труда и обороны».

Если же, например, в лезгинском языке «Совет труда и обороны» переводится «ylke xunuxun sevett», а «СТО» передается через «Sto», то разрушается связь между звуковым составом сокращенного и лексическим составом полного названия, т. е. у учреждения оказывается два названия, ничем между собою не связанные. Многословное название не сводится к лексическому единству, а дублируется взятым со стороны словом, внутри данного национального языка не допускающим расшифровки: никакого процесса образования сложносокращенного слова не происходит.[1]

Во многих национальных терминологиях, например в дагестанских, систематически проводится такая передача сокращенных названий учреждений: русские сокращенные названия переписываются средствами национального алфавита, тогда как полные названия переводятся слово за словом.[2] Объясняется это воздействием русской языковой стихии, откуда многие сокращенные названия проникают сперва в устную речь, а уже затем в национальную письменность. Доказательством проникновения напр. буквенных аббревиатур через устную речь служат встречающиеся факты письменного закрепления их по их произношению: лезгинские erkį — «РКИ».

С воздействием русской языковой стихии следует считаться как с историческим фактом. Но нужно помнить, что путем заимствования русских сложносокращенных слов национальные языки обогащаются только лексически, не обогащая себя тем самым новой структурно-смысловой категорией. Допустимым, в известных пределах, заимствованием русских сложносокращенных слов не следует подменять другой актуальнейшей задачи — задачи перенять русский опыт самостоятельного создания сложносокращенных слов.

Поэтому нельзя не приветствовать растущих в национальных языках симптомов в этом направлении, охватывающих и сокращенные названия учреждений и сложносокращенные имена нарицательные. В отношении буквенных аббревиатур во многих языках наблюдается явная тенденция замены русских сокращений составленными из первых букв полных названий на родном языке. По-татарски: УК (= yzək komitet) — «ЦК», FZÇ (fabrik zavot çidejlьqь) «ФЗС»;[3] по-узбекски: MQ (mərkəzii qomьta) — «ЦК», MЬQ (mərkəzii ьçraja qomьtasь) — «ЦИК», XKŞ (xalq komisarlar şorasь) — «СНК», и многие другие. В узбекском языке русские буквенные аббревиатуры перенимаются лишь в виде исключения, напр. VKP(b) — «ВКП(б). Но уже полное название узбекской компартии сокращается по порядку слов в родном языке ӨzK(b)P.

Весьма последовательно и рационально проводится передача русских сложносокращенных слов в новой чеченской терминологии, как она отражена в терминологических бюллетенях, выпущенных Чеченским Институтом национальной культуры: «Совнарком» — Xalkomsovet (Xalqhan komissarin sovet), «избирком» — xarǯamkom (xarǯaman komissi), «ЧечОНО» — Noxč XSO, «госиздат» — paču̇alqzorb, «партпросвещение» — partserlo и т. д. Целиком заимствуются только такие русские слова сложносокращенного происхождении, которые, как мы видели, не требуют обязательной расшифровки, как koĭxoz, sovxoz; равным образом Grozneft, что оправдывается

[1] В данном случае хотя бы имеется графическое совпадение русской аббревиатуры с ее национальной передачей. Но вот, напр., в лакском языке нелегко догадаться, что sttu означает СТО.

[2] В том же лезгинском языке «Наркомпрос» — narkkompros, тогда как «Народный Комиссариат Просвещения» — xalq maarif kkomisariat» и т. д.; в даргинском: «Дагцик» — «Daǫsik» и т. д. (пользуюсь терминологическими словарями, изданными Дагестанским Научно-исследовательским Институтом). То же самое в татарском языке: «Татцик» — «Tatsik», полное же название по-татарски «Tatarstan Yzək Başqarma Komitetь».

[3] Ср. в дагестанских (даргинском, лакском) языках pzs!

наличием здесь элемента собственного имени хозяйственного предприятия. Буквенные аббревиатуры, как правило, образуются от названия на чеченском языке: «ВКП(б) — JKP(b) — Jerrigsojuzan Kommunistin Parti (bolševikin), «ШКМ» — AKI (axarxojn kegirxojn iškol) и т. д. Некоторые буквенные аббревиатуры передаются только полными словосочетаниями, чтобы не затруднять мало подготовленного читателя: «ФЗС» — fabrikin-zavodin 7-šerin iškol, «ЗАГС» — adamin baqhonin xijcamaš cujazbien xukumat.

«Коренизацию» сложносокращенных слов в нацязыках следует всячески поощрять. В отношении всех тех сокращенных названий, расшифровка которых является в большей или меньшей степени обязательной для вскрытия их смыслового содержания, следует считать предпочтительным составление их исходя от полного названия на национальном языке. Нельзя отсылать к тому, что расшифровка производится на материале другого языка — русского: национал может не знать русского языка. Оценка того, насколько такая расшифровка обязательна, зависит от каждого конкретного случая. Если взять к примеру географические названия, то напр. Донбасс не обязательно расшифровывать и можно брать это слово целиком (безотносительно к тому, имеется ли в данном национальном языке слово «бассейн»), тогда как в отношении названий советских республик и автономных областей расшифровка необходима: сочетание букв (или звуков) «АГБО» лишено значимости, если не знать, что это «Автономная Горно-Бадахшанская область».

На практике в большинстве напреспублик сокращенное название своей республики строится по полному ее названию на родном языке: ATSSÇ = = Aftonomiəle Tatarstan Sotsial Sovetlar Çəmbyriəte; ӨzbŞÇ = Өzbekistan Bçtbmaьь Şorə Çymhyrijət.[1]

Но название советского государства в целом СССР обычно передается через SSSR, хотя это и не соответствует его полному названию на национальном языке. Едва ли это целесообразно: интернационально и политически значимым является не сочетание звуков «əс-əс-əс-əр», а соответствие их полному революционного содержания сочетанию понятий «Союз Советских Социалистических Республик». Нелишне напомнить, что пролетариям Европы и Америки СССР известен как USSR или URSS.

Надо поощрять и другое: самостоятельное творчество в национальных языках сложносокращенных слов, как новый способ словопроизводства, подымающий язык на высшую ступень. Процесс становления в языке этого нового способа словопроизводства облегчается тем, что целый ряд проникающих из русского языка сложносокращенных слов составлен из элементов таких терминов, в особенности так называемых «интернационализмов», которые уже вошли в национальный язык. Если в данном национальном языке восприняты такие слова как «коммунист», «интернационал», «партия», то «Коминтерн» и «компартия» могут осознаваться уже не как заимствованные, а как свои сложносокращенные слова.[2] Отсюда один шаг к использованию того же приема в отношении национального языкового материала.

Творчество сложносокращенных слов не надо ограничивать созданием эквивалентов для сложносокращенных слов русского языка. Можно создавать

[1] В настоящее время в качестве полного названия употребительнее Өzbekistan Sosial Şora Çymhyrijət, но аббревиатура ӨzSSÇ нам не встречалась. Следует мимоходом отметить неправильный по-татарски и по-узбекски перевод слова «социалистический» через sotsial и sosial.

[2] Напр. в узбекском kompartijə «компартия» можно рассматривать как сокращение сочетания komunistlar partijəsi.

и такие, которым нет соответствия в русском языке. Так узбеки по аналогии с ьçraqom «исполком», vьlajatqom «обком», əlkəqom «крайком» образовали не имеющее соответствия в русском mərkəzqom (от mərkəzii qomьta «центральный комитет», наряду с MQ — «ЦК»).

Наибольшего, насколько нам известно, развития получили сложносокращенные образования, как из интернационального, так и из своего материала, в одном из самых молодых литературных языков революционного Востока — в тувинском. Там сложносокращенные термины постоянно возникают, между прочим и для таких понятий, которые специфичны для местных условий. Приведу два примера. В Туве имеется «Революционный союз молодежи» (организация примыкающая к КИМ, по-тувински Revolustuᵒl anьjaktarnьŋ ebileli; ныне в широком ходу сокращение Revane.[1] НА проводится в Туве как государственная письменность, по-тувински kyrpiʒik (от kyrene «государство» и piʒik «письменность»).

Процесс образования в нацязыках своих сложносокращенных слов (сменяющий процесс их заимствования из русского языка) имеет в лингвистическом отношении большое революционное значение. Это уже не словарное заимствование, не только лексическое обогащение, это и не заимствование словопроизводственных формативов (явление всегда наличное при тесных междуязыковых связях), принципиально мало отличающееся от заимствования цельных слов, это — обогащение языка новым грамматическим средством, становление новой структурно-смысловой категории, типологическое преобразование, охватывающее к тому же ряд языков различного уровня исторического развития, разных типологических структур, но развивающихся ныне в общей политической обстановке, в обстановке совместного участия говорящих на них народов в построении социалистического общества. В этом, порожденном Октябрьской революцией, явлении можно усматривать признаки не лексического только, но и типологического сближения языков.

АРАБ ШАМИЛОВ, И. ЦУКЕРМАН, К. КУРДОЕВ

О ПРОБЛЕМЕ РОДА В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ[2,3]

В статье о курдском изафете (см. «Революция и Письменность», № 1 (16), 1933 г.) мы показываем, как курдские имена резко разделяются на две группы. Мы установили, что в комплексе из двух или нескольких имен, связанных изафетом, этот последний является в виде различных фонем. Таким образом, курдские имена характеризуются двумя различиями: именами одного рода, связываемыми с определяющим словом в комплексе посредством гласного «е» и именами другого рода, связываемыми с определяющим словом в комплексе посредством гласного «а». Если имя снабжено неопределенным членом, оно соответственно связы-

[1] Откуда производное revanecci «ревсомолец».

[2] Настоящая статья представляет собой обработку доклада, сделанного 11/III 1933 г. в Институте Языка и Мышления Академии Наук, в присутствии акад. Н. Я. Марра, акад. И. И. Мещанинова, проф. Л. Г. Башиджагяна и др. научных работников. *Примечание авторов.*

[3] Исследование велось на материалах курдов Советского Союза и зарубежных курдов с учетом всего диалекта «курманджи», на котором отчасти уже начата на местах разработка курдского литературного языка.

вается посредством «i» и «ə». Но «i» в сущности — тот же гласный «e»; «ə» — тот же «a» — только несколько укороченный. Для нас совершенно понятно, что «e» и «i» имеют своим предшественником такой общий для того и другого звук, который, развившись, дал имеющееся в настоящее время различие. В общем то же можно сказать по поводу «a» и «ə».

Напомним о сущности изафетной формы примером: Qrar-a şewr-e (постановление совета). Qrar — постановление, şewr — совет. Первое слово комплекса — «постановление», определяемое, связывается со вторым словом комплекса — «совет», определяющим, посредством изафета «a». Если это же имя выступает с неопределенным членом — в курдском «ək» — явление изменяется следующим образом:

Qrar-ək-ə şewr-e — (некое постановление совета).

Здесь мы имеем, следовательно, один род имен, при чем имена одушевленные женского рода идут именно по этому роду.

И еще:

Zıman-e inglab-e (язык революции).
Zıman язык; inglab революция.

Слово «язык» — определяемое, связывается с определяющим в комплексе «революция» посредством изафета «e». Если мы выразим определяемое с неопределенным членом, соответственно первому примеру, получим:

zıman-ək-i inglabe

Здесь мы, следовательно, имеем другой род, причем имена одушевленные мужского рода идут по этому роду.

Но это закономерное различие имен, впервые обнаруженное на материале изафета, идет и дальше, находя свое развитие и подтверждение и в других категориях курдского имени и вообще курдской речи. В частности, мы еще не касались «определяющих» комплекса, которые, оказывается, тоже изменяются известным образом, или вовсе не изменяются соответственно принадлежности к женскому или мужскому роду.

Будем эту категорию курдской речи, пока еще не детализируя определение, называть родом.

Различие по роду ясно выступает, когда имя является после местоимения указательного третьего лица в косвенном падеже, в падежных окончаниях курдского склонения, наконец, в изафете имен прилагательных. Этим перечнем вовсе не исчерпываются случаи диференциации курдских имен на два рода.

Диференциация курдских имен представляет собой развивающуюся систему. Наша задача заключается в показе этой системы и в определении той стадии, на которой мы застаем развитие системы рода в курдском языке. Эти задачи в сущности совпадают.

Не случайно закономерность диференциации имен впервые обнаружена на материале изафета. Комплекс имен, связанных изафетом, является в курдском языке самой массовой, часто встречающейся формой. Отсюда понятно, почему все другие категории языка сконцентрированы в курдском комплексе. Изафет — это то, что в значительной мере определяет весь строй курдской речи. Это обстоятельство обязывает и нас сконцентрировать свое внимание на изафете. Но это не всегда делается. В летних (1932 г.) номерах курдской газеты «Rja təzə» за 1932 г. некоторые эриванские работники как раз проводят упрощенческие установки. В некоторых статьях, посвященных вопросам предстоявшей дискуссии замечаются:

1) Необоснованные, огульные сравнения курдского языка с персидским.

2) Поспешные, непродуманные предложения по стандартизации.

К примеру — т. Петоян в газете «Риа-Тэзэ» № 30 (58) 1932 г. пытается дать установки по поводу курдского изафета. Для этого он прежде всего обращается к персидскому языку. Там все имена без исключений связываются одним изафетом (по Петояну изафетом «е»). А в курдском языке имена одушевленные связываются различными изафетами по родам. Но это т. Петоян согласен принять. Но есть имена, не являющиеся ни «самками», ни «самцами», которые тоже по-разному связываются. В этом месте т. Петоян приводит пример, обнаруживая непонимание различия между категорией изафета и категорией косвенного падежа; далее, уже не вдаваясь в подробности, он с завидной решительностью предлагает полную стандартизацию: употреблять всюду один изафет «е», как в персидском. Или, — продолжает т. Петоян, — пусть знатоки языка скажут: на каких основаниях и по каким законам курдского языка пишутся разные изафеты — то «е», то «а».

Такие установки в корне не верны. Мы можем сравнивать курдский изафет с персидским только в определенной мере, поскольку это нам помогает при помощи родственного курдскому, грамматически лучше разработанного персидского языка, — исследовать сам курдский язык, исходя, однако, из внутренне-присущих курдскому языку закономерностей, поскольку мы вообще имеем единый глоттогонический процесс. Но и в этой мере апелляцию к персидской графике — а еще шире — к персидскому литературному языку следует ограничивать, памятуя о том, что в лице литературного персидского языка мы имеем дело с искусственнейшим языком господствующего класса, сильно отличающимся от народных, крестьянских говоров и языков, в то время как курдский язык (если не касаться письменных документов) — это как раз народные говоры. Именно у нас сейчас, на базе социалистического строительства, создается литературный курдский язык.

Во-вторых, нельзя с преступным легкомыслием предлагать «стандартизацию» под персидский. Ведь прежде всего требуется детальное изучение самой тенденции развития той или иной категории языка и только на этой основе можно предложить какую-либо стандартизацию. Но тогда это будет уже определенная принципиальная установка, а не «подражание персидскому».

Если бы т. Петоян занялся действительным изучением сущности и тенденции развития курдского изафета, он убедился бы, что здесь «стандартизация» неуместна, что тот «беспорядок» в курдском изафете, с которым столкнулся т. Петоян — это «беспорядок» только в глазах т. Петояна, а человек, для которого курдский язык — родной, никогда не ошибется в употреблении гласных изафета.

Но установка Петояна не нова. Вот уже около 200 лет курдский язык изучается именно таким образом. К курдскому языку подходили с нормами и мерками, вовсе ему не присущими. Наряжали курдский язык и в персидскую, и в турецкую и даже в европейскую одежду. В результате: либо одежда с чужого плеча лопалась по всем швам, либо курдский язык тонул в выутюженных фалдах индоевропейской грамматики. Нормы и мерки для курдского языка должны строиться, исходя из самого курдского языка, поскольку мы здесь имеем и специфическое мышление, развивавшееся на основе и вместе с историей материальной культуры курдов.

Но это положение вовсе не призывает к национальной ограниченности. Замкнуться в своей скорлупе означало бы не меньшую ошибку. Наоборот, изучение курдского языка в связи с курдским мышлением, изучение его в исторически-специфической обстановке, в которой развивался и развивается язык, в связи с историей классовой борьбы в курдском обществе —

настойчиво предполагает изучение других языков с аналогичными историческими условиями. Повторяем, мы оперируем положением марксистской лингвистики, утверждающей единый глоттогонический процесс.

Мы должны анализировать курдский язык, исходя из внутренне присущих ему законов развития (памятуя, что развитие языка есть сторона общего исторического процесса), поэтому мы должны прямо проникнуть в курдское мышление, использовать язык для социалистического строительства.

Перейдем к анализу курдских имен.

Именительный падеж ничего нам не покажет, если мы обратимся только к звучанию слова. Другое дело, если мы попытаемся объяснять звучание значимостью, поскольку и звучание в конечном счете объясняется значимостью.

Мы устанавливаем, что все имена существительные отвлеченные изменяются по линии женского рода. Таковы слова Sərkarî — руководство, Həvalti — товарищество, Xundarî — кровомщение, Hostəti — мастерство, Şərmajî — стыдливость и т. д. и т. п.

Отвлеченное имя в курдском языке получается путем прибавления почти к любому имени суффикса ti или i (в прошлом должно быть одного происхождения). Образование отвлеченных имен с тем их характером, который мы обнаруживаем в настоящее время — явление безусловно позднего характера. Мы хотим этим сказать, что, во всяком случае, значимость отвлеченных имен, абстрактность, скажем, слова bavti — отцовство и противопоставление его слову bav — отец — это продукт позднего мышления, способного к абстракциям. И, поэтому, слово bavti последует слову отец — bav, хотя до образования слова bavti и само слово bav имело другое значение. Ибо категория «отцовство» обуславливается категорией «отец» и противопоставляется ей. А слово, из которого возникает то и другое, ясно, является ни тем ни другим, или диффузно включает в себе и то и другое. Нам здесь важно то, что в процессе образования отвлеченных имен, эти последние пошли по одной линии, одному роду, именно женскому. Значит, во время образования этих имен существовал такой фактор, который обусловил движение этих имен именно по линии женского рода.

Теперь обратимся к несколько иному пласту имен. Курдские инфинитивы глаголов тоже изменяются по принципу женского рода. Собственно, мы называем эту категорию курдских имен инфинитивами глаголов совершенно условно. В курдском мышлении, а, следовательно, и языке они воспринимаются именно и лишь как отвлеченные имена. Мы имеем в виду такие имена, как Kyştьn убийство (убивать), Şəwьtьn — горение (гореть), Xьlaz kьtьn — окончание (оканчивать) и т. д. и т. п. Все эти имена также являются носителями форм женского рода.

В курдском говорят:

Gotьna Lenin речь (дело) Ленина, т. е. имя Gotьn «говорить» связывается с последующим словом Lenin посредством изафета «а», изафета женского рода. Этим изафетом связываются все инфинитивы глаголов без исключений.

Как образовались эти отвлеченные имена?

В каждом таком имени мы имеем глагольную основу и окончание «ьn» или, в более полном виде, tьn, dьn. Мы здесь рассуждаем так же, как и в случае с образованием выше разобранных отвлеченных имен. Слова, предшествующие этому типу отвлеченных имен и глаголам, включали в себя диффузно и имя, и глагол, а значит, не были ни именем, ни глаголом; нам опять-таки важно, что в процессе образования этих отвлеченных имен —

инфинитивов глаголов, существовал такой фактор, который обусловил движение их по женской линии. Мы опять вернулись к этому фактору.

Марксистская лингвистика устанавливает в истории развития речи такой период, когда имена делились на социально-активные и социально-пассивные. Тогда, следовательно, отражения в речи деления по полу не существовало. Возникновение матриархата, между прочим, означает оформление в языке женских имен, как социально активных, поскольку и 'мать' социально активна. Но раз возникнув, это положение означает и обратное: слова, творящиеся в этот период, чтобы стать социально активным и скрещиваются с именем 'мать'.

В курдском мы имеем совпадение изафета множественного числа с изафетом мужского рода. Но это означает только то, что мужские имена в этом случае не выдвигались специфическим оформлением из состояния той реальной множественности, которая предшествовала современной категории единственного числа. Действительно: zar-e bьcuk — означает не 'дитя маленькое', а именно 'маленькие дети', в то время как Куг-е mьn означает и 'сын мой' и 'мои сыновья'. А женские имена? Женские имена — 'мать' и относящиеся к матери, и оформляющие свою социальную активность путем скрещения с именем 'мать', — все эти имена выделяются из предшествующего состояния множественности особым изафетом (в настоящее время это гласный «а», «ə») и особым косвенным падежом, как мы это увидим дальше. А вот Куг так и остается неизменным: он связывается старинным изафетом диффузной множественности и никаких изменений в косвенном падеже не имеет.

В этом свете нам понятен уход отвлеченных имен по женской линии. Анализ суффиксов отвлеченных имен типа bav + ti 'отцовство' и типа nьvìsan + dьn 'писать' показал бы, что эти суффиксы восходят к имени 'мать'. Причем 'мать' в широком социальном смысле, который это имя имело при матриархате. Может быть не лишне будет сказать, что по-курдски 'мать' — de. Последующий анализ курдских имен устанавливает крайне поучительную закономерность. Оказывается, что большинство терминов надстройки носит в курдском языке грамматические формы женского рода.

Прежде чем перейти к развернутому показу самих форм женского и мужского рода, мы укажем еще на одно интересное обстоятельство. Анализируя процесс словотворчества, мы устанавливаем, что имена, заимствуемые из других языков, и имена, созданные и создаваемые сейчас в процессе социалистической стройки в своем огромном большинстве, идут опять-таки по линии тех же форм женского рода. Но раз мы уже установили, что и вся предшествующая терминология надстройки носит формы женского рода, это явление не должно быть для нас загадочным. Слова: traktor, maşinə, zavod, и т. п. вошли в язык вместе с новыми производственными отношениями, traktor означает для курда неизмеримо больше, чем обыкновенное орудие производства. Трактор появляется в курдской деревне вместе с колхозом, общественной собственностью и совершенно ясно, почему traktor — новое слово, склоняется вместе со старым словом şewr 'совет', поскольку и это — термин политический.

Конечно, если скользить по поверхности вопроса, можно было бы утверждать, например, что — имена, оканчивающиеся на i, ti, in, ьn, tьn, dьn ... большей частью носят формы женского рода. Но дело не в звуках окончания. Они также социально обусловлены. Вот слова sərі — 'голова', xani — 'дом', gyndi 'сельчанин' и т. п. тоже оканчиваются на i, однако они все мужского рода. Дело стало быть в том значении, которое скрывается за самим словом и его окончанием.

Мы установили, между прочим, тенденцию курдского языка по мере движения мышления от конкретных форм к более абстрактным, основываясь на социально обусловленной традиции (а прежде чем стать традицией, это был актуально-социальный фактор) придавать этим абстрактным категориям формы женского имени. Это также один из моментов объяснения той дифференциации имен, которая имеется в настоящее время.

Это утверждение вовсе не означает возможности механического деления курдских имен на два рода, хотя бы по этому принципу. Это будет, конечно, неверно. Трудно, например, с наскока объяснить почему, скажем kəvɬr — 'камень' мужского рода, а dar 'дерево' выступает то как мужское, то как женское имя, в зависимости от того, срубленное это дерево или растущее. Или почему ṣɬxyl — 'дело' мужского рода, а xəbat — 'работа' женского рода. Мы говорим об общей тенденции генезиса и дальнейшего развития дифференциации имен, а отдельные слова, представляющиеся нам, на первый взгляд, отклонениями от общих закономерностей, при детальном изучении только подтвердили бы правильность общих положений.

Вопрос о различии по роду по всей линии курдского изафета и склонения курдского имени ставится впервые. До сих пор только у Джердина имелось указание на различие гласных изафета у одушевленных имен. Дальше Джердина в этом вопросе никто не пошел. Таким образом, вопрос о существовании рода в курдском языке вообще требует показа и доказательства. Поэтому в дальнейшем изложении мы принуждены рассматривать имена и их изменения так, как мы их застали, не изучая их в отдельности.

Возвратимся к падежам. Звательный падеж нам дает в своих окончаниях явно ощутимое различие на мужской и женский род.

Имена мужского рода в звательном падеже приобретают окончание 'о', имена женского рода — окончание 'е'.
Приведем примеры.

Имена мужского рода (Звательный падеж)

Kyro wərə vɬra!
Мальчик, (сын) иди сюда!

Rəṣito, Rəṣito, mere zɬ merano!
Решит, Решит (им. собст.) — человек из людей (т. е. лучший человек).

Bavo, Bavo, pirɬk gazije tə dɬkə
Отец, отец, старуха зов тебе делает (зовет).

Bɬrao, mɬn be xwəjo!
Брат, я без хозяина (остался), (причитание над умершим).

Aṣɬqo, aṣɬqo, bɬstre!
Певец, певец, спой!

Nerijo! zu-zu bɬxəngələ!
Вожак (стадо), а ну-ка (скорей) порезвись (bɬxəngələ непереводимое слово, означает резвость, которую высказывает животное, когда его призывают. Подразумеваются скачки и звон колокольчиков на шее вожака стада).

Həvalo! əw gɬli nə rast ə!
Товарищ! Это высказывание (рассказ) не правильно есть.

Lo-lo lawɬko, bərxa binə bər ave!
Эй, паренек! ягнят гони (приведи) на водопой (воду).

Karɬko, dəlale mɬn, karɬko!
Козленочек, милый мой козленочек!

Имена женского рода

Tərlanə, Tərlanə ɕàve tə bələk ьn!
Терлан, Терлан, глаза твои игривые (пестрые буквально. Нет соответствующего слова в русском).

Qizə, nan binə
Девушка (дочка) хлеба принеси.

Tàžijə, də bьɕəhmə
Тажи (кличка борзых собак) пошла вон (проваливай).

ɕeləkə, ty gəllə şir dьdi
Корова, ты много молока даешь.

Xuşkə, nə gьri nьha dija mьnə bə
Сестренка, не плачь сейчас мать моя придет.

Dajə Daje zu wərə Tərlan dьgьri
Мать, мать, скорей иди Терлан плачет.

Mətə, gynde wə ķənge dьcə zozanə?
Тетя, деревня ваша когда идет (на) кочевку?

Таким образом мы устанавливаем: Слова — kyr — сын, bav — отец, bьra — брат, aşьq — певец, neri — вожак (стада), мужское имя собственное — Rəşit, слово həval 'товарищ' в обращении к мужчине, тоже — lawьk — 'молодой человек' и kaгьk в обращении к козленку — все эти имена в звательном падеже приобрели окончание 'о'.

Слова же: Qiz — 'девушка', Tàžі — кличка собаки, ɕelək 'корова', Xuşk 'сестра', də — 'мать', Mət — 'тетя' и женское имя собственное Терлан — приобретают в звательном падеже окончание 'е'.

Здесь мы привели примеры только на одушевленные имена. То же правило мы устанавливаем по отношению к неодушевленным именам. Здесь мы принуждены итти по обратному пути: по тому, какое окончание имеет данное неодушевленное имя, мы судим о принадлежности его к тому или иному роду.

Мужские имена

Kəvьrо, kəvьrо, də rabə!
Камень, камень, а ну-ка встань! (из сказки).

Xanijо, xanije mьn, ķe ty hьlşandi?
Дом, дом мой, кто тебя разрушил?

Konо, kone rəşi məzьn! Təda runьştьn
Шатер, шатер черный, большой! Внутри (тебя)

Çotə buk qiz u žьn
Сидят пара невест девушки и женщины (из песни)

Dьranо, dьranо, xer nə dijo.
Зуб, зуб добро не видевший (Восклицание при зубной боли).

Əzmanо, həwaje safi kə
Небо погоду чистой сделай (прояснн. Из сказки).

Çanо, çanо kyli bь dərdo!
Тело, тело (в) болезни и заботе! (Восклицание при заболевании).

Женские имена

Traktorə! traktora sor
Трактор! Красный трактор!

Şinkajə, şinkaje, zu bьgьhizə
Зелень, зелень быстро расти.

Şewre, Şewre, qьrar kə!
Совет, совет постановление сделай (вынеси).

Kьtebe, kьteba mьnə bь sьfet
Книга, книга моя с картинкой.

Stəjrə, stəjra dəlal
Звезда, звезда красивая!

Такое различие по окончаниям в звательном падеже относится ко всем именам. Явление диференциации по роду в звательном падеже можно хорошо показать на следующем примере:

Etimo, ty cь dьki?
Сирота, ты что делаешь (Etim — здесь в смысле снисходительного обращения).

Etimə, ty be bav maji
Сирота ты без отца осталась.

Первое 'Etim' с окончанием на 'o' — Etimo, было обращением к мужчине, второе с окончанием на 'e' Etíme — обращение к женщине.

Возьмем те же слова приведенных примеров в связи с изафетом. Напомним, что мужские имена связываются с определяющим посредством 'e', женские — посредством 'a' (см. таблицу № 1).

Из таблицы мы ясно видим, что:

1) Имена мужского рода, получившие в звательном падеже окончание 'o', будучи поставлены впереди определяющего, закономерно связываются с последним посредством изафета 'e'.

2) Имена женского рода, получившие в звательном падеже окончание 'e', будучи поставлены впереди определяющего, закономерно связываются с последним посредством изафета 'a'.

Таким образом, мы уже установили различие по роду в двух категориях. Теперь перейдем к следующему падежу курдского склонения. Будем его называть в этой статье просто третьим падежем, считая первым именительный, вторым — звательный. Мы этот падеж так называем потому, что он очень многообразен и если сравнивать его, например, с русскими падежами, то он может, повидимому, появиться на месте любого русского падежа. Он требует особого анализа, после чего только можно выработать для него особый термин. Мы здесь его анализировать отдельно не будем. Нам необходимо здесь указать этот косвенный падеж для показа различия по роду.

В третьем падеже мы устанавливаем ряд закономерностей. Имена женского рода все получают в третьем падеже окончание 'e'. Если женское имя оканчивается на согласный, — гласный 'e', просто прибавляется к имени Если же имя оканчивается на гласный, последний вытесняется этим же гласным 'e', который ставится на место коренного гласного. Когда имя само по себе оканчивается на 'e', оно никакого окончания не принимает, или коренное 'e' вытесняется окончанием. Как бы мы здесь не рассуждали, это не меняет дела. Таковы слова: de — 'мать', Re — 'дорога' и т. п.

Имена мужского рода либо совсем не имеют окончания, т. е. остаются неизменными, либо получают изменения в гласных основы слова, т. е. изменяются особым образом — посредством флексии основы. Из этого правила есть исключения: таковы слова Bav, ap, xal — 'отец', 'дядя' (по отцу), 'дядя' (по матери) и другие. Таких слов крайне мало, они носят определен-

ную социальную окраску и получают в третьем падеже окончание 'е' по принципу женских имен. Эти имена требуют особого анализа.

Приведем примеры изменения имен в третьем падеже. Эти примеры, между прочим, ярко иллюстрируют многообразие курдского третьего (косвенного) падежа.

Изменения в третьем падеже имен женского рода

Havinе əm cun zozana Ələdaɑ̣e
Летом мы пошли (на) кочевку Эледаг

Ṣəvе, roẓe ba mьn bu
Днем (и) ночью со мной был

Əm dьcьnə mevanije çəm məṭe
Мы идем (в) гости к тете

Əm gьṣk hətta sьbə radьzan
Мы все до утра спали

Konda donzdəh ẓьna sьbe hətta evarе
В шатре двенадцать женщин (с) утра до

dəw dьkьlan
вечера пахтанье сбивали.

Hətta xьlaz-bunе bьxunə
До конца (окончания) читай.

Bave mьn salе dy bərx u karək ẓi
Отец мой (в) год два ягненка и козлика

bьstənd
же получал

Əm gьṣk dьmanə Gulləsorе
Мы все жили (в) Гулесоре

Bave mьn saləwəxtе çarəke jane dy çara
Отец мой в течение (время) года раз или два

dьhat malе
приходил домой.

Diwana sewre lь Ermənistanе
Правительство советское в Армении.

Dora Zəjṭunе gəllə xort dьcun dьhatьn
Вокруг Зайтун много парней увиваются (букв. уходят, приходят).

Əz bər dьkanе səkьnьmə
Я перед магазином стою.

Kolxoz bь maṣine dьxəbьtə
Колхоз машиной работает.

Итак, женские имена Havin, ṣev, Roẓ, Məṭ sьbə Evar, xьlaz-bun, Sal, Gylləsor, saləwəxt, Ermənistan в третьем падеже имеют окончание 'е'.

Приведем примеры мужских имен. Покажем сперва те из них, которые совершенно не получают окончания, а затем те, которые получают изменение в основе, т. е. изменяющиеся по флексии-основе.

Dora Ṛalə gəllə məri bərəv-bьbun
Вокруг рабочего много людей собралось.

Dora gynd gəllə ɛija hənə
Вокруг деревни много гор имеется

Əwi əm şandьn çəm sədьr
Он нас послал к председателю.

Zь Ṗalə əm maşina dьstinьn zь gyndi
От рабочего мы машины получаем, от крестьянина

Əm nan dьstinьn
мы хлеб получаем.

Zь Təfur xortəki baş dər-ķə tь bu
Из Тефура парень хороший вышел.

Təfur şəv-ro çəm Əgit dьma
Тефур ночь-день у Джигита оставался (бывал).

Qylce sor ṭьzi çahьl-çuhьl bun
Уголок красный полон молодежи был.

Əz we dəre rudьnьstьm çəm zьner (им. пад. zьnar).
Я там сидел у скалы.

Hətta bazer cum u wəstijam (им. пад. dazar).
До города шел и устал.

Əz dьcьm çəm şьvan
Я иду к пастуху (им. пад. sьvan).

Əw zi wəki zijan nə gьhista pez (им. пад. pəz)
Это же если потеря не достигала овец.

Le həma əw xəbat nə hatə seri (им. пад. sər — голова).
Однако эта работа не осуществилась.

Выводы: имена мужского рода Ṗalə, Gynd, Sədьr, Gundi, Təfur, Əgit, Çahьl в отличие от имен женского рода совершенно не получили окончаний в третьем падеже. А имена Zьnar, Bazar, Şьvan, Pəz, Şəri в отличие от женских имен получающих в третьем падеже обыкновенную флексию, получили в третьем падеже изменения в самой основе (флексия — основа).

Для подтверждения того обстоятельства, что вышеприведенные имена закономерно различаются и в категории изафета, приводим вторую таблицу сравнения имен.

Все остальные категории сравниваются с изафетом, потому что именно на материале изафета яснее всего выступают курдские грамматические формы (см. таблицу № 2).

Сравнивая данные первой и второй таблицы, мы в состоянии сделать следующие выводы.

1. Женские имена в звательном падеже имевшие окончание 'e', — в третьем падеже также имеют окончание 'e' — будучи определяемыми в комплексе связываются с последующим определяющим изафетом 'a'.

2. Мужские имена, в звательном падеже имевшие окончание 'o', — в третьем падеже либо совершенно не имеют окончания, либо изменяются флексией — основой (в виде исключения имеют обыкновенную флексию 'e'), будучи определяемыми в комплексе связываются с последующим определяющим посредством изафета 'e'.

Наконец, мы имеем возможность определенно показать, каким образом меняются «определяющие» в комплексе. Об определяемых мы сказали все. Какая же судьба постигает слова определяющие? Оказывается, что после изафета определяющее слово стоит в косвенном падеже. А раз так, то все закономерности, которые были нами показаны в отношении третьего падежа, вполне приложимы к определяющему комплекса.

Действительно, если мы указывали, что женские имена в третьем падеже имеют окончание ʿe', то определяющие, будучи женского рода, точно также принимают окончание ʿe'. Группа мужских имен, не имеющих окончания в третьем падеже, также не имеет окончания, выступая как определяющие комплекса. И наконец, имена той группы, которая изменяется в третьем падеже по флексии — основе, будучи определяющими, точно также меняются по флексии — основе.

Характерно, что и исключения третьего падежа являются исключениями и в комплексе.

Например:

Hatьna bav-ə
Приход отца.

Здесь слово bav — отец изменилось окончанием ʿe', что характерно для имен женского рода. Но и в косвенном падеже слово bav всегда будет иметь окончание ʿe', будучи исключением из всей массы мужских имен.

Итак, определяющее слово комплекса является по правилам косвенного падежа. И это верно, несмотря на то, что ничего подобного мы не наблюдаем в письменном персидском языке.

Теперь мы имеем возможность показать комплекс во всех его частях.

Приведем пример изафетной конструкции:

Şewra gynd
Совет деревни (сельсовет).

Имя ʿşewr' «совет» — определяемое комплекса, будучи женского рода, связывается с последующим определяющим посредством изафета женского рода — ʿa'. А определяющее Gynd — ʿдеревня', будучи мужского рода, никак не изменилось. Но перевернем комплекс...

вместо:

1) Şewra gynd
ʿсовет деревни'

сделаем:

2) Gynd-ə şewr-e
ʿдеревня совета' (советская).

Что получилось?

1) Изменился весь смысл комплекса.

2) Имена закономерно изменились по звучанию.

Во втором случае слово gynd стало определяемым и связалось с последующим словом, посредством изафета ʿe', имя же şewr, став определяющим, приобрело окончание женского рода — ʿe', как и в третьем падеже. Но gynd в первом случае, как мужское имя, действительно не имело никакого окончания, а şewr связывалось изафетом женского рода — ʿa'.

Вышеуказанные положения характеризуются таблицей № 3, которая после всего сказанного, особых объяснений не требует.

Различие по роду весьма ярко выступает в изафете имен прилагательных.

Из приведенных примеров можно вывести, каким образом курдские имена существительные могут быть одновременно и именами прилагательными, что вообще это деление для курдского языка — условно.

Если мы говорим по-курдски:

Gədə-je kuce
мальчик улицы,

... это же выражение мы можем вполне правильно перевести как «уличный мальчик». Здесь следовательно, имя «киса» — 'улица', являющееся именем существительным, может служить и прилагательным.

С другой стороны, слово məzьn — 'большой' — имя прилагательное — может выступать и в качестве имени существительного например, səba məzьna — 'для взрослых'.

Для настоящего нашего исследования мы будем рассматривать собственно имена прилагательные, если можно так выразиться, — определенную группу имен прилагательных, которая изменяется особым ей присущим образом. Мы имеем в виду те имена, от которых можно образовывать степени сравнения. Например, məzьn — 'большой', məzьntьr — 'больший' Rəş — 'черный', rəştьr — 'чернее' и т. п.

Вот такие-то имена прилагательные действуют в комплексе весьма своеобразно:

1) Имя прилагательное стремится всегда стать в конце комплекса, если кроме него есть другие определяющие:
məkţəba evarə ţəzə məkţəb школа, əvar вечерняя, ţəzə новая (но может быть и 'новый' 'новое'). Слово ţəzə стоит в конце комплекса.

2) Находясь в конце комплекса, имя прилагательное никаких окончаний не принимает.

3. Но дело меняется, когда это же имя стоит в середине комплекса, т. е. одновременно является и определяющим, и определяемым. Тогда имя прилагательное связывается с последующим словом изафетом одного или другого рода в зависимости от того, какое имя ему предшествует в качестве определяемого. Если прилагательное определяет мужское имя, оно связывается с последующим словом знакомым нам изафетом 'i' если женское имя — все тем же 'e'.

Примеры:

Kon-e rəş-i məzьn
Шатер черный большой

Bьrə mьn-i orte
Брат мой средний

Kar-a mьn-ə calələlək
Козочка моя лысо-пестрая

Həsp-a sor-ə bas
Лошадь красная хорошая

Səhər-e dur-i rьnd
Город дальний красивый

Xwarək-e xwəş-i şirin
Еда вкусная сладкая

Dar-e dьrez-i gьran
Палка длинная большая

Kьnç-a sьvьkə gərm
Платье легкое теплое

Dija mьn-ə bələngaz
Мать моя бедная

Xuşk-a mьn-ə bьcuk
Сестра моя маленькая

Ƶьn-a rьnd-ə aqьl
Жена красивая умная

Məţ-a aqьl-ə pir
Тетя умная старая.

Таким образом, и в прилагательных имеется все такая же дифференциация в изафете. При этом употребление того или иного изафета строго согласовано с родом предыдущего слова. Мы видели: там, где в предыдущем существительном изафет 'а', прилагательное связывается изафетом 'ə'; там, где предыдущее существительное связывается изафетом 'е', последующее прилагательное связывается изафетом 'i'.

Перейдем к остальным курдским падежам.

Кроме трех уже нам известных, в курдском языке существуют еще три падежа. Не систематизируя их детально, мы здесь назовем их просто — четвертым, пятым и шестым. Нас они здесь интересуют с точки зрения морфологии. Морфологически они все образуются по одной закономерности:

4-й: Путем прибавления частицы r̄a
5-й: Путем прибавления частицы da
6-й: Путем прибавления частицы va

При чем эти частицы применяются не прямо к именительному падежу, а к третьему, уже нами рассмотренному:

Таким образом для имен женского рода три последних падежа можно представить схематически так:

именительный падеж+е+ { r̄a, da, va }

Для имен мужского рода — либо:

неизмененная форма+ { r̄a, da, va }

Либо:

форма, измененная флексией основой+ { r̄a, da, va }

Проиллюстрируем эти положения несколькими примерами:

Merьk zьnera got
Человек жене сказал.

Əvdi bər qizera dərbaz bu
Авди мимо девушки прошел.

Wəxte daṣnaka wəlate mə hərgav
Во времена дашников страна наша все время

nava ṣəra u xrabijeda bu
среди войны и разрухи была.

Zakavkazeda gəllək mьllət hənə.
В Закавказьи много народов имеются.

Əm maleva dьmanə Tiflise
Мы с домом жили в Тифлисе.

Əme wəlate mə bь həbuna rençbərijeva
Мы страну нашу с (ее) хозяйством сельским

dajnьn sər rija sosializme
поставим на путь социализма.

Palə gyndira got
Рабочий крестьянину сказал.

Mə mьlkdarra ṣər kьr
Мы с помещиком воевали.

Əz bər zьnerra dərbaz bum
Я мимо скалы прошел.

Əz nьvineda radьzem
Я в постели сплю

Konda donzdəh sьrsum dar-da-kьr bun
В палатке двенадцать кольев вбиты были.

Əm bь sədьrva dьxəbьtьn
Мы с председателем работаем.

Изменения курдских имен во всех падежах и в связи с изафетной конструкцией мы иллюстрируем в таблице № 4 (см. таблицу № 4).

Здесь не лишнее будет указать еще на одно интересное обстоятельство.

Известно, что в курдском языке существует пассивная форма в связи с употреблением глаголов, действие которых переносится с действующего на объект.

Например:

Мьn xəbata xwə xьlaz kьr
Я (мною) работу свою закончил.

Прямой падеж от 'мьn' — 'я', 'меня', 'мною' и т. д., — будет əz. Однако в прошедшем времени для вышеуказанных глаголов местоимение всегда выступает в косвенном падеже (в нашем примере 'мьn' вместо əz). И вот, если подставить вместо местоимения — имя существительное, оно также будет стоять в косвенном падеже. Это обстоятельство, между прочим, также до нас никем не было указано.

Соответственно правилам для косвенного падежа мы имеем:

Zьn-ə xəbata xwə xьlaz kьr
Женщина работу свою закончила.

Но:

Kyr xəbata xwə xьlaz kьr
Мальчик работу свою закончил.

И в этом явлении синтаксиса мы находим подтверждение выводам, сделанным нами по вопросу о роде в курдском языке.

В заключение следует сказать, что категория рода в курдском языке все же отличается от подобных категорий в других языках. Дело в том, что курдский язык именно сейчас переживает процесс становления рода. Причем на становление рода в курдском языке влияет революция, в результате которой в национальные формы курдского языка вливается новое содержание, изменяющее, подчас, даже ломающее, старые формы.

Отличие категории рода в курдском языке подтверждается также тем, что множество имен еще не прикрепились полностью к определенному роду. Такие слова, как Həval 'товарищ', Həsp — 'лошадь', Karьk 'козленок' и многие другие для отнесения к тому или иному роду требуют конкретного указания на принадлежность к мужскому или женскому полу в каждом отдельном случае.

Надо отметить, что вопрос о роде в курдском языке представляет огромный интерес для общего языкознания, как живой процесс становления рода, кажется, еще нигде не наблюдавшийся. Конечно, дальнейшая разработка курдской грамматики внесет еще много добавлений и корректив в поставленную нами проблему.

Таблица № 1

Именительный падеж		Звательный падеж (второй)	Окончание звательного падежа	Комплексы			Изафет
				Определяемое	Определяющее		
'Сын'	Kʏr	Kʏro	o	Kʏre	Çəfər	'Джафара'	e
'Решит'	Rəṣit	Rəṣito	o	Rəṣite	Ṛalə	'рабочий'	e
'Брат'	Bʏra	Bʏrao	o	Bʏre	mʏn	'мой'	e
'Певец'	Aṣʏq	Aṣʏqo	o	Aṣiqe	rʏnd	'красивый'	e
'Вожак'	Neri	Nerijo	o	Nerije	baṣ	'хороший'	e
'Товарищ'	Həval	Həvalo	o	Həvale	Ə́rəb	'Араб'	e
'Молодой человек'	Lawʏk	Lawʏko	o	Lawʏke	Ə́git	'Джигит'	e
'Козленок—козочка'	Karʏk	Karʏko	o	Karʏke	calabalak	'пестрый'	e
'Камень'	Kəvʏr	Kəvʏro	o	Kəvʏre	gʏran	'тяжелый'	e
'Дом'	Xani	Xanijo	o	Xanije	məzʏn	'большой'	e
'Шатер'	Kon	Kono	o	Kone	rəṣ	'черный'	e
'Зуб'	Dʏran	Dʏrano	o	Dʏrane	spi	'белый'	e
'Небо'	Əzman	Əzmano	o	Əzmane	bʏlʏnd	'высокое'	e
'Тело'	Çan	Çano	o	Çane	ṭəmʏz	'чистое'	e
'Терлан'	Tərlan	Tərlane	e	Tərlana	Ṭəfur	'Тефурова'	a
'Дочь'	Qiz	Qize	e	Qiza	de	'матери'	a
'Корова'	Ċelək	Ċeləke	e	Ċeləka	sor	'красная'	a
'Сестра'	Xuṣk	Xuṣke	e	Xuṣka	bʏ·euk	'маленькая'	a
'Тетя'	Məṭ	Məṭe	e	Məṭa	wi	'его'	a
'Трактор'	Traktor	Traktore	e	Traktora	kolxoze	'колхоза'	a
'Совет'	Ṣewr	Ṣewre	e	Ṣewra	gynd	'деревни'	a
'Зелень'	Ṣinkaj	Ṣinkaje	e	Ṣinkaja	merge	'луга'	a
'Книга'	Qʏṭeb	Qʏṭebe	e	Qʏṭeba	Ṣagʏrd	'ученика'	a
'Звезда'	Stəjr	Stəjre	e	Stəjra	Əzmin	'неба'	a
'Сирота'	Etim	Etimo	o	Etime	mʏn	'мой' (длям.)	e
'Сирота'	Etim	Etime	e	Etima	mʏn	'моя' (дляж.)	a

Именительный падеж (первый)		Третий падеж (косвенный)	Окончание третьего падежа	Комплексы			Изафет
				Определяемое	Определяющее		
'Лето'	Havin	Havine	e	Havina	gərm	'жаркое'	a
'Ночь'	Şəv	Şəve	e	Şəva	tári	'темная'	a
'День'	Roz	Roze	e	Roza	tə xer	'твой добрый'	a
'Тетя'	Mə̊ṭ	Məṭe	e	Məṭa	ə̊mər	'Амера'	a
'Утро'	Sьbə	Sьbe	e	Sьba	tə xer	'твое доброе'	a
'Вечер	evar	evа́re	e	Evara	tə xer	'твой добрый'	a
'Окончание'	Xьlaz-bun	Xьlaz-bune	e	Xьlaz-buna	xəvate	'работы'	a
'Год'	Sal	Sale	e	Sala	par	'прошлый'	a
'Гуласор'	Gyllesor	Gyllesore	e	Gyllesora	rьnd	'красивая'	a
'Время года	Saləwəxt	Saləwəxte	e	Saləwəxta	mьn	'мое'	a
'Армения'	Ermənistan	Ermənistane	e	Ermənistana	şewre	'советская'	a
'Зейтун'	Zəjṭun	Zəjṭune	e	Zəjṭuna	Əvdal	'Авдолова'	a
'Магазин'	Dьķan	Dьķane	e	Dьķana	hasьl	'продуктовый'	a
'Машина'	Maşinə	Maşine	e	Maşina	kolxoze	'колхоза'	a
'Рабочий'	Ṗalə	Ṗalə	—	Pale	zavode	'завода'	e
'Деревня'	Gynd	Gynd	—	Gynde	mə	'наша'	e
'Председатель'	Sədьr	Sedьr	—	Sədьre	gynd	'деревни'	e
'Крестьянин'	Gyndi	Gyndi	—	Gyndije	Uso	'Усо'	e
'Тефур'	Təfur	Təfur	—	Təfure	ə̊git	'Джигит'	e
'Джигит'	ə̊git	ə̊git	—	Əgite	Təfur	'Тефур'	e
'Молодежь'	Çahьl	Çahьl	—	Çahьle	komune	'коммуны'	e
'Скала'	Zьnar	Zьner	фл. осн.	Zьnare	xuşk u bьre	'брата и сестры'	e
'Пастух'	Şьvan	Şьven, Şьvin	фл. осн.	Şьvane	xwəndi	'грамотный'	e
'Овца-ы'	Pəz	Pez	фл. осн.	Pəze	baş	'хорошие'	e
'Голова'	Səri	Seri	фл. осн.	Səre	mьn	'моя'	e
'Город'	Bazar	Bazer	фл. осн.	Bazare	məzьn	'большой'	e
'Язык'	Zьman	Zьmen	фл. осн.	Zьmane	kyrmanci	'курдский'	e

Таблица № 3

Комплекс I						Комплекс II					
Определяемое		Изафет	Определяющее (косвенный падеж)	Окончание косв. падежа		Определяемое		Изафет	Определяющее (косвенный падеж)	Окончание косв. падежа	
'Завод'	Zavod	a	pembu	—	'хлопковый'	'Хлопок'	Pembuj	e	zavod	e	'завода'
'Совет'	Ṣewr	a	gynd	—	'деревни'	'Деревня'	Gynd	e	ṣewr	e	'Советская'
Строительство'	Cekьгьn	a	bazer	Фл. ос.	'города'	'Город'	Bazar	e	ce-kьгьn	e	'строительство'
'Работа'	Xəvat	a	məri	—	'человек'	'Человек'	Mərij	e	xəvat	e	'работы'
'Сестра'	Xuṣk	a	sьven	Фл. ос.	'пастуха'	'Пастух'	Ṣьvan	e	xuṣk	e	'сестры'
'Улица'	Ḳu-є	a	gədə	Фл. осн.	'мальчика'	'Мальчик'	Gədəj	e	ku-є	e	'улицы'
Завод'	Zavod	a	ṗalə	Фл. осн.	'рабочего'	'Рабочий'	Ṗal	e	zavod	e	'завода'
'Жена'	Zьn	a	gaven	Фл. осн.	'пастуха'	'Пастух'	Gavan	e	zьn	e	'жены'
'Социализм'	Sosializm	a	wəleṭ	Фл. осн.	'страны'	'Страна'	Wəlat	e	sosializm	e	'социализма'
'Класс'	Sьnьf	a	ṣər	Фл. осп.	'борьбы'	'Борьба'	Ṣər	e	sьnьf	e	'класса'
'Закон'	Qanun	a	nьvisandьn	e	'письма'	'Письмо'	Nьvisandьn	a	qanun	e	'закона'
'Фабрика'	Fabrik	a	tekstil	e	'текстильная'	'Текстиль'	Təkstil	a	fabrik	e	'фабрики'
'Строительство'	Cekьгьn	a	zьmen	Фл. ос.	'языка'	'Язык'	Zьman	e	kyrmanci	—	'курдский'
'Содержание	Xwəjkьгn	a	dewer	Фл. ос.	'скота'	'Скот'	Dəwar	e	baṣ	(им. прил.)	'хороший'
'Уход'	Cujn	a	həjwen	Фл. ос.	'животных'	'Животные'	Həjvan	e	col	e	'поля'
'Болезнь'	Nəxwəṣi	a	dьren	Фл. ос.	'зуба'	'Зубы'	Dьran	e	Ə́rəb	—	'Араба'
'Строительство'	Cekьгьn	a	ḳeren	Фл. ос.	'балки'	'Балка'	Ḳeran	e	xeni	—	'здания'
'Окончание'	Xьlazbujn	a	ṣьxyl	—	'дела'	'Дело'	Ṣьxyl	e	Lenin	—	'Ленина'
'Объявление'	Ə́lam-kьrn	a	Çьvat	e	'собрания'	'Собрание'	Çьvat	a	Kolxoz	e	'колхоза'
'Строительство'	Ce-kьгьn	a	sosializm	e	'социализма'	'Социализм'	Sosializm	a	ýlmi	—	'научный'
'Открытие'	Və-kьгьn	a	mal	e	'дома'	'Дом'	Mal	a	zara	(м. ч.)	'детей'
'Трактор'	Traktor	a	kolxoz	e	'колхоза'	'Колхоз'	Kolxoz	a	sor	(им. прил.)	'Красный'
'Колья'	Dar	e	kon	—	'шатра'	'Шатер'	Kon	e	məzьn	(им. прил.)	'большой'
'Кожа'	Є m	e	ge	Фл. ос.	'быка'	'Бык'	Gaj	e	sor	(им. прил.)	'красный'
'Нос'	Poz	e	Ə́mər	—	'Амера'	'Амер'	Əmər	e	Ado	—	'Адоев'
'Рука'	Dəst	e	Xəzal	e	'Хазолы'	'Хазол'	Xəzal	a	Kyrdo	—	'Курдоева'
'Ножка'	Lьng	e	ṭəxtə	—	'стола'	'Стол'	Гext	e	bьlьnd	(им. прил.)	'высокий'
'Голова'	Sər	e	neri	—	'вожака'	'Вожак'	Nerij	e	suri	—	'Стада'

Именительный падеж (первый)		Имя с изафетом	Изафет	Третий падеж	Окончание	Четвертый падеж	Окончание	Пятый падеж	Окончание	Шестой падеж	Окончание
'Дом'	Mal	Mal	a	Mal	e	Mal	era	Mal	eda	Mal	eva
'Память'	Bir	Bir	a	Bir	e	Bir	era	Bir	eda	Bir	eva
'Неделя'	Həvte	Həvt	a	Həvt	e	Həvt	era	Həvt	eda	Həvt	eva
'Год'	Sal	Sal	a	Sal	ə	Sal	era	Sal	eda	Sal	eva
'Одеяло'	Lьhəf	Lьhəf	a	Lьhəf	e	Lьhəf	era	Lьhəf	eda	Lьhəf	eva
'Корова'	Celək	Celək	a	Celək	e	Celək	era	Celək	eda	Celək	eva
'Семья'	Kʼylfət	Kʼylfət	a	Kʼylfət	e	Kʼylfət	era	Kʼylfət	eda	Kʼylfət	eva
'Барыня'	Xatu	Xatun	a	Xatun	e	Xatun	era	Xatun	eda	Xatun	eva
'Объедки'	Pʼaşxarьn	Pʼaşxarьn	a	Pʼaşxarьn	e	Pʼaşxarьn	era	Pʼaşxarьn	eda	Pʼaşxarьn	eva
'Сон'	Xəwn	Xəwn	a	Xəwn	e	Xəwn	era	Xəwn	eda	Xəwn	eva
'Слово'	Xəbər	Xəbəra	a	Xəbər	e	Xəbər	era	Xəbər	eda	Xəbər	eva
'Китай'	Cinmacin	Cinmacin	a	Cinmacin	e	Cinmacin	era	Cinmacin	eda	Cinmacin	eva
'Бритва'	Həsan	Həsan	e	Həsan	—	Həsan	ra	Həsan	da	Həsan	va
'Жалованье'	Həq	Həq	e	Həq	—	Həq	ra	Həq	da	Həq	va
'Время'	Cax	Cax	e	Cax	—	Cax	ra	Cax	da	Cax	va
'Сосед'	Çinar	Çinar	e	Çiner	Ф. О	Çiner	ra	Çiner	da	Çiner	va
'Камень'	Kəvьr	Kəvьr	e	Kevьr	Ф. О	Kevьr	ra	Kevьr	da	Kevьr	va
'Река'	Cəm	Cəm	e	Cem	Ф. О	Cem	ra	Cem	da	Cem	va
'Пахтанье'	Dəw	Dəw	e	Dew	Ф. О	Dew	ra	Dew	da	Dew	va
'Рука'	Dəst	Dəst	e	Dest	Ф. О	Dest	ra	Dest	da	Dest	va
'Здание'	Xani	Xanij	e	Xeni	Ф. О	Xeni	ra	Xeni	da	Xeni	va
'Хлеб'	Nan	Nan	e	Nen	Ф. О	Nen	ra	Nen	da	Nen	va
'Дверь'	Dəri	Dərij	e	Deri	Ф. О	Deri	ra	Deri	da	Deri	va
'Мельница'	Aş	Aş	e	Eş	Ф. О	Eş	ra	Eş	da	Eş	va
'Язык'	Zьman	Zьman	e	Zьmen	Ф. О	Zьmen	ra	Zьmen	da	Xьmen	va
'Небо'	Əzman	Əzman	e	Əzmen	Ф. О	Əzmen	ra	Əzmen	da	Əzmen	va
'Пшеница'	Gənьm	Gənьm	e	Genьm	Ф. О	Genьm	ra	Genьm	da	Genьm	va

ШАМИЛОВ АРАБ и И. ЦУКЕРМАН

К ВОПРОСУ О КУРДСКОМ БЕГЛОМ ГЛАСНОМ „Ь“

Давно установлено наблюдениями и исследованием, что курдский язык, как один из иранских языков, не терпит скопления согласных звуков, поставленных один за другим подряд, без гласного между ними. Особенно в начале слова. Насколько это противоестественно курдской речи, можно судить хотя-бы по следующему характерному факту: курды, овладевающие иностранными языками, склонны при первом знакомстве с ними вставлять свой национальный беглый гласный в словах, где встречаются два, или больше согласных подряд. Так, например, они произносят: «Маркис», «визял», «прогирамма» и т. д. Это факт. И это понятный факт.

В курдской речи, наряду с долгими и короткими гласными, существует вот этот беглый звук, специфический для курдского языка. Для русского он кажется беглый «е», то беглый «е», то беглый «и», то беглый «ы». Но чем он кажется для русского не столь важно. Важно то, что сами курды его прекрасно чувствуют и еще важно, что этот звук едва-ли не самый распространенный в курдской речи.

Во-первых, он составная часть глагольных префиксов «dьkьm» — делаю, «dьnьvisьm» — пишу, «bьzanьm»—узнаю, «dьma» — оставался и т. д.

Во-вторых, «Ь» имеется в окончании инфинитивов огромного большинства глаголов «kьtьn» — делать, «hatьn» — приходить, nь̣an-dьn» — показывать и т. д.

В-третьих, он входит составной частью глагольных личных окончаний «dьxэbьtьm» — работаю, «dьdьm»—даю, «ditьn»—видели, «dьxunьn»— читают и т. д.

Это, само по себе, составляет широкое распространение, но и помимо глаголов «Ь» входят в состав предлогов и многих имен.

В короткой (но поучительной!) истории исследования курдского языка этот звук имеет свою интересную историю. Различные исследователи проявляли в этом вопросе поразительную субъективность. Каждый исследователь последовательно улавливал или не улавливал его по разному.

Впервые этот вопрос был поставлен Л. Загурским и С. А. Ешазаровым в опубликованных ими текстах в 1884 г. Вот что они пишут по этому поводу:

«Европейские ученые, исследовавшие курдский язык упустили из виду то обстоятельство, что самыми компетентными судьями, при определении курдских звуков, должны быть курды, и записывали слова и тексты по собственному слуху. От этого и вышла различная орфография в курдских текстах. В курдском языке, например, имеется крайне беглый звук, который кажется при первом ознакомлении с ним то беглым «е», то беглым «i»; он соответствует армянскому звуку «Ը» (это не совсем так. — *А. Ш., И. Ц.*). Звук этот у нас изображен посредством «у». Возьмем слово «dykym» — делаю. У Гарцони оно пишется tkem, у Лерха — dekim, у Жабы — dikim, у Ходзько — dekem и т. д.». (Записки Кавказского Отд. Имп. Рус. Геогр. общ., книга XIII. С. А. Егиазаров. Курманджийские тексты). Комментарии излишни.

С. А. Егиазаров не только поставил этот вопрос правильно, но и провел свою точку зрения в записанных им текстах вполне последовательно.

Свое окончательное, официальное разрешение этот вопрос получил в 1928 г., когда был принят для курдов унифицированный алфавит. На этот раз также звук этот был найден, осознан и графически изображен через «Ь».

Казалось бы, что здесь история мытарств звука «Ь» должна была бы кончиться. Если бы это было так, не стоило бы и писать об этом. На деле мытарства «Ь» с этого времени по-настоящему только начинаются.

Первые книжки, выпущенные на курдском языке, отмечали его. Но спустя некоторое время наметилась явная тенденция к игнорированию его. Его стали понемногу пропускать. Дальше-больше. В настоящее время, сознательно или бессознательно, но «Ь» пропускается систематически и в массовом масштабе.

Какими принципами руководствуются пропускающие «Ь»?

Никакими! Они действуют в данном случае совершенно беспринципно.

Беспринципно уже потому, что в одном и том же слове звук в одном случае пропускается, в другом пишется.

Например, слово «ce-kьrьn» — строить, строительство. На странице 42 книги «Bər bь əmre ţəzə» Drambjan. Мы находим:

1) Cekьrna

2) Cekrna

Спрашивается, чем лучше первое слово, что ему предоставлен хотя бы один гласный «Ь» и чем хуже второе, которому отказали в этом гласном? На кого рассчитывает т. Драмбян, когда пишет «cekьrьna» без гласных «krn»? Интересно, как сам т. Драмбян произносит такое звукосочетание? «Ь» пропускается беспринципно, во-вторых, потому, что когда т. Курдоев, студент Ленинградского Лингвистического Института, проходивший практику в редакции курдской газеты: «Rja ţəzə», обнаружив это явление, спросил у т. Драмбяна, работника редакции, почему пропускается «Ь» — т. Драмбян «объяснил» это... Недостатком места в газете (?!?) и... вообще дефицитом бумаги (?!).

Не выбросить ли и другие курдские гласные? Экономия была бы еще бо́льшая. Т. Драмбян считал необходимым вычеркивать из статей т. Курдоева, курда-лингвиста, гласный «Ь».

Мы не думаем, что другие члены редакции соглашаются с этим мнением т. Драмбяна, но факты массовых пропусков мы все же имеем и в газете «Риа-тезе». Приведем примеры: № 57 за 1932 г. 1-й абзац на 1-й странице. Возьмем по порядку «обиженные» слова. В скобках будем отмечать пропущенное.

«Alik(ь)r(ь)na, f(ь)rqe, bьlьndk(ь)r(ь)na, f(ь)kra» и т. д.

А во всем номере газеты выпало по меньшей мере тысяча гласных звуков «Ь».

Поистине экономия бумаги!

Примеров пропуска гласных можно привести тысячи. Стоит открыть любой учебник, написанный тем же Драмбяном. Да и в других курдских изданиях дело обстоит не на много лучше. Ведь курдскому письму большинство курдских молодых работников научились именно по учебникам Драмбяна, вообще крайне неряшливым. Но об этом в другой раз.

Таким образом, мы имеем дело с ярко-выраженной тенденцией. К чему она ведет? Для нас это дело представляется совершенно ясным. Эта тенденция в своем развитии неминуемо ведет к полному изгнанию из курдского письма кратких гласных, т. е. к установлению той же арабской письменности, хотя и с латинскими знаками. Это тенденция вредная, требующая немедленного пресечения.

Молодая курдская письменность с самого начала своего существования должна изгонять подобные беспринципные тенденции, тем более такую, пытающуюся реставрировать арабскую, недоступную массам, письменность. Руководство в этом деле должен принять на себя боевой орган курдских трудящихся, газета «Риа-тезе».

МАГОМЕТ МАЛЬСАГОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ[1]

Октябрьская революция создала возможность всем угнетенным при царизме национальностям строить национальную культуру социалистическую по содержанию. Национальности Северного Кавказа в прошлом были наиболее отсталыми, они даже не имели своей письменности, за исключением Осетии.

Октябрьская революция дала горским народностям Северного Кавказа свою письменность, печать, литературу и другие мощные орудия социалистического развития.

Много своеобразных замечаний о чеченском языке можно встретить у различных русских путешественников и деятелей царской России, которые ездили по Кавказу с целью обстоятельного изучения всех способов быстрейшего экономического и идеологического закрепощения кавказских народов.

Так, некий русский землемер много путешествовавший по Северному Кавказу — Н. Семенов в своей книге «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» (СПб, 1895 г.) пишет: «язык чеченца — варварский язык. Слов в нем очень немного, а группировка весьма разнообразна. Краткость его может быть сравнена с краткостью языка ребенка, вынужденного прибегать для пояснения своих немногих слов к слезам, крику, показыванию предметов рученками и разным мимическим телодвижениям. Чеченец ни к слезам, ни к крику не прибегает, но взамен того он уснащает свою речь массою междометий и поясняет ее поразительною мимикою лица. На языке чеченцев крайне трудно выразить сколько-нибудь сложное понятие или более или менее тонкие оттенки мысли и чувств. Как все младенческие языки (разрядка наша. *М. М.*) чеченский язык образен и меток, но лишь в пределах самых элементарных понятий, для выражения же понятий высшего порядка, ему, помимо недостаточности в нем слов, не достает и эластичности языков образованных народов» (стр. 105).

В этих словах трогательно переплетаются полное лингвистическое невежество и беспардонный великодержавный шовинизм представителя «эластичных» языков образованных народов. На что способен чеченский язык показали послеоктябрьские годы, когда после создания чеченской письменности появилась масса оригинальной и переводной литературы на чеченском языке, тогда чеченский язык оказался способным передать величайшие мысли вождей международного пролетариата: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Повидимому дело не в особенностях чеченского языка, а в тех социально-экономических условиях, в которых живут носители этого языка. Но даже в период царской России, когда не было никаких условий стимулирующих развитие чеченского языка, как, впрочем, и всех языков «инородцев», даже и тогда было ошибочным квалифицировать этот язык так, как это делал Н. Семенов. В его словах легко вскрыть в методологическом плане общие идеалистические установки, характерные для индо-европейского языкознания, когда только языки индо-европейской семьи считаются «эластичными», способными передать все оттенки мыслей.

[1] Пользуюсь случаем выразить свою признательность т. Орцуеву Муслиму за разрешение пользоваться его материалами, которые легли в основу этой статьи.

В числе деятелей занимавшихся научным исследованием чеченского языка до революции большое место надо отвести барону Услару; ему принадлежит самый первый проект чеченского алфавита. Его грамматика, несмотря на то, что она издана в 1888 г. представляет до сих пор самое полное и обстоятельное рассмотрение всех грамматических категорий чеченского языка. Она является необходимым пособием не только для кавказоведа, но и для всякого, приступающего к изучению чеченского языка с узко-практической, утилитарной целью. Однако, классовый характер всей деятельности Услара, как агента русского империализма, очевиден. Это проявляется не только в его общих высказываниях, но и в практическо-лингвистической деятельности.

М. Завадский в предисловии к «Чеченскому языку» Услара сообщает интересный факт: в марте 1862 г. Услар основал школу из мугалимов, которые сочинили следующую благодарственную песню.

— Хвала богу всесильному, всемогущему, даровавшему нам письменность! Хвала и правительству, изобревшему для нас, чеченцев, письменность и тем давшему возможность обогатиться языку, бывшему дотоле бедным и жалким.

Большое значение деятельности Услара придавали официальные представители русского империализма, имея в виду, что его работа весьма выгодна колонизаторской деятельности царизма на Кавказе. Это видно из письма Услара к А. Берже от 23 марта 1868 г., где он пишет: «Сочувствие к кавказской грамотности здесь весьма сильно. Милютин познакомил меня с министром просвещения, который просил его о том; от всех слышу я самые теплые слова участия;.... меня глубоко тронуло теплое участие, которое больной князь Барятинский обнаружил к моим занятиям. Обрадую вас, и, вероятно, многих других тем, что я слышал на-днях, обедая у Милютина: здоровье князя, после нынешнего отъезда его за границу, сверх ожидания, очень поправилось. Наш новый наместник, великий князь, высказал мне много симпатичных слов на счет моих занятий».

Руссификаторскую политику Услара подтверждает и характер афавита, составленного им в 1861 г. на основе русской графики. Вот этот алфавит: а, б, в, ʕ, ж, ʦ, з, h, г, j, k, k_1, к, л, м, $н_1$, о, п, n_1, q, j, р, с, т, $т_1$, у, х, х′, ц, ӳ, Е, ш.

Несмотря на все «цивилизационные» попытки Услара Чечня к революции пришла бесписьменной.

Впервые письменность для Чечни была создана на арабской основе в 1923 г. Этот алфавит применялся в Чечне в течение двух лет. Нужно отметить, что в начале мусульманское духовенство выступило против этой письменности, якобы нарушающей традиции письма корана. Однако, очень скоро тактика духовенства изменилась и она объединилась с арабистами. За два года было издано значительное количество книг, в том числе учебники и научно-популярная литература. Весьма знаменательно, что большинство авторов были из духовенства (напр. Сугаипов — один из создателей арабского алфавита для чеченского языка — был мулла). Книги печатались в Буйнакске, Махач-Кала и других городах. Но арабский алфавит оказался недолговечным. Сложный и мало приспособленный для звуков чеченского языка — арабский алфавит был весьма трудно усвояемым для широких масс и им преимущественно пользовались муллы и арабисты.

При этом условии конечно арабский алфавит не мог дать каких-либо действительно серьезных сдвигов в культурном росте трудящихся ингушей. Истинным большевистским орудием культурной революции в Чечне стал новый латинизированный алфавит открывший широчайшие возможности

для развития социалистической культуры и в частности литературного языка.

Вопрос о введении нового алфавита во всех национальных областях Северного Кавказа был решен вторым съездом по вопросам просвещения горских народов в июне 1925 г. В указанном году Чеч. Оргбюро ВКП(б) и Чеч. Облисполком вынесли решение о немедленной замене новым алфавитом старого отжившего арабского алфавита, связывающего судьбу культуры в Чечне с арабизмом и духовенством. Однако, это было голым административным решением не подкрепленным необходимой подготовительной массовой работой. Поэтому, начиная с 1925 г. Чечне пришлось пользоваться ингушским алфавитом, который применялся уже в течение ряда лет (см. нашу статью «К истории ингушской письменности»), хотя вопросы создания чеченской графики дебатировались с 1922 г. Были организованы специальные курсы во Владикавказе, тогда же был заключен договор на печатание первого букваря, составленного т. Эльдерхановым в бытность его пред. ЦИК'а Горской республики. Активное участие в этой работе принимал З. К. Мальсагов — создатель ингушского алфавита.

Духовенство, кулачество и националистическая интеллигенция, реакционное учительство из арабистов повело ожесточенную борьбу против нового алфавита. Дело доходило до открытых выступлений, так в селениях Белгатой и Баной учителя-арабисты вместе с духовенством и их фанатично-настроенными последователями громили школы. Однако, несмотря на это, латинская графика начала быстро развиваться. Во всех школах латинизированная письменность была введена с осени 1926 года. Борьба, которую вели классовые враги, была обречена на полное поражение в силу того, что масса выступила за революционный латинский алфавит, против арабизма.

Был и такой случай, когда на съезде трудящихся, созванном в селении Шали (1925 г.) реакционное учительство во главе с муллой Сагаиб Гайсумовым, резко выступило против введения латинизированного алфавита и горячо защищало старый арабский алфавит, освещенный религией. Но массы трудящихся руководимые нашей партией дали жестокий отпор этим реакционным силам и съезд своим решением подтвердил, что новый алфавит действительно революционный алфавит, и что именно он должен быть положен в основу чеченской графики.

С осени 1926 г. новая письменность была введена во всех школах Чечни. Печатание книг на латинской графике началось еще с 1925 г. Этот период совпадает с общим подъемом движения за латинизацию письменности всех тюрко-татарских народностей.

В феврале месяце 1926 г. был созван первый всесоюзный тюркологический съезд, который констатировал огромное преимущество и техническое превосходство нового латинского алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита. После этого по инициативе т. Агамалы-Оглы в Москве было созвано совещание представителей различных республик и областей, на котором было решено создать Всесоюзный Центральный Комитет под председательством т. Агамалы-Оглы. А в 1927 г. 1 июня в Баку был созван первый пленум, где, между прочим, и была достигнута унификация всех алфавитных проектов, представленных разными республиками. С этого времени латинский алфавит выдвигается на широкую государственную арену и становится ярчайшим фактором культурной революции среди всех ранее отсталых народностей Советского Союза. Затем он выходит на международную арену, будучи признанным рядом зарубежных стран. Внедрение нового алфавита проходит при огромном со-

противлении классового врага и его агентов в нашей партии великодержавников, националистических элементов и т. д. На том же Северном Кавказе т. Алборов в своей книге «История осетинских письмен» открыто выступает против латинизации. Он пишет — «Охотно ли читают и быстро ли усваивают латинскую графику? Нет: тому может служить доказательством то, что до сих пор в осетинских учреждениях не перешли на родной язык. Развивалась ли литература благодаря латинской графике? Нет! Она если и развивалась, то благодаря культурно-экономическому подъему Осетии и общему развитию общественно-политической жизни СССР»... «Из всех алфавитов, легших в основу осетинского, самый удобный — русский, как алфавит культурного народа, на языке и письменности которого воспитываются осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств».

Однако, никакие вражеские выступления не могли остановить революционного наступления нового алфавита. Он победил и побеждая усовершенствовался путем унификации. IV пленум ВЦК НТА, созванный в Алма-Ата (май 1930 г.) в своих решениях так оценил замечание унифицированного алфавита:

«Новый алфавит является унифицированным, т. е. интернациональным алфавитом и представляет собою высшую, по сравнению с национально-буржуазными разновидностями латинского алфавита в Западной Европе, ступень развития графической техники, впервые в истории графики, проведенный в жизнь волею победившего пролетариата советского Востока».

И в Чечне вследствие развития латинизации появилось несколько проектов латинской графики, как то: 1) проект Х. Ошаева, 2) проект студентов КУТВ'а, 3) проект ВЦК НА и др. В 1928 г. с 10 по 15 июля во Владикавказе была созвана чеченско-ингушская конференция по вопросу согласования и унификации алфавитов. На этой конференции был составлен так называемый «Нахский» алфавит. Это название было предложено З. Мальсаговым и проф. Н. Ф. Яковлевым для чечено-ингушских языков. В основу работ чечено-ингушской конференции был положен алфавит тюркских языков, выработанный НТА. Эта конференция малоудовлетворительно разрешила вопрос об улучшении и упрощении алфавита и поэтому в Чечне не был введен алфавит принятый этой конференцией. Вскоре после этого на краевой конференции по унификации алфавита народностей Северного Кавказа, которая происходила в Ростове н/Дону был составлен унифицированный алфавит для всех Северо-Кавказских горских языков. Этот проект нового унифицированного алфавита был утвержден пленумом ВЦК НТА и Крайисполкомом. Однако многие национальные области Северного Кавказа попросили отсрочить срок данный им для перехода на унифицированный алфавит. Та же Чечня просила краевые органы разрешить созыв специальной чечено-ингушской конференции по вопросу об унификации алфавита. Конференция была созвана в Грозном в декабре 1930 г. На этой конференции были выдвинуты несколько проектов алфавитов и вокруг них разгорелись горячие споры. Основные проекты были следующие:

1) проект, выдвигаемый проф. Н. Ф. Яковлевым и Хаджиевым от имени Крайкома НА;

2) проект Х. Ошаева;

3) проект чеченского кружка группы КУТВ им. т. Сталина.

Первый проект выглядел так:

A a, Ä ä, B b, C c, Ch ch, D d, E e, F f, Щ g, G h gh, У ц, Ӿ ӿ, I, J j, K k, Kh, Zl, M m, O o, Ö ö, P p, Ph ph, Q q, Qh qh, R r, S s, Š š, T t, Th th, V v, Ü ü, U u, X x, Ч ч, Z z, Ⱬ ⱬ, Z ʒ.

Проект группы студентов КУТВ'а так:

a, b, c, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, x, y, z, ç, sh, zh, (j), xh (h), oe, ae, ue, (ui).

Нужно отметить, что на этой конференции не мало участников выступили вообще против унификации алфавита. Говорилось, что-де осетинам или кабардинцам нечего унифицироваться с чеченцами или карачаевцами, что им от унификации алфавитов до унификации языков далеко.

Самое замечательное, что против унифицированного алфавита выступали как раз те, которые в свое время были вообще против латинизации алфавита. Так, А. Нажаев, в период 1924/25 г. боролся против латинской графики и всячески доказывал преимущества арабской графики перед латинской. Но условия изменились и в 1930 г. А. Нажаев выступает не против латинской графики, а только против унифицированного алфавита. Различные условия заставляют вести борьбу различными способами.

Конференция дала решительный отпор всем сопротивлявшимся и приняла унифицированный алфавит.

Значительная роль в проведении латинского алфавита в Чечне принадлежит т. Х. Ошаеву. Начало проведения латинской графики в Чечне происходило под его непосредственным руководством. Он немало боролся с сельским духовенством, националистической интеллигенцией. После долгих усилий им был составлен алфавит, принятый в Чечне. Однако, на последней конференции т. Ошаев выступил за реформированный старый арабский алфавит. Ошаев в данном случае поддался агитации националистической интеллигенции.

В своей докладной записке «О совершенствовании чеченского алфавита» Ошаев пишет: «В силу целого ряда особенностей чеченского языка, в особенности большого количества гласных фонем и гортанных согласных, приноровление чеченского алфавита к унифицированному ново-тюркскому алфавиту не имеет никакого смысла. Скорее нужно говорить об унификации с другими соседними яфетическими языками соседнего Дагестана и Ингушетии».

В этих словах вскрывается то, что Ошаев не понял огромного интернационального значения унифицированного алфавита. Нужно заметить, что конкретная критика унифицированного алфавита со стороны Ошаева указывала те же недостатки, которые справедливо были отмечены самой конференцией — они следующие: 1) обилие двузначных фонем, 2) обилие надстрочных знаков, 3) наличие большого количества дифтонгов и 4) отсутствие графического изображения долготы гласных. Чечено-ингушская конференция отметила все эти недостатки и решила их устранить именно через унифицированный алфавит.

Но ошибкам в вопросе унификации подвергся не только Ошаев. Целый ряд работников Чечни неправильно подходил к вопросу унификации алфавитов народностей Северного Кавказа, они рассматривали это дело с внешней стороны, не учитывая всего глубокого политического смысла унификации алфавитов. Унификация приводит прежде всего к объединению широких многонациональных трудящихся масс, связанных между собою хозяйственно, политически и культурно процессом строительства социализма. Кроме этого унификация приводит к значительной экономии расходов и упрощению техники полиграфического производства.

Активной противницей унифицированного алфавита в Чечне была группа т. Мамакаева. Эта группа не раз официально выступала с заявлениями против унификации с осетинами и кабардинцами. Она выступала и вообще

против латинской графики. И сейчас Мамакаев не отошел целиком от своих ошибок. Недавно вышел «тушско-чеченско-русский словарь» с предисловием М. Мамакаева. (Ныне Мамакаев — директор чеченского института национальной культуры). Несмотря на свою большую компетентность в вопросах культуры т. Мамакаев мало ориентирован в сущности вопросов языкознания. В своем предисловии т. Мамакаев борется с линией ВЦК НА, скатываясь на позиции буржуазно-идеалистического языковедения, приправляя свою неуклюжую стряпню затуманенной философской терминологией. Свое предисловие Мамакаев посвящает разбору «Извращений и недочетов нашего языкового строительства». В этом предисловии Мамакаев теоретически уже выступает как защитник унифицированного алфавита, а практически он борется против унифицированного алфавита, который выработан ВЦК НА в Москве. Мы обязаны рассматривать это выступление как борьбу против унифицированного алфавита и ВЦК НА; здесь продолжение прежней политики т. Мамакаева.

Чтобы запутать вопрос Мамакаев пользуется дымовой завесой: он утверждает, «что унифицированный алфавит является руссификацией алфавита», только на том основании, что он употребляет «хвостики» (седиль). Здесь проявляется не что иное как грубейшее лингвистическое невежество, тем более опасное, что автор этой стряпни один из руководителей языковедческой практики в Чечне. Все изложение Мамакаевым свидетельствует о его полнейшем невежестве в вопросах алфавитного строительства и о несовпадении его взглядов с установкой ВЦК НА, который постановил «Считать целесообразным унификацию алфавитов горских народностей Северного Кавказа на основе принципов НА, что предполагает перенесение в унифицированный горский алфавит всех знаков НА».

Таким образом борьба против унифицированного алфавита не прекращается и до сих пор. Это не может не мешать успехам латинизации, успехам культурной революции в Чечне, имеющей особенно с введением нового алфавита, огромные достижения. ВЦК НА должен принять меры к решительному пресечению всяких искажений на участке борьбы за новую письменность, за унификацию.

Акад. А. САМОЙЛОВИЧ

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТУРЦИИ

По приглашению правительства Турецкой республики, для установления постоянного сотрудничества в области истории и лингвистики между научными учреждениями соседних дружественных стран, Всесоюзная Академия Наук командировала в марте 1933 года в столицу Турции — Анкару — академика Н. Я. Марра и меня. Возвратившись через месяц из командировки, я сделал первое краткое сообщение о языковом строительстве Турции президиуму Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита в Москве 26 апреля, и второе отчетное сообщение — на общем собрании Академии Наук СССР 21 мая.

Собрание Академии Наук приняло решение организовать при Академии Наук комиссию содействия постоянному советско-турецкому научному сотрудничеству, в которой будет представлен ряд союзных научно-исследовательских организаций, в том числе ВЦК НА. Председателем Комиссии избран академик Н. Я. Марр.

В настоящей статье я даю краткую информацию о языковом строительстве в Турции на основании личных наблюдений и собранных материалов.

Литературный язык, унаследованный республиканской Турцией от султанско-халифской эпохи и сохранивший весьма сильный отпечаток времен турецкого феодализма, — оказался в противоречии с политическими установками и культурными требованиями новой государственной системы-кемализма, осуществляемой по программе республиканской народной партии.

Государственная власть впервые решительно проявила свое отношение к вопросам языка и письменности в 1928 г., заменив арабский алфавит латинским.

Образованная тогда «языковая комиссия» (Dilencumeni) занималась несколько лет вопросами правописания, грамматики научной терминологии. Одним из проявлений деятельности этой комиссии явился труд Ахмет Джевата; «Проект нового грамматического метода» (Jeni biz gramer metodu hakkinda layrha), изданный в 1931 г. (500 страниц). Объем и темы работы «языковой комиссии», однако, не удовлетворили правительство. Требования, предъявляемые к лингвистике, расширились и углубились в связи с началом крупных работ на историческом фронте, нуждающемся в помощи со стороны лингвистики для разрешения ряда исторических проблем. В апреле 1931 г. было основано «Общество для изучения турецкой истории». Устав его издан в 1932 г. Этим обществом и министерством просвещения был созван в июле в Анкаре первый исторический конгресс. Тогда же, 12 июля

1932 г., было основано «Общество для изучения турецкого языка», а в сентябре был созван в Стамбуле первый лингвистический «курултай», который утвердил устав общества, наметил программу его деятельности и избрал президиум общества. Устав, программа и список членов президиума изданы в виде брошюры в 1933 г.

Общество изучения турецкого языка работает на средства, отпускаемые советом министров. Министр просвещения является одновременно почетным председателем общества (§ 4), но в настоящее время, за смертью первого председателя общества — Самих Рифат бея (умер в декабре 1932 г.), — министр просвещения, доктор Решит Галип бей, состоит фактическим председателем. Генеральным секретарем общества является известный литератор, переводчик ряда русских писателей, Рушен Эшреф бей.

Общество делится на 6 отделов, председатели коих входят в состав президиума общества: 1) отдел лингвистики и философии, руководимый директором музеев Турции, получившим высшее образование в Будапеште, Хамит Зубейр беем; 2) отдел этимологии, руководимый преподавателем высшей педагогической школы имени Гази, специалистом по истории турецкой литературы, Хасан Али беем; 3) отдел грамматики и синтаксиса под председательством члена Меджлиса, Ахмет Джеват бея, автора ряда работ по турецкому языку, занимавшего преподавательские должности в советское время в Баку и Москве; 4) отдел словаря и терминологии под руководством известного поэта, бывшего председателя «языковой комиссии», ныне члена Меджлиса, Джеляль Сахар бея; 5) отдел «Derleme», т. е. отдел по собиранию материалов живых говоров с руководителем Рагип Хулюси, получившим высшее образование в Стамбуле, Париже и Будапеште, переводчиком с венгерского и русского языков, директором археологического депо в цитадели Анкары; 6) отдел издательства под руководством литературоведа — Ибрагим Неджми бея.

Казначеем общества состоит автор брошюры о грамматических формах словаря Махмуда Кашгарского и исследователь бекжашизма Бесим Аталай бей.

Намеченная первым языковым курултаем программа общества (стр. 8—9) состоит из 7 пунктов: 1) сравнительное изучение турецкого языка с сумерским, хетским, индо-европейским и семитическими языками; 2) сравнительная грамматика турецкого языка; 3) составление диалектического и основного турецких словарей, спешная подготовка турецкой морфологии и синтаксиса; 4) историческая грамматика турецкого языка; 5) собирание и частично перевод восточных и западных трудов по турецкому языку; 6) издание журнала с участием иностранных ученых (журнал не выходит); 7) организация специальных языковых отделов в турецких газетах (это осуществляется с марта 1933 г.).

Лингвистическое общество имеет свои разветвления по всей стране, начиная с главных городов вилаетов и кончая деревней или кочевым районом, как в виде местных комиссий и отделений общества, так и в виде членов корреспондентов (§§ 12—14 устава).

Там, где имеются так называемые «народные дома», открываемые с февраля 1932 г. республиканской народной партией с культурно-просветительными целями в духе турецкого национализма, лингвистическое общество представлено отделами языка, литературы и истории при этих «народных домах» (§ 12).

Центральные и местные организации Лингвистического общества объединяют не только специалистов-языковедов, которых в Турции имеется весьма немного, но представителей различных профессий и ведомств, могущих быть полезными делу языкового строительства: министерства просве-

щения, здравоохранения, армии. Большое участие в работе общества естественно принимают учителя и представители литературы.

Как явствует из вышесказанного, исторической и лингвистической работе в Турции придается большое политическое значение. Этой работой непосредственно интересуется президент республики — Гази Мустафа Кемаль, устраивающий иногда заседания президиумов обоих обществ в своей резиденции. Языковое строительство именуется языковой революцией, а его организация — языковой мобилизацией. В том, что языковое строительство занимает выдающееся место в жизни современной Турции, мы, советские ученые, убедились в первый же день приезда в Турцию, когда мы посетили губернатора Стамбула и секретаря Стамбульского комитета народной партии и ознакомились со Стамбульскими газетами. Языковая революция была центром бесед названных лиц с нами и занимала видное место на страницах утренних и вечерних газет бывшей столицы Турции.

Работа Лингвистического общества идет в двух направлениях, между собою увязанных не достаточно: в теоретическом и практическом направлении. В первом направлении ведутся исследования, имеющие главной целью выяснить место турецкого языка среди других языков мира в прошлом и настоящем. Об основном характере этих исследований можно судить по книжке Ахмет Джеват бея, вышедшей в 1933 г., — «Происхождение алфавита — самое древнее турецкое письмо». В этой книжке речь идет о клинописи и сумерском языке. Главным недостатком и теоретических и практических работ на языковом фронте, отчетливо сознаваемым самими турецкими работниками, является отсутствие определенных методологических установок. Стремясь к завоеванию национальной независимости и на культурном фронте, к освобождению от традиционных западно-европейских подходов к изучению истории и языков тюркских народов, турецкие ученые фактически продолжают зависеть от авторитетов индо-европеистики в методологическом отношении.

Поэтому особо важное значение для дальнейшего развития исследовательской деятельности и исторического, и лингвистического обществ должны иметь лекции академика Н. Я. Марра по новому учению о языке в связи с языком турецким, читанные им членам обоих обществ в стенах Лингвистического общества, и его беседы с турецкими учеными на различные исторические лингвистические темы.

По линии практического языкознания наиболее активная работа Общества развернулась в двух областях: 1) составления нового словаря турецкого языка, освобожденного от излишних арабских и персидских элементов, унаследованных от феодальной эпохи, и 2) разработка новой национальной научной и технической терминологии. Для собирания материалов по новому словарю в 1932 г. издано руководство: «Söz derleme klavuzu» (в 42 стр.), предусматривающее собирание по определенной программе не только отдельных слов, но и фольклорных материалов в различных районах Турции. Подобные руководства, как известно, были в свое время изданы у нас в Азербайджанской республике и в Чувашии.

Принципы составления нового словаря изложены в «программе организации и работы отдела словаря и терминологии», изданной в 1933 г. Словарь должен включить в себя: а) все турецкие слова, употребляемые в разговорном и письменном языках страны; б) понятные для «народа» отуреченные иностранные слова разговорного и письменного языков; в) вновь образованные турецкие слова или слова, заимствованные из других тюркских языков для обозначения понятий, не имевших ранее своих обозначений в турецком языке.

Мы участвовали в заседаниях, посвященных рассмотрению сводок словарных материалов, поступающих из районов и через газетные анкеты. Из тех и других отбираются в процессе рассмотрения и обсуждения те слова, которые, по мнению большинства участников заседания, являются наиболее подходящими для замены того или иного арабского или персидского слова. Через газетные анкеты часто поступают новые искусственно образованные слова, которые только в редких случаях удостаиваются одобрения комиссии; обычно выбор падает на слова, уже существующие в современном разговорном языке, или на слова, извлеченные из старых литературных памятников. Несмотря на то, что по вышеприведенной программе составления нового словаря в него должны допускаться отуреченные иноязычные слова, понятные «народу», — в анкеты фактически включаются нередко для замены их другими именно такие, вошедшие в широкое употребление отуреченные слова, как например: alet, aman, çare, edebiyat, faide, garip, haber, Kanun, namus и т. д. Первые шестнадцать анкет приведены в № 2 (март 1933 г.) органа народного дома в Анкаре «Ülkü» (Идеал). Есть основание думать, что крайнее течение в деле «очистки» турецкого языка не повлияет на окончательную выработку нового словаря.

Работа по научной и технической терминологии распределена между 16 подотделами, каждый из которых объединяет группы близких специальностей научных, технических и иных — от философии и астрономии до спорта, охоты и игр (отдел XII).

Принципы составления терминов таковы (стр. 15, § 23): а) использование «народного» языка и «народной» литературы; б) оживление вышедших из употребления старых «западно-тюркских» слов; в) оживление слов из других исторических тюркских лексиконов; г) использование других тюркских языков; д) составление новых терминов из турецких корней и аффиксов; е) составление терминов из иноязычных основ и турецких аффиксов (стр. 16, § 26).

От работников терминологического отдела мне приходилось слышать, что наибольшее количество терминов на иностранных языках придется допускать в области технических знаний. От бывшей «языковой комиссии» Лингвистическое общество унаследовало большие материалы по ботанической терминологии, которые ныне перерабатываются. Отпечатана анкета по астрономии и космографии в 11 страниц: в первом столбце даны термины на французском языке, во втором — ныне существующие в турецком языке термины, преимущественно арабские, третий столбец предназначен для заполнения ответами, предложениями новых национальных терминов.

Хасан Ал бей издал в 1933 г. военные и административные термины, извлеченные им из турецко-арабского словаря XIV века Абу Хаяна. Работа терминологического отдела ведется одновременно по большинству подотделов и должна быть вчерне закончена к зиме этого года.

Работники по терминологии нуждаются в пособии, могущем облегчить им составление новых турецких слов-терминов. Для удовлетворения этой потребности отдел грамматики издал в 1933 г., в виде № 1 изданий этого отдела, коллективный труд А. Джеват бея, Ихсан бея, Эмрулла бея и Халиль Ведат бея: «Анкета по турецкому словообразованию» (в 78 стр.), книга первая.

Говоря о языковом строительстве в Турции, необходимо упомянуть вышедший в 1932 г. в изданиях республиканской народной партии, в качестве пособия для отделов языка и литературы «народных домов» том в 448 страниц коллективного труда Хамит Зубейра и Исхак Рефета «Сборы по родному языку» (Anadilden der lemeler). Изданию предпосланы: обра-

щение министра просвещения, доктора Решит Галип бея «К собирателям турецких слов» (стр. V—XI) и введение от обоих составителей. Книга представляет собрание материалов для словаря анатолийских говоров в алфавитном порядке и является одним из ценных вкладов в туркологию.

Принимают участие в языковом строительстве и старейшие туркологи Турции — Неджип Асим бей и Мехеммет Велет Челеби, оба состоящие ныне членами Меджлиса. М. Велет Челеби недавно закончил в рукописи свой сорокалетний труд — 8-томный словарь турецкого языка с использованием более 200 рукописей.

Туркологический институт в Стамбуле подготовляет молодую смену туркологов, среди этих молодых ученых немало женщин.

Экономический кризис задерживает развитие научно-издательской деятельности в Турции, в том числе печатание новых трудов по туркологии, используемых Туркологическим институтом. Однако, несмотря на финансовые затруднения, министерство просвещения принимает энергичные меры к укреплению научной работы в стране. На основе Исторического и Лингвистического обществ намечена организация в 1934 г. Турецкой Академии Наук и искусств в Анкаре с государственной научной библиотекой и с национальным археологическим музеем.

По уставу Лингвистического общества (§ 18) президиум общества созывает не реже одного раза в два года языковый «курултай» (конгресс). Второй языковый курултай намечается на осень 1934 года.

Кроме указанной выше литературы по языковому строительству в Турции необходимо иметь ввиду статью Рагип Хулюси бея «Общество изучения турецкого языка» в № 1 журнала «Ülkü», вышедшем в феврале 1933 г., и статью Хасан Али в № 2 стамбульского журнала «Jeni Türk» о первом языковом конгрессе.

Научные работники Турции проявляют большой интерес к культурному строительству в СССР, к нашим научным изданиям и к развитию в Союзе национальных литературных языков.

Одной из задач Комиссии содействия постоянному советско-турецкому научному сотрудничеству при Академии Наук СССР является обеспечение регулярного снабжения научных организаций Турции советской литературой по вопросам истории и языка народов Союза.

К. АЛАВЕРДОВ

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ АССИРИЙСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В конце апреля (26—29) текущего года при Научном Совете ВЦК НА было созвано совещание ассирийцев по вопросам орфографии. В совещании приняли участие т. т.: Алавердов К. А. (председатель) — ученый секретарь ВЦК НА, Пирбев С. Г. — председатель Всероссийского Союза ассирийцев, Юшманов Н. В. — член Научного Совета, доцент Историко-лингвистического института, Осипов С. В. — преподаватель госкурсов нацмен Востока, Бит-Юхан — аспирант ИКП, Лазарев — член редакции «Молодой Гвардии», Петросов — корректор ассирийской секции нацсектора Учпедгиза, Гурджи — зампредседателя Ассирийского Союза, Килета — редактор ассирийской секции нацсектора Учпедгиза и научные работники Научного Совета проф. Н. Ф. Яковлев, Гранде и Врубель.

На рассмотрение совещания был представлен проект ассирийской орфографии, разработанный по поручению Научного Совета т. т. Юшмановым и Осиповым.

На совещании прежде всего встали некоторые вопросы алфавитного порядка. По мнению отдельных участников совещания ныне действующий ассирийский алфавит неполно отражает фонематику ассирийского языка и поэтому ряд вопросов орфографии невозможно разрешить правильно. Совещание, учитывая, что проект ассирийского алфавита в свое время не был подвергнут широкому обсуждению со стороны ассирийской общественности, поручило т. т. Юшманову и Осипову провести соответствующие исследования и представить результаты их на обсуждение созываемой осенью текущего года ассирийской конференции.

Совещание не смогло прийти к единому решению и по ряду других вопросов.

Эти вопросы даны в помещаемом ниже проекте ассирийской орфографии, во втором его разделе.

Несмотря на то, что результаты работы совещания не разрешили всех вопросов ассирийской орфографии, Президиум Научного Совета счел возможным, имея в виду существующий разнобой в орфографических написаниях, рекомендовать разработанный проект орфографии использовать для стабильных ассирийских учебников издания 1933 года.

Поскольку вопросы орфографии теснейшим образом связаны с вопросами терминологии и литературного языка в его отношении к диалектам, — Совещание постановило внести эти вопросы в порядок дня предстоящей конференции.

Для проведения подготовительной работы к осенней конференции Президиум Научного Совета выбрал оргбюро в составе т. т. Алавердова, Пираева, проф. Яковлева и Гранде.

Разрешение вопросов ассирийской орфографии представляет значительные трудности. Необходимо самое активное участие в этой работе всей ассирийской общественности. Разосланные на места материалы совещания должны подвергнуться тщательному обсуждению всего актива ассирийцев.

ПРОЕКТ АССИРИЙСКОЙ ОРФОГРАФИИ

1. При изменении согласных (озвончении, оглушении и дезаспирации) придерживаться принципа этимологического. В случае невозможности установить этот принцип, писать фонетически:

а) xzəjə — xəzi «видеть»; dqara — daqьr «касаться, трогать»; krəbə — kərib «сердиться»; bəriz — brəzə «сохнуть».

б) aspaь «инструмент», а не asbaь; xiẓbunə «счет», а не xiṣbunə; bəxṭə «женщина», а не bəxtə; məsṭə «кислое молоко», а не məstə; ṣṭavhurь «гордиться», а не ṣtavhurь; но kistə — kisjəti «сумочка»; rmazta — rmazjaṭь «указание»; lviṣtə — lviṣjəti «одежда»; qiṣtə — qiṣjəti «дуга, лук».

2. При наличии в словах того же корня двух разных звуков (глухой—звонкий, придыхательный — непридыхательный) писать фонетически, если один из них употребляется в ограниченных случаях. При отсутствии в произношении двух звуков писать фонетически вразрез со старой этимологией. Примеры:

а) txərə «вспоминать», а не dxərə; но duxrana «жертва»; ṭata «потеть», а не data, но data «смола»; ṭarusь «делать», а не tarusь; но turasa «исправление», turas-hugəjə «орфография».

б) rdaxa «кипеть», а не rtaxa; məssəb «религия», а не məzhəb; xzada «жать», а не xsada; ijlun «сентябрь», а не ijlul; isəqtə «кольцо», а не izəqtə; ambar «сарай», а не anbar; qimpə «конопля», а не qinpə.

3. В случаях, где наблюдается удвоение согласных в закрытых слогах, оно удерживается во всех производных данного слова:

а) jimmə	«мать»	jimməjə	«родной, материнский»
gillə	«трава»	gillənə	«травяной, травянистый»
mijjə	«вода»	mijjənə	«водяной, водянистый»,
		mijjənutə	«влажность».

б) В причастиях прошедшего времени страдательного залога в мужском роде глаголов с конечным -ja || jə, - jь || ji удваивается j:

daja	«знать»	dьjja	«узнанный»
çəjə	«уставать»	çijjə	«усталый»
saxsujь	«исследовать»	suxsьjja	«исследованный»
ṣərṣuji	«уставать»	ṣurṣijjə	«усталый»

в) То же удвоение наблюдается в тех же глаголах, в причастиях настоящего времени мужского и женского рода:

çəjjənə	«устающий»	çəjjəntə	«-ая»
saxsьjjana	«исследующий»	saxsьjjanta	«-ая»
sərṣijjənə	«устающий»	ṣərṣijjəntə	«-ая»

г) Имена существительные на -ij || -ьj удваивают j во множественном числе:

cirij «октябрь»	cirijji «осень»	gəmij «корабль»	gəmijji
davьj «война»	davьjjь «войны»	tazьj «лягавая собака»	tazьjjь

4. Предлоги b, d, l, m, писать отдельно от относящихся к ним слов: b əqli «ногами», а не b'əqli и не bəqli («бобы»); d mijxə «гвоздя», а не d'mijxə и не dmijxə («спящий»); l ijdə «в руку», а не l'ijdə и не lijdə («рожденный»); m arra «с земли», а не m'arra и не marra («болезнь»).

Сложные предлоги и частицы писать слитно, но отдельно от относящихся к ним слов: mbar tarra «за дверью», а не m bar tarra или m'bar tarra; dlə rəxmi «безжалостный», а не d lə rəxmi или d'lə rəxmi; lkis xoru «у своего товарища», а не l kis xoru или l'kis xoru.

5. Ввиду наличия двоякого произношения ударенного «u» — «uj» допустить в письме обе формы на равных правах: nurə || nujrə «огонь»; zuzi || zujzi «деньги»; ţura || ţujra «гора».

6. В окончаниях глаголов сохранять принцип сингармонизма: maxuls «кормить» — maxulevьn «кормлю», maxulevьnva «я кормил», muxьllьj «я накормил», bit maxlьn «я накормлю», məştuji «поить», məştujivin «пою», məştujivinvə «я поил», muştijlij «я напоил», bit məştin «я напою», bit məştinni «я напою его».

7. Сложные слова, выражающие одно целое понятие, писать слитно: qiştijmaran «радуга», а не qiştij-maran или qiştij maran, almiltə «предлог», а не al-miltə или al miltə, hakmangənutə «самоуправление», а не hakman-gənutə или hakman gənutə. В случае передачи двух отличных друг от друга понятий писать раздельно, отделяя их посредством тире: elməj-taşьjtanaja «научно-исторический», или соединяя их предлогом: garbja d ma'rva «Северозапад», garbjaj-ma'rvaja «северозападный».

8. Букв, сохранившихся из старой орфографии и не произносящихся в настоящее время, не писать: nərə «река», а не nəhrə, sara «луна», а не sahra, şoţa «племя», а не şovţa, gora «муж», а не govra или gavra.

9. Встречающееся в настоящее время написание ar'a, mar'a, mьs'aja, sьb'a, и другие заменить написанием с удвоением согласной, стоящей перед апострофом и с устранением апострофа:

arra «земля», marra «болезнь», mьssaja «средний», sьppa «палец».

10. Частицы ki (настоящего времени), bit (будущего времени), qət (прошедшего времени) и qət (союз «чтобы») писать раздельно от глаголов и без гармонизации: ki kətiv «он пишет», ki axьl «он ест», bit təni «он скажет», bit palьş «будет бороться», qəm mexili «он побил, ударил его», qəm ţardьjlь «они изгнали его», qət əvid «чтобы он сделал», qət tamtьm «чтобы он окончил».

11. Ввиду наблюдающегося неправильного употребления личных местоимений av, əj вместо указательных o, e различать: личные местоимения av «он», əj «она» и указательные местоимения o «тот», e «то» (множественное число личного местоимения ənij «они», а указательного ən «те»).

12. В случае перерыва в произношении в середине слов обозначать его апострофом ': ma'rva «запад», а не maьrva, şar'at «закон».

13. Слово mədnxə «восток» и его производное mədnxəjə «восточный» писать без вставочного «i», т. е. не mədinxə, mədinxəjə.

14. Ввести употребление буквы «f» для слов интернациональных, собственных имен и т. д., заимствованных из европейских языков: fosfor, Fransa, fabrika.

15. При транслитерации иностранных слов и собственных имен придерживаться по возможности орфографии подлинника с отражением в транслитерации произношения: heqţar «гектар», liţr «литр», Hindenburg «Гинденбург», Humanité «Юманите».[1]

16. В иностранных словах с двойными согласными, произносящимися как одна, писать одну согласную: klas «класс» (мн. ч. klasь), diagrama «диаграмма» (мн. ч. diagramь), paralel «параллельный».

17. В учебниках по орфографии, в грамматиках и словарях давать орфоэпические указания: произношение звуков, не имеющих особых начертаний в принятом алфавите; ударение, когда оно не на предпоследнем слоге.

II. ПУНКТЫ ПО КОТОРЫМ СОВЕЩАНИЕ НЕ ПРИШЛО К ЕДИНОМУ МНЕНИЮ

1. В виду отсутствия в алфавите трех букв (ε, ɵ, y) для передачи вторых звуков «e, o, u», т. е. для полной сингармонизации, совещание не возражает против введения новой буквы для второго звука «e»:

bete	«их дом»	bεtε	«их любовь»
msete	«их стирка»	msεtε	«их возможность»
blete	«их ветшание»	blεtε	«их проглатывание»

Что касается букв для вторых звуков «o, u» совещание не настаивает на введении их. Проф. Н. Ф. Яковлев высказывался за введение новых букв для вторых звуков «o, u»:

а) dur	«вернись»	dyr	«запри»
şur	«зажги»	şyr	«перепрыгни»
sum	«постись»	sym	«посвяти»
б) Şor	«соленый»	gɵl	«озеро»
zor	«сильный»	sɵl	«степь»
korkor	«ястреб»	kɵkɵ	«ее корень»

Ко времени конференции произвести статистический подсчет букв гласных по изданной литературе с разделением этих гласных на задний и передний ряды (a, ε, ь, o, u — ə, e, i, ɵ, y).

2. Ввиду наличия фонемы (звука) «ɋ» в языке большинство участников совещания, при воздержавшихся т. т. Пираеве и Гурджи, высказалось за введение новой буквы. В настоящее время означенный звук передается через «x» и «h»:

ɋlaba (xlaba, hlaba) «побеждать»
paɋra (paxra, pahra) «тело»
məɋɋubi (məxxubi, məhhubi) «любить»
buɋum (buxum, buhum) «сустав»

3. Признавая наличие большого количества слов с непридыхательными согласными «p, k, c», совещание воздерживается от введения особых букв для упомянутых звуков: palaşa «борец», şupra «красота», maprumь «давать, понять, объяснять», puppu «удод, кукушка», tuprə «хвост», kərrə

[1] Слова со звуком «ц» (ts) пишутся так: а) имена собственные через ts || Ts (Tsepelin «цеппелин», Kurtsius «Курциус»); б) интернациональные слова через «s» (revolusijə «революция», sentner «центнер»); в) русские слова через ts (belogvardejtsь «белогвардейцы»).

«глухой», xəpirkə «немного», kotikkə «деревянная чашка», kirviş «заяц», iskuləjə «ученик», cucana «сорока», сьтса «глазная слизь», cəkki «оружие», catcirь «разобрать», cingirrə «тряпка».

4. Из двух префиксов bi (признак причастия) и li (частица неопределенного наклонения) — первый гармонизуется полностью, а второй (li-), гармонизуясь в контексте, произносится отдельно от контекста с «i» среднего ряда (между «ь» и «i»). Принимая во внимание, что bi произносится bь с гласными заднего ряда, а произношение li — колеблется, совещание, в большинстве не возражая против написания bь-, воздержалось до решения Конференции обозначать таким образом и остановилось пока на единой форме bi, li: bixala (bьxala) «еда», biṣala (bьṣala) «кашлять», biqṭala (bьqṭala) «убивая», liqraja (lьqraja || liqraja) «читать, учиться», linṭara (lьnṭara || linṭara) «охранять», liblaja (lьblaja || liblaja) «проглатывать».

5. Ввиду встречающихся в литературе двойственных написаний в небольшом количестве слов, из которых одно написание не соответствует живому произношению, допустить в литературе обе формы впредь до решения Конференции: idju || udju «сегодня», pulxənə||pilxənə «работа», sьppa|| suppa «палец».

6. Ввиду того, что форма 3-го лица единственного числа мужского рода настоящего времени (bьqṭalelь «он убивает», англ. «he is killing») пишется одинаково с формой 3-го л. ед. числа муж. р. с объектным суффиксом 3-го л. мн. ч. (bьqṭalélь «он убивает их», англ. «he is killing them»), отличаясь друг от друга ударением (на третьем и на втором слоге от конца), в литературу проникла форма, не соответствующая произношению, для отличия от другой формы, а именно — bьqṭalьlь «он убивает», binsərili «он пилит» при bьqṭalelь «он убивает их», binsəreli «он пилит их», некоторые участники совещания стояли за одинаковое написание этой формы.

7. Ввиду встречающихся форм ləb, означающих «у, к» (из l betə d → l bit → lb), напр. ləb Dəvid «у Давида, в семье Давида, в доме Давида; к Давиду», ləb Bit Givərgiz «у Гиваргизовых, к Гиваргизовым», и ləb, означающих «не с» (ləb напр. ləb Tumə, lə b Tumə») «не с Фомой, без Фомы» (соответствует предлогу dlə «без»), ləb ləxtmə «не с хлебом, без хлеба», допустить эти формы в литературе до решения Конференции.

С. ВРУБЕЛЬ

РАБОТА СЕКТОРА ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Основной задачей сектора является марксистско-ленинская разработка вопросов языкового строительства под углом зрения непосредственной увязки теории с практикой. Работа сектора слагается из ряда моментов:

а) Разработка вопросов языкового строительства по конкретным национальным языкам Советского союза.

б) Теоретическая разработка лингвистических проблем, имеющих непосредственное отношение к практике.

в) Помощь учебной части Института в подготовке аспирантуры.

г) Помощь местным и центральным научным учреждениям.

д) Популяризация вопросов марксистско-ленинского учения о языке.

е) Участие в печати (сборники, журналы).

ж) Участие в экспедициях.

з) Подготовка ряда научных работ и т. д.

В 1933 г. сектор концентрирует свою работу на разработке методологических проблем, алфавитном строительстве, вопросах литературных языков, терминологии, вопросах строя языка, на выявлении общего состояния языкового строительства по отдельным национальным языкам и т. д.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

В этот раздел плана включены марксистско-ленинские разработки проблем языковой стройки народов СССР; борьба со всеми антимарксистскими и контрреволюционными течениями на этом участке теоретического фронта, а также с их проявлениями в практической работе; обобщение опыта величайшего культурного роста широчайших масс пролетариата и колхозного крестьянства, развивающих свой язык, письмо, литературу и т. д.; пути развития языка и письменности. В этой части тематика плана следующая:

1. Врубель С. А. — «Языковое строительство СССР в свете ленинской национальной политики».

2. Кацнельсон С. — «Социал-фашизм о национальном языке».

3. Девлет Кильдеева Ф. — «Панисламизм и пантюркизм в строительстве татарского языка».

Кроме того подготавливается хрестоматия «Марксизм и ревизионизм о языке» (Кацнельсон).

Однако этим тематика не исчерпывается, так как подготавливается лингвистическая разработка ряда актуальных проблем, путем привлечения марксистов-коммунистов, работающих в других учреждениях. Так уже заключено персональное соглашение со следующими товарищами:

1. Дьяков А. «Колониальная политика и колониальные языки».

2. Алавердов К. «Равноправие языков в СССР».

Наряду с этим начато собирание материалов по законодательству о языке, постановлений и резолюций различных конференций, совещаний, имевших место как в центре, так и на местах.

АЛФАВИТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В этот раздел входит методологическая разработка проблемы письма; выработка проектов алфавитов на основе латиницы для ряда национальностей; улучшение старых алфавитов; проработка общих вопросов алфавитного строительства.

В текущем году по этой линии подготавливаются следующие работы:

1. Гранде Б. М. — «Вопрос о латинизации еврейского письма».

2. Гранде Б. М. — «Развитие латинизированного письма в Осетии».

3. Врубель С. А. — «Письменность китайцев СССР».

4. Девлет Ф. — «Новый алфавит у татар».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Марксистско-ленинская разработка вопросов создания литературных языков и терминологии имеет сугубо важное политическое значение, так как на этом участке, на фоне общего роста социалистического строительства, наблюдается ряд нетерпимых политических извращений.

Работа сектора ведется на основе диалектико-материалистического метода и последних достижений лингвистической науки и критическим

использованием исторического наследия и обобщением имеющегося опыта стройки литературных языков и терминологии у народов СССР. В 1933 г. сектором подготовляются следующие работы:

1. Кацнельсон С. — «Итоги строительства литературных языков народов СССР за 15 лет» (на материале еврейского языка).
2. Миллер Б. — «Положение на фронте изучения курдских „наречий" и актуальные проблемы в этой области».
3. Кусикьян И. К. — «Вопросы строительства национального литературного языка в работах Набалдяна».
4. Кусикьян И. К. — «Терминологическое строительство армянского языка».
5. Врубель — Некоторые вопросы китайского литературного языка.

РАБОТА ПО ЯЗЫКУ, ОБЗОР И КРИТИКА

Сюда относится теоретическая разработка вопросов строя языка, имеющая непосредственное отношение к практике; обзор лингвистической работы по конкретным языкам, критика существующих недочетов в языковом строительстве и пути изживания их. Тематика этого раздела:

1. Миллер Б. — «Язык и языковое строительство среди талышей Закавказья».
2. Миллер Б. — «Отчет о структуре языков курдов».
3. Шор Р. О. — «Критический обзор работ по чувашскому языку».
4. Девлет Ф. — «Критический обзор учебников по татарскому языку в начальной и средней школе».

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Необходимость справочной литературы диктуется самой жизнью, бурным ростом и активностью масс, предъявляющих требования на учебную книгу и справочную литературу. По этой линии всем коллективом сектора подготавливается к печати справочник «Языки народов СССР».

ПЕЧАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ

Вопросы языкового строительства имеют свое отражение в работах отдельных научных сотрудников сектора, напечатанных в различных журналах и сборниках. Кроме того, сектором языка подготовлены к печати и сданы в набор книга Б. Гранде «За единый алфавит для народов СССР» и сборник «Актуальные проблемы языкового строительства», т. 1-й.

Тематика сборника:

1. Вводная статья Н. Я. Марра.
2. Врубель С. А. — «Вопросы создания письменности для китайцев СССР».
3. Гранде Б. М. — «К задачам современного алфавитного строительства».
4. Милорадова А. А. — «Языковое строительство у карел».
5. Кусикьян И. К. — «Строительство армянского литературного языка».
6. Насилов. — «Производственная терминология текстильного и ткацкого производства у таджиков и узбеков».

ДОКЛАДЫ

Все работы, подготавливаемые к печати, в основном подвергаются обсуждению на заседаниях сектора языка при активном участии коллектива научных работников и аспирантов, а также специалистов-лингвистов, которые работают в других учреждениях. Помимо этого на заседаниях секции участвуют и научные работники иной специальности. Из зачитанных в 1933 г. докладов большой интерес и живой обмен мнений вызвали следующие:

1. Врубель С. А. — «Происхождение языка в свете яфетической теории и вопросы антирелигиозной работы».
2. Гранде Б. М. — «Из истории реформы арабской письменности».
3. Сеид-Заде — «Вопросы языка в «немецкой идеологии».

Как правило, все доклады, читаемые научными работниками сектора, должны быть предназначены к печати; это помогает вести борьбу за повышенное качество работы, борьбу с доктринерскими, ни к чему не обязывающими, общими рассуждениями.

СВЯЗЬ С МЕСТАМИ И ДРУГИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Связь с местами устанавливается путем привлечения приезжающих с мест научных работников научно-исследовательских институтов и вузов к участию в работе сектора путем заслушивания их докладов и дачи им отдельных поручений от сектора (так, например, в справочнике «Языки народов СССР» участвуют не только отдельные работники мест, но и национальные научно-исследовательские институты); с другой стороны, сюда относится посылка научных сотрудников сектора на места для ознакомления с работой, инструктажа и т. д. Следует отметить активное участие научных сотрудников и аспирантов в работе нового алфавита. Наметилась более тесная связь с Академией Наук (ЯМ) и ГАИМК.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ РАБОТА

Научно-популярная работа сектора заключается не только в печатании статей в журнале, но и в организации в самом Институте регулярных общедоступных лекций по вопросам языка и языкового строительства, а также консультаций. Особенный интерес представляют лекции академика Н. Я. Марра.

МЕТОД РАБОТЫ

Вся работа сектора языкового строительства построена на основе соцсоревнования. Все научные сотрудники и аспиранты охвачены индивидуальными договорами по соцсоревнованию. Весь коллектив сектора (сотрудники и аспиранты) соревнуется с сектором нацвопроса. Индивидуальные планы научных работников сектора составлены на основании персональных договоров с Институтом.

К. Т.

К ОТЧЕТУ ЦК НА ТАДЖИКИСТАНА

(По материалам ВЦК НА)

Новый алфавит во всем Союзе ССР одержал полную победу над старым арабским и другими сложными формами алфавита и определился как классовый пролетарский алфавит легко доступный широким трудящимся массам. Под руководством ленинской партии, во главе с т. Сталиным, все шире и шире развертывается культурная революция и жизнь предъявляет более высокие требования делу латинизации, качеству руководства этим делом со стороны комитетов Нового Алфавита.

За последние годы задачи, стоящие перед комитетами НА, чрезвычайно выросли и усложнились. Сейчас работа переходит на новый этап, выдвигаются задачи не только организационного, но и глубоко научного порядка. Речь идет не только о создании письменности на основе НА и унификации алфавитов, но и об орфографии, терминологии и литературном языке, о применении НА в технике (буквопечатающие аппараты телеграфа, пишущие и наборные машины и т. д.).

На повестке дня очередного VI Пленума ВЦК НА, наряду с отчетами ЦК НА других республик, стоит отчет ЦК НА Тадж. ССР.

Известно, что Таджикистан сравнительно недавно приступил к латинизации письменности. В Таджикистане до революции население было почти поголовно неграмотно, даже в 1927 г. было всего 0.9% умеющих только читать. До 1928 г. обучение в школах Таджикистана велось на арабском алфавите. На курсах переподготовки учителей новый алфавит преподавался как отдельный предмет и только с 1929 г. обучение в начальных школах начало переходить на новый алфавит.

История Таджикского НА началась с момента образования Таджикской автономной ССР. До того момента вопрос о замене арабского алфавита среди таджиков Средней Азии не поднимался. Впервые сказала свое слово о необходимости введения нового более доступного для трудящихся алфавита 2-я учительская конференция, собравшаяся в 1926 г.

Молодое советское таджикское учительство решительно высказалось за латинизацию. Участники конференции разнесли идею латинизации в самые отдаленные кишлаки.

Благодаря всемерной поддержке и правильному большевистскому руководству ЦК КП(б)Т и в результате сплоченной и решительной борьбы, эта идея через год после возникновения начала претворяться в жизнь.

V Пленум ВЦК НА (июль 1931 г.), в своей резолюции по докладу ЦК НА Таджикистана отметил: «Целый ряд крупных успехов в области перехода с арабского на новый алфавит, в том числе:

а) все школы первой ступени, средние учебные заведения и различные курсы ведут занятия на новом алфавите;

б) все центральные газеты и журналы перешли на 60% на НА. По линии издательства учебники и массовая литература печатаются на 80% на НА;

в) латинизирован шугнанский алфавит и изданы учебники для шугнанцев на новом алфавите;

г) в 1931 г. ликвидирована неграмотность на новом алфавите среди 139.989 чел.».

Наряду с этим Пленум отметил ряд недочетов, имеющихся в работе ЦК НА Таджикистана, и дал конкретные директивы. Необходимо отметить, что директивы V Пленума, в течение продолжительного времени почти не выполнялись. ЦК НА Таджикистана значительный период после V Пленума почти не проявлял признаков жизни и только осенью прошлого года, благодаря вмешательству ВЦК НА, работа ЦК НА Таджикистана оживилась. Реорганизован Комитет, усилено руководство, укомплектован аппарат, подведена, хотя и незначительная, финансовая база, выработан план работы, в котором помимо вопросов организационного порядка, предусмотрен ряд научных работ. В числе научных вопросов орфография, терминология, разработка алфавита для телеграфа, изучение языков бесписьменных народов Памира для создания письменности и литературного языка этим народам. Некоторые пункты этого плана уже выполнены. Так, организовано 20 районных комитетов, разработан алфавит для телеграфа, а также система таджикской стенографии. Во всех учебных заведениях, как низших, так средних и высших, введено преподавание на новом алфавите. Из периодических изданий — журналы («Рахбари-Дониш», «Инкилобы маданы» и «Барохи ленины») и газеты — («Барохи колектифи» и «Пионеры Таджикистан») издаются полностью на новом алфавите. По данным на 1931—32 уч. г. ликвидирована неграмотность среди 200 тыс. чел. Центральные государственные учреждения начали вести делопроизводство на новом алфавите. Среди национальных меньшинств обучение производится также на новом алфавите. Учебники и другие книги для школ Памирской области издаются тоже на новом алфавите.

Наряду с этим еще часть газет и журналов неполностью переведены на новый алфавит. Крупнейшей причиной, тормозящей полный переход всех периодических изданий на новый алфавит является отсутствие достаточного количества латинизированных шрифтов и полиграфического оборудования. В районах и в некоторых центральных учреждениях делопроизводство ведется на арабском алфавите. Подготовка кадров работников нового алфавита совершенно не проводится.

С этими основными показателями ЦК НА Таджикистана подходит к VI Пленуму. Пленум должен подробно ознакомиться с работой этого Комитета, принять ряд практических решений, которые помогут ЦК НА Таджикистана с новым подъемом разрешить свою работу и сделать ее действительно решающей для дела культурной революции.

М. ТАДЖИБАЕВА-КАЙБИЦКАЯ

ЧУВАШСКАЯ СТЕНОГРАФИЯ

При заводе ЦАГИ организован кружок рабочих по изучению чувашской стенографии. Кружок работает с большой охотой и весьма успешно. Рабочих увлекает то, что чувашская стенография создается ими впервые, до сих пор нет еще ни одного стенографа на чувашском языке, нет и самой системы.

Однако чувашская стенография имеет свою маленькую историю. В 1929-1930 г. мною был представлен первый проект чувашской стенографии

на основе русской системы Терне в обработке Гильденбранд. Несмотря на то, что предварительно была проделана большая работа, система все же оказалась неудачной. Получились слишком длинные начертания. Тщательное изучение новой системы показало, что недочеты ее вытекают из характера самой системы Терне-Гильденбранд, совершенно не соответствующего особенностям национальных языков, в частности не подходит принцип ударности гласных звуков. Таким образом пришлось совсем отказаться от первой чувашской системы. Но тут на арену стенографии выступила национальная унитарная стенография (НУС), которая на сегодня уже применена к 15 национальным языкам. Первые же опыты по применению этой системы к чувашскому языку показали полную реальность этого дела. На сегодня в основном чувашская система уже создана. Кружок в ЦАГИ в основном уже освоил систему.

Алфавит согласных Чувашской унитарн. стеногр.
(Ч.У.С.)

к х п т т̆ т̣ ш с ç л л̣ м н н̣ р в й ф

Алфавит гласных:

В начале слов:

а у ы ă е ÿ и ĕ о

В конце слов:

а у ы ă е ÿ и ĕ о

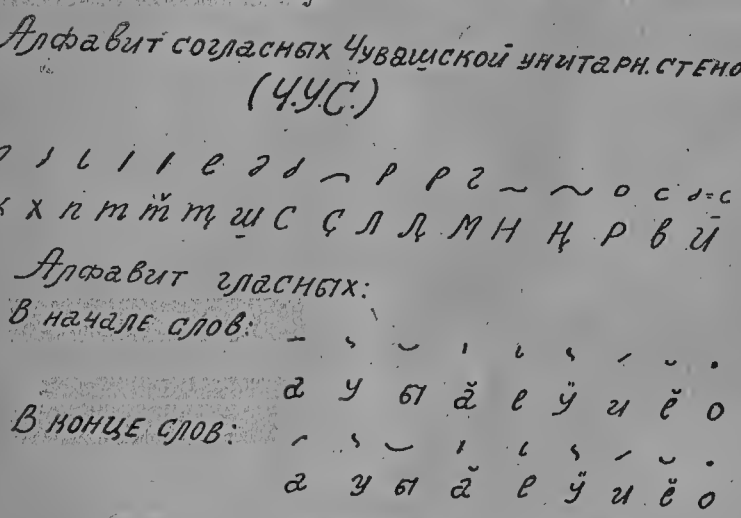


Таблица № 1

Чувашская система еще нуждается в дальнейшем усовершенствовании и в обсуждении ее общественностью. Хотя кружок и работал в постоянной связи с чувашской газетой в Москве, получил обсуждение и утверждение в лаборатории курсов НУС, все же необходимо обсудить эту систему непосредственно в Чувашской республике.

Здесь в дальнейшем постараемся кратко изложить основные моменты чувашской системы.

Для согласных даны самые простые, легко запоминающиеся стенографические начертания, которые во всех случаях пишутся очень удобно. Согласные все одномерные, двумерное только «ф».

В чувашском языке звонких звуков нет. Если «с», «ш», «т» находятся между двумя гласными, то они произносятся как звонкие, а если в начале без гласных, то они произносятся не звонкими.

Есть мягкие согласные, которые по структуре чувашского языка необходимы. Например: «т̆», «ç», «л̣», «н̣», « » и есть твердые «т», «с», «л», «н» — эти звуки тоже необходимы. Но для стенографического обозначения для твердых и мягких звуков совершенно не следует давать особого обозначения, плюс к этому все мягко произносящиеся звуки в чувашском употребляются очень редко (в 400 чув. словах — употребляется 5 раз, т̂ — 5 раз, л̣ — редко — н̣, ç, — употребляется 137 раз), поэтому для последнего

Символизация согласных

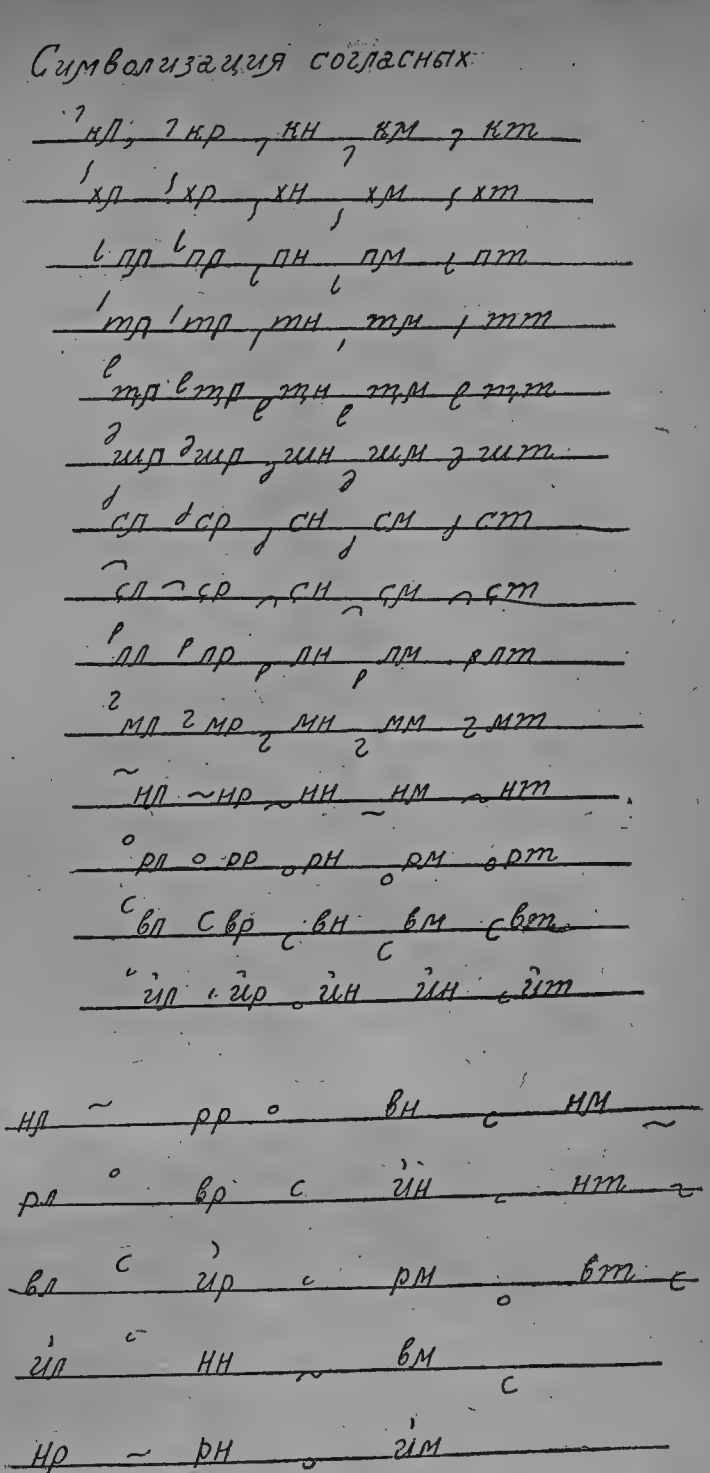


Таблица № 2

звука — ç, — берется самостоятельное стенографическое начертание, а для л̣, н̣, ť, берутся звуки т, л, н, эти твердые пишутся без нажима, а мягкие л̣, н̣, ť, пишутся с нажимом.

Гласные (табл. 1). Для гласных дано тоже простое стенографическое начертание, можно быстро запомнить. По этой системе гласные в середине слов все пропускаются, выражаются только в начале и в конце слов, даже в некоторых удобных случаях иногда пишутся слова без выражения гласных в начале и в конце слов. Но в основном гласные буквы не следует пропускать в конце и в начале слов. Для того, чтобы быстро прочитать каждое слово, гласные в начале и в конце слова не следует оставлять без выражения.

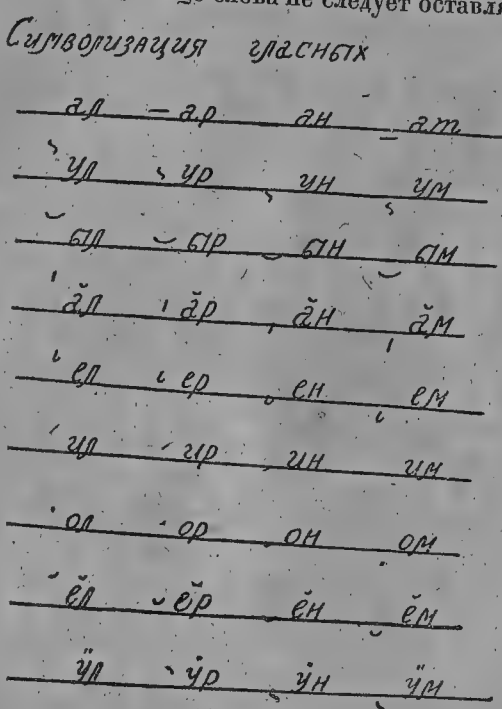


Таблица № 3

Символизация согласных (табл. 2) при помощи строки можно символизировать следующие звуки л, н, р, м, т.

Если после какого-либо согласного или гласного звука идет звук «л», то его нужно на одну меру приподнять выше строки и, это будет обозначать символизированную согласную букву. Например: мл, тл и т. д.; если после согласной идет «р», то от строки следует приподнять на полумеры выше строки — это будет обозначать «тр», «кр» и т. д.

Если после согласной идет звук «н», нужно опускать весь объем согласных ниже строки, это значит будет символизирован звук «н», например: мн, лн, и т. д.

Если после согласного звука идет звук «м», то нужно тот или иной согласный звук опустить на полмеры ниже строки, и это будет обозначать нм, тм, и т. д.

Если после согласного идет звук «т», это тоже символизируется, т. е. согласный нужно оставить на половину на строке, а на половину нужно опустить ниже строки. Это будет обозначать мт, кт, лт и т. д.

Примеры на волосные согласные:

тунат — варҫа

Пулат — паҭеҫ

валӑх

канаш

Ес

Схема волосных согласных

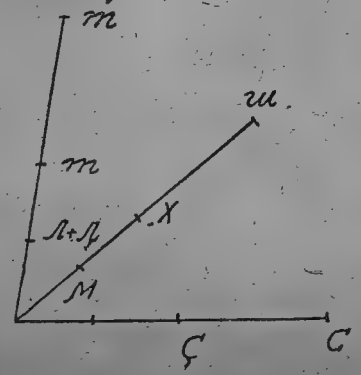


Таблица № 4

Сочетания согласных

				Примеры на сочетания	
пҭ	о	шк	ь		
ҭх	ь	ҭв	е	тухӑнсем	ю
тв	с	хш	ь	тӑват	д
ҫв	ҭ	хс	ь	Машина	г
св	ҭ	рк	ҭ	Сталин	д
мш	г	хв	ь	Ҫакаӣ	ҭ
ст	ҭ	нҭ	~	Рута	е
ск	ҭ	рт	е	Шкул	ь
ҫк	ҭ	ҫх	ь	шкулсем	ю
сх	ь	лк	ҭ	сыхаӣ	д

Таблица № 5

Элементы формограмм для ЧУС

сем		сен		сан	
лесси		меш		семпе	
са		кен.н		лах	
масс		малла		кан	
сар		сенте		санта	
ссе		массё		сенти	
асси		шевен		тарассё	
масси		мелле		шен	
тен		пе		ать	
инте		ман		сага	
ствă		лать		рать	
расси		мăш		инген	

Таблица № 6

Не сложные конечные

н		х	
нь		т	
л-ль		в	
п		ть	
м		с	
ш		с	
к		ч	
т		ф	

Таблица № 7

Редко встречающиеся слова

брали	
бран	
брă	
бвăнтам	
блхан	
блтăн	
втлагиги	
бвăл	
братăт	
бйтăт	
брхан	
бвăт	

Таблица № 8

Но звук «ф» двухмерный, к которому вышеуказанные правила не подходят, поэтому звук «ф» относится только к петлевой теории.

Символизация гласных (табл. 3) проводится таким же путем как и символизация согласных, не символизируется только «т». Поэтому будет неправильно символизировать все гласные полумерные на «т» во время быстрого письма.

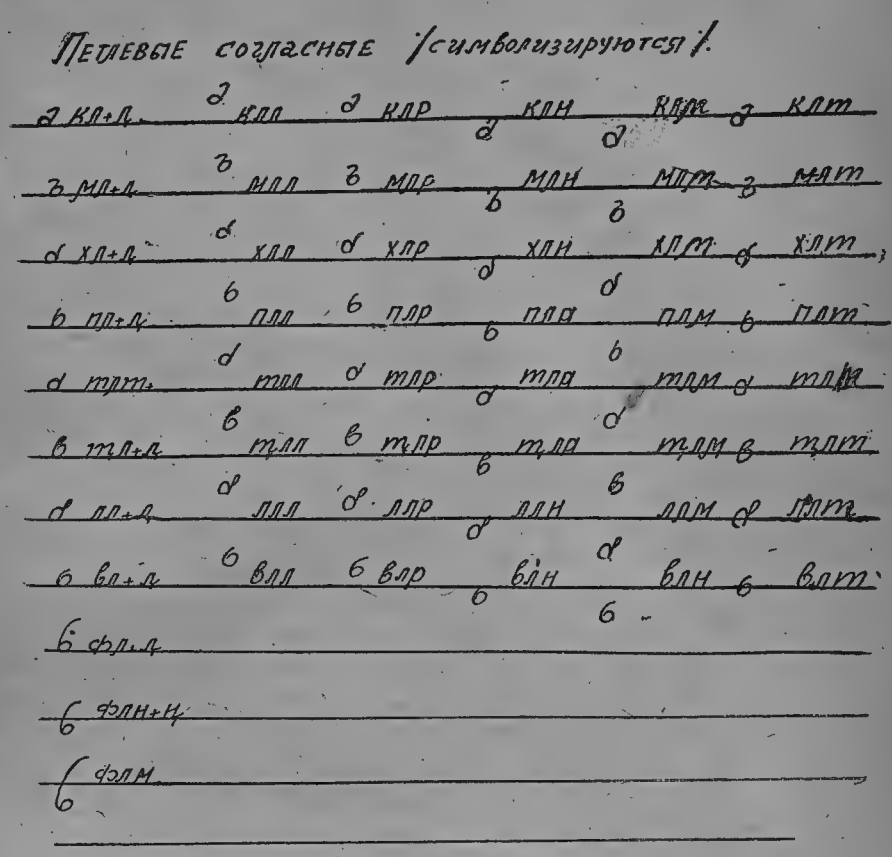


Таблица № 9

Все согласные звуки символизируются без исключения. Это дает полную возможность достичь краткого стенографического начертания, а также эти же принципы символизации согласных являются большим плюсом в смысле толкового и ясного сокращения каждого слова. Поэтому для развития быстрого письма принципы символизации согласных необходимы.

Волосные согласные (табл. 4). Волосные согласные выражаются в начале и в конце слова. Они очень удобны по своему начертанию. Быстро запоминаются. Волосные согласные встречаются очень часто в особенности в конце слов, что дает возможность избегать лишних движений (а это весьма выгодно для стенографии).

В конце слов после волосных можно писать гласные, если таковые будут встречаться в конце слов.

Общее употребление согласных

к	158 раз.	м	43 раз.
к	128 „ — „	л	5 „ — „
п	162 „ — „	м	5 „ — „
	234 „ — „	н	нет (совершенно)
с	212 „ — „	ф	„ — „ тоже
ç	137 „ — „		
л	238 „ — „		
м	113 „ — „		
н	180 „ — „		
р	234 „ — „		
в	72 „ — „		
й	48 „ — „		
ӳ	49 „ — „		

Употребление гласных Чуваш слов.

В начале слов		В конце слов	
а	17 раз	а	91 раз
у	15 „ — „	у	9 „ — „
ы	1 „ — „	ы	———
ӑ	10 „ — „	ӑ	39 „ — „
е	5 „ — „	е	147 „ — „
ӳ	12 „ — „	ӳ	8 „ — „
и	22 „ — „	и	35 „ — „
е	21 „ — „	е	59 „ — „
о	11 „ — „	о	———

Эти цифры из расчета 400 слов.

Таблица № 10

Tyrkistan aptanomьjasь çana negizgi zaŋь.

16 әpirelde Samarga, 17 sinde Kirasnobodьskejge temir çol menen katьnasuv isteri çolga kojьladь. Munь menen katar Tyrkistanga, tьgьzdьk kәmessar (чрезв. комиссар) bolьp, çoldas Kabozop kelgen. 20-әpirelde ajmaktьk 5 keŋester sijezi acьladь. Bul sijez Tyrkistandь acьktan acьk Rosьja Satsьjalcьl Kospa Keŋester Respyblijkesiniŋ bir bөlimi dep çarьjalajdь. Bul sijezde birinci mertebe musьlmandardь memleket kurьlьsьna tartuv mәselesin cecti.

Muvrabejiskij (V. Lopuvkop). Orta-Azьjadagь tөŋkeris kozgalьsьnьŋ tarьjkь tuvralь kьskaca tysinik. Tacken. 1932.

Bьjьlkь okutuucular tajardoo işibiz

Kьrgьzьstan өkymөty el agartuu işi ycyn çeti miljanga çakьn akca karaçat kьlat. Anьn көpcylygy ajьl kьştaktagь mektepterde sabatsьzdьktь çojuu, sajasь el agartuu işi çana mektep saluu işine karaçat kьlьnat. Birok uşul kyngө cejin, biz kancalьk kьjkьrsaqkta, mьncalьk akcanь çakşьlap teŋşerip karap, abdan kerektyy orduna bajdaluu kьlьp karaçat kьluu maselesi çetişilgen emes

№1-2 Журнала „Çaŋь madanьjat çolunda" 1930. Рьчилла.

Сочетания согласных (табл. 5). Сочетание — это есть соединение двух или трех согласных в один стенографический знак. Сочетания бывают только на согласные, а на гласные сочетаний не бывает. Все сочетания одномерные, очень легко символизируются при помощи строки. Это тоже дает полную возможность развития быстроты письма. Сочетания даны для тех, которые очень часто встречаются в чувашском языке. (Всего сочетаний 30).

Элементы формограмм табл. 6. В языке имеются, кроме корня слов конечные, которые в стенографическом языке называются формограммами, они дают полную возможность избегать лишнего стенографического начертания, также дают возможность писать коротко и читать любое слово. Выбраны те окончания слов, которые встречаются очень часто в чувашских словах.

Например: Комуниссем (коммунисты), имеющиеся гласные звуки все пропускаются, «м» символизируется, сем — формограмма. Пишется так ʒ. Это значит комунисем. Очень легко читается, задержки быть не может.

Несложные одинокие, конечные согласные звуки (табл. 7, 8). Кроме основного алфавита дается еще вспомогательный алфавит, элемент которого часто применяется в конце чувашских слов (их всего с волосными конечными 16 знаков, из них волосных 9 знаков). Конечные необходимы, они сильно облегчают чтение письма.

Петлевая теория (табл. 9). Петлевые согласные тоже необходимы для развития скорости письма. Поэтому петлевая теория входит как необходимое в речепись. Петли делаются из основного алфавита, с округлением снизу, с острым окончанием влево, и с круглым окончанием вправо, т. е. если в «кр» после «к» идет «р», то надо полумерную петлю завернуть влево. Петля после согласных делается на три согласных на «р», петля делается полумерная круглая на «л», петля делается немного меньше одномерного, и наконец «н» также превращается в петлю, с острым окончанием влево, с круглым вправо. Целевая установка данного проекта достигнуть речеписи. По данной теории можно с большим успехом достигнуть целевую установку.

Изучающие эту теорию в своем пути особенных трудностей не встречают. Поэтому можно достичь, с помощью коллектива, больших успехов в выработке чувашской унитарной стенографии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Хансуваров, „Латинизация — орудие ленинской национальной политики". Партиздат 1932 г., стр. 1—38, ц. — 25 к.

В области латинизации письменности народов СССР мы несомненно добились исключительных успехов. Достаточно сказать, что из 134 народностей, имеющих письменность, 68 имеют ее на новом алфавите, причем 42 народности впервые получили письменность на родном языке после Октября.

Популяризировать наши достижения в области национального просвещения, алфавитного строительства — дело необходимое и вполне своевременное. Эту задачу и поставил перед собой Партиздат, выпуская в свет брошюру тов. Хансуварова — «Латинизация — орудие ленинской национальной политики».

В популярной форме, доступной массовому читателю, тов. Хансуваров характеризует этапы истории латинизации письменности народностей Советского Союза.

В первой главе даются простые и ясные ответы на вопрос о том, почему необходимо было в условиях советской действительности заменить арабский алфавит — латинским, какие попытки по этой линии были в дореволюционной России и почему они не увенчались успехом; во второй главе довольно подробно обрисован процесс латинизации национальных алфавитов в Советском Союзе среди тюркских и татарских народностей и вскрываются классовые корни развернувшейся на этом участке борьбы.

Третья глава брошюры посвящена латинизации письменности нетюркских народностей (монгольских, яфетических, иранских и дальневосточных).

В четвертой главе — «Латинизация за рубежом» — имеется интересная попытка проследить влияние латинизации алфавитов народностей Советского Союза на реформу алфавитов за рубежом, проходящую в довольно-сложной политической обстановке.

Интересно, что первая печатная газета на арабском шрифте вышла в Турции лишь в 1830 году, т. е. через двести шестьдесят с лишним лет после появления первой русской печатной книги и через триста восемьдесят лет после изобретения Иоганном Гутенбергом печатного станка. Такая задержка в развитии культуры целого народа известным образом зависела и от наличия арабского алфавита — необычайно отсталой и неудобной техники письма.

Арабский алфавит служил тормозом в развитии культуры народов б. царской России. В его сохранении были крепко заинтересованы духовенство, буржуазные и помещичьи элементы.

Наблюдалось, как правильно отмечает тов. Хансуваров, «трогательное единство русского буржуа, помещика, священника, жандарма с баями, беками, муллами» в вопросах «просвещения» национальных трудящихся масс.

Отсюда понятно, почему не имели успеха дореволюционные попытки (Мирза-Фатали Ахундов, Мирза-Малкум-хан Назимиддевле, Мирза-Риза-хан и др.) замены арабского алфавита латинским.

Тов. Хансуваров характеризует далее борьбу за новый алфавит с арагистами в Советском Союзе в Татарии (деятельность контрреволюционной группы Султан-Галиева и т. д.).

Переходя дальше к характеристике борьбы за латинский алфавит в Крыму, Казакстане, Узбекистане — автор вскрывает политическую платформу контрреволюционной «велибрагимовщины» в Крыму, контрреволюционной группы «Милли-фирка», байтурсуновщины и садвокасовщины в Казакстане, касымовщины в Узбекистане.

При этом нужно учесть, что всякий раз, выступая против нового алфавита, контрреволюционные группировки основной удар направляли против политики партии в национальном вопросе. Очень показательны в этом отношении лозунги касымовщины: «лучше Англия, чем Москва», «Раньше мы были просто колонией, — теперь стали красной колонией» и др.

Брошюру следовало бы кое-чем пополнить. В частности нужно было бы дать сведения о введении нового алфавита в дружественных нам Монголии и Тувинской республике. Весьма ценно было бы поместить описание довольно сильного движения за новый алфавит, имеющегося сейчас в Персии, Сирии, Аравии, Афганистане, а также среди китайцев, корейцев и других народов.

Тов. Хансуваров дал брошюру действительно популярную и в основном, правильно рисующую процесс латинизации письменностей в Советском Союзе. Брошюра должна быть рекомендована широкому кругу читателей, причем не только работникам культфронта, но и активу рабочих и колхозного крестьянства.

В то же время, наряду с положительными сторонами, работа т. Хансуварова имеет и довольно крупные недочеты, которые при возможном переиздании брошюры должны быть обязательно исправлены.

Прежде всего бросается в глаза неравномерное освещение процесса латинизации национальной письменности среди различных народностей Советского Союза. Основное внимание т. Хансуваров уделил тюркским народностям. Третья глава, посвященная латинизации письменностей «на монгольских, яфетических, иранских и дальневосточных языках» значительно беднее по материалам, чем глава о «латинском алфавите среди тюркских и татарских народностей после Октябрьской революции». При этом совершенно не освещено соотношение классовых сил, классовая борьба при создании латинизированного письма для нетюркских народностей Советского Союза. Нельзя же предполагать, что здесь была «тишь, да гладь». В частности, т. Хансуваров прошел совершенно мимо целого ряда выступлений панараистов, пантюркистов, панисламистов и им подобных на Северном Кавказе и в Дагестане, направленных целиком против мероприятий Советской власти и партии в области национально-языкового, в частности алфавитного строительства.

Касаясь дореволюционных попыток построения латинизированной письменности, автор упустил отдельные, хотя бы академические, попытки построения латинизированных алфавитов для кавказских народностей. Следовало бы остановиться и на выявлении классовых корней для попыток латинизации алфавитов до Октября.

Устарели приводимые т. Хансуваровым данные о народностях, принявших новый алфавит (стр. 29), в частности в группе яфетических языков, имеющих письменность на новом алфавите, нет табассаран, абазин, цахов.

Недостатком брошюры мы считаем и отсутствие в ней изложения принципов построения НА и тех трудностей, которые приходится преодолевать при разработке алфавитов для народностей с различными языковыми системами. Есть и некоторые, мягко говоря, «неожиданные» определения унификации. Так на стр. 25 автор вдруг в следующих словах определяет задачи унификации алфавитов: «Алфавиты, — пишет он, — нужно было возможно больше сделать едиными, близкими западно-европейским алфавитам, т. е. унифицировать». Несколько ниже, на той же и след. (26) странице, автор пишет о «латинизации народов». Никак недопустимо вместо латинизации алфавитов писать о «латинизации народов».

Автор допускает также политическую ошибку, когда совершенно не упоминает о сильной струе пантюрксистских идей, прозвучавшей в ряде выступлений на первом тюркологическом съезде, «Всесоюзный тюркологический съезд, — пишет Хансуваров, — вобрал в себя наиболее талантливое из ученого мира, занимающегося такими вопросами, как язык, письменность». Кого, собственно, надо разуметь под этими «наиболее талантливыми» людьми? Это остается неясным. О тюркологическом съезде автор не делает больше никаких оговорок, поэтому к «наиболее талантливым», видимо, отнесен и Чобан-Заде, выставленный в рецензируемой брошюре, как лучший представитель борцов с арабизмом, как ярый поборник идеи латинизации письменности. Не может быть, чтобы тов. Хансуварову не были известны вскрытые пантюрксистские и т. д. выступления Чобан-Заде, развивавшиеся им и на тюркологическом съезде, и после него. Замалчивая недочеты в построении НА ничего не упоминая о недостатках в руководстве работой по латинизации письменностей народностей СССР, автор ничего не говорит о задачах рационализации НА. Замалчивать недочеты в этой области совершенно незачем. Правда, на последней странице брошюры автор совершенно правильно замечает, что «эта форма письменности (латинизированный алфавит, — у Хансуварова все время говорится о «латинском алфавите») — не последнее слово прогресса человечества». Но этим замечанием автор и ограничивается.

Лингвистически неграмотно дан ряд формулировок: «гласных букв в алфавите (арабском) совсем не было» (4 стр.); «некоторые звуки в латинском алфавите западных живых языков не имеют самостоятельных знаков, изображений, другие читаются не так, как пишутся (?), третьи пишутся, но не произносятся» (?! *Г. С.*) и ряд других.

Заключительные строки брошюры звучат совсем нечетко: «вместе с победой пролетарской революции победит и латинский алфавит. И он станет международным алфавитом».

При возможном переиздании брошюры, автор должен исправить все отмеченные ошибки.

Г. П. Сердюченко.

Чеченский научно-исследовательский институт национальной культуры. А. Г. Мациев. Тушко-чеченско-русский словарь с предисловием М. Мамакаева, стр. 1—59, ц. 50 к. Издательство Чечнациздата, 1932 г.

Убыстренные темпы культурного строительства в нацобластях заставляют нас с особою серьезностью подходить к работам по развитию и оформлению национальных литературных языков и, в частности, к словарно-терминологическим работам.

И центральная, и краевая печать неоднократно отмечали явное неблагополучие на этом участке работы. В частности выпущенные на Северном Кавказе областными нацздательствами словарно-терминологические материалы (ингушские словари, чеченский и др.) содержат громадное количество политических ошибок и извращений марксистско-ленинской методологии. На страницах органа Сев. Кав. Краевого Комитета ВКП(б) и Краевого Исполнительного Комитета журнала «Революция и горец» (№ 6—7) был дан подробный анализ политических и методологических извращений, обнаруженных в этих словарях, в частности, в чеченском словаре общественно-политических терминов, составленном А. Г. Мациевым и И. Исламовым (изд. Чечнациздата 1931 г.). Казалось бы, после этого сигнала краевой печати областные нацздательства и научно-исследовательские институты, в том числе Чечнациздат и Чеченский научно-исследовательский институт должны были пересмотреть свою работу в этой области и постараться дать политически выдержанные, методологически четкие материалы словарно-терминологического порядка.

К сожалению, ни Чечнациздат, ни Чеч. Н.-И. Институт этого не сделал.

Новая книга — «Тушско-чеченско-русский словарь» — А. Г. Мациева, выпущенный Чечнациздатом под маркой Чеченского Научно-Исследовательского Института Нацкультуры, является образцом того, как недопустимо работать по этой линии. Предисловие к словарю, написанное директором Чеченского Научно-Исследовательского Института, т. Мамакаевым, из-за наличия в нем ряда серьезнейших политических и методологических вывихов, заставляет окончательно признать всю книгу в целом политически невыдержанной и даже вредной.

В предисловии к словарю тов. Мамакаев пишет: «Вопрос о темпах работы среди отдельных национальных меньшинств до сих пор не имеет точной установки (подчеркнуто мною — *Г. С.*), а в наш «плановый век» тот, кто не попадает в план, тот не только остается вне плана, или сверх-плановым, а вообще оказывается вне строительства». Не говоря уже о чем-либо другом, национальный вопрос в целом, включая и «темпы работы», никогда не рассматривался партией, как «внеплановый вопрос» стоящий «вне строительства». Подобные утверждения являются по меньшей мере клеветой на партию.

Конечно, темпы нашего национального языкового строительства еще довольно медленны, но, говоря об этом, мы переходим уже к вопросу о практической реализации в нашей повседневной работе тех установок, которых не признает Мамакаев, но которые со всей присущей большевикам четкостью и ясностью даны были в целом ряде партийных документов и, в частности в работах вождей мирового пролетариата — Ленина и Сталина.

Наряду с подобными политически неверными и вредными положениями, тов. Мамакаев говорит просто невразумительные вещи. «Вопросы культурного строительства национальных областей, читаем мы у Мамакаева,— должны занять принципиальную политическую высоту создания литературы и литературного языка, который необходим для удовлетво-

рения многообразных потребностей культурно-политического и хозяйственного строительства на сегодня, приобретает сугубо актуальное значение» (стр. 4-я разр. моя — *Г. С.*). Что, собственно, должна означать подчеркнутая формулировка? Как это могут «вопросы культурного строительства нацобластей занять принципиальную политическую высоту создания литературы и литературного языка»? — Весь приведенный нами абзац нужно, повидимому, считать опечаткой.

На той же странице автор предисловия дает еще ряд совершенно нечетких и просто неверных, в политическом и в методологическом отношении, положений. «Искажение объективной деятельности в языке, — пишет т. Мамакаев, — является характернейшей особенностью буржуазного общества. Язык в этом обществе, вплоть до новейшего времени, противостоял человеку — стихия, независимая от него, которую лишь только нужно изучать. Рассматривая язык, как реальную категорию, буржуазной лингвистикой его развитие исследуется вне всякой логической связи с развитием общества» (стр. 4-я — в цитате сохранен стиль подлинника — *Г. С.*). Трудно разобраться в высказываниях тов. Мамакаева. Что собственно означает «искажение объективной действительности в языке», — эта «характернейшая особенность буржуазного общества»? Как это в буржуазном обществе «вплоть до новейшего времени», «язык противостоял человеку — стихия, независимая от него, которую лишь только нужно изучать»? Можно догадываться, но очень трудно понять эти высказывания. И совершенно неверно, что в буржуазном обществе ограничивались «только изучением» языка. Заявляя это, тов. Мамакаев скатывается к признанию «чистой» науки в буржуазном обществе, существования науки вне политики, науки внеклассовой. И дело совсем не в том, что «буржуазная лингвистика исследует язык вне всякой логической связи с развитием общества» (что это, между прочим, за «логическая связь» языка с «развитием общества»)? Буржуазия всегда стремилась и стремится максимально использовать язык в своих классовых целях. Среди других орудий классовой борьбы буржуазия всегда использует язык, именно как мощное орудие классовой борьбы. В подобных случаях буржуазия никогда не рассматривала язык, как просто «стихию», «противостоящую человеку», которую можно только созерцать и изучать. Действенная сущность языка всегда прекрасно учитывалась буржуазией, и совершенно неправильно утверждать, как это делает тов. Мамакаев, что буржуазную науку характеризует «пассивное отношение к языку» (стр. 6). Подобный взгляд противоречит всей истории языкознания, всей политике, проводимой буржуазией в отношении языков «малых народностей», языков так называемых «инородцев».

Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали в своих работах, что буржуазия подделывает язык в своих интересах, использует его в классовой борьбе. Энгельс в своих письмах к Марксу неоднократно указывал, как буржуазные ученые исключительно в своих классовых целях используют те или другие факты языка. Мы сами являемся ежечасными свидетелями именно такого, а не «пассивного» отношения буржуазной науки к языку.

Громы и молнии рассыпает тов. Мамакаев по отношению к «реакционным, феодально-буржуазным и миссионерским алфавитоносцам», причисляя к ним в первую очередь проф. Яковлева. В своей теоретической и практической работе по вопросам языкового строительства проф. Н. Ф. Яковлев допустил целый ряд крупных политических и методологических ошибок. В ряде его работ политически совершенно неверно намечаются принципы проведения языкового строительства в нацобластях (см. хотя бы его статью «Проблема нац. письменности восточных народов СССР» в сборнике

«В борьбе за новый тюркский алфавит», стр. 33—40). Основы буржуазного языковедения он пытается выдавать подчас чуть ли не за марксистско-ленинские (см. хотя бы его статьи в сборнике «Культура и письменность народов Сев. Кавказа», изд. 1930 г.); ряд работ Яковлева являет недопустимо несерьезное отношение к разрешению ответственных лингвистических проблем. Это неоднократно отмечалось и в устных выступлениях ряда лингвистов, и в печати. Со всем этим и в работе Яковлева и в работах других лингвистов нужно решительно бороться, но бороться с позиции марксизма-ленинизма, а не по методу простого «заезжательства». Нельзя также делать на этом основании заключений о руссификаторской сущности работ не только Яковлева, как такового, но и работы всего ВЦК НА при ЦИК СССР, что делает Мамакаев.

Тов. Мамакаев прежде всего предъявляет Яковлеву следующее обвинение. «Под лозунгом унификации горских алфавитов проф. Яковлев предлагает нам руссификацию алфавита на самой худшей его основе, повторяет зады царских колонизаторов — миссионеров» (4 стр.). В чем же руссификаторская сущность Яковлевского алфавита? А вот в чем. «Унифицированный алфавит, предложенный проф. Яковлевым, не достигает, во-первых, цели унификации на латинской основе не только в масштабе перспективном (международном), но даже в масштабе одного Востока, как единая унифицированная основа будущей социалистической письменности; во-вторых, цели технического упрощения письма: вместо надстрочных знаков предложены «хвостики» и надстрочные знаки... и в-третьих, совершенно не достигает цели научного обоснования языка в его графическом изображении, т. е. в алфавите».

Проанализируем внимательно эти обвинения. Что это за «масштаб перспективный» и «даже масштаб одного Востока», что за «единая унифицированная основа будущей социалистической письменности»?

Кроется ли что-нибудь конкретное за этими формулировками? Поймет ли, например, проф. Яковлев против чего, с точки зрения Мамакаева, грешит предложенный им проект алфавита? Мы в этом сомневаемся.

Второе обвинение идет по линии «технического упрощения письма».

Если Яковлев действительно предлагает заменить надстрочные знаки «хвостиками» и надстрочными знаками, то это, конечно, плохо. Но насколько нам известно, вопрос о «хвостиках» встал именно в связи с стремлением освободиться от неудобной в техническом отношении системы надстрочных и подстрочных, оторванных от корпуса буквы, знаков, с одной стороны, и от двойных буквенных начертаний, с другой. Удобней и для набора, и для письма — не отрывать руки для постановки надстрочных и подстрочных отдельных от корпуса буквы, знаков. Ведь Яковлев, предлагая при проведении унификации алфавитов на Кавказе отказаться от двойных буквенных начертаний и диакритических знаков, — выдвигал именно принципы построения алфавитов, принятые ВЦК НА при ЦИК СССР, и совершенно не являющиеся руссификацией или политической ошибкой.

Третье обвинение также отпадает, ибо совершенно не ясно, о каком «научном обосновании языка в его графическом изображении, т. е. в алфавите» — говорит тов. Мамакаев.

Несмотря на все это, по Мамакаеву «предложенный проф. Яковлевым алфавит ведет нас к абсолютному уничтожению латинской основы графических знаков... «и таким образом» ведет нас к реставрации руссификаторского алфавита, с самого начала признанного нашей партией политически вредным и технически негодным». «Латинская основа графических знаков» уничтожается, по мнению тов. Мамакаева, ввиду того, что вместо суще-

ствующих латинских ch, gh, kh, qh, ph, th проф. Яковлевым предложены Ç, и т. п. знаки. Руссификация же алфавита явствует из того, что «вместо существовавших столетиями у самых передовых народов мира и принятых народами СССР упрощенной, научно и технически последовательной комбинации латинских букв: kh, th, ch, gh, qh и др., предлагается руссификация алфавита по самой худшей его основе, уничтожая латинский «h» (кто? где? — *Г. С.*) и вводя на его место «хвостики» из русских букв «ц» и «щ» (стр. 5).

Тов. Мамакаев слишком уверен в «научности» и «технической последовательности» комбинаций латинских букв. Откуда эта уверенность? Действительно ли существует то о чем говорит тов. Мамакаев?

Мы знаем, что сочетание ch в немецком языке передает русское—«х», в французском языке — русское «ш», в испанском языке русское — «ч». Сочетание «gh» во французском или немецком языках передает совсем не то, что в чеченском и т. д. Где же здесь «техническая последовательность»? Учитывает ли т. Мамакаев, что у одного из «самых передовых народов мира» — у англичан существует до сих пор самый несовершенный в научном отношении алфавит, хотя он и построен по типу «последовательных комбинаций», столь прельщающих т. Мамакаева.

Известно ли тов. Мамакаеву, что все народы СССР (в последнем году и Азербайджан), принявшие унифицированный алфавит, как раз не употребляют двойных буквенных начертаний, а пишут ряд букв с «хвостиками». Почему тов. Мамакаев «хвостики» считает исключительной принадлежностью «русских букв»? «Хвостики» — совсем не исконное достояние русского алфавита; такие же хвостики есть и в французском алфавите — например «Ç». К «руссификации» тов. Мамакаев относит и фиту. «Хвостики» и фита — вот в чем заключается по Мамакаеву руссификация горских алфавитов, предлагаемая Яковлевым. Фактически Мамакаев является сторонником двойных буквенных сочетаний; ему и следовало бы возражать против уничтожения этих двойных сочетаний, и только. Но совершенно недопустимо обвинять через голову Яковлева ВЦК НА в распространении руссификаторских алфавитов. Если еще можно оспаривать тот или иной принцип построения НА, то нельзя обвинять в руссификаторстве авторитетную организацию ЦИК СССР — ВЦК НА, проведшую громадную работу среди десятков народностей СССР. А ведь обвинение, бросаемое Мамакаевым — Яковлеву, касаясь принципов построения алфавита, относится и ко всей работе ВЦК НА.

Исключительно на основе разобранных уже нами положений, тов. Мамакаев заявляет: «Алфавит проф. Яковлева политически вреден, научно и технически разработан не на основе марксистско-ленинской методологии. В таком виде, в каком он представлен проф. Яковлевым, лишен перспективы, с явно-руссификаторскими тенденциями, коими лишается его интернациональная основа».

Мы совершенно незнакомы с брошюрой Х. Яндарова «К вопросам установления чеченской орфографии» и не беремся судить об установках упомянутого автора. Но в самой критике этой работы, даваемой тов. Мамакаевым, мы сталкиваемся с рядом политически неверных положений.

Вполне возможно, что в своей работе Х. Яндаров допустил какие-либо, может быть, даже крупные ошибки, но представить их себе по критическому разбору, сделанному т. Мамакаевым, мы не в состоянии. О каких собственно ошибках т. Яндарова говорит Мамакаев в такой тираде:

«Прежде всего следует отметить, что автор брошюры вообще отказался от принципиальных конкретностей и занялся голым рассуждением о своих

«научных» предположениях, которые не имеют ничего общего с научной разработкой грамматики чеченского языка. Автор брошюры не может понять или вообще не понимает, что язык развивается не в безвоздушном пространстве и не создается путем шаблонных рассуждений в априории отдельных горе-ученых, вроде его» (стр. 6).

Тов. Мамакаев далее говорит о «сознательном классовом вредительстве» со стороны проф. Беляева, одного из основных авторов проспекта словаря, составленного по поручению бывшей Краевой Терминологической Комиссии, одобренного ею и бывшим Краевым Научным Комитетом при КИК'е и разосланного затем в нацобласти, как руководящий материал при составлении словарей на национальных языках.[1]

Т. Мамакаев сознательно не останавливается на оценке чеченско-русского терминологического словаря, составленного Мациевым и Исламовым на тех же самых основах, с теми же грубейшими политическими и методологическими извращениями, как и проспект словаря бывшей Краевой Терминологической Комиссии. Это явная попытка замазать политическую вредность словаря общественно-политической терминологии — А. Мациева и Исламова, гнилой либерализм Чечнациздата и дирекции Чеченского Научно-Исследовательского Института, не посчитавшей нужным до последнего времени выступить открыто в печати с критикой антимарксистских высказываний члена дирекции Института т. Мациева, к новой работе которого и написано Мамакаевым разбираемое нами предисловие. Не в связи ли с этим сделал т. Мамакаев примечание «о категорическом предложении» со стороны Крайнациздата «обеспечить немедленно издание» политически вредного проспекта словаря. Не испугавшись ли этого «категорического предложения» издал Чечнациздат словарь Мациева и Исламова? Не чувствует ли дирекция Чеченского Научно-Исследовательского Института и себя некоторым образом ответственной за издание политически вредного словаря Мациева? Но почему т. Мамакаев хотя бы в предисловии к новой работе Мациева не установил своего отношения к словарю Мациева и Исламова? Не есть ли это открытая попытка замазать политические ошибки Мациева и Исламова, а также гнилой либерализм работников Чечнациздата и дирекции Чеченского Научно-Исследовательского Института?

Совершенно неправильно формулирует т. Мамакаев и отношение индо-европейской лингвистики к основам «советского марксистско-ленинского воспитания». Реакционная индо-европейская лингвистика подгрызывает основы нашего советского марксистско-ленинского воспитания, сеет идеи «деградации национальных языков и национальных групп...» и т. д.

Можно ли сейчас нам говорить о том, что реакционная индо-европейская лингвистика «подгрызывает» основы нашего советского марксистско-ленинского воспитания. Здесь т. Мамакаев допускает политически неверное, не соответствующее действительности высказывание.

Мы не останавливаемся еще на целом ряде ошибочных положений в предисловии Мамакаева.

Таково предисловие к новой работе Мациева.

Что же представляет собою самый словарь?

«Тушский» словарь записан т. Мациевым во время его поездки к цова-тушинам летом 1931 года. Конечно трудно проверить полностью, насколько правильно собирался словарь. Но одно несомненно — это отсутствие у автора серьезного научного подхода к такому интереснейшему лингвистическому

[1] Анализ проспекта см. в журнале «Революция и горец», № 6—7 за 1932 г. «О словарно-терминологической работе на Северном Кавказе».

материалу, как бацойский словарь, и, вообще, бацойский язык (bacbur mott). Автор даже не считает нужным ознакомить читателя с особенностями фонетики бацойского языка и с той транскрипцией при записи бацойских материалов, которую Мациев принял. Автор как-будто вообще не придает значения точной фонетической записи языковых материалов.

На основании работ Шифнера[1] и Дирра[2] можно судить, что бацойский язык в области фонетики представляет весьма интересное явление в чеченской языковой группе. Долгота гласных,[3] чрезвычайная склонность к дифтонгизации, наличие специфичного звука, изображаемого Шифнером через $\frac{e}{x}$, сильное влияние на бацойский язык системы грузинского языка и другие специфические явления в области консонантизма, — все это требует пристального дополнительного изучения и тщательной научно-лингвистической записи. Важно проверить, существует ли, и в каких случаях, назализация гласных, что в отношении бацойского языка категорически отрицает Шифнер и на существовании чего настаивает Дирр.

Можно ли заняться изучением словаря, не выяснив фонетической структуры языка? Элементарно-грамотный лингвист ответит, конечно, отрицательно. Но т. Мациев важности точной фонетической записи, видимо, не осознает. Передает ли употребляемое т. Мациевым буквенное сочетание «eh», — специфичный для бацоев звук, транскрибированный Шифнером через «$\frac{e}{x}$» (см. у Мациева примеры на 22 стр.) «alhe» — «князь, господин»; «alhnav» — «алванец», житель селения Алван; «alhar» — «сказывать» и др.; у Шифнера «ale» князь и «a$\frac{e}{x}$ar» — «говорить, сказать» — (стр. 107 — 108)?

Какой звук изображает т. Мациев буквенным сочетанием «rh» (стр. 22 «arhear» — «молотить»; «arhlivx» — «левый»; см. у Шифнера — «arli», «arlex» — стр. 107), является ли этот звук типом чечено-ингушского «rh» в «vorh» — семь», «barh» — «восемь». В статье «Ингушский язык» — Х. Я. и А. Г. («Лит. Энцикл.» т. IV) этот звук показан в таблице как особая фонема. Можно ли на основе таких записей в словаре Мациева, как «jaar» — «приносить» (31 стр.), «laar» — «хотеть», «vaar» (jaar, baar, daar) «притти», «приходить» (47 стр.) и др. считать, что в бацойском языке наличествуют долгие гласные, что противоречит Шифнеру, да, пожалуй, и Дирру. Конечно, никто не станет сейчас оперировать как бесспорным материалом Шифнера и Дирра. Наоборот, проверка этих материалов безусловно необходима, тем более, что нужно учесть и время, когда производились записи Шифнера (его монография о тушском языке вышла еще в 1856 г.). Но словарь т. Мациева не только не выясняет фонетической структуры бацойского языка, но может только сбить с толку изучающего бацойский язык.

В записи словарных материалов не учтены элементарные лингвистические требования, и это в значительной доле обесценивает самый словарь.

Поражают в словаре такие места, когда автор приводит бацойское слово, не указывая его эквивалента ни в чеченском, ни в русском языках (см. стр. 41 — «ogar», стр. 44 «geth» и ряд др.).

[1] Versuch über die Thusch-sprache oder die kristische Mundart in Thuschetien von A. Schiefner. St. Petersburg, 1856.

[2] Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen.

[3] Шифнер совершенно необоснованно отрицает наличие долгих гласных в бацойском языке.

Словарь составлен вообще очень небрежно. В пояснении к словарю автор обещает, рядом с именительным падежом единственного числа существительных указывать в словаре и именительный падеж множественного числа, но на деле этого почти нет. Например, на первой странице словаря, из одиннадцати существительных только три приведены в именительном падеже единственного и множественного числа. То же наблюдается и во всем словаре.

Небрежность сказывается и в используемой автором терминологии — на стр. 45 словаря мы находим такое замечание — «по горному наречию чеченцев «Som» — фрукт, ягода». Что это за «горное наречие чеченцов»? Чаборлоевское? Итум-Калинское? Галанчежское? или еще какое-нибудь? Понимает ли автор значение лингвистической и этнической терминологии в научно-лингвистических работах?

Можно было бы привести еще ряд примеров, характеризующих недостаточно серьезное и иногда совершенно недопустимое отношение автора к работе, — укажем хотя бы на пояснение, данное т. Мациевым на стр. 43 к «Vauba», «vabbi», «jv». Ставя его в ковычки, тов. Мациев не указывает, откуда взята выписка; оказывается, он целиком заимствовал у Услара пояснение к слову «Bennue» («Чеченский язык. Этнография Кавказа» вып. 2, стр. 164), не считаясь с тем, что терминология Услара нас удовлетворить сейчас совершенно не может.

Ограничимся приведенными замечениями, оставляя за собой право в дальнейшем вернуться к более подробному анализу словаря.

«Тушско-чеченско-русский словарь» А. Г. Мациева не обогатил лингвистическую литературу. Появился еще один небрежно и неграмотно составленный словарь с политически-вредным и недопустимым предисловием.

Пора прекратить безответственность в издании словарно-терминологических материалов.

Г. Сердюченко.

БИБЛИОГРАФИЯ О КНИГАХ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Xungsedi rtung. Zhungguo siaoxyoshengdi shz koben. Wang Siangbao bian. Mai ing giao. Ван Сянбао и Пшеницын. «Пионер». Начальная книга по обучению грамоте для китайских школ. Дальгиз. Хабаровск. 1932 г. 96 стр.

Книга распадается на две части: 1-я часть — букварная, занимает 55 страниц, 2-я часть — послебукварная, занимает 40 стр.

II. Sin Wenz'. Zhungguo gungrhen zbz hoben. Латинизированный китайский букварь „Новая письменность“. Составил А. Г. Шпринцин при участии Пшеницина и Ван Сянбао.

Создание алфавитного китайского букваря — дело совершенно новое, ибо традиционная китайская письменность — иероглифическая.

Обучение китайской иероглифической грамоте имеет за собой более чем двухтысячную давность. В Китае уже около тысячи лет имеются стабильные учебники, по которым ведется обучение. Для того, чтобы быть удовлетворительно грамотным, необходимо овладеть по крайней мере десятью тысячами иероглифов. На это требуется в среднем около десяти лет.

Все усовершенствования, направленные в сторону упорядочения и рационализации иероглифической графики, мало облегчали процесс овладения этой грамотой. Улучшение методов преподавания в последние

20—30 лет также не смогло сделать китайскую грамоту доступной всем китайским трудящимся. Попрежнему трудящиеся массы в Китае остаются неграмотными, а язык их — бесписьменным. И только китайские трудящиеся Дальнего Востока в условиях советской действительности смогли сбросить с себя ярмо традиционной иероглифики и создать новую латинизированную китайскую письменность.

В 1931 г. во Владивостоке состоялась конференция китайских трудящихся, проживающих в Советском Союзе, в частности в Дальневосточном крае. На этой конференции был принят новый латинский китайский алфавит взамен традиционной иероглифики для литературного оформления северного диалекта; была разработана и принята новая система орфографии.

Переход письменности китайских трудящихся советского Дальнего Востока на новый латинский алфавит является делом крупнейшего исторического и политического значения. Рецензируемая нами начальная книга является поэтому чрезвычайно важным во всех отношениях документом. По этой книге мы можем определить качество созданного нового китайского алфавита, доступность его китайским трудящимся и степень методической разработанности латинско-китайской грамоты.

Обратимся сперва к рассмотрению букварной части. Прежде всего необходимо иметь в виду, что никаких предшествующих опытов в составлении китайских алфавитных букварей не было (китайский алфавит «Чжуинь Цзыму» имел целью только унификацию произношения иероглифов, а не замену их). Поэтому авторам букваря необходимо было сначала установить порядок букв в процессе обучения. Порядок, принятый в букваре, по нашему мнению, учитывает степень сравнительной значимости каждой фонемы-буквы в языке, а также степень графической и фонетической простоты букв. С методической точки зрения надо приветствовать помещение на 35 странице сводной таблицы пройденных букв и на странице 54 таблицы остальных букв алфавита, объединенных некоторой графической усложненностью и спецификой назначения. Сопоставление двойных букв наглядно показывает роль второго графического компонента (h) при основных буквах и облегчает их запоминание.

Надо считать, что в основном проблема очередности букв китайского алфавита букварем разрешена. Можно оспаривать только постановку буквы «w», графически осложненной, раньше «u» и ближе к началу. Но это, пожалуй, может быть оправдано большей значимостью буквы «w».

Вокруг латинизации китайской письменности идет ожесточенная классовая борьба. Классовые враги пытаются свести на нет значение латинизации китайской письменности. Они твердят, что латинизированный текст никогда не будет понят читателем и только иероглиф будто бы может дать ключ к пониманию китайского текста. Текст разбираемой книги помог опровергнуть это утверждение. В китайской аудитории на Высших курсах национальной стенографии и машинописи им. Агамалы-Оглы был зачитан ряд статей из этой книги. Курсанты не были знакомы с латинским алфавитом (знали до некоторой степени иероглифику), тем не менее они хорошо поняли содержание прочитанного; через шесть часов занятий эти курсанты смогли уже самостоятельно читать и писать китайский латинизированный текст (с алфавитной системой они были знакомы на примере русского языка). Была также проведена проверка понятности китайского латинизированного текста на неграмотных и малограмотных в Московском китайском клубе; эта проверка также показала беспочвенность утверждений противников китайской латинизации о невозможности обойтись без иероглиф-

фов. Мы уже не ссылаемся на богатый опыт ДВК, где разбираемая книга на практике оправдала свое назначение, показав, что все ее фразы составлены на языке самих трудящихся и рабочих из северных районов Китая, и потому всем им хорошо понятны.

Как известно, китайский язык распадается на ряд резко отличающихся друг от друга диалектов как по территориальному, так и по социальному признаку. Авторы «Начальной книги» должны были ориентироваться на язык Северных районов Китая (в большинстве случаев китайские трудящиеся Советского Дальнего Востока — уроженцы этих районов), чтобы дать языковый материал, доступный широким массам. Проверка и в этом отношении дала положительные результаты. Введение в текст советских общенациональных терминов — «совет», «совхоз», «колхоз», «ударник» — указывает на то, что здесь слова уже вошли в быт китайских трудящихся Советского Дальнего Востока и не требуют никакого перевода или толкования.

Принятая на первой китайской конференции по вопросам языка и письменности система орфографии китайского латинизированного текста и пунктуации также во многом способствует ясности текста. Согласно ей сочетания слов (в традиционном литературном языке) — слогов (в живой речи), выражающие одно понятие, во всех случаях пишутся слитно. Этим в основном разрешается труднейшая проблема слога и слова в китайской орфографии. Нужно сказать, что орфография слога почти разрешена во всех своих частях.

С точки зрения содержания и идеологической направленности «Начальная книга», заключающая свыше 60 статеек, вполне отвечает своему назначению. Содержание рассчитано на школьный возраст, в особенности в первой части и охватывает окружающую бытовую и политическую обстановку. Яркими примерами рисуется тяжелое положение китайских трудящихся в самом Китае при Гоминдане (Sulien xo Zhungguodi rtung, Sovet, Sulien, Shje xo gixuang, Guomindang, Zhungguo xunggyn и др.).[1]

Содержание всей книги насыщено материалом о строительстве социализма в Советском Союзе и успехах на этом фронте (1-я пятилетка, вопросы 2-й пятилетки). Политехнические моменты подчеркнуты в следующих статьях: Mama zo maoz, Zo iz, Mei xo mutou, Mutou xoz, Muma, Nali iou gigia gìki? Gai fangz, Giki, Feigi, Womn nocy Sishu.[2]

Даны антирелигиозные статьи (напр. Bu sin guishen), обрисованы оборона советских стран (Советского Союза и Советского Китая), охрана здоровья (Weisheng), борьба с опиекурением, которое культивируется эксплоататорскими элементами (опиекурение — Dajan).

В общем «Начальная книга» составлена удачно, материал подобран политически актуальный, интересный и вполне доступный детям-школьникам.

Школьники, проработавшие эту книгу, не только научатся читать и писать, но и приобщатся к пролетарскому мировоззрению.

К недостаткам книги относятся невыправленные и неоговоренные опечатки. Например, слово «guomindang» пишется еще и «guamindang» — единой орфографии не проведено.

[1] «Дети в Советском Союзе и в Китае». «Советы». «Советский союз». «Безработица и голод». «Гоминдан». «Китайская Красная армия».

[2] «Мама шьет одежду». «Сделаем стул». «Уголь и дрова». «Деревянный ящик». «Деревянная лошадка». «Сколько здесь машин?». «Построим дом». «Машина». Аэроплан». «Мы должны овладеть техникой».

На перенос слов не обращено внимания. Слоги при переносе разбиваются, например, shang перенесено sh-ang (стр. 85), giaojyanmu перенесено gia-ojyanmu.

Такой способ переноса, разбивающий слоги, затемняет понимание слова и противоречит принятой системе орфографии. Повидимому, это объясняется только небрежностью технического оформления книги.

Вторая из разбираемых книжек — букварь «Новая письменность» предназначен для взрослых. Составлен он по методу целых слов. Надо констатировать, что и этот букварь обладает теми же достоинствами, что и «Начальная книга». Разница главным образом в том, что содержание статей «Новой письменности» предназначается для взрослых, а не для школьников. Букварная часть занимает 34 стр., послебукварная — с 35—45 стр. Занятия по этому букварю, проведенные на высших педагогических курсах национальной стенографии и машинописи имени Агамалы-Оглы, также показали его ценность.

Таким образом первые опыты латинизации китайской письменности в приложении к северному диалекту на территории Советского Союза надо считать удачными.

Б. Пашков.

Учебник шорского языка. F. Cispijakof. Naa cadьoŋ Iştəp kьrcaŋ knioŋa şor şkolarьnda. 2-ci cьlda. SSSR conьnaŋ Səntr izdatəlstvazь Moskva 1932. Ф. Чиспияков. Новая жизнь. Рабочая книга по родному языку для 2 года на шорском языке. Центральное издательство Народов СССР. Москва. 1932 г. 162 стр. Цена 85 коп.

Создание и развитие письменности на шорском языке — родном языке основного населения Горно-Шорского района — за последние 3 года значительно продвинулось вперед. Так, в 1930 г. был издан букварь Tilgərəkof — «Naa col» SSSR conьnьŋ Səntьr izdatəlstьvazь Moskьva; в 1931 году — букварь Tilgərəkof — «Carьq kərər», в 1932 году — задачники: Kusurgaşəf A. D. «Paştarqь cьl şkolda tooŋa urgətcəŋ kniga» и Moltojakov A. S. — «Tooŋa urqəncəŋ kniga».

К началу 1932—1933 учебного года школы Горно-Шорского района получили книгу по родному языку для 2 года обучения. Издание этого учебника несомненно способствует дальнейшему переводу преподавания в школах района на родной язык и повышению качества школьной работы.

Но этот учебник, равно как и все предыдущие, нуждается в целом ряде уточнений и исправлений, в первую очередь в части, связанной с орфографией шорского языка.

В виду малой разработанности шорской орфографии, мне придется остановиться на вопросах орфографии несколько подробнее. Начну с согласных. Как правило, в начале и конце изолированного слова в шорском языке слышатся глухие согласные. При словоизменениях же и словообразованиях, а также под влиянием начального звука следующего слова или конечного предыдущего слова — глухие звуки обычно озвончаются. (Мы имеем здесь дело с полузвонкими согласными). Орфография, в зависимости от принципа положенного в ее основу, может учитывать или не учитывать те или другие звуковые изменения, но от каждого автора требуется в этом вопросе полная четкость и последовательное применение какого-либо определенного принципа на всем протяжении своей работы.

I. В разбираемом же учебнике нам прежде всего бросается в глаза полное отсутствие какого-бы то ни было принципа: автор применяет то этимологический принцип, то фонетический — причем в одних и тех же случаях, часто на одной и той же странице, и даже в одних и тех же словах. Так например на стр. 140 pəlnəp al; на стр. 141-же albal; на стр. 91 kjrjpal; на стр. 119-же tonanbal; на стр. 141 kədyrbal; на стр. 141 şьoɳьbpodur; на стр. 113 polu şsun dəp; на стр. 124-же pərbəzin təp; на стр. 116 poluzar dəp; на стр. 112-же polparbazьnnar təp; на стр. 115 padьrzalaroɳa; на стр. 87 же ursalar; на стр. 87 ətyr salar; на стр. 113 pazoq; на стр. 45 же pasoq и др.

Озвончение конечной согласной при наращении суффиксов также не проведено последовательно. Так, например, на стр. 13 quzu, на той же стр. quşun, на стр. 155 — poluzarbьs, на той же стр. poluşarbьs, на стр. 113 poluzar, на той же стр. poluşar, на стр. 15 qarbaoɳaşm наряду с qarbaoɳazьm., на стр. 34 alarsarba наряду с alarzarba и др.

Если при комбинаторных изменениях можно было бы сохранять глухие согласные в начале и конце слов, то при наращении тех или иных морфологических показателей озвончание конечной согласной следовало бы всегда обязательно отмечать.

II. Согласные 'p' 'b' в шорском языке в определенных положениях переходят в губо-губной 'v'. В передаче этих звуков особенно сказался уклон автора в сторону ультра-фонетического правописания. Так, напр. 1) На стр. 140 iştəvalar (сравн. iştəpalar и ıştəbalar), на стр. 108 uoɳvalьp (ср. uoɳupalьp), на стр. 114 cətvodurɑɳanda (ср. cədip odurɑɳanda), на стр. 55 qьrvalьp (ср. qьrьpalьp и qьrbalьp), на стр. 14 iştəpval (ср. iştəpal и iştəbal), на стр. 13 cərəvərcalar (ср. cərəpərca на стр. 13—14) и др. 2) На стр. 46 tərvən, на той же стр. tərbən, на стр. 11 səsyrvəni на той же стр. səzyrbə, на стр. 26 torvas на той же стр. torbas, на стр. 21 əvəstərdj на стр. 45 əbəs, на стр. 24 qarvaqcь и qarbaqcь, на стр. 29 ədyrvəskə и ədyrbəskə, на стр. 55 suoɳarvanca и suoɳarbanca, на стр. 54 qacьrva и qacьrba, на стр. 11 korynvysty, на стр. 45 aparvancaɳ и др.

Желательно конечно из 2-х факультативных произношений (b или v) остановиться на одном варианте: писать tərbən, ədyrbəskə, cədip, odurɑɳanda и т. д.

III. В учебнике отсутствует четкость в передаче звуков q, oɳ, g, k. Так, напр.: на стр. 140 kərɑɳuzar; на той же стр. kərgyskən; на стр. 45 pəlnərgə; на той же стр. pəlnərɑɳə; на стр. 113 iştəoɳən; на стр. 45 же iştərgə; на стр. 86 nərɑɳə; на стр. 56 же nərgə; на стр. 32 cadɑɳanь; на той же стр. cadьkanь; на стр. 102 əkpəɑɳə; на стр. 114 pirɑɳə; на стр. 114 slərɑɳə; на стр. 114 urdələɑɳənər; на стр. 108 cьlьzavərɑɳənər; на стр. 79 ystyndəɑɳj; на той же стр. ystyndəgj и т. д.

В принятой для шорского языка транскрипции — в нынешнем, шорском алфавите — знаком oɳ передается с одной стороны велярный заднеязычный смычный (oɳ, в араб. алфавите ڤ), с другой стороны — заднеязычный спирант (у Радлова $\overline{g}$). В целях более простого транскрибирования лучше было бы взять для обозначения заднеязычного спиранта (у Радлова в словаре $\overline{g}$, в текстах — g) вместо oɳ — g, оставив знак oɳ лишь для передачи велярного заднеязычного спиранта. Правда, знаком g передается и слабый смычный заднеязычный g (типа русского «г»), но звук g наблюдается в начале и середине слов с передними гласными, а заднеязычный спирант — обычно в конце слов. Таким образом, в виду того, что эти звуки наблюдаются в разных положениях, их можно передавать в целях упрощения транскрипции одним и тем же знаком (g).

Наконец, можно для дальнейшего упрощения транскрипции вместо двух знаков для заднеязычных q и k (более заднего и более переднего) принять один знак k, так как оба эти знака встречаются в разных положениях: k — в словах с передними гласными, q — с задними. В учебнике, несмотря на то, что сохранены оба знака (q и k), они сплошь и рядом применяются в одних и тех же случаях. Так, например, на стр. 113 — kanǫa, на стр. 113 — carьk, на стр. 113 — kalьka, на стр. 109 kaldь, на стр. 113 catkan, на стр. 109 cakṣь, на стр. 108 kulaktь, на стр. 109 cozaktar и др.

IV. Отсутствие в шорском алфавите особого знака для полузвонкого аффриката, соответствующего глухому 'c', вполне законно, если даже в определенных положениях такой озвонченный 'c' и наблюдается.

Гласные:

I. Усложнение алфавита введением особого знака для более заднего гласного типа i (среднего между ь и i), обозначаемого в настоящем учебнике через j, в других учебниках через ı̣ (Tilgərəkof, Naa col, Tilgərəkof. Carьq kərər, Moltoǫakov. Tooǫa urǫəncən kniǫa, Kusurǫaṣef. Paṣtarqь col ṣkolda urgətcəɳ kniga) или как ʟ (K. Berkova, tььn parba. Novosibirzsk 1932) — нецелесообразно. Практика преподавания шорского языка в Институте Народов Севера показала как трудность усвоения этого знака, так и неопределенность этого звука.

Из наиболее близких шорцам письменностей в ойротской (алтайской), напр., этот знак совсем отсутствует; в хакасской, откуда этот знак попал в шорский алфавит, им обозначается звук средний между русскими звуками ь и i, произносимый очень кратко и выпадающий иногда между согласными (К. Самрин и Г. Бытотов «Уроки хакасского языка» г. Абакан, Хакасский филиал Зап. Сиб. Отд. ОГИЗ'а 1932, предисловие, стр. 4).

В шорском языке j — i̧ — ʟ — неясно произносимый звук (почти беглый) или узкое 'e', или палатализованное под влиянием предыдущего 'c', 'ь'. Звук i в шорском языке, как и в других турецких языках, сам по себе уже более задний, чем напр., русское i, не палатализирует предыдущий согласный. Передача этого «среднего i» знаком j, которым передается обычно звонкий средне-язычный спирант (напр. qaja, qajzь, qajdə, qarсьǫaj и др.) — совершенно неприемлема.

Насколько неопределенно воспринимается этот звук не только различными лицами, но и одним и тем же лицом, можно судить по настоящему учебнику. Автор в одних и тех же словах пишет то ь, то j, или то i, то j. Иногда же j соответствует так называемый беглый звук, передаваемый в учебнике выпадением гласного. Напр. pis (стр. 5), pjstjɳ (5), pistjɳ (6), kjzj (7), kizi (5), kjzjlər (6), kizlərdiɳ (8), kizlər (8), cip al (5), cjpcaɳ (10) ṣtəpcjtqannarь (6), jṣtəpcqanar (113), sadьǫcj (93), sadьǫcь (93) и т. д.

II. Если быть последовательными в обозначении «средних» звуков, то можно различать в шорском языке не только отдельные оттенки звука типа i, но и так называемые средние между «u» и «y», «o» и «ɵ» и др. Правда, в алфавит шорского языка по вполне понятным основаниям эти знаки не вошли, но единства передачи отдельных звуков (гласных) и здесь все же не существует. Так в учебнике часто в одних и тех же словах мы встречаем то передние, то задние гласные. Напр. pudurərgə (стр. 65), pydyrərgə (66), kərdum (155), kərdym (155), kun (79), kyn (79), ustundəǫi (79), ystyndəgi (79), cus (110), cys (118), cugur (25), cygyr (25) и т. д.

III. Для передачи гласных типа «e» (более открытого и более закрытого) совершенно правильно принят (в целях упрощения алфавита) один знак ə, тем более, что обычно в шорском языке два варианта гласного «e» встречаются в разных положениях. Но передачу этого звука через ə надо

признать неудачной. Поскольку введен лишь один знак для гласного типа «е» — значительно проще (в смысле начертания) передавать его через «е», чем через «ə». Тем более, что гласный «е» шорского языка более соответствует «е» тех турецких языков, казанско-татарского и азербайджанского, у которых введены в алфавит обозначения как для более закрытого е — е, так и для более открытого — ə.

IV. Закон сингармонизма в шорском языке, разрушаемый и ослабляемый в отношении губной гармонии, более последовательно проводится все же в языке шорцев низовья р. Мрассу, так называемого Мысковского куста, язык которого и является национальным литературным языком. В настоящем учебнике установка взята в общем на фиксацию губного притяжения, но имеются и некоторые отклонения, напр. quzuqtu (стр. 50), quzuqtь (49), polbustь (108), polbustu turdь (29), turdu и др.

Как выше было указано при передаче двух глаголов, из которых последующий является обычно вспомогательным, нет точной установки в выборе конечной и начальной согласной. Пишется то глухой, то звонкий, точно также нет единства в написании этих глаголов. Иногда эти глаголы пишутся вместе, иногда отдельно. Напр. на стр. 87 təmnəp salar, 87 kəptəp-salar, 87 ursalar, 138 turoɲus salьp, на стр. 140 pəlnəp al, 140 iştəvalar, 5 cip al, 55 qьrvalьp, на стр. 108 tolpardь, 87 pol pardь, 29 tyş partьr, 22 şьqparcalar, на стр. 113 cьlьş kəlip, 41 urkəljp, на стр. 119 uzupərdjm, 119 qьjoɲьla pərdj.

При разрешении этого вопроса следует исходить из принципа семасиолого-морфологического, а именно те вспомогательные глаголы, которые утратили свое самостоятельное бытие, а также те глаголы, которые хотя и имеют самостоятельное, но сливаются с предыдущим глаголом в отношении сингармонизма, — следует писать вместе — слитно. Остальные глаголы лучше писать отдельно или через тире. Напр. надо писать cьlьş kəldi, а не cьlьşkəldi (стр. 5), iştəp alar а не iştəvalar (стр. 140), pyrlən şьqtь, а не pyrlənşьqtь (138), pytpən paroɲannar, а не pytpənparoɲanar (стр. 114) и т. д.

Вспомогательный глагол ьs, имеющий хотя и самостоятельное бытие, но сливающийся с предыдущим глаголом (сингармонизм, правда не всегда и не во всех районах в одинаковой степени, наблюдается) напр. cadьbьstьlar (стр. 23), ucuoɲubusqanda (стр. 23), cjdjrbjstj (стр. 53), необходимо писать слитно.

Вспомогательный глагол cat, несмотря на то, что он имеет самостоятельное бытие и обычно в большинстве районов Шории не сливается в отношении сингармонизма с предыдущим глаголом, — следует конечно писать слитно, так как в данном случае он уже является показателем настоящего времени глагола. Следует писать kəscalar (а не kəs calar стр. 84), pajramnapcabьs (а не pajramnap cabьs стр. 66), toɲmancabьs (а не toɲman cabьs стр. 86).

Вопрос терминологии является, пожалуй, наиболее слабым местом в создании шорской письменности. Общие основные установки по этому вопросу были даны в резолюции терминологической комиссии сектора Науки НКП РСФСР по докладу НИЯЗ о принципах разработки терминологии для народов с неразвитой письменностью, принятой на заседании Комиссии 26 января и 23 февраля 1932 г. («Революция и Письменность», 1932 г., № 1—2, стр. 143), в Резолюции терминологической комиссии сектора Науки НКП РСФСР по докладу т. Юманкулова о состоянии и перспективах работы комиссии по руководству делом разработки терминологии и составления словарей для народов с неразвитой письменностью (там же, стр. 139), в резолюции по докладу Я. П. Алькора (Кошкина) «Вопросы создания и развития национальных литературных языков Севера» (материалы 1-й

Всесоюзной Конференции по развитию языков и письменности народов Севера, 1932 г., стр. 86), а также в работах, посвященных вопросам алфавита и литературного языка отдельных народностей Союза и союзных республик (Н. Н. Поппе «К латинизации монгольского алфавита и переходу на новый литературный язык». Записки Института Востоковедения Акад. Наук. Вып. 1, стр. 32). В настоящем учебнике, наряду с терминами интернациональными, а также общественно-политическими, которые в основном совершенно правильно сохраняются без перевода, как напр., qolxostar (стр. 109), partija (66), sovet (108), bolşevik (67), и др., наблюдается однако и некоторое механическое усвоение этих терминов, не соответствующее структуре родного языка, напр., sovetam (стр. 108), udarnoj brigada и т. п., а также наводнение русскими словами, напр., pərədovoj (67), soznatəlnıj (67), lucşij (67), torzəstvənıj (64). Встречаются даже целые предложения, напр. «vsia vlast sovetam» (стр. 108). Отмечается наличие большого количества русских слов в материале учебника (также как и в литературном языке вообще) напр. pravila (стр. 106), spisok (96), lapkə (92) и даже бытовых слов как karjt (59), putılkə (85), propkəz'i (87), sankə — bə.

Наконец, необходимо указать на целый ряд опечаток в тексте учебника. Уже на заглавном листе учебника мы читаем kьгсаң вместо qьгсаң, сопьпаң вм. сопьпьң, и так во всей книге.

Все сделанные нами замечания не умаляют заслуг автора в деле создания и развития шорской письменности. Они только лишний раз указывают, что шорская орфография не имеет еще строго определенных установок, что принцип фонетичности, как представляющий наименьшие затруднения для создания системы правописания, в ней доминирует. Отсюда вытекает и неустойчивость системы правописания. Вопрос создания и развития шорской письменности — это проблема очень важная и сложная, и потому здесь предстоит еще большая углубленная работа, успех которой обеспечен.

Н. Дыренкова.

Курдская грамматика П. Бейдара[1]

В 1926 г. в Париже была издана «Восточной книготорговлей Гетнера» курдская грамматика, составленная католическим халдейским священником, Полем Бейдаром (Grammaire kurde par l'abbé Paul Beidar, prêtre chaldéen). Она состоит из предисловия, «замечаний» (remarques), в коих автор излагает свою систему транскрипции курдских слов, и восьми глав. Первая глава трактует о курдском алфавите; вторая — о имени; третья — о прилагательном; четвертая — о местоимении; пятая — о числительном; шестая — о наречиях, предлогах и союзах; седьмая — о глаголе; восьмая — о курдской поэзии и месяцах, а также о курдско-французских аналогиях. В конце приложен курдско-французский словарик, заключающий слова, встречающиеся в приводимых текстах. В конце каждой главы грамматического содержания приложены курдская пословица и сказка. Вот содержание последних: о войне князей Бохтана и Бахдинана, о разбойнике, о тиране, о государе и змее, о государе и землепашце, о мосте — в Захо и о «странном царстве».

В предисловии автор восторженно говорит о курдском языке, изложить грамматический строй которого он ставит себе задачей. Приведем несколько выдержек из этого предисловия:

[1] Доложено на заседании сектора языкового строительства Института Национальностей СССР 17 апреля 1933 г.

«Курдский язык — один из самых интересных языков. Веселый, гармоничный, простой, точный, богатый и разнообразный, легкий для изучения, этот язык пленяет, очаровывает. Его пословицы имеют большую известность, они великолепны. Они образуют основу и узел всего разговора, они поистине достояние курдского языка. На все, на всякую тему у курда есть пословица, и эти пословицы служат кодексом и правилами жизни. В них затрагивается вся природа; мудрость курдов все видела и все сказала, начиная с древнейших времен. Не менее красноречивый и философический, курдский язык вместе с тем глубоко поэтичен, его поэзия также охватывает все отрасли и трактует обо всей природе... К сожалению, курдская литература — только устная, и ее красоты преходящи: курдский язык даже не имеет алфавита. Он пишется всевозможными знаками и это его портит и искажает его вкус; курдский алфавит необходим. Мы постарались, по мере наших сил, передать его по-французски. Правда, курдский язык имеет большие аналогии с французским. Откуда это происходит — мы не можем сказать. В конце этой работы помещена таблица аналогичных французских и курдских выражений; можно произвести сравнение. Каждый округ Курдистана имеет свой диалект, почему трудно дать работу универсальную, которая охватывала бы все разветвления курдского языка и включила бы все его разновидности. Мы избрали наречие наиболее рациональное — именно наречие — Захо-Джезира. Мы воздержались от всякого рода пустых «развертываний» (développements futils) и устранили все излишние детали. К тому же курдская грамматика весьма проста и кратка».

Разберем труд Бейдара в том порядке изложения грамматики курдского языка, в той последовательности, которую он считает, видимо, наиболее для себя рациональной; последовательность же эта взята им, несомненно, из трафаретных грамматик единственного, повидимому, европейского языка, с которым он знаком — языка французского. Не приходится поэтому удивляться, что курдский глагол, не проникнув в строй которого нельзя осмыслить ни «имени», ни «местоимения», «ни падежной системы», ни так наз. «частиц», ни вообще всей курдской морфологии, семантически теснейшим образом увязанной с глаголом, — у Бейдара находится на последнем месте после наречий, предлогов (о наличии «послелогов» в курдском языке Бейдар и не слыхал) и даже позади союзов.

Начнем с вопроса о фонетике курдского языка. У Бейдара этот отдел совершенно отсутствует, и вместо того, чтобы с самого же начала сделать хотя бы несовершенную попытку ознакомить читателя со звуками курдского языка, он, безнадежно смешивая звуки и буквы, и исходя при этом из французского алфавита и правописания, в котором одному звуку нередко соответствуют несколько букв, а один знак передает несколько звуков, рассуждает о «курдском алфавите» и о своем способе передачи некоторых курдских звуков (говорить о «системе» транскрипции у Бейдара не приходится, так как таковой нет). Прочесть, хотя бы с приблизительной точностью тексты, помещенные у Бейдара, ни в коем случае не сможет человек, даже знакомый с французской орфографией, но не знающий самого курдского языка. Использовать эти тексты сможет лишь тот, кто уже знаком с наречием Захо-Джезира или с другим к нему приближающимся. Транскрипционные «замечания» (remarques) Бейдара и первая глава «о курдском алфавите» изобилуют, несмотря на свою краткость, множеством ошибок и курьезов, из которых мы позволим себе сделать маленькую выборку для иллюстрации того положения, что текстовой материал грамматики в высшей степени недоброкачественен по своему внешнему оформлению.

Бейдар убежден, что в курдском языке есть носовые гласные, свойственные французскому языку. Напр., в его транскрипции «in» произносится, как «in» в слове «infidèle», а «an» как в слове «vivant». Встречая в конце слов «t», он считает нужным систематически удваивать эту букву, исходя, очевидно, из опасения, что французский читатель в противном случае всем этого конечного 't' не прочтет. Сопровождая буквы d' j' b' l' апострофами, он сообщает, что это — слоги, «сильные» буквы, которые надо как следует выделять. Крайне курьезна, а для незнакомых с курдской фонетикой (вокализмом) вовсе не понятна попытка передать широкое «i» через комбинацию двух французских «e muets»: «ene», «eme» должны по-Бейдару произноситься, как «e» первого слога слова «mener» или как второй слог в слове «même», — между тем как настоящее произношение этих комбинаций есть i̯n, i̯m (i̯m), в коих гласный совершенно не схож с лабиализованным звуком «e muet». Повсюду в конце слов Бейдар считает нужным вводить это пресловутое «e muet» (напр. waktée). Он считает нужным привлечь и «accent circonflexe», снабжая им 'â' и 'ê', причем, однако, сам оговаривается, что такое 'ê' «не имеет никакой силы» в курдском языке. Не может он отказаться и от седиля, причем совершенно непонятно, почему слова, начинающиеся с совершенно одинакового звука «s», он то пишет через 'ç', то через 's' (напр. ça — собака, çor — красный, но sar — голова, seizda — тринадцать). Впрочем, по акустическому восприятию Бейдара буква «c» имеет два произношения — одно как в слове «ceci», другое — более сильное и более «foncé», как в 'cent', 'maçon'. Бейдар не имеет никакого представления о специфических (хотя бы по сравнению с французским языком) звуках курдского языка, ничего не знает о придыхательных «t», «p», «k», о звуках гортанных, о звуках усиленных (rr). Мало того, он совершенно не различает «k» и 'q' (ведь последнего нет во французском), — не различает аффриката «дж», передавая его так же, как «ж» Даже тому, кто знаком с курдскими наречиями, трудно бывает выяснить, каково произношение у бейдаровских «ai», «ei», почему он пишет то «insane», то «linsane», или считает нужным передавать конечное i (?) через «y». Приведем еще несколько извлечений из отдела о «курдском алфавите»: «Курдский язык имеет все 25 букв французского языка; а сверх того, и все восточные буквы, которых во французском языке нет, вроде «kh», «tj» сильное «h» и проч. В курдском часто встречаются «j», «u», «v», «w» «e muet». «X» — перевернут и произносится как «esk»: Эскандар, Александр (!). Ввиду того, что курдский допускает всевозможные буквы, его алфавит может достигать трех десятков букв и более. Ему обычно приписывают 33 буквы. Курдский язык дает всевозможные звуки, известные в произношении. Звуки гортанные, носовые и пр. произносятся с легкостью и встречаются часто. Но можно сказать, что курдский язык деликатен и чуток он приходит в ужас от звуков сильных и трудных».

В конце этой главы об алфавите, мы имеем общую предварительную оценку курдской грамматики, имеющую целью успокоить читателя насчет легкости ее усвоения: «Курдская грамматика — оказывается весьма проста вильна. Ни имена во множественном числе, ни прилагательные в их образовании и согласовании, ни глаголы в их производстве и сопряжении, не терпят никаких исключений. Все в нем идет правильным ходом, правильно могут очень хорошо управлять всеми случаями, кроме поэзии, где поэт по своей воле или отступает от грамматических правил, или же им следует и даже создает новые».

В главе об «имени» мы находим утверждение, что «курдское имя» знает родов и что в курдском все имена существительные «нейтральные

(т. е. среднего рода). Это совершенно неверно, так как надо считать вполне выясненным наличность в говорах (по крайней мере для «западного-курманджи, к которому относится и говор Захо-Джезира) двух грамматических родов. Если формально обе категории трудно поддаются разграничению, то во всяком случае внешним критерием, позволяющим нам отнести имя к тому или иному грамматическому роду, является изафет, соединяющий определяемое с последующим определением. Этот «изафет» при именах мужского рода звучит как «е», а при именах женского рода — «а». В категорию имен женского рода включилось в курдском языке множество имен абстрактного значения, отглагольные имена существительные и т. д. (см. интересную статью А. Шамилова, А. Цукермана и К. Курдова «Об изафете в курдском языке» журн. «Революция и письменность», № 1, 1933 г.). В дальнейшем Бейдар бессознательно сам себе противоречит, приводя приметы различения по родам уменьшительного суффикса («ко» и «ке») и суффикса звательного падежа («о» и «е»). Но различия в изафете Бейдар так и не подметил. Противопоставляя имена «естественного» рода — всем остальным «неодушевленным», он уверяет, что все последние «нейтральны», но что их делают мужскими или женскими на основании аналогии или обычая.

Никакого представления о суффиксе косвенного падежа в курдском языке Бейдар не имеет и для него определяющее имя существительное, соединенное изафетом с определяемым именем, стоит в родительном падеже. Исходя из аналогии с латинским языком (ему очевидно, достаточно известным) он наивно отождествляет флексию курдского родительного падежа (т. е. косвенного) с «настоящим латинским родительным падежом I и II класса!» Причем приведенные им два примера «hara-kata ardé(ae)» — «движение земли», и navé khoudani(i)» — «имя хозяина» — выявляют интересный факт различия по двум родам и формы косвенного падежа, по крайней мере для диалекта Захо-Джезира (этот факт пока не отмечен авторами выше упомянутой статьи «о курдском изафете» для наречия курдов Советской Армении). Кроме родительного и звательного падежей Бейдар упоминает еще о дательном падеже, образуемом, как и у курдов Армении, уже не специальной флексией, а предлогом «bo», или сочетанием предлога «ze» с послелогом — «га». Ни о каких других многочисленных способах выражения падежных оттенков (локативных и других), которые несомненно должны иметься в наречии Захо-Джезира, Бейдар не говорит ни слова. Но почему го в этой главе он говорит о суффиксе «i», служащем для образования наречий, будто бы только от «курдских собственных имен» («бейдари», — на манер бейдарцев»).

В главе о «прилагательном» (III) он делит прилагательные на такие категории: квалификативные, аттрибутивные и различительные. Служащий для образования последних «определительный член» -ye- он называет частицей (пример: çore — красный, beda mene ye çore[1] — дай мне тот красный), причем немедленно же смешивает его с изафетом в следующем рассуждении: Если квалифицируемый предмет непосредственно предшествует своему прилагательному... различительному, то «ye» теряет свое «у», напр. etabé çore «красная книга». Здесь мы имеем обычный тип изафета. По мнению Бейдара, очень часто в курдском прилагательные употребляются в значении существительных, и эти курдские прилагательные, употребленные таким образом, имеют «большую силу и поэты их расточают». Но единственный пример, им приводимый, «âlema hatene» — «ученые пришли», совершенно неудачен, так как «âlema» — слово арабское, по форме прила-

[1] Я здесь и далее сохраняю транскрипцию Бейдара.

гательное (во множественном числе),[1] а по значению в арабском же языке — существительное. Прилагательные, по мнению Бейдара, обычно следующие за существительными, могут, однако, им предшествовать; это случается, когда «хотят привлечь внимание к идее, выражаемой прилагательным», в подтверждение чего приводится такой пример: «akel bou dosté mene» — «умен был мой друг», где прилагательное поставлено предикативно.

Глава четвертая трактует о «местоимении». В отделе «личных местоимений» Бейдар совершенно не разграничивает форм падежей именительного и косвенного (он же активный, эргативный, орудный), смешивая их в одну категорию. Синтаксическое использование той или иной формы в курдском языке тесно связано с наличием в курдском глаголе пассивной конструкции претериальных времен, что автору грамматики совершенно неизвестно (как мы увидим далее), то неудивительно, что он не придает той или другой форме никакого особенного значения в смысле ее использования, и у него, например, местоимению третьего лица единственного числа, стоящему в прямом падеже, соответствует форма множественного числа в косвенном падеже.

В приводимых Бейдаром «прилагательных притяжательных» (соответствующих французским le mien, le tien...), мы как раз встречаем тот же нам уже знакомый по использованию для выражения «прилагательных различительных» определительный член «ye» с косвенными падежами личных местоимений (ye mene — «мой» и т. д.).

Переходим к пятой главе — о числительном. Совершенно правильно отмечая, что имена числительные в курдском языке заимствованы из персидского, Бейдар, увлекаемый своими французскими симпатиями, тут же выражает мнение, что «курдское имя числительное — есть то же французское имя числительное, причем они друг от друга отличаются лишь действием орфографии (par un jeu d'orthographe) (каковой, как известно, нет еще в курдском языке, как в языке пока еще в сущности бесписьменном), а также «произношения» и наш автор задает себе наивный вопрос — откуда происходит это «родство»? Видимо, он совершенно не искушен в языковых семьях индо-европеистики. Он даже пытается установить курдско-французские корреспонденции: французскому «s» соответствует курдское «ch», звук (а может и буква?) «q» в курдском передается через «tj». А то обстоятельство, что «единицы» составляют базу всего счисления, как во французском, так и в курдском, — еще более убеждает автора в его тебрии курдско-французского языкового родства. В главе шестой, трактующей о «наречиях, предлогах и союзах» снова выплывает суффикс «i», служащий для образования наречий образа действия или «сравнения» (терминология Бейдара), причем интересно, что этого рода наречия, как утверждает Бейдар, взяты из сирийского языка. Мимоходом говорит он о «частице» «da», т. е. послелоге, играющем весьма большую роль в курдском языке.

В последней, посвященной грамматике, главе (седьмой) автор проявляет полное непонимание строя курдского глагола. Приведем сперва данную им классификацию глаголов. «В курдском языке, — говорит он, — есть глагол существительный или вспомогательный, и глаголы аттрибутивные, которые представлены глаголом переходным, непереходным, страдательным и возвратным». В курдском, — говорит он, — нет глаголов, которые, не изменяясь, могут быть одновременно и активными, и нейтральными, — и сейчас же, в следующем параграфе сообщает, что «нейтральный» глагол может быть сделан активным, но только для этого нет общего и постоян-

[1] Единственное число обычно причастные формы.

ного правила. Пример же, им приводимый (darkatene — выходить и darékhestene заставить выйти, выводить), показывает, что он смешивает два разных глагола, обманутый их некоторым внешним сходством. Говоря об образовании формы страдательного залога (или «глагола», по терминологии Бейдара), он приводит примеры использования как вспомогательных глаголов — «приходить» (hatene) и «давать» (dane), — но эти примеры слишком малочисленны и некоторые недоуменные вопросы, ими возбуждаемые, остаются без разрешения. Как уже было упомянуто, Бейдар не подозревает о пассивной конструкции форм прошедших времен переходных глаголов, и поэтому все его рассуждения о согласовании курдского глагола с подлежащим, о дополнении прямом и косвенном — неправильны. Все же следует отметить, что Бейдару удалось правильно выявить два «источника», к которым восходит курдское спряжение, именно — основу настоящего и прошедшего времени, причем вторая по его терминологии — есть неопределенное наклонение (инфинитив). Причастие настоящего времени (точнее деепричастие) образуется предлогом «b'» с неопределенным наклонением (этот предлог «b», оказывается у него тот же, что частица «i» сирийского языка!), — а форму причастия прошедшего времени получают, изменяя окончание «ene» инфинитива на долгое «i», что неверно, так как она произошла от основы прошедшего времени. Терминология прошедших времен у Бейдара своеобразна: курдский претерит (пассе дефини) он именует — пассе эндефини, а курдский перфект (пассе эндефини) — пассе дефини. В говоре Джезира-Захо, судя по описанию Бейдара, имеются некоторые отличия от говора курдов Армении,[1] именно, в глагольных временах их, повидимому, больше: есть форма «простого будущего» (терминология Бейдара) и форма условного наклонения. На них следует остановиться, так как они, повидимому, отсутствуют в курдском говоре Армении. Простое будущее, по описанию Бейдара, изменяет префикс настоящего времени изъявительного наклонения «d» (через апостроф Бейдар, повидимому, хочет выразить звук близкий к широкому «i» или «ы») на «dé» или же, более просто, на «é» (прим.: — ... ar dé keme я сделаю).

Очевидно, здесь никакого превращения «d» в «dé» мы не имеем, а налицо сочетание двух префиксов, причем первый из них «d», который мы встречаем также в форме прошедшего несовершенного времени как в говоре Захо-Джезира, так и в говоре курдов Советской Армении и во многих других, выражает длительность действия или состояния, а «e» придает специально оттенок будущего действия, приступа к действию, его начинания. Выяснить семантику и историческое происхождение этого «e», его былую значимость — вот задача курдоведения. В форме «условного наклонения» мы находим аналогичное явление, — на этот раз сочетание того же префикса «d» с «a» в слитной форме «da» (прим.: ar da keme —) я сделал бы (теперь или раньше). Нам бы хотелось сопоставить этот главный элемент «a» с таковым же талышского языка, в котором этот префикс используется для образования прошедшего несовершенного (длительного) времени, которое, в свою очередь, может выражать, как и в персидском языке, и форму нереального условия (сделал бы). Напрашивается аналогия и с формой прошедшего несовершенного времени (imparfait) в древне-персидском языке, где мы имеем тот же префикс «a» (okunavum — я делал). Некоторые говоры, особенно бохтанские, как сообщает Бейдар, имеют еще другую форму «условного наклонения», которая, однако, не имеет

[1] Я имею в виду говор, представленный эриванскими изданиями и газетой «Ria təzə». Курдских говоров в Советской Армении несколько и они еще не подверглись обследованию и изучению.

ничего сходного с вышеприведенной, именно путем использования формы сослагательного наклонения, предшествуемого префиксом «be» и сопровождаемого послелогом (?) «ra» (me vé bę kera) я бы сделал (в прошлом). Отметим еще следующее отличие описываемого говора от говора курдов Армении: глагольная флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени еще не утратила своего зубного исхода «te» (aw d'kete — он делает, а не «d'kə»). В конце этой главы Бейдар приводит парадигму спряжения глагола 'быть' (houne, bine) и глагола «делать» 'kerene'. Интересно отметить, что процесс смешения (контаминации) прямых и косвенных форм личных местоимений зашел довольно далеко. В претеритальные формы проникли вместо косвенных форм, выражающих логический субъект, формы прямого падежа 3 лица единственного числа и 2 лица множественного числа ('aw' и 'houne') в частности же, в форму прошедшего несовершенного времени (эмпарфе) еще и косвенная форма 2 лица единственного числа ('tou' вместо 'ta'). С другой стороны, косвенная форма 3 лица минус числа — 'wane' — проникла и во все остальные не претеритальные времена, а прямая форма 'awane' совсем в спряжении не употребляется.

В главе восьмой «О курдской поэзии» мы находим восторженно наивные рассуждения о ее достоинствах. Что же касается ее «правил», то, по убеждению Бейдара, их вовсе нет. «В ней нет ни метра, ни стоп, она не знает, какому образцу следовать, да к тому же курдские поэты, смотря по обстоятельствам, могут сами создавать для себя новые правила». Бейдару, конечно, совершенно неизвестны работы европейских авторов, кое что выяснивших в области курдской просодии (Социн, Манн) и даже установивших некоторые ее «правила». — Далее следует отдел о курдском календаре, где мы узнаем, что названия дней недели взяты курдами не из персидского языка, а из сирийского, и что слово для «пятницы» — «чисто курдское».

Весьма курьезны бейдаровские «курдско-французские аналогии». Он находит, что есть фразы почти полностью «французские» (напр. awui tje d'vète — lui que veut-il?) (внешнее созвучие слов d'véte и veut-il). Совсем как во французском языке, изменяется в курдском «f» в «v» по «требованиям благозвучия», и, как во французском, «g» (тут Бейдар опять путает буквы и звуки) всегда бывает твердым и перед «a», «o», «u» произносится, как «r», а перед «i» и «e»—как ж (пример—gotene—говорить и d'beigeme—я говорю). Как известно, для понятия «говорить» в курдском используется «корень» типа 'вач', 'важ', 'веж',[1] и наряду с ним «корень» 'гот', 'го', характерный для югозападных наречий, в том числе и для персидского языка. Бейдар предупреждает читателя, что не надо ожидать полного тождества курдских и французских слов, так как происходят «перемещения букв, а иногда слова перевернуты, как напр. французское «jour» — «день» и курдское «roj». Нечего и говорить, что от таких перевертываний компаративисты могут перевернуться в своих гробах.

В конце Бейдар приводит с полсотни курдско-французских «аналогий», из которых большинство должно быть отнесено на счет индоевропейских связей курдского языка, а меньшинство — выявляют полную беспечность автора в области этимологизирования (франц. fin — хитрый и арабское finn — искусство, pierre — камень и курд. barr, перс. bərd и т. п.).

К грамматике приложен курдско-французский словарик, при пользовании которым автор рекомендует обнаружить «известный такт», — что вполне уместно, принимая во внимание его охарактеризованную выше латинскую транскрипцию на французской орфографической основе.

Б. Миллер.

[1] Как и в других иранских северозападных диалектах Персии.

ПОПРАВКИ

В № 1 «Революция и Письменность» в статье тт. Шамилова, Цукермана и Курдова имеется ряд досадных опечаток:

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
52	5 сн.	Aɔjbaraneda	Aɔŋjbaraneda
53	1 св.	ꟻm	əm
—	6 »	Əmə	mə
—	13 »	dьcugəm	dьcu çəm
—	15 »	Zi	Ƶi
—	19 »	Ҿeleka	-Ҿeləka
—	20 »	wərьrьna	vəkьrьna
—	22 »	Z we roze sunda	ƶ we roze şunda
—	22 »	dьzmьne	dьzmьne
—	23 »	tuk	cuk
—	24 »	Kafnьz	hьz
—	24 »	zafed	zared
—	25 »	Uzajə	Uzojə
—	24 сн.	Həbule	Həvale
—	22 »	Zьna	Ƶьna
—	17 и 18 сн.	rəs	rəş в обоих случаях
54	8 св.	zьned	zьned
—	8 »	gьsk-zi	gьşk-zi
—	11 »	zəvyed	zəvjed
—	13 »	nincə	nivcə
—	4 сн.	Səko, ty i car dərtəqa	isko, ty içar dərhəqa
—	5 »	Z	ƶ
—	11 »	Bazare mə gəbək	Bazare mə gələk
—	16 »	Ze	ƶe
—	19 »	Katьbi gazete car-gara te cem sagьrda	Katьbe gazete çar-çara te çəm şagьrda
—	21 »	giaaje	gihaje
—	22 »	kerije	kərije
—	22 »	terə	-ҿerə
55	2 св.	zi	zi
—	2 »	ase	ale
—	5 »	qəbək	gələk
—	6 »	cvare	evare
—	8 »	bazara	bazara
—	12 »	мьrona	мьrьna
—	2 сн.	kəcək	kəsək
—	5 »	gəbək	gələk
—	5 »	pesda	peşda
—	14 »	fsak	par
—	15 »	Not	Net
—	15 »	fьrga	fьrqe
—	17 »	xwejdьcn	xuejdьkьn
—	23 »	zi hati	zi hati
—	26 »	sale carəke... xuə	sale çarəke... xwə
—	29 »	gydarta. Vaco	gydarja Qaso

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вперед к дальнейшим победам на фронте языковой культуры	3
ИТОГИ ПЛЕНУМА Н. С.	
К. Алавердов. К итогам Первого Пленума Научного Совета ВЦК НА	6
Н. Я. Марр. Письмо и язык	14
С. М. Диманштейн. Принципы создания национальной терминологии	26
ЯЗЫК И ТЕХНИКА.	
А. Реформатский. Лингвистика и полиграфия	42
Проф. В. Артемов. Технографический анализ суммарных букв НА	58
Н. Проскурнин. Подсчеты частоты литер и комплектовка шрифта	72
М. Идрисов. Разработка стандартов комплектовки тюрко-татарских шрифтов	82
Дербышев. Наборные машины для национальных языков	96
А. Юрковский. Стенография и техника	102
ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ.	
Н. Юшманов. Ассирийский язык и его письмо	112
Б. Гранде. Опыт классификации НА с точки зрения унификации	128
* * * О сокращении некоторых букв в ряде тюркских алфавитов	137
Н. Баскаков. Замечания к проектам каракалпакской орфографии	142
А. Сухотин. Проблема «сокращенных слов» в языках СССР	151
А. Шамилов, И. Цукерман, К. Курдоев. О проблеме рода в курдском языке	160
А. Шамилов и И. Цукерман. К вопросу о курдском беглом гласном «ь»	179
Магомет Мальсагов. Из истории чеченской письменности	181
ЗА РУБЕЖОМ.	
Акад. Самойлович. Языковое строительство в Турции	187
ХРОНИКА НОВОГО АЛФАВИТА.	
К. Алавердов. Совещание по вопросам ассирийской орфографии	192
С. Врубель. Работа сектора языкового строительства Института Национальностей	196
К. Т. К отчету ЦК НА Таджикистана	200
М. Таджибаева-Кайбицкая. Чувашская стенография	201
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.	
Г. Сердюченко. Рецензия на книгу Хансуварова	211
Г. Сердюченко. Чеченский словарь	214
Б. Пашков. Библиография литературы на китайском языке	220
Н. Дыренкова. Учебник шорского языка	223
Б. Миллер. Курдская грамматика П. Бейдара	227
Поправки к журналу № 1 «Революция и Письменность»	234